Норман
ДОНАЛЬДСОН
КАК
ОНИ
УМЕРЛИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга состоит из статей, содержащих истории гибели выдающихся ученых, общественных и государственных деятелей, известных актеров, режиссеров, музыкантов, певцов.

- Дональдсон Норман
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - А
  - Б
  - В
  - Г
  - Д
  - И
  - К
  - Л
  - М
  - Н
  - О
  - П
  - Р
  - С
  - Т
  - У
  - Ф
  - Х
  - Ц
  - Ч
  - Э
  - Ю
- notes
  - 1
  - 2

Дональдсон Норман
Как они умерли

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первое издание книги «Как они умерли», написанной мной в соавторстве с моей покойной женой Бетти, вышло в свет в 1980 году. Позже 320 отдельных заметок были выпущены в виде двух брошюр «Как они умерли» (4.1) и «Как они умерли» (4.2). Еще несколько заметок, написанные до смерти Бетти в 1988 году, вошли в настоящий том, который включает более подробные описания некоторых нашумевших смертей последних лет, а также истории гибели Анны Франк и Чарльза Линдберга, по тем или иным причинам не затронутые в оригинальной работе.

Я решил переработать свои записи и закончить эту книгу, изменив ряд статей.

Мой друг Джон Х. Дирке, доктор медицины, директор студенческого центра здоровья Детройтского университета, любезно согласился просмотреть рукопись, уделяя особое внимание медицинской и технической терминологии. Я выражаю свою признательность ему за терпеливый подбор расхожих выражений, наиболее точно отвечающих медицинской стороне предмета. Доктор Дирке устранил многие серьезные неточности в хронологии, цитатах на латыни и во многом другом, иногда не доверяя моей оценке характеров исторических личностей. Однако вся ответственность за оставшиеся ошибки лежит на мне.

Я благодарен авторам многочисленных биографий, изученных мною при написании книги. Если сведения из какого-то источника имели особую ценность, я выписывал имена авторов и дату написания биографии. В остальных случаях мною использовались различные источники, в том числе газетные заметки и некрологи.

Я выражаю благодарность Лизе Льюис из общества Киплинга в Лондоне за помощь в работе с перепиской Рэдьярда Киплинга. В изучении причины смерти Марго Фонтейн существенную помощь оказала мне Рэчел Стюарт. Анна Сейер, биограф печально известной Розалин Франклин, предоставила ценную, ранее не публиковавшуюся информацию. Доктор Эрик А. Гордон, автор блестящей биографии Марка Блиустайна, впервые пролившей свет на загадочные обстоятельства убийства американского композитора, оказал любезность — просмотрел и отредактировал материалы о многих других музыкантах.

A

Аллен Грейси (Allen Gracie)

(1906-1964)

Пяти футов ростом и ста фунтов весом, артистка обладала неиссякаемой энергией. Аллен играла ведущую роль в одном из величайших комедийных дуэтов столетия. Джордж Бернс, ее муж и партнер, писал: «В течение сорока лет моя роль состояла всего из одной шутки. И потом она умерла».

Всю жизнь заветной мечтой Аллен было носить открытые вечерние платья. Но в полтора года Грейси опрокинула на себя чайник с кипятком и получила сильный ожог руки и плеча — с тех пор она всегда носила платья с длинными рукавами. Другой несчастный случай в детстве — в глаз Аллен попал осколок разбившейся керосиновой лампы, и с тех пор один глаз артистки был голубым, другой — зеленым. Помимо этого, до конца дней Аллен преследовали мигрени.

Блистательная карьера артистки на радио и телевидении закончилась в 1958 году. Несколько лет Грейси страдала от приступов грудной жабы, она сама называла их «эпизодами». Первый приступ случился в 1950 году в вагоне поезда. «Натти, — позвала Грейси с нижней полки, — мне больно в груди». (Настоящее имя мужа Натан Бирнбаум, он же называл ее Гуги). С тех пор артистка не расставалась с нитроглицерином. Когда случался приступ, она принимала таблетку, и Джордж не оставлял жену одну, пока боль не проходила.

В течение нескольких последующих лет все шло хорошо, но в 1961 году у Аллен случился сильный приступ и она попала в больницу. После этого пришлось нанять медсестру. Грейси все же могла выходить за покупками в сопровождении медсестры или пообедать в Беверли Хиллз, однако во время прогулок она должна была проявлять осторожность. Постепенно состояние Аллен ухудшалось, Бернс часто не спал по ночам, прислушиваясь к ее дыханию. Но Грейси никогда не жаловалась, а в тех случаях, когда здоровье не позволяло ей исполнять обязанности радушной хозяйки, оставалась в своей комнате.

Вечером 27 августа 1964 года Бернс работал над сценарием на первом этаже дома. Грейси, лежа в постели, смотрела старый фильм с участием Спенсера Трейси. Она позвала мужа и пожаловалась, что задыхается.

«Все будет в порядке, просто дай мне таблетку», — попросила

Аллен. Но таблетка не помогла. Боль все усиливалась, и Грейси начала сильно потеть. Вызвали «скорую помощь». Грейси уложили на носилки. «Простите, я вся мокрая», — смущенно пробормотала она. В госпитале «Ливанские кедры» Бернс, его двое приемных детей и двое друзей ждали, не находя себе места от беспокойства. Вышедший к ним доктор был краток: «Прости, Джордж. Грейси оставила нас. Мы ничего не могли сделать».

На похороны Аллен Грейси в Форест Лоун в Глендейле, шт. Калифорния, пришло огромное количество людей. Бернс был близок к срыву. Джек Бенни, читавший некролог, не в силах справиться с волнением, дважды прерывался. Католичку Грейси хоронили по епископальному обряду. Друг семьи актеров объяснил прессе: «Джордж хочет, чтобы его похоронили рядом с Грейси. Но он еврей и не может быть похоронен в земле, освященной по католическому обряду. А епископальная служба... ближе всего к католической». Будучи уже девяностолетним, Бернс приходил на могилу жены и разговаривал со своей Гуги.

См. Джордж Бернс «Грейси: история любви» (1988).

Амундсен Руаль (Amundsen Roald)

(1872-1928)

Великое открытие Южного полюса выдающимся норвежским исследователем в декабре 1911 года было омрачено, по крайней мере для англичан, известием о гибели экспедиции капитана Роберта Скотта, членам которой не хватило всего тридцати трех дней, чтобы первыми достигнуть заветной цели. В 1926 году Амундсен вместе с Умберто Нобиле полетел к Северному полюсу на дирижабле «Норвегия». Несмотря на серьезные разногласия с итальянцем, именно в поисках экспедиции последнего он встретил свой конец. Стремясь первыми добраться до Нобиле, потерпевшего крушение на своем дирижабле «Италия» в арктических льдах, Амундсен и двое его товарищей 18 июня 1928 года вылетели с мыса Тромсе в Норвегии на перегруженном гидроплане «Лэтэм-47». Несколько месяцев спустя в Баренцевом море были обнаружены топливный бак и буй, которые явно использовались в качестве плота при попытке добраться до земли.

Анастасия (Anastasiya)

(1901-1984)

Загадочная женщина, выдающая себя за дочь царя Николая II, вышла замуж за бывшего профессора Виргинского университета Джона Е. Мэнахэна в 1968 году. Остаток жизни они прожили в университетском городке округа Шарлотсвилл в Виргинии.

В 1977 году известный западногерманский судмедэксперт, доктор Мориц Фуртмэйер, подтвердил, что жена Мэнахэна может быть великой княгиней. Поработав с фотографиями дочери царя и миссис Мэнахэн и сравнив форму ушной раковины, доктор Фуртмэйер выявил семнадцать одинаковых признаков (ранее он обнаружил сходство в строении лица и черепа). Правда, к тому моменту претензии миссис Мэнахэн были отвергнуты Гамбургским судом за недоказательностью, что, однако, не поколебало ее убежденности в своей правоте.

У этой женщины была странная предрасположенность к жизни в запустении и грязи. В начале 1978 года власти Шарлотсвилла неоднократно вызывали чету Мэнахэнов в суд, требуя убрать дом и двор. «Мы не пользовались пылесосом шесть лет, — заявил Джон, — а сейчас уже слишком поздно». Несмотря на то, что Мэнахэн был на девятнадцать лет моложе жены, заботиться о ней было довольно обременительно, учитывая ее хромоту и постепенную потерю рассудка.

В 1981 году, отмечая свое восьмидесятилетие в окружении семидесяти пяти гостей, Анастасия объявила о поздравлениях, присланных давнишним опекуном, принцем Фредериком Эрнестом Сакс-Альтенбургским, который вывез ее из Восточной Германии в 1946 году. В 1983 году назначенный судом опекун Вильям С. Престон отправил несколько медсестер ухаживать за миссис Мэнахэн, но супругам удалось скрыться на их ферме в Скотсвилле, в двадцати милях к югу. В ноябре 1983 года Анастасию поместили в психиатрическую клинику, однако доктор Мэнахэн сумел вызволить ее оттуда, и в три дня полиция тринадцати штатов была поставлена на ноги. Застигнутую вооруженными полицейскими около Амхерста, в Виргинии, Анастасию поместили в маленький приют для престарелых в Шарлотсвилле. Через два месяца здоровье ее заметно ухудшилось, и миссис Мэнахэн перенесла инсульт. 12 февраля 1984 года она тихо скончалась на руках у своего мужа. Тело кремировали тем же утром. По воле покойной ее пепел был доставлен в Касл Сион, наследный замок герцогов Лих-тенберг в Баварии, который Анастасия посещала в 1927 году в качестве почетной гостьи.

См. послесловие в книге Питера Курта «Анастасия» (1983, 1986).

Андерсон Шервуд (Anderson Sherwood)

(1876-1941)

В конце февраля 1941 года американский писатель отправился со своей женой Элеонорой в благотворительную поездку по Южной Америке, финансируемую Государственным департаментом. Андерсон не почувствовал, что на прощальном вечере проглотил кусочек зубочистки. Второго марта, на третий день плавания, у него начался перитонит. В порту Кристобаль корабль «Санта-Лючия» встретила скорая помощь. Для человека, умирающего от прободения кишечника, местонахождение госпиталя в зоне Панамского канала не имело принципиального значения. Там писатель скончался 8 марта 1941 года. Он похоронен на вершине холма на кладбище Мэрион, шт. Виргиния.

Армстронг Луи (Armstrong Louis)

(1900-1971)

Почти полвека «Сэчмо» Армстронг царил на джазовой сцене благодаря своим прекрасным вокальным данным и работоспособности. В последние годы жизни он часто попадал в больницу. На своем последнем выступлении в нью-йоркском отеле «Уолдорф-Астория», состоявшемся в марте 1971 года, Армстронгу помогали выйти на сцену. На пятнадцатой минуте концерта у него случился сердечный приступ, и певец несколько недель провел в госпитале. Вернувшись в свой скромный нью-йоркский дом на 107-й улице в Квине, где его ждала жена Люси, Армстронг собирался возобновить концерты будущим летом — «как только смогу работать ногами так же хорошо, как и челюстями».

Ранним утром 6 июля 1971 года он умер во сне от сердечного приступа. Тысячи людей пришли проститься с Армстронгом и с удивлением заметили, что у него искривлена верхняя губа от нескольких десятилетий игры на трубе. На отпевание в церкви местного прихода пришли многие известные люди, в их числе губернатор Рокфеллер и мэры Нью-Йорка и его родного Нью-Орлеана. Армстронг похоронен на кладбище Флашинг в Нью-Йорке.

Арнольд Бенедикт (Arnold Benedict)

(1741-1801)

Самый отвратительный предатель за всю историю американской революции, который считался ранее национальным героем. Арнольда ранили в левую ногу при штурме Квебека в 1775 году, когда он руководил войсками, победившими англичан в битве при Саратоге, ставшей поворотным пунктом революционной войны. В 1779 году оскорбленный недостаточно высокой оценкой своего военного таланта, Арнольд крайне резко отреагировал, узнав о расследовании своей финансовой деятельности. Вскоре после женитьбы в апреле того же года на дочери известного роялиста он начал секретные переговоры с врагом. Спланированное им предательство Военной академии в Вест-Пойнте привело к пленению и казни Джона Андре. На этом Арнольд заработал шесть тысяч фунтов и звание полковника британской кавалерии.

Измученный подагрой и водянкой в последние годы своей жизни в Лондоне, он перед смертью попросил принести свой военный мундир с аксельбантами и эполетами, пожалованными генералом Вашингтоном. «Дайте мне умереть в моем старом мундире, — с трудом прошептал Арнольд, страдающий астмой. — Да простит мне Господь, если я когда-либо надевал другой». Он умер в половине седьмого утра 14 июня 1801 года. Одним из участников похоронной процессии, сопровождавшей гроб Арнольда в церковь св. Марии в Баттерси на берегу Темзы, был лорд Корнуэллис.

«Если тебя когда-нибудь захватят в плен старые друзья, — предупредил однажды Арнольда один из военнопленных американцев, — то твою левую ногу сожгут с военными почестями, а все остальное повесят с позором».

Единственный воздвигнутый еще в Саратоге памятник представляет башмак на левой ноге, увенчанный лавровым венком. Имени на памятнике нет.

Астор Фред (Astaire Fred)

(1899-1987)

Джордж Баланчин считал Астора «величайшим танцором мира». Первый мюзикл, в котором он снялся, назывался «Танцующая леди» (в 1933 году с Джоан Кроуфорд), последней работой Астора в кино была роль в фильме «Это развлечение» (Ч. II) (1976), где он играл вместе с Джин Келли. В десяти из более чем тридцати фильмов, в которых Астор снимался, его партнершей была Джинджер Роджерс.

В свои восемьдесят лет Астор по-прежнему был умерен в еде,

редко позволял себе пропустить стаканчик спиртного и сохранял вес 135 фунтов, как и всегда. Его первая жена Филлис умерла от рака легких в сентябре 1954 года, когда актер приступил к съемкам в фильме «Длинноногий папочка». Второй раз связывать себя узами брака Астор не спешил. Однако в 1980 году на своем ранчо «Синяя равнина» он познакомился с молодой наездницей Робин Смит. Вопреки воле своей семьи, Астор женился на ней в июне этого же года. Ему тогда было восемьдесят один, ей — тридцать семь, но они составили преданную любящую пару. Беспокоясь о здоровье жены, Астор уговорил ее бросить верховую езду, и Робин неохотно согласилась. «Я люблю ездить верхом, — сказала она, — но Фреда люблю больше. Я не могу совмещать и то, и другое».

Спустя несколько лет, когда Фред простудился и заболел, Робин уговорила его лечь в лос-анджелесский госпиталь. Фред был госпитализирован 12 июня 1987 года под вымышленным именем Фред Жиль. Анализы показали пневмонию. 22 июня он умер на руках ужены. Хотя семья скрывает местонахождение могилы Астора, по слухам, он был похоронен рядом с Филлис.

Ауден Уистен Хью (Auden Wystan Hugh)

(1907-1973)

Урожденный англичанин, поэт стал американским гражданином в 1946 году и прожил в Нью-Йорке двадцать два года. Однако, проведя последний год жизни в Оксфорде, он нашел этот город более шумным, чем свое прежнее местожительство. К тому же именно в Англии Аудена впервые обворовали.

Вечером 28 сентября 1973 года, выступая в Вене в Австрийском литературном обществе, шестидесятишестилетний поэт пожаловался на недомогание и был доставлен в отель, где он остановился. На следующее утро к Аудену пришел его приятель Честер Кэлмэн (1921 — 1975). Он постучал в номер, но не получил ответа. Администрация отеля позволила взломать дверь, и Ауден был найден мертвым. Смерть наступила несколько часов назад.

«Он лежал на левом боку, — сообщил Кэлмэн. — Хотя всегда считал, что это плохо для сердца. Когда я дотронулся до него, он был совсем холодный».

Последним стихотворением Аудена было хацку: «Он все еще любит жизнь, НО О-О-О-О как ему хочется, Чтобы милосердный Господь забрал его». Оно было написано в небольшой

австрийской деревушке Кирштет-тен, где поэт останавливался вместе с друзьями. Кэлмэну не понравилось это стихотворение, и Ауден, по-видимому, уничтожил рукопись. Во всяком случае ее не нашли, и стихотворение сохранилось только в памяти друга.

У. Х. Ауден, англиканского вероисповедания, был похоронен в католической церкви в Кирштеттене двумя священниками, отслужившими службы на английском и немецком языках. По завещанию он все оставил Кэл-мэну. Через год в уголке поэтов Вестминстерского аббатства была установлена мемориальная доска Аудену.

См. Хамфри Карпентер (1981).

Б

Бак Перл С. (Buck Pearl S.)

(1892-1973)

Она была единственной женщиной, получившей две главные литературные премии: Пулитцеровскую — в 1933 году (за роман «Земля») и Нобелевскую — в 1938 году.

Перл Бак учредила свой фонд для азиатско-американских детей в 1964 году.Четырьмя годами позже организация распалась из-за скандала, связанного с бывшим учителем танцев Томасом Ф. Харрисом. Он был на сорок лет моложе Бак и позволял себе руководить ею. Харри обвинялся в финансовых злоупотреблениях средствами фонда.

Когда учитель танцев был уволен, он увлекся антиквариатом, и Бак финансировала его антикварную лавку в небольшой деревушке Дэнби в Вермонте, куда и сама переехала в 1968 году. Когда писательнице было почти восемьдесят, она написала о смерти: «Я не просила о появлении на свет, но я жила и живу теперь. Рассудок говорит, что я проживу еще. Я просто на пути куда-то, так же, как перед своим рождением».

Честолюбивые планы повторной поездки в Китай, после визита туда Ричарда Никсона в 1972 году, потерпели крах, когда бейдинекое правительство отказало П. Бак в визе. Писательница вернулась в свою когда-то оставленную усадьбу «Зеленые холмы» в Пенсильвании, чтобы отпраздновать 26 июня 1972 года свое восьмидесятилетие. На праздновании сотни гостей видели неподвижную фигуру хозяйки. После торжеств Бак стало плохо, и ее доставили в госпиталь Рутлэнд, шт. Вермонт, там ей прописали строгую диету.

В сентябре писательнице сделали операцию на мочевом пузыре в медицинском центре Барлингтона. Хирургическое вмешательство потребовалось снова через месяц. Вернувшись домой на Рождество, Бак была первые несколько недель 1973 года прикована к постели и читала Диккенса, который стал ее любимым писателем еще в детские годы.

Перл Бак умерла ранним утром 6 марта 1973 года. Накануне вечером Харрис вызвал ее сестру Грейс и приемных детей, чтобы они могли проститься. Те были поражены видом умирающей женщины, сидящей в кресле в красно-желтом китайском халате, с красными серьгами в ушах, в ожерелье и браслете с рубином. Украшения, которые были на ней, Харрис только что принес из

своего антикварного магазина.

Перл похоронили под ясенем на лужайке в Грин Хиллз Фарм. На похоронах присутствовали все девять ее приемных детей, не было только родной дочери, Кэрол Бак. Завещание, по которому почти все состояние писательницы оставалось Харрису, было оспорено семьей и позднее фондом Перл С. Бак, лишенным средств к существованию. Стороны сумели договориться, не дожидаясь решения суда.

Баланчин Джордж (Balanchine George)

(1904-1983)

Советский, а позднее американский, балетмейстер приехал в Соединенные Штаты в 1933 году и стал в 1948 году одним из основателей Нью-Йоркского балета.

Баланчин отличался крепким здоровьем, но в конце семидесятых годов его стало беспокоить сердце.

В 1980 году тяжелая форма стенокардии привела к операции на коронарных сосудах. Первый признак смертельного недуга Баланчина казался незначительным — стоя на левой ноге, он не смог сделать, как прежде, пируэт вправо. Состояние быстро ухудшалось, но врачи не могли поставить точный диагноз, предполагая, что происходит дегенерация мозжечка — отдела мозга, контролирующего координацию движений. К ноябрю 1982 года Баланчин не мог сохранять устойчивость и постоянно падал, несмотря на круглосуточный домашний уход. Его поместили на обследование в госпиталь Рузвельта. Оттуда Баланчин так и не вышел, у него отказали руки и ноги, почти совсем пропала память. Со всеми Баланчин говорил только по-русски. Он с трудом глотал пищу в последние дни жизни.

Умер Баланчин от пневмонии 30 апреля 1983 года.

Исследование под микроскопом срезов мозга Баланчина показало, что количество нервных клеток значительно понижено. Астроциты (имеющие форму звезды восстановительные клетки мозга) существенно увеличились в размере, и число их возросло, что явно указывало на некое заболевание. Произошло изменение структуры мозга, известное как «чума куру».

Куру — одна из вяло текущих инфекций с длительным инкубационным периодом. Такого рода инфекции возбуждаются вирусами, но предполагают, что куру переносится малоизученными формами жизни, не содержащими нуклеиновые кислоты. Эти микробы названы «прионами» из-за краткой продолжительности их существования. Прионы вызывают четыре

вида неврологических заболеваний у животных и три — у людей. К последним относится куру и синдром Кройцфельда-Якоба, названный по имени впервые описавшего болезнь в 1920—1921 гг. психиатра. Именно этот недуг после исследований назвали причиной смерти Баланчина. Осталось неизвестным, каким образом он заразился. Заболевание это нераспространенное, ежегодно в США регистрируется не более двухсот случаев заболевания синдромом Кройцфельда-Якоба. Возможной причиной заражения можно считать то, что прионы не уничтожаются обычными методами стерилизации хирургических инструментов. Высказывалось также предположение, что Баланчин заразился при введении стимулирующих экстрактов животного происхождения.

Но даже если бы правильный диагноз был поставлен вовремя, спасти Баланчина не удалось бы. Синдром Крой-цфельда-Якоба не поддается лечению.

Великого мастера балета отпевали в русской православной церкви в Нью-Йорке, где собралось огромное количество народа. Он был похоронен в Саг-Харборе, небольшом поселке на Лонг-Айленде.

По завещанию Баланчина большая часть его имущества перешла Барбаре Хорган, его многолетней помощнице, и Карине фон Арольдинген Гервиц, приме Нью-Йоркского балета, близкой подруге умершего.

Бартон Ричард (Burton Richard)

(1925-1984)

Обладавший «золотым» голосом актер из Уэльса был частично парализован, так как у него произошло защемление спинного нерва во время его фильма «Камелот» в 1981 году в США. В 1983 году, во время съемок фильма «Частная жизнь» с Элизабет Тейлор в главной роли, Бартон женился на ассистентке режиссера Салли Хей. К этому времени здоровье его заметно пошатнулось. Почти всю жизнь актер страдал легкой формой эпилепсии, к тому же стали сказываться боли в спине, артрит и постоянная угроза цирроза печени вследствие периодических запоев. В июле 1984 года известный актер появился со своей дочерью Кейт в телевизионном спектакле «Остров Эллис». Последним из его сорока пяти фильмов, вышедшим на экраны уже после смерти Бартона, стал «1984» по роману Джорджа Оруэлла.

Вернувшись вместе с Салли в свой деревенский дом в

Швейцарии на берегу озера севернее Женевы, он изучал сценарии фильмов «Дикие Гуси -П» и «Тихий американец»; отвечал на звонки своей бывшей жены Элизабет Тейлор, которая вновь хотела работать с ним в паре и жила неподалеку в Гстааде. («Я одержим этой женщиной», — не переставал повторять он журналистам).

3 августа 1984 года, вечером, Бартон напился в местном кафе и на следующий день жаловался на головную боль. Почитав, он быстро заснул и уже крепко спал, когда пришла Салли. Утром 6 августа, в воскресенье, Бартону стало тяжело дышать и Салли не могла разбудить его. Актера быстро перевезли в небольшой госпиталь в Нионе, оттуда в Женеву. Смерть наступила тем же утром от кровоизлияния в мозг. «Я помню, как подумала: «Вот и ладно, Салли. Ты покончила с этим старым мальчишкой. Теперь будет новое приключение».

Салли была очень решительна и не хотела пускать Элизабет Тейлор на похоронную церемонию. После пресвитерианской службы в Селигни, под звуки гимна Уэльса, исполненного родственниками, Бартона похоронили неподалеку на маленьком протестантском кладбище. Спустя несколько дней, на рассвете, Элизабет пришла помолиться на могилу мужа, ее сопровождали приемная дочь, немка по происхождению, и четверо мужчин, чтобы сдерживать прессу. Тейлор посетила и место рождения Бартона, Понтрайдифен возле Порт-Талбот, и отслужила поминальную службу в Лондоне. Последними словами актера, записанными красным на табличке, прикрепленной к спинке кровати, были: «Ну вот и кончились наши пирушки».

См. Мелвин Брагг (1988).

Бартон Ричард Френсис (Burton Richard Francis)

(1821-1890)

Известный английский ученый-арабист, путешественник, исследователь, антрополог и лингвист. О нем впервые заговорили после публикации о его «паломничестве в Мекку», предпринятом в 1853 году под видом мусульманина. Самым монументальным из его пятидесяти опубликованных трудов является шестнадцатитомный перевод «Тысячи и одной ночи» (1885—1888), часто называемый также «Арабские ночи». Ричард Бартон поступил на дипломатическую службу в 1861 году и к концу жизни уже девять лет занимал пост консула Великобритании в Триесте.

В последние месяцы жизни он ежедневно по четыре часа

трудился над своим переводом «Благоуханного сада» (арабской эротической поэмы, над которой он уже работал, прерываясь, в течение четырнадцати лет, и завершить которую ему не хватило считанных часов). В воскресенье,

19 октября 1890 года Бартон почти весь день бесцельно бродил в саду. Когда он обращался к жене, в его голосе слышалась печаль. Он уверял Изабель, что когда ему исполнится семьдесят пять лет и он выйдет в отставку, они обязательно вернутся в свой маленький дом в Англии, и он никогда больше не напишет книги об «этом предмете», а займется мемуарами. «Я буду счастлива, если будет так», — говорила миссис Бартон.

В половине десятого вечера Бартон лег спать, но к полуночи стал жаловаться, что его беспокоит подагра. В четыре часа утра к Бартону вызвали врача из консульства. Врач Гренфил Бейкер дал заболевшему ученому лекарства. Наступило временное облегчение, но в какой-то момент Бартон стал задыхаться. Было очевидно, что сердце начинает отказывать. Изабель поддерживала мужа, когда он позвал: «Скорее дайте что-нибудь, или я умру. О Боже! — воскликнул Бартон опять, — я умираю». Произнеся это, он тут же скончался. Это случилось примерно в пять утра 20 октября 1890 года.

Почти обезумевшая Изабель Бартон послала за священником. Не желая, чтобы ее муж умер без отпущения грехов, она попросила Бейкера подсоединить к сердцу умирающего аппарат, пока сама металась в поисках священника и неистово молилась. В семь утра в дом прибыл отец Пьетро Мартельяни, но он отказался дать последнее причастие тому, о ком был наслышан как о неверующем. «Нет, нет, — протестовала Изабель, — он католик. Вы должны совершить последнее помазание!» Когда это было сделано, она воскликнула: «Да обрушатся на меня огненный дождь и град каменьев!»

Сотни людей пришли на торжественные похороны, проведенные по католическому обряду епископом Триестским. Миссис Бартон побожилась, что явившийся ей во сне дух мужа приказал сжечь все его рукописи. (Как писал позже Винсент Старрет: «Кто поверит этому, тот может поверить всему».) Работа по разбору накопившихся за двадцать семь лет рукописей, дневников, писем и сожжение большинства из них затянулась на шестнадцать дней. Семья умершего проигнорировала возмущение публики этим актом литературного вандализма. Уничтожено было не менее сорока одной книги разной степени завершенности, семь из них были почти закончены, в том числе и «Благоуханный сад», который даже Изабель называла главным сочинением мужа.

Чтобы установить памятник на могиле Бартона на католическом кладбище, расположенном в юго-западном районе Лондона, его жена заняла денег у друзей. Она заказала памятник в форме арабского тента восемнадцати футов высотой из каррарского мрамора. Лишь один из родственников Бартона присутствовал при перезахоронении в июне 1891 года.

Миссис Бартон, которая умерла от рака в 1896 году, арендовала коттедж недалеко от кладбища и провела многие часы в молитвах на могиле. В 1893 году она завершила бессвязную и неточную биографию своего мужа, сэра Ричарда.

Сейчас могила за высокой оградой находится в запустении, памятник Бартона заброшен. После смерти Изабель Бартон в 1893 году там некоторое время проводились встречи поклонников сэра Ричарда, которые устраивала некая Гудриш Фреер, называвшая себя «Мисс Икс», но по прошествии трех лет об этой женщине больше никто ничего не слышал.

См. Байрон Фарвелл (1963).

Белуши Джон (Belushi John)

(1949-1982)

Уроженец Чикаго, комедийный актер и мим, звезда телепередач «Субботний вечер» канала NBC, ворвался в мир кино удачным дебютом в фильме «Национальная ското-ферма Лампуна» (1978). Но более поздние фильмы с участием Белуши не имели большого коммерческого успеха. Менеджер настоятельно советовал Белуши согласиться на предложение президента компании «Парамоунт» сняться в фильме «Радость секса», отказавшись от съемок в новой версии романтической комедии «Сладкий обман». Этот сценарий под названием «Благодарная гниль» был бездарным, он изобиловал многочисленными описаниями наркотического бреда.

В феврале 1982 года Белуши пребывал в таком состоянии, когда понюшка кокаина поднимала его на ноги. В Нью-Йорке жена актера Джуди не находила себе места от беспокойства. Белуши тратил около 50 000 долларов в месяц на наркотики. Трезвый, он был ярок, талантлив, необычайно энергичен. Пристрастившись к наркотикам, Белуши сделался капризным, неуправляемым, неряшливым, — этакий взрослый ребенок. По собственному выражению, для поднятия настроения ему нужна была доза кокаина. Позже Джуди вспоминала: «В этом виноваты те, кто его окружал. Если Джон отказывался, его всячески уговаривали, и Джон соглашался, чтобы не обидеть их».

В начале марта Джуди обратилась к наркологу Джона — Ричарду Уэнделлу «Смоуки» — с просьбой вылететь в Лос-Анджелес, куда за несколько дней до этого отправился ее муж. Она решительно намеревалась заставить Белуши бросить наркотики, угрожая разводом. Его партнер Дэн Эйкройд также был готов оказать посильную помощь Джуди: «Если потребуется, мы закуем его в наручники».

Сразу же по прибытии в Голливуд Белуши разыскал Кэти Смит, тридцатипятилетнюю поставщицу наркотиков.

Она «взбодрила» его «спидболом» — смесью кокаина и героина, — и Белуши с удовольствием отдался новым ощущениям. На следующий день он «отходил» вместе с Кэти и своим приятелем, писателем Нельсоном Лайоном. Приняв не менее семи доз, Белуши проспал почти сутки. Ранним утром 5 марта Смит привезла Белуши в его номер в отеле «Шато-Мальмонт» на бульваре Сансет. Компанию дополняли комедийный актер Робин Вильямс, весьма смущенный жутким «усохшим» видом Кэти, и Роберт де Ниро. Оба вскоре уехали, так же поступил и Лайон, оставив актера наедине со Смит. Белуши мерз и включил отопление. Смит сделала им по «спидболу» — (по 0,05 г кокаина и героина). Белуши принял душ и лег, Смит укрыла его и включила посильней отопление. Актер заснул, а Кэти писала письмо приятелю. Белуши дышал с присвистом, то и дело кашляя, — он чувствовал «теснение в груди». Смит дала ему стакан воды. «Не уходи», — взмолился умирающий актер. Возможно, это были его последние слова.

«Суперногa» Булл Уоллес, чемпион по карате и тренер-телохранитель Белуши, был в это время в отъезде. Когда около полудня Уоллес вернулся в отель, Белуши лежал на правом боку под одеялами, спрятав голову под подушку. Язык его наполовину вывалился, губы были лиловыми.

«Джон, пора вставать», — сказал Уоллес, тормоша его за плечо. Не получив ответа, он перевернул тело на спину и начал делать искусственное дыхание рот в рот. Реакции не было. Белуши был уже мертв.

Медики засвидетельствовали смерть тридцатитрехлетнего Джона Белуши в 12.45, 5 марта 1982 года. При вскрытии обнаружили набухший мозг и увеличенное сердце; дозы кокаина и героина с избытком хватило для остановки дыхания. Похоронную процессию на кладбище острова Мартас-Винъярд возглавлял Дэн Эйкройд на мотоцикле. В мае 1983 года Джуди решила перезахоронить тело, после того как группа фанатов осквернила могилу мужа. Операцию провели в глубочайшем секрете. Когда производили перезахоронение, деревянный гроб

развалился и останки поместили в новый медный. Чтобы совсем сбить поклонников со следа, огромный надгробный камень с надписью «Белуши» передвинули к воротам кладбища.

Кэти Эвелин Смит была допрошена полицией и отпущена. Почти не веря своему счастью, она вылетела к себе на родину в Онтарио. Там она дала интервью, стоившее 15000 долларов, газете «Нэшнал Энкуаер», в котором заявила: «Я убила Джона Белуши». Расследование возобновилось. Смит удалось вернуться в Лос-Анджелес в 1985 году. А в сентябре 1986 года ее приговорили к трем годам лишения свободы.

Берг Албан (Berg Alban)

(1885-1935)

Австрийский композитор, развивший 12-тональную технику Арнольда Шенберга, Берг был очень подвержен абсцессам, страдал от астмы и гепатита, мучился мышечными болями и мигренями. Кроме того, он часто страдал от укусов насекомых. Однажды, в 1932 году, Берг стал жертвой роя ос. А укус насекомого, полученный в августе 1935 года, оказался смертельным. Он спровоцировал нарыв в нижней части спины. Однако другой нарыв на левой ноге давал возможность предположить рецидив стафилококковой инфекции, неоднократно поражавшей его ранее.

В последний год жизни Берг сочинил Концерт для скрипки с оркестром и оперу «Лулу» (сюжет — убийство проститутки Джеком Потрошителем), оставшуюся незаконченной. Композитор присутствовал на исполнении отрывков из оперы — так называемой «Симфонии Лулу» — в Вене 11 декабря 1935 года. На концерте постоянная боль внезапно прекратилась: поясничный нарыв, очевидно, прорвался. Когда Берга доставили в госпиталь Рудольфа в Вене, он с улыбкой на губах прошептал, что проделал уже пол-пути до кладбища. После двух операций хирурги так и не смогли определить очаг заражения. Переливание крови дало лишь временное улучшение состояния больного. Познакомившись с донором, молодым австрийцем, Берг пошутил, что теперь, возможно, будет сочинять легкие венские оперетты. 22 декабря случился сердечный приступ. Цифра 23 всегда была для композитора роковой. Поэтому следующим утром он объявил, что наступил решающий день. В последние часы жизни мысли Берга были заняты «Лулу». Композитор умер в ночь, 24 декабря 1935 года, как Густав Малер, от заражения крови. Дочь Малера Анна сделала посмертную маску Берга. Его похоронили на кладбище

«Хейтзинг» в Вене.

Бергман Ингрид (Bergman Ingrid)

(1915-1982)

Шведская актриса, получившая премию «Оскар», учрежденную Академией киноискусств, за роль в фильме «Газовый свет» (1944). Много лет ее не приглашали сниматься в Голливуд, так сложилось после того, как она бросила своего мужа Питера Линдстрома и дочь Пиа и поселилась в Риме с итальянским режиссером Роберто Росселлини. Появление на свет их сына в феврале 1950 года стало излюбленной темой журналистов всех газет мира. Позднее Бергман и Росселлини поженились, у них родились девочки-двойняшки, а в 1958 году супруги развелись, и Бергман вышла замуж за Ларса Шмидта, шведского театрального продюсера. Второй «Оскар» Бергман (за «Анастасию» в 1956 году) возвратил ее имя в Соединенные Штаты; третий она получила за роль второго плана, блестяще сыгранную в фильме «Убийство в Восточном экспрессе» (1974).

В ноябре 1973 года в лондонском «Вест-Энде» актриса играла в возобновленной постановке пьесы Сомерсета Моэма «Вечная жена». Месяц спустя после премьеры Бергман лежала в постели в своей квартире на Маунт-стрит, листая журнал, и вдруг наткнулась на статью о раке груди. Проведя самоисследование, она нащупала пальцами маленький комок под левой грудью. Ее уговорили сходить к врачу, но несмотря на его требования, Бергман в течение шести месяцев отвергала необходимость операции, — пока пьеса шла на сцене, пока не была закончена работа над «Восточным экспрессом» и пока она не совершила краткосрочные поездки в Нью-Йорк и Европу. Наконец 11 июня 1974 года она легла на обследование в лондонскую клинику; опухоль оказалась злокачественной, и грудь удалили.

Последней ролью Ингрид Бергман была роль в «Осенней сонате» Ингмара Бергмана, где она сыграла страдающую мать Лива Ульмана. Отношения между Ингрид и Ингмаром в течение 40 дней съемок были натянуты и полны взаимных претензий. «Первые дни были ужасны, — вспоминает режиссер. — Она еле удерживалась в рамках приличий, а подчас срывалась и переходила все границы дозволенного. Я должен был подавлять ее. Мы все время боролись...» Режим «перестрелок» прервался на три недели, когда Ингрид вернулась в Лондон для следующей операции: ей необходимо было удалить опухоль размером с яйцо под мышкой, которая образовалась из-за увеличения

лимфатических желез. В это время Шмидт все еще оставался мужем актрисы, но жили они раздельно, и Ингрид обратилась за поддержкой к своему новому другу, англичанину Гриффиту Джеймсу. Ежедневные радиационные облучения не прекращались и во время ее работы над ролью в восстановленной пьесе Н. К. Хантера «Воды луны» в театре «Хаймаркет». В конце сезона Бергман стала испытывать боль в неоперированной груди; там тоже образовалась злокачественная опухоль, и в клинике «Харли-стрит» грудь удалили. После операции большую часть времени актриса проводила в приобретенном ею доме в Челси, на берегу Темзы, в юго-западной части Лондона. Но в 1980 году Бергман отправилась в поездку по Европе и Соединенным Штатам, чтобы прорекламировать свою автобиографическую книгу «Моя история», а в конце года ей предложили роль израильского премьера Голды Мейер в телепостановке. Съемки в Израиле состоялись осенью следующего года, Ингрид тяжело переносила жаркий октябрь; кроме того, удаление лимфатических желез при повторной мастэктомии привело к хронической опухоли правой руки. В ночь накануне съемок основной сцены пришлось привязать руку к голове, чтобы иметь здоровый вид на следующее утро.

Вернувшись в Лондон, массажистка Маргарет Джонсон, сопровождавшая актрису в Тель-Авив, осталась дома в качестве сиделки. Бергман провела в общей сложности пять недель в госпитале Св. Томаса, проходя курс лечения химиотерапией.

В июне 1982 года она все же прилетела в Нью-Йорк на день рождения своих близняшек — Изабеллы и Изотты, и для визита к Пиа. Бергман многое предстояло сделать, но, возвратившись в Лондон, она отправилась повидать Ларса Шмидта, который жил в деревне Фьялбака на крошечном островке Данхолмен в восьми милях к северу от побережья Швеции у Гётеборга. Они были разведены, но оставались друзьями. В спальне Шмидта все оставалось по-прежнему и сохранились многие вещи Ингрид. В этом доме она чудесно провела время и получила возможность попрощаться со своими друзьями из родного Стокгольма. «Я не боюсь смерти, — сказала Бергман, улетая в Англию 23 августа. — Я прожила интересную жизнь и вполне довольна ею».

День своего шестидесятисемилетия, воскресенье 29 августа 1985 года, Ингрид Бергман встречала, лежа в кровати. У постели собрались ее двоюродная сестра Бритт Бергман, Ларе Шмидт, Гриф Джеймс и Маргарет Джонсон, чтобы поднять тост за ее здоровье. Гости быстро разошлись.

На следующий день утром, выходя из ванной, Ингрид почувствовала ужасную боль в спине — рак разрушил ее

позвоночник. Она была уже в полубессознательном состоянии. Одно легкое уже не действовало, а другое тоже отказывало.

В половине четвертого утра 30 августа Ингрид скончалась. Это обнаружила ее кузина Бритт. Войдя в комнату сестры, Бритт увидела уже бездыханное тело Ингрид и на губах у нее запекшиеся капельки крови.

Тысяча двести человек пришли на церемонию похорон в церкви Св. Мартина на Трафальгарской площади. Скрипка, игравшая мелодию «Пока проходит время», оживляла в памяти роль Бергман в фильме «Касабланка» (1943).

В июне 1983 года Изотта Росселлини и Ларс Шмидт отплыли на лодке от Данхолмена и высыпали пепел в воды пролива Скагеррак.

См. Лоуренс Лимер (1986).

Берлин Ирвинг (Berlin Irving)

(1888-1989)

Уроженец России, американский сочинитель, написал слова и музыку почти ста пятидесяти песен, двадцать пять из которых лидировали в хит-парадах. Одна из них — «Боже, благослови Америку» (посвященная американским бой-скаутам), неофициально стала государственным гимном; другая — «Белое Рождество» — самая популярная песня всех времен (к середине 60-х годов было продано 40 миллионов пластинок с ее записью).

Берлин последний раз побывал в театре в 1970 году на лучшем спектакле сезона, поставленном по пьесе «Сыщик», со своей второй женой Эллин. С годами он становился очень мнительным. К восьмидесяти годам мнительность Берлина стала принимать угрожающие размеры. Всегда опасавшийся за свою репутацию, он дошел до оскорблений по телефону своих предполагаемых недоброжелателей. Например, он позвонил шестидесятичетырехлетнему музыковеду Джеймсу Т. Махеру, соавтору «Американской популярной песни», по случаю своему статьи на восьми страницах, посвященной его творчеству и содержащей весьма хвалебные отзывы. Начав со слов: «Какого черта, вы, ублюдки, о себе возомнили?» — восьмидесятилетний Берлин кончил потоком истеричной площадной ругани, оставив в результате несчастного Махера бледным и трясущимся.

Помимо беспрестанных телефонных звонков врагам и друзьям, из которых выделялся песенник Гарольд Арлен — такой же полуграмотный сын кантора, — старый сочинитель мало чем занимал себя в последние годы, — он ежедневно гулял и смотрел

телепередачи. Весьма ревностно охраняя свои произведения, Берлин никому не соглашался уступить права на их публикацию и всячески ограничивал их использование. Не доверяя агентам, он заключал все сделки сам.

Постепенно Берлин выпал из поля зрения публики — встретить его можно было только во время прогулок в сопровождении телохранителя вокруг дома в Бикмэн Плейс. Большинство соседей не знали, кто он такой, некоторых узнававших его он игнорировал. Детей Берлин прогонял прочь. Одна женщина, жившая с ним по соседству, всегда переходила на другую сторону улицы, когда он приближался.

В канун Рождества 1983 года, очень холодной ночью, на Манхэттене, около дома на Бикмэн Плейс, собралась небольшая компания под предводительством Джона Вал-ловича — шапочного знакомого и почитателя Берлина. К удивлению собравшихся, после исполнения «Белого Рождества» и «Всегда» их пригласили в дом, где хозяин их поблагодарил и поочередно всех обнял. Это было последнее появление Берлина на публике.

Хотя композитор продолжал отвечать по телефону, что «он в полном порядке», зрение его существенно ухудшилось. Смерть Арлена в 1986 году и любимого исполнителя Фреда Астора в 1987 глубоко потрясли Ирвинга Берлина. В доме был установлен неизменный распорядок. Он обедал с женой в пять часов. Эллин одевалась соответственно случаю и причесывала левую часть головы — «потому что Ирвинг сидит за обедом слева от меня и может видеть только с одной стороны». Врач-кардиолог вызывался каждую неделю, парикмахер — раз в месяц.

Берлин неохотно согласился на празднование своего столетия в мае 1988 года в Карнеги-Холл. Он даже отказался принять участие в обсуждении программы праздника и посмотреть телепередачу.

Через три месяца Эллин Маккей Берлин умерла в возрасте восьмидесяти пяти лет от инсульта. Ее овдовевший муж не смог не присутствовать на многолюдной похоронной службе в соборе Св. Патрика.

Вскоре и телефон умолк в доме Берлина. Без поддержки жены он быстро начал сдавать. На 89-м году жизни он нуждался в круглосуточном уходе. Ирвинг Берлин тихо скончался вечером 22 сентября 1989 года в возрасте ста одного года и четырех месяцев. «Он просто уснул», — сказал зять Берлина Элтон Петерс.

На похороны пришли только близкие. Скромная служба состоялась в часовне Франка Кемпбела в Манхэттене. При захоронении на кладбище Вудленд в Бронксе, Нью-Йорк, присутствовали лишь дочери и несколько старых сотрудников

организации, издававшей стихи Берлина. Ирвинг Берлин был похоронен рядом со своей первой женой Дороти, которая умерла в 1913 году после пяти месяцев замужества.

См. Лоуренс Бергрин (1990).

Бернстайн Леонард (Bernstein Leonard)

(1918-1990)

Американский музыкант обладал разносторонними талантами: был композитором — сочинил три симфонии, несколько мюзиклов (в том числе «Вестсайдскую историю»), балет и другие оркестровые произведения; получил мировое признание как дирижер; также известен как музыкальный критик и публицист. Бернстайн пришел на сцену, когда стал дирижировать Нью-Йоркским филармоническим оркестром вместо заболевшего Бруно Уолтера. «Ленни просто повезло», — говорили завистливые коллеги. Но он сам был творцом своего счастья. Узнав о болезни Уолтера, он хорошо изучил партитуру концерта. (Ему предстояло дирижировать оркестром с 1959 по 1969 г.)

Начало карьеры Бернстайна было поставлено под угрозу слухами о его гомосексуальности (реальные факты его биографии были опубликованы Хуаном Пересом в 1987 году) и симпатиями к экстремистским движениям (однажды он устроил вечеринку для «Черных пантер»). Женитьба в 1951 году на уроженке Чили Фелиции Монтиалегре Кон сделала жизнь композитора спокойной и восстановила репутацию. Они развелись в 1976 году, а в 1978 Фелиция умерла.

Пагубная привычка курения постоянно угрожала здоровью Бернстайна. В 1986 году на вечере памяти лирического поэта Алана Джей Лернера поклонники композитора встретили его лозунгами: «Мы любим тебя, брось курить». По свидетельству директора оркестра, «Ленни был единственным известным дирижером, который перед выходом на сцену попеременно пользовался респиратором и затягивался сигаретой».

В начале 1990 года Бернстайн был вынужден отменить несколько выступлений в США и Японии. Последний раз он дирижировал 19 августа в Тэнглвуде, шт. Массачусетс, когда Бостонский симфонический оркестр исполнял «Четыре морские интерлюдии» Бриттена и Седьмую симфонию Бетховена. При исполнении третьей части симфонии у Бернстайна начались приступы кашля. Он ушел со сцены совершенно изможденным, с помутневшими от боли глазами. Намечавшиеся европейские гастроли были немедленно отменены.

Бернстайн обосновался в роскошных апартаментах Дакоты в Верхнем Манхэттене (где жил и Джон Леннон) и, как говорили, полностью отдался сочинению новых произведений. Но давнишняя эмфизема и больные бронхи давали себя знать. Окончательная отставка дирижеру и композитору была объявлена всего за пять дней до смерти — кроме сердечной недостаточности у него обнаружили опухоль плевры.

После решительного отказа отправиться в госпиталь Бернстайт был доставлен домой. Несмотря на необходимость в постоянном получении кислородного питания и сильно затрудненное дыхание, Бернстайна не покидала мысль написать камерное сочинение, мюзикл, он думал и о работе над мемуарами. Всего за два часа до смерти 14 октября 1990 года Бернстайн смотрел по телевизору концерт и даже напевал мелодию Рахманинова. Его посетитель после отметил: «Он был самим собой... в полном рассудке, даже пытался шутить». Секретарь предупредил посетителя, молодого китайского композитора Брайта Сен-га, чтобы он не пугался при виде больного, но тот заметил: «Я нашел, что больной хорошо выглядит». Только однажды Бернстайн вспомнил о своей болезни: «Неожиданно мое тело начинает отказывать». Композитор умер вечером после острого сердечного приступа.

Концерт памяти Бернстайна состоялся в Карнеги-Холл 14 ноября 1990 года. Большая часть многомиллионного состояния композитора была поровну разделена между тремя его детьми.

Беттельхейм Бруно (Bettelheim Bruno)

(1903-1990)

При жизни американский психоаналитик считался пионером лечения детских психических отклонений. Он провел год в нацистских концлагерях Бухенвальде и Дахау, где научился понимать поведение человека, переживающего сильные потрясения. В то же время взгляды Беттель-хейма заслуживали самой острой критики, так как, по его мнению, «менталитет гетто» заставлял многих евреев терпеть притеснения мучителей, вместо того чтобы давать им отпор.

Около тридцати лет Беттельхейм возглавлял ортогенетическую школу Сони Шенкман для детей с нарушенной психикой при Чикагском университете. В своих книгах ученый проповедовал постоянное заботливое и уважительное отношение к детям. Более всего поражает тот факт, что после смерти Беттельхейма его ученики выступили с разоблачением

жестокости и унижений, которым они в течение многих лет систематически подвергались со стороны Беттельхейма. Одна из его самых известных книг — «Пути очарования: смысл и важность волшебных сказок» (1976) — в 1991 году была сурово раскритикована фольклористом Аланом Дандесом за ошибки и плагиат.

Жена Беттельхейма Гертруда умерла в 1984 году, а тремя годами позже инсульт положил конец его дальнейшей творческой работе. Почти до самой смерти ученый прожил у старшей дочери Рут, психолога по профессии. У нее был уютный дом на берегу океана в Санта-Монике, шт. Калифорния. Часто страдая от болей и собственной бесполезности, Беттельхейм говорил навещавшим его друзьям: «Почему бы мне не принять яд, как Сократу?»

После ссоры с Рут он переехал в уединенный дом своей второй дочери Наоми в Сильвер-Спринге, шт. Мэриленд, однако там Беттельхейм чувствовал себя неуютно из-за перемены обстановки. Последней из коллег, общавшейся с ним, была Жаклин Сандерс, в ту пору директор ортогене-тической школы. Накануне его самоубийства она позвонила, предложив увидеться на следующей неделе в Вашингтоне. Беттельхейм ответил, что это будет зависеть от состояния его здоровья.

На следующий день, 13 марта, Беттельхейм написал предсмертную записку и принял очень большую дозу снотворного. Затем надел на голову целлофановый пакет и вскоре задохнулся.

Бико Стивен (Biko Steven)

(1947-1977)

Южноафриканский лидер, проповедник евангелизма и непротивления злу среди черного населения, был арестован около Грехемстауна в Капской провинции за появление вне пределов предписанного для проживания района. Бико умер 12 сентября 1977 года, находясь под стражей в полиции, и стал двенадцатым чернокожим, умершим при подобных обстоятельствах. Во время последних двадцати двух часов допросов в Порт-Элизабет, раздетый, закованный в цепи, он получил обширные повреждения мозга. В бессознательном состоянии его отправили не в госпиталь, а в центральную тюрьму Претории, 750 км по железной дороге. Там Бико умер в камере через несколько часов. Его похоронили недалеко от дома в Кингвильямстауне.

После дознания магистрат Мартинус Принс заключил, что

Бико умер после столкновения с полицией и «смерть не может быть отнесена чьему-либо недосмотру и в данном случае невозможно возбуждение уголовного дела». В 1985 году двое тюремных врачей, давшие разрешение на перевод Бико из Порт-Элизабет в тюрьму, получили выговор, но пытки и избиения узников так и остались недоказанными.

Билли Кид (Billy the Kid)

(1859-1881)

Генри Карти, он же Уильям Х. Бонни, он же Билли Кид, молодой бандит периода скотоводческих войн, разбойничавший в Линкольне, шт. Нью-Мексико, был пойман и предстал перед судом за убийство некоего Эндрю Робертса, по кличке Крупная Дробь. По этому обвинению он был оправдан, но признан виновным в убийстве шерифа Уильяма Брейди. Приговоренный к повешению в Линкольне 13 мая, Билли Кид был доставлен туда из судебного округа Месила, где слушалось дело, и взят под стражу шерифом Пэтом Гарретом. Билли содержался в недавно построенном управлении шерифа округа.

Во время отлучки Гаррета, 28 апреля, менее опасных преступников под стражей отвели в находившийся через дорогу отель «Уортли» на ужин. Воспользовавшись ситуацией, Кид бежал. По предположению Гаррета, Билли попросил оставшегося с ним охранника Джейма Белла отвести его в туалет, расположенный сзади дома. Поднимаясь обратно на второй этаж, преступник пробежал вперед и ворвался в комнату, где хранилось оружие. Схватив шестизарядную винтовку, он выстрелил в Белла и убил его прежде, чем тот успел добежать до задних ворот. Другой стражник, заместитель шерифа Роберт Олинджер, услышал выстрелы и побежал через улицу, но был застрелен из собственного двуствольного ружья, каждый ствол которого был заряжен тридцатью шестью картечинами. Ружье преступник похитил из комнаты шерифа.

Билли удалось запрячь лошадь и скрыться. Он был на свободе около двух месяцев. До Гаррета доходили сообщения о появлениях Кида в окрестностях Форт-Самнера в сотне миль к северо-востоку, и в начале июля шериф в сопровождении двух помощников тайно выехал из Линкольна. 14 июня с наступлением темноты шериф и его люди наткнулись на беглеца. Он стоял в группе говорящих по-испански людей около старых армейских бараков на восточной окраине Форт-Самнера. Похоже, что преступник прятался в какой-то мексиканской семье. В своем

отчете Гаррет явно скрыл кое-какие подробности, иначе невозможно объяснить, как он оказался в спальне Педро Максвелла, по кличке Пит, где произошла развязка.

Максвелл жил в одном из перестроенных бараков. Около полуночи Гаррет прокрался в темную комнату и сел у изголовья кровати, на которой лежал Пит.

— Где Кид? — спросил шериф.

— Где-то здесь, — проговорил Максвелл.

В это время в комнату влетел босой человек и спросил по-испански: «Кто здесь?» Шериф промолчал, сообразив, что хорошо знакомый преступнику голос сразу же выдаст его и превратит в мишень для пистолета.

— Кто это, Пит? — прошептал Гаррет.

Ворвавшийся в комнату осторожно продвигался вперед и, дойдя до кровати, облокотился на нее. «Его рука почти касалась моего колена», — писал позже Гаррет.

— Кто они, Пит? — вопрос касался замеченных около дома заместителей шерифа.

В этот момент Пит прошептал Гаррету:

— Это он!

Чувствуя присутствие постороннего за спиной у Максвелла, Билли Кид поднял пистолет и стал быстро отступать. Шериф выхватил револьвер и дважды выстрелил. Одна из пуль попала прямо в сердце. Билли Кид, вскрикнув, свалился замертво.

Тело разбойника, которому был всего двадцать один год, на следующий день захоронили на военном кладбище около Рио-Пекос, в семи милях к юго-востоку от Форт-Самнера.

См. Пэт Ф. Гаррет (1882, 1954).

Блицстайн Марк (Blitzstein Маге)

(1905-1964)

Американский композитор, основатель жанра американской народной оперы, прославился в 1937 году, когда прогремел его антифашистский пролетарский мюзикл «Колыбель будет качаться», поставленный, несмотря на активное противодействие правительства и профсоюзов, Орсоном Уэлсом и Джоном Хаусманом. Он также запомнился своей «Реджиной» (1949) — оперной версией пьесы Лилиан Хелман «Лисички» и блестящим американским вариантом «Трехгрошовой оперы» Курта Вэйла и Бертольда Брехта (1952).

В последний год жизни Блицстайн работал над оперой «Сакко и Ванцетти», положив в основу нашумевший процесс 1920 года,

финансируемой нью-йоркской «Метрополитен-Опера» и Фондом Форда. В ноябре 1963 года композитор, уже многими забытый, оставил партитуру в багажнике своего «Пежо», стоявшего рядом с домом друга в Нью-Рошелле, шт. Нью-Йорк. Через какое-то время он улетел зимовать на о. Мартиника.

На Мартинике Блицстайн работал над одноактными операми по рассказам Бернарда Маламуда. Сняв большой дом около Фрегат-Франсуа, на краю острова, наиболее удаленном от столицы Форт-де-Франс, он вскоре подружился с американской парой, жившей по соседству. Работая в основном над оперой «Волшебная бочка», Блицстайн в письме сестре Жозефине отмечал: «Выгляжу достаточно неплохо, если считать худобу признаком здоровья». В рапорте Союза ветеранов 1947 года его описали как «рассеянного и погруженного в себя человека с выраженными депрессивными симптомами», страдающего «повышенной стеснительностью в межличностном общении и периодически возникающей идеей самоубийства». Ему нужно было удалить грыжу и лечить печень, что, как полагает его биограф Эрик А. Гордон, было вызвано пристрастием к алкоголю.

Тайна, много лет окружавшая смерть композитора, была приоткрыта в книге Гордона «Отметьте музыку» (1989). По его описанию, композитор пообедал с друзьями 21 января 1964 года и поехал в Форт-де-Франс, где переходил из таверны в таверну. «Он подобрал где-то двоих португальцев с Мадейры и одного местного жителя, — пишет Гордон, — и в их компании шатался по забегаловкам».

Когда они пили, Блицстайн достал из кармана деньги, хвастаясь имевшейся у него кругленькой суммой. Через два или три часа, по дороге в другой бар, композитор с одним из новых приятелей свернул в ближайшую аллею в поисках удовольствий иного рода. Двое других пошли следом. Неожиданно все трое набросились на Блицстайна. Ограбив и жестоко избив, хулиганы оставили его на аллее в одной рубашке и носках. Между тремя и четырьмя часами утра раздались жалобные стоны, которые привлекли внимание полицейского. Он доставил Блицстайна в больницу. Утром композитор сказал, что стал жертвой автомобильной катастрофы, о чем и сообщили его сестре в Филадельфию. После обеда, пересказывая своим друзьям обстоятельства случившегося, он был крайне расстроен и умолял их ничего не сообщать прессе. Возможные слухи волновали его больше, чем выздоровление. Состояние Блицстайна быстро ухудшалось, и около восьми часов вечера 22 января 1964 года он умер.

Дирижер Леонард Бернстайн объявил о смерти Блицстайна

на вечернем филармоническом концерте в Нью-Йорке и посвятил памяти покойного исполнение «Героической сонаты» Бетховена. Останки Блицстайна были захоронены на кладбище в пригороде Филадельфии.

Концерт, посвященный памяти Блицстайна, в который вошли арии из незаконченных опер по Маламуду и «Сакко и Ванцетти», состоялся в Нью-Йорке три месяца спустя. На нем Леонард Бернстайн сообщил, что рукописи, содержащие продолжение оперы, утеряны. К тому времени «пежо» находился на стоянке для старых машин в Лонг-Айленд-Сити.

Менеджер, который случайно прочел статью в газете, нашел партитуру и передал ее Бернстайну. Тот, несмотря на просьбы с разных сторон закончить произведение, сделать это отказался. (Оно не завершено до сих пор). Относительно двух одноактных опер по Маламуду, Бернстайн сказал, что одна из опер практически завершена. Он объявил прессе о своей готовности довести ее до конца и сделать аранжировку; позднее Бернстайн изменил свое решение и опера была закончена Леонардом Дж. Лерманом. Ее аранжировали для концертного исполнения на двух роялях, но о полной постановке не было и речи.

В марте 1965 года состоялся суд над тремя мужчинами — виновниками смерти Блицстайна. Армандо Фернандес, двадцати семи лет, и Альфредо Родригес, тридцати пяти лет, были приговорены к трем годам и четырнадцати месяцам заключения соответственно; юный житель Мартиники, восемнадцатилетний Даниель Ивес Чарльз Николас был осужден условно и отпущен.

Бойер Чарльз (Boyer Charles)

(1899-1978)

Великолепный кинолюбовник, он был изумителен даже в семьдесят пять лет, когда сыграл во французской ленте «Ставиский» (1974).

В 1977 году вместе с женой, актрисой Пэт Патерсон, он вылетел в Нью-Йорк из Женевы для проведения медицинского освидетельствования. Бойер скрыл от Пэт, что она больна раком печени и ей отпущено жить не больше года, однако воспользовался предлогом, чтобы отвезти ее в Аризону скрасить остаток дней. В феврале 1978 года супруги отпраздновали сорокапятилетнюю годовщину своей свадьбы.

Пока они жили в своем доме в Скотсдейле, Чарльз самозабвенно ухаживал за женой, состояние которой все более ухудшалось: он читал ей газеты, пьесы (в которых ему довелось

сыграть) и роман Диккенса «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита». 23 августа Пэт почувствовала себя лучше, но все же предпочла остаться в постели. Супруги поиграли в джин, и она заснула. В три часа утра Пэт тихо скончалась на восемьдесят четвертом году жизни.

Во время ее похорон, состоявшихся на следующий день в Калифорнии, Бойер был в Аризоне и старался привести в порядок деловые бумаги. Он умер 26 августа, всего за два дня до своего семидесятидевятилетия, приняв смертельную дозу снотворного. Чарльз Бойер и Пэт Патерсон похоронены рядом на кладбище Святого Креста в Калифорнии.

См. Ларри Свинделл. «Чарльз Бойер, великий любовник» (1983).

Борден Лиззи (Borden Lizzie)

(1860-1927)

Лиззи Андрю Борден обвинялась в том, что зарубила топором ненавидимую ею мачеху Эбби жарким утром 4 августа 1892 года и затем убила двенадцатью ударами ножа своего отца Андрю, когда тот немного позже вернулся домой. Борден была оправдана судом присяжных Нью-Бедфорда, которым не было известно, что за несколько дней до убийства она пыталась купить цианид.

Получив солидное наследство, Борден сумела приобрести дом на Френч-стрит в лучшей части Фолл-Ривер и наняла четырех слуг. Один или два раза в год Лизбет А. Борден, как она стала себя называть, отправлялась в Бостон, Нью-Йорк или Вашингтон, чтобы насладиться свободной жизнью.

Она так и не сумела оправиться после операции, проведенной в 1926 году, и умерла в своем доме 1 июня 1927 года. Новые друзья, приехавшие на похороны, с удивлением узнали, что Лиззи уже успели похоронить накануне. Покрытый траурной материей гроб тайком доставили на кладбище, и рабочие закопали его на фамильном участке. На могильной плите написано лишь имя Лизбет, на фамильном монументе сделано небольшое уточнение: Лизбет Андрю Борден.

См. Виктория Линкольн (1967).

Борман Мартин (Bormann Martin)

(1900-1945)

Человека, который был правой рукой Адольфа Гитлера,

последний раз видели живым, когда он бежал через Берлин от наступающих советских войск. 2 мая 1945 года, попав под перекрестный огонь около железнодорожной станции Лертер, Борман, небольшого роста, и Людвиг Стапфеггер, человек высокого роста, один из врачей фюрера, скончались на месте, приняв ампулы с цианистым калием. По приказу русских работники ближайшей почты захоронили неопознанные тела тут же на улице.

В декабре 1972 года строительной бригадой были откопаны около станции Лертер два скелета — один принадлежал человеку высокого роста, другой — низкого. Известный судебный эксперт, доктор Рейдар Ф. Согнейс, ранее идентифицировавший останки Гитлера, произвел детальную экспертизу черепов на основе диаграмм, выполненных Гуго Блашке — зубным врачом высших руководителей рейха. Череп того скелета, который был покороче, обнаруживал много сходных признаков с соответствующей диаграммой Бормана. К тому же у Бормана плохо срослась ключица после неудачного падения с лошади, — это наблюдалось и у скелета. Исследования Согнейса по идентификации останков Гитлера, Бормана и Евы Браун опубликованы в «Официальном медицинском ежегоднике» (1976).

Боу Клара (Bow Clara)

(1905-1965)

В последние десять лет немого голливудского кино актриса Клара Боу, у которой были удивительно выразительные глаза и губы, живая манера игры и веселый взгляд, занимала ведущую позицию. После фильма «Оно» (1927) Боу стали называть «девушка Оно», а в 1929 году ее признали самой популярной киноактрисой. Ее речь отличал специфичный бруклинский акцент, но она снималась и в звуковых лентах. Последний раз Боу снялась в начале 30-х годов. Репутация Клары почти не пострадала от бесчисленных связей со звездами кинобизнеса, среди которых были Роланд Гильберт, Гарри Купер, Виктор Флеминг. Но когда она возбудила дело против своей бывшей секретарши Дейзи де Во по обвинению в растратах и подлоге, то в ходе судебного разбирательства вскрылись такие неприятные подробности личной жизни актрисы, как пристрастие к алкоголю, наркотикам и беспорядочные половые связи, что публика отвернулась от нее.

Обладая настойчивостью от рождения, Клара Боу могла бы вновь добиться успеха, но ее печальная наследственность стала

причиной ранней инвалидности. До начала карьеры Клары в кино ее страдающая шизофренией и эпилепсией мать угрожала ей кухонным ножом, называла «шлюхой» и пыталась зарезать дочь. Свою жизнь потенциальная дочереубийца закончила в сумасшедшем доме, так же как и ее мать.

Сексуальные домогательства отца наложили печать на все будущие взаимоотношения Клары с мужчинами. Ее брак с актером-ковбоем (ставшим потом губернатором Невады) Рексом Беллом казался счастливым, но хроническая бессонница Клары и зависимость от барбитуратов постепенно подорвала отношения супругов. Они разошлись, но остались друзьями вплоть до смерти Рекса Белла в 1962 году.

После установления диагноза «шизофрения» в 1962 году Клара Боу вела тихую жизнь в своем лос-анджелесском доме, опекаемая сестрой-сиделкой. Она все же сумела отвыкнуть от барбитуратов, но так и не смогла победить бессонницу. Почти не выходя из дома, актриса вела обширную переписку с людьми всего мира, много читала и с удовольствием приглашала в гости своих сыновей Тони и Джорджа.

Клара Боу умерла поздним воскресным вечером 26 сентября 1965 года, когда вместе с сиделкой смотрела по телевизору фильм «Девственница» с Гарри Купером в постановке Флеминга. Вскрытие показало серьезное заболевание сердца; убивший актрису приступ был далеко не первым. Боу похоронили рядом с Рексом Беллом на кладбище Форест Лоун, в Лос-Анджелесе. Задолго до смерти она расписала свои похороны до мелочей, включая грим и драпировку гроба: «сатин или шелк... лучше цвета абрикоса или яичного желтка».

См. Давид Стен (1988).

Браун Джон (Brown John)

(1800-1859)

Вменяемость фанатичного борца за освобождение негров до сих пор оспаривается. Однако нельзя не отметить, что его рейд на Харперс-Ферри в Виргинии преследовал благородные цели.

В воскресенье, 16 октября 1859 года, Браун провел отряд из шестнадцати белых и пяти черных рекрутов из Мэриленда по реке Потомак, рассчитывая забаррикадировать два моста, захватить федеральный арсенал и оружейный завод и удерживать их до прихода восставших рабов из Виргинии.

Менее чем за тридцать шесть часов отряд моряков под командованием полковника Роберта Ли штурмом взял арсенал и

захватил Брауна в плен. Он потерял убитыми десять человек (в том числе двоих сыновей), пятеро скрылись, а шестерых казнили позже. На суде в Чарлстоне, шт. Виргиния, раненый Браун отказался от помилования, которое ему вынесли вследствие невменяемости, и был приговорен к повешению, состоявшемуся 2 декабря.

Линкольн восхищался мотивами поступков Брауна, но в то же время ненавидел его за насилие и измену. Торо молился за то, чтобы Браун умер как мученик, и тот погиб, отвергнув план побега из тюрьмы.

Жена Мэри навестила своего мужа накануне казни, 1 декабря; в день казни Браун встал рано утром и составил надписи для собственного надгробия и надгробий своих убитых сыновей. Часть его прощальной записки была такова: «Я, Джон Браун, отныне совершенно убежден, что преступления, творимые на этой грешной земле, смываются только кровью».

Около установленной на окраине Чарлстоуна виселицы Браун спокойно простоял десять минут в одежде с накинутым капюшоном. Руки и ноги у него были в цепях. Когда солдаты приняли надлежащие позиции, по толпе прошел шорох. Дальнейшие события были описаны Стефаном Б. Оатсом в биографическом исследовании 1970 года:

«Стоявший внизу палач занес топорик и одним ударом перерубил веревку. Раздался треск, платформа упала, и Браун стал падать вниз. Веревка натянулась, руки его запрокинулись, все тело забилось в конвульсиях... и Джон Браун оказался «подвешенным между небом и землей», а толпа взирала на него. В это время раздался голос полковника Д. Т. Престона, члена общины Виргинии: «Так погибнут все враги Виргинии! Все подобные ему враги единства и человеческой расы!»

Мэри получила тело мужа в Харперс-Ферри и отправила его морем из Филадельфии в Нью-Йорк, где друзья положили тело в гроб из северной сосны. Джона Брауна похоронили в любимом им местечке Адирондаке, шт. Нью-Йорк, около большого валуна. Гражданская война и тринадцатая поправка к Конституции 1865 года (отменяющая рабство) явились отражением всколыхнувших общество настроений, вызванных Джоном Брауном.

Браун Ева (Braun Eva)

(1910-1945)

Любовница Адольфа Гитлера, Ева Браун, вышла за него замуж 29 апреля 1945 года в бункере под имперской

канцелярией. Тогда .шли последние дни войны и советские войска уже заняли Берлин. 30 апреля любовники покончили с собой — Ева сделала это, проглотив цианид. Тело Евы Браун вынесли во двор, облили бензином и сожгли.

В «Официальном медицинском бюллетене» 1976 года доктор Рейдар Ф. Согнейс, профессор стоматологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, заявил, что, несмотря на бесспорную идентификацию останков Гитлера в соответствии с заявлением советского правительства, опубликованным в 1968 году по результатам рентгеновского просвечивания зубов, останки Евы Браун не идентифицированы.

Вскрытие, произведенное 8 мая 1945 года советскими патологоанатомами «частично сожженного трупа неизвестной женщины» (предположительно жены Гитлера), показало, что значительная часть черепа была уничтожена огнем и большинство зубов пропали, либо выбиты. К тому же наличие золотого моста на месте первого и второго нижних коренных зубов не соответствует записям зубного врача Гитлера и Евы Браун, доктора Гуго Блашке, где указано, что эти зубы были удалены, но не заменялись мостом, по крайней мере до последнего дня жизни Евы. Поэтому нельзя с уверенностью утверждать, что тело Евы Браун было найдено, хотя нет сомнений в том, что она покончила жизнь самоубийством.

Браун Кристи (Brown Christy)

(1932-1981)

Ирландский романист и поэт, десятый из двадцати двух детей в семье, страдал врожденным церебральным параличом. Его мать и детский врач из Дублина Роберт Коллис научили Брауна рисовать и писать единственной двигающейся конечностью.

Его первая книга «Моя левая нога» (1954) впоследствии послужила основой одноименного автобиографического фильма (1989). (Исполнение Даниэлом Дей-Льюисом роли взрослого Брауна принесло ему «Оскар», Хью О'Конор в роли юного Брауна был столь же прекрасен.)

Кристи Браун умер воскресным вечером 6 сентября 1981 года в своем доме в английской деревушке Парбур рядом с Гластонбери. На дознании заплаканная Мэри Браун сказала, что муж выпил «слишком много водки» накануне в субботу и на следующий день бутыль красного вина вперемежку с бренди. А вечером она дала ему снотворные пилюли.

«Это же опасно. Разве вы не знали, что алкоголь и лекарство могут вызвать рвоту и асфиксию?» — спросил ее следователь.

«Да, — ответила Мэри, — но я надеялась, что муж сможет поспать хотя бы несколько часов и не станет больше пить. Ведь именно алкоголь был причиной случившегося».

Поскольку Кристи не мог есть самостоятельно, в тот вечер, как и всегда, жена покормила его с ложки ужином и на минуту вышла. Вернувшись, она нашла мужа задохнувшимся и сразу же вызвала «скорую помощь». Следователь проявил сочувствие к убитой горем вдове, которая, бесспорно, добросовестно ухаживала за мужем. Был вынесен вердикт «смерть от несчастного случая».

Бриннер Юл (Вгуппег Yul)

(1915?—1985)

Дата и место рождения русского по происхождению актера не были точно установлены, так как ответы Бриннера журналистам были самыми разными. В 1951 году, он, преуспевающий телережиссер компании «Си-Би-Эс», поддавшись уговорам Мэри Мартин (с которой в 1946 году сыграл в пьесе «Песня лютни»), согласился попробоваться на главную роль в мюзикле Роджерса и Хаммерштейна «Король и я». Бриннер снялся во многих кинокартинах, среди которых была киноверсия «Король и я» (1956) с Деборой Керр. За этот фильм актер получил «Оскара». Бриннер запомнился зрителям именно ролью короля Монгкута в многократных постановках мюзикла.

В конце сентября 1983 года, находясь в Лос-Анджелесе во время гастролей по стране с очередной постановкой спектакля «Король и я», и после четвертой женитьбы, Бриннер вместе с простудившейся женой поехал к ее врачу, Полу Руднику. Приехав к Руднику, он попросил его посмотреть шишку на горле, которая появилась две недели назад. Анализ крови и последующая биопсия показали, что у Юла Бриннера, выкуривавшего по пять пачек сигарет в день, рак легких, и болезнь уже поразила лимфатическую систему. Оперироваться было слишком поздно. Лишь один из шести онкологов, у которых консультировался актер, отпустил ему больше двух месяцев жизни. Бриннер решил держать свой диагноз в секрете и бороться с болезнью. В течение восьми недель он почти каждый день проходил лучевую терапию, и пока был в Лос-Анджелесе, не пропустил ни одного спектакля, хотя часто чувствовал недомогание. Актер рассказал о своей болезни только продюсеру спектаклей, своему менеджеру и двум

старшим детям.

В 1984 году Юл и его жена Кэтти поехали в Германию лечиться у ганноверского иммунолога Ханса Найпера, предписывающего специальные диеты и инъекции травяными отварами. Вернувшись в Нью-Йорк, чувствуя себя гораздо лучше и получив отрицательные результаты всех тестов, Бриннер узнал от врачей, что болезнь временно ослабла. «Эти доктора слишком консервативны, — радостно сообщил он. — Я совершенно поправился. Я победил рак».

Гастроли актера по стране продолжались, и завершающим должен был стать спектакль на Бродвее в мае 1985 года. Зрители, заплатившие бешеные деньги за билеты, стали замечать, что ореол звезды несколько потускнел. Мэри Бет Пейл, партнерша Бриннера по шестистам спектаклям, позже вспоминала, что в последние недели он с трудом проходил от грим-уборной до сцены. Однако перед выходом актер преображался, становясь «гибким, словно дикий лесной кот». Тем, кто чувствовал, что с ним что-то серьезное, актер говорил, что страдает от последствий травмы, полученной в дни цирковой юности в Париже. Иногда объявляли, что «мистер Бриннер болен воспалением горла и уха». Сезон закрылся 30 июня, и Юл пропустил всего семь из дополнительных представлений. Специально для него номер «Потанцуем», где он вальсировал с Пейл, был сокращен, а «Недоумение» — его сольный номер — вовсе исключен. Спустя тридцать четыре года после первого выхода на сцену, Бриннер спасал постановку лишь силой своего характера. Когда последний раз опустился занавес, публика встала, чтобы хором спеть «Олд Лэнг Сайн». Бриннер раскланялся в очередной раз, держась за руку своей жены Кэтги, игравшей придворную танцовщицу, и на прощание помахал рукой у лестницы, ведущей за кулисы. Миллионы американцев-театралов видели его в этой роли на Бродвее начиная с 1951 года и во время его бесчисленных гастролей.

Супруги Юл и Кэтти провели месяц в своем доме на севере Франции, затем возвратились в Нью-Йорк. 4 сентября Юл поступил в нью-йоркский госпиталь под именем Робби Ли, персонал больницы дал обещание соблюдать секретность. Через две недели он впал в кому и умер 10 октября 1985 года. Пресс-агент Бриннера заявила: «Он встретил смерть с достоинством и силой, которые поразили даже врачей». У постели умирающего находились Кэтти и четверо детей, двое из которых были приемными. Похороны были скромными и состоялись в тот же день.

После смерти Юла Бриннера по телевидению неоднократно

повторялось его короткое обращение о вреде курения, снятое незадолго до смерти по заказу Национального института рака. На вечере памяти актера в театре Шуберта, на Манхэттене, состоявшемся в январе 1986 года, тележурналист Майк Уоллес назвал Бриннера «человеком, родившимся с дополнительной квартой шампанского в крови и знавшим, как передать ее другим».

Бриттен Бенджамин (Britten Benjamin)

(1913-1976)

Английский композитор Бенджамин Бриттен пополнил национальный репертуар несколькими операми, среди которых «Питер Граймс» (! 945) и «Билли Бад» (1951). Он известен также как автор «Военного реквиема» (1961), посвященного открытию перестроенного собора в Ковентри. Многие произведения Бриттен исполнял известный тенор Питер Пирс. Вместе с ним композитор организовал в 1948 году Олдборгский фестиваль недалеко от Саффолка. В самой любимой опере композитора «Смерть в Венеции» по новелле Томаса Манна партия Ашенбаха была написана для П. Пирса. Премьера оперы состоялась в Олдборо в июне 1973 года.

За месяц до этого в Национальном госпитале сердечных заболеваний композитор перенес операцию по замене сердечного клапана. Во время операции случился инсульт, после которого у Бриттена отнялась правая рука, и его карьере дирижера и аккомпаниатора пришел конец. Но Бриттен продолжал писать музыку и посещал премьеры в «Ковент-Гарден», и даже в Венеции, хотя почти не сходил с кресла на колесиках. В последние месяцы жизни он продолжал сочинять музыку и даже присутствовал на фестивале в Олдборо в июне 1976 года. В этот же год композитор был удостоен королевой пожизненного пэрства и стал бароном Бриттеном Олдборгским. Старый друг Б. Бриттена, писатель Кристофер Айшервуд, навестил его и позже писал: «Я знал, что Бен болен, но не предполагал, что так серьезно... »

После отдыха вместе с Пирсом в Норвегии в сентябре Бриттен нашел силы прослушать свое последнее сочинение — Третий квартет в исполнении «Амадеус-квартета». Мстислав Ростропович, для которого в 1961 году была написана Соната для виолончели, посетил композитора и был потрясен его больным видом.

Находившаяся при умирающем Рита Томпсон вспоминала его рассуждения перед смертью: «Он то и дело говорил: «Как это произойдет?» А я отвечала: «Мы будем с вами и постараемся,

чтобы все прошло как можно легче». Он спрашивал, будет ли больно. Нет, никто из нас не хотел бы этого — и больно не будет. Я обещала, что буду с ним и Питер тоже обязательно будет рядом, когда придет его время!»

Бенджамин Бриттен умер от болезни сердца утром 4 декабря 1976 года, в своем доме «Красная усадьба» в прибрежном городке Олдборо, в котором они с Питером прожили вместе тридцать лет.

Питер Пирс потом вспоминал: «Он умер у меня на руках, практически не борясь за жизнь, он лишь из последних сил пытался дышать... Раньше он часто говорил мне: «Я должен умереть первым, ведь без вас мне никак не обойтись».

Бриттен редко посещал церковь, но был искренним христианином-пацифистом. На похоронах в олдборской приходской церкви епископ Ипсвичский произнес короткую речь, посвященную умершему. Композитора похоронили во дворе церкви, надпись на памятнике гласит: «Бенджамин Бриттен, 1913—1976». По завещанию Бриттен оставил 50 ООО фунтов палате пэров, вдвое большую сумму — благотворительному фонду. Все состояние Б. Бриттена насчитывало полтора миллиона фунтов, что составило лишь малую часть реальной стоимости архива композитора.

При жизни Бриттена его гомосексуализм не был темой для публичного обсуждения, но после смерти Пирс рассказывал о том, что оба считали долгим и счастливым браком. В радиоинтервью певец сказал весьма недвусмысленно: «Он любил мой голос и любил меня».

Питер Пирс жил в «Красной усадьбе» и продолжал певческую карьеру. Остаток жизни он посвятил также устройству ежегодных фестивалей в Олдборо, организации библиотеки и школы Бриттена—Пирса. В 1978 году певцу присвоили титул пэра, а в ноябре того же года Пирс присутствовал при установке мемориального камня своему другу в Вестминстерском аббатстве. Сэр Питер Пирс скоропостижно скончался от сердечного приступа в «Красной усадьбе» 3 апреля 1986 года в возрасте семидесяти пяти лет.

См. Кристофер Хедингтон (1981).

Брут Марк Юний (Brutus Marcus Junius)

(85? — 42 год до н. э.)

Большинство историков сходятся на том, что написанный Шекспиром портрет инициатора убийства Цезаря сильно приукрасил действительную фигуру. Брут вернулся в Рим,

оставив пост губернатора Цизальпинской Галии и звание городского претора, когда Гай Юлий Лонгин убедил его возглавить заговор республиканцев, имевший целью убить Цезаря в марте 44 года. Но восстановить республику после свершившегося покушения было уже невозможно, даже используя ораторское искусство Цицерона. Молодой Октавиан (наследник Цезаря и будущий император Август) в октябре заключил триумвират с Марком Антонием (самозванным представителем Цезаря) и командующим армией Марком Эмилием Липидом. Сенат объявил убийц вне закона и даже Цицерон, который лично не участвовал в заговоре, стал жертвой последовавших суровых репрессий.

В конце 42 года Брут и Кассий с большим тщанием выбрали в Македонии поле предстоящей битвы с Антонием и Октавианом. Их армии располагались на вершинах двух противоположных холмов к западу от Филиппи или примерно в пятнадцати милях к северо-западу от города Кавалла, находящегося на территории современной Греции. В начале сражения Кассий отступил, и, не подозревая, что Брут близок к победе, убил себя с помощью своего слуги Пиндара. Тем не менее, войска освободителей все еще сохраняли выгодную позицию. Цезарианцы были вдали от дома. А недостаток провианта и постоянно ухудшающаяся погода только усугубляли их положение. Бруту оставалось только ждать. Но в войсках начались волнения, и через три недели после первой битвы командующие вынуждены были дать приказ об отступлении. 23 октября 42 года до н. э. войска Брута атаковали позиции Антония. Увлекшись преследованием противника, они нарушили боевой порядок, и контратака Антония оказалась успешной. С наступлением темноты Брут отступил на север в горы и увел с собой около пятнадцати тысяч человек. К утру почти все войско разбежалось. Брут уговорил некоего Стратона подержать меч, на который бросился.

По приказу Октавиана голову Брута надлежало доставить в Рим и положить перед алтарем Цезаря, но при переправе по морю голову потеряли. Тело расчленили и сожгли, а пепел передали матери Брута, Сервилле, которая до конца жизни чтила прах своего сына.

См. Макс Радин (1939).

В

Вашингтон Букер Т. (Washington Booker T.)

(1856-1915)

Самый влиятельный чернокожий американец своего времени, лидер движения за образование и экономические свободы негров, основал Тускиджинский институт в Алабаме в 1881 году. Чернокожие радикальные активисты обвинили Вашингтона в чрезмерном сближении со структурами власти белых, от которых он зависел.

В повседневной жизни Вашингтон был серьезным и усердным человеком, который, по словам биографа Льюиса Р. Харлена, «никогда не учился плясать под чужую дудку». Только предпринятые морские путешествия в 1889 году и еще через четыре года спасли его от полного физического истощения.

Вашингтон страдал хроническим расстройством пищеварения, от которого спасался, употребляя экстракт папайи.

В 1901 году, после смерти второй жены, он женился опять. В семейных делах он никогда ничего не утаивал, кроме одного подозрительного инцидента в ноябре 1911 года, когда он, приехав в Нью-Йорк, отправился на метро к многоквартирному дому, пользующемуся дурной славой из-за соседства с белыми. Почему он поехал туда и больше часа слонялся по вестибюлю, так и осталось загадкой. Проживающий в доме Генри А. Ульрих заподозрил праздно шатающегося в дурных намерениях и набросился на него с тяжелой палкой, избивая свою окровавленную жертву даже на улице. Сознание того, что даже он, выдающийся и известный всей стране чернокожий, может подвергнуться нападению, заставило Вашингтона весьма резко выступить против расовой дискриминации.

Секретарь Вашингтона в Тускиджи описывал его в последние месяцы жизни, как «изнуренного недугами и испытывающего постоянную боль». В октябре 1915 года Вашингтон запланировал посетить клинику Майо в Миннесоте, но отложил поездку. Его личный доктор, Джордж С. Холл, отметил три серьезных приступа почечной недостаточности и высокое кровяное давление.

Новость о том, что Вашингтон серьезно болен, попала в заголовки газет 10 ноября. После двух выступлений он оказался в госпитале Св. Луки в Нью-Йорке. Уолтер А. Бастедо, специалист по брюшной медицине, сообщил сотрудникам института Тускиджи, что у директора «очень серьезные неприятности с

почками и высочайшее давление». Он также рассказал репортерам, что пациент «полностью истощен» и «стареет на глазах». Бесцеремонный медик добавил: «Наблюдается заметное отвердение артерий, и пациент очень переживает. Расовые особенности, по-моему, имеют прямое отношение к упадку здоровья доктора Вашингтона. Работая, он нервничал, и хотя ничто не указывает на расстройство психики, он не способен вернуться в Тускиджи». Упоминание «расовых особенностей» было, по мнению Холла, прямым оскорблением и подразумевало в отношении цветных «сифилитическое наследие». Бастедо никогда не повторял этой фразы; после смерти Вашингтона он сказал, что педагог «был совершенно обессилен и страдал нервным истощением и атеросклерозом».

Вашингтон твердо желал умереть дома. «Я родился на юге, — сказал он. — Я жил и работал на юге, и хочу умереть и быть похороненным на юге». На Пенсильванском вокзале он с презрением оттолкнул ногой ожидавшее его кресло на колесиках. В Чихоу, в Алабаме, поезд поджидала карета скорой помощи. Прибыв едва живым в свой дом в Тускиджи, Вашингтон скончался несколько часов спустя 14 ноября 1915 года.

Тело Букера Т. Вашингтона выставили для прощания в институтской часовне накануне погребения, на которое собрались огромные толпы. Его похоронили в тени большого валуна посреди институтского кладбища. На зданиях школ Вашингтона в день похорон были приспущены флаги и учителя рассказывали своим воспитанникам о достижениях великого человека.

Веберн Антон (Webern Anton)

(1883-1945)

Австрийский композитор, дирижер, педагог, он погиб в странной перестрелке в Тироле. После вторжения Гитлера в страну в 1938 году творения Веберна признали упадочными и его отправили заниматься считыванием партитуры в музыкальное издательство в Вене. В начале 1945 года композитор был потрясен смертью своего единственного сына Питера в Югославии, и на Пасху они с женой Виль-гельминой двинулись на запад, чтобы искать убежища от наступающих русских войск в доме своей дочери в Миттерзилле, к югу от Зальцбурга. Когда американцы оккупировали провинцию, Веберн поднял руки и кричал: «Слава Богу, теперь эти ужасные убийства наконец закончатся...»

Вечером 15 сентября 1945 года Веберны шли через деревню к

дому их младшей дочери Кристиан Маттель, где собирались поужинать с ее семьей. После ужина композитор закурил американскую сигарету — редкое угощение, которым снабдил его зять Бенно — и вышел на крыльцо дома, чтобы не беспокоить дымом спящих внуков. Сам Бенно Маттель прошел через холл в кухню и встретил двух американских солдат, сержанта Эндрю Мюррея и рядового Реймонда Белла, армейского повара. Они пришли уговорить Маттеля купить съестные припасы и потом арестовать его по обвинению в подпольной торговле. В этом они преуспели. Он стоял с поднятыми руками, когда его тесть, находясь в полном неведении, вошел в холл. Мюррей оставался с Маттелем, а Белл побежал за полицейским. В темноте он натолкнулся на Веберна и, испугавшись, выстрелил три раза, попав дважды в живот и один раз в грудь. Пробоины от пуль сохранились на много лет, две слева, одна справа от входной двери. Раненый прополз в дом. «Меня застрелили», — выдохнул он, пока жена и дочь укладывали его на матрас. Еще находясь в сознании, он прошептал: «Все кончено». Через несколько минут Веберн умер. Его похоронили на церковном кладбище Миттерзилля. В 1949 году там же похоронили его жену. Маттель провел год в тюрьме, затем вместе с семьей переехал в Аргентину.

Белл заявил, что шестидесятилетний композитор набросился на него с железным прутом, а он оборонялся. После войны совершенное убийство отразилось на его психике, и он начал сильно пить. «Лучше бы я не убивал этого человека», — говорил он иногда своей жене. Память о происшедшем, возможно, ускорила его смерть от алкоголизма в возрасте сорока одного года в 1955 году.

См. Ганс Молденауэр (1961).

Вуд Натали (Wood Natalie)

(1938-1981)

Американская актриса, русская по происхождению, впервые снялась в кино в пять лет и превратилась в звезду после «Вестсайдской истории» (1961) и «Боб, Карол, Тед, Алис» (1969). Первый из двух ее браков был с актером Робертом Вагнером и распался после романа с Уорреном Битти, партнером актрисы по фильму «Блеск в траве» (1961). После недолгого брака с английским продюсером Ричардом Грегсоном она опять вышла замуж за Вагнера, который к тому времени развелся с актрисой Марион Маршал. Свадьба состоялась в 1972 году на борту яхты

вблизи Ма-либу в Калифорнии.

27 ноября 1981 года Вагнеры отправились из Калифорнии в двухдневный круиз на своей шестидесятифутовой яхте «Блеск». Их гостем был Кристофер Уолкен, помогавший Натали в кинобизнесе; обязанности шкипера, кока и телохранителя исполнял Деннис Даверн. Высадившись в Авалоне, Натали, выпившая несколько порций коктейля, устроила в ресторане сцену. Вернувшись на яхту, она продолжала спорить с Вагнером и вновь отправилась на берег, попросив Даверна перевезти ее на лодке и остаться на ночь в отеле для охраны.

На следующий день компания направилась к северозападной оконечности острова. Натали и Уолкен провели несколько часов в баре небольшой деревушки, выпивая и разговаривая. Вагнер, который, по свидетельству очевидцев, был уже сильно не в духе, присоединился к ним во время обеда. Его жена, уже опьяневшая, откровенно флиртовала с Уолкеном, прижимаясь к нему и поглаживая его плечо. Но друзья оставались в хорошем настроении, когда вскарабкались на борт «Блеска» около одиннадцати часов вечера.

29 ноября 1981 года Вагнер выступил по радио с сообщением, что они, «похоже, потеряли кого-то в одиннадцатифутовой резиновой лодке». Начали поиски и через несколько часов тело Натали Вуд заметили с вертолета. Оно плавало лицом вниз. На ней были красный жакет, синяя фланелевая ночная рубашка и гольфы. Лодка стояла у берега в сотне ярдов; весла уложены внутрь и зажигание мотора выключено. Главный медэксперт графства Лос-Анджелес Томас Ногучи сообщил в понедельник, что умершая, очевидно, поскользнулась и упала в воду, когда пыталась влезть в лодку. Он также сказал, что царапина на ее левой щеке оттого, что она ударилась о мотор при падении. Вуд находилась «в состоянии легкой интоксикации», содержание в крови алкоголя составляло примерно 1,4 процента, что соответствует семи-восьми бокалам вина.

Те, кто знал о страхе Вуд перед глубиной, с облегчением узнали, что утонула она быстро. (Ребенком, играя вместе с Бет Дэйвис роль в фильме «Звезда» (1952), Вуд так громко кричала, когда ее попросили нырнуть с яхты, что Дэйвис услышала вопли в своем фургоне, прибежала на место съемок и попросила найти дублера.) Позднее, через год, специалист по океанским течениям частично опроверг Ногучи, заявив, что расположение лодки недалеко от тела указывает на то, что Натали, которая не могла влезть в лодку из-за веса намокшей одежды, толкала суденышко около мили, прежде чем наступило переохлаждение. «Натали не хотела сдаваться, — вспоминал Ногучи два года спустя. — Вместо

этого она решила совершить подвиг, который ей почти удался».

Зачем ей понадобилось покидать «Блеск» посреди ночи? Мнение Даверна опубликовала бульварная газета в 1983 году. По его словам, Натали продолжала флиртовать с Уолкеном после возвращения на яхту. Вагнер в ярости разбил бутылку об стол и закричал: «Что ты пытаешься сделать? Соблазнить мою жену?» Уолкен вскочил на ноги и бросился на Вагнера, но потом отступил. Разъяренная Натали выбежала из кают-компании с криком: «Я не желаю это терпеть».

Даверн полагает, что реакция Вагнера была непредсказуемой, но, быть может, у него в памяти вновь всплыл случай с Битти. Около полуночи Вагнер и Даверн закончили разговаривать и легли спать. Разговаривали ли супруги друг с другом, до того как Натали упала в воду, Даверн не знает. Женщина на соседней яхте слышала, как чей-то женский голос звал на помощь, а мужской голос ответил: «Мы сейчас тебя достанем».

Натали Вуд похоронили в мемориальном парке Вествуд, в Лос-Анджелесе, после короткой службы в русской православной церкви. На похоронах присутствовали голливудские знаменитости, лорд Оливье прилетел на самолете из Англии, а королева Елизавета II прислала соболезнования. Большое состояние получили одиннадцатилетняя Наташа, дочь Вуд от Грегсона, и семилетняя Кортни, дочь от второго брака с Вагнером. Десять процентов всего состояния оставили семнадцатилетней дочери Вагнера Кейт.

См. Уоррен Дж. Харрис (1988).

Г

Ганди Индира (Gandhi Indira)

(1917-1984)

Премьер-министр Индии (1966—1977, 1980— 1984) была единственной дочерью Джава-харлала Неру, первого главы правительства страны. Многие боготворили ее до самой смерти, как «Мать Индии», всемогущий символ нации.

Но в последние годы Ганди совершила непоправимые ошибки. В июне 1975 года, рискуя своим постом, она объявила в стране чрезвычайное положение. В 1984 году индийская армия выбила сикских сепаратистов из Золотого Храма в Амритсаре. Даже умеренные сикхи были возмущены этим, и последствия выразились в многочисленных жертвах. Возможно, Индира Ганди осознавала, что этим актом подписывает свой смертный приговор. Но она была фаталисткой и за день до смерти сказала в своей речи в Ориссе: «Я не против того, чтобы моя жизнь была положена на алтарь нации». Хотя Ганди советовали удалить сикхов из своей личной охраны, она ничего не предприняла. Ганди считала, что это не имеет смысла. «Те, кому надлежит спасать меня, разбегутся первыми», — говорила она.

Несмотря на свое высокое положение и власть — а может быть, именно из-за этого — Ганди была лишена радостей любви и интимного общения. В 1954 году в письме подруге И. Ганди написала: «Мне жаль... что у меня нет самого прекрасного в жизни —свободных взаимоотношений с другим человеком». Ее муж Фероз Ганди умер в 1960 году. Младший сын Санжей погиб в июне 1980 года, выполняя на самолете фигуру высшего пилотажа. (Через семь лет после ее собственной смерти старший сын Раджив, унаследовавший пост премьер-министра, был убит на массовом митинге около Мадраса неизвестной женщиной, которая, обвязавшись взрывчаткой, бросилась на него).

Утром 31 октября 1984 года, проснувшись, как всегда, в шесть часов в своей резиденции в Нью-Дели, Индира Ганди, не вставая с постели, выпила горячего чаю, который принес ей слуга. Потом премьер-министр позанималась гимнастикой йога, приняла ванну и надела ярко-оранжевое сари. На этот раз на ней не было пуленепробиваемого жилета, который мог бы спасти ей жизнь, возможно, И. Ганди не надела его, потому что ей предстояло дать интервью для телевидения прямо перед зданием своей резиденции.

Позавтракала И. Ганди вместе со снохой Сонией, женой Раджива, и двумя внучками. В 9.15 в сопровождении полицейского, держащего зонтик от солнца, своего помощника Р. К. Дхавана, слуги и еще одного полицейского Индира Ганди шла по дорожке к воротам сада и улыбнулась, проходя мимо стоящего на страже синкха Беанта Сингха, уже шесть лет служившего в ее личной охране. Он шагнул к ней, выхватил пистолет и три раза выстрелил ей в живот. Другой охранник, синкх Сатвант Сингх, выскочил из-за живой изгороди и открыл огонь из автоматического карабина. Сопровождающие премьер-министра разбежались или попадали на землю. Беант Сингх стоял с поднятыми руками. «Мы сделали то, что намеревались сделать, — произнес он. — Теперь вы делайте то, что должны». В течение минуты все боялись двинуться с места. Машина «скорой помощи» стояла во дворе, но водителя нигде не могли найти. Сония побежала в резиденцию, крича: «Дайте машину!»

Тело госпожи Ганди, изрешеченное тридцатью двумя пулями, положили в представительский автомобиль и отвезли в Индийский медицинский институт. Из-за пробок дорога в две с половиной мили заняла сорок минут, а, приехав в институт, сопровождающие тело Ганди не могли в него попасть, ворота оказались закрыты и никто заранее не был предупрежден о случившемся.

Пока премьер-министра везли в медицинский институт, двоих убийц арестовали. Через двадцать минут из домика охраны раздались выстрелы: пленные пытались бежать, и их застрелили. Беант Сингх умер на месте. Сатван-ту Сингху прострелили позвоночник и почки. Его и третьего заговорщика, Кехара Сингха, повесили после пыток в Нью-Дели 6 января 1989 года.

Борьба за жизнь Индиры Ганди с самого начала была обречена на неудачу. Когда ее привезли в операционную, она не подавала никаких признаков жизни, хотя сердце не было задето, но позвоночник был разбит и потеря крови огромна. «Вероятно, Ганди умерла еще до того, как упала на землю», — сказал хирург. Тем не менее, ей перекачали восемьдесят доз крови и подключили аппарат искусственного дыхания. BBC объявило о смерти Индиры Ганди задолго до официального извещения, последовавшего днем.

На церемонии кремации в Шантиване (там, где ранее были кремированы Махатма Ганди и Джавахарлал Неру, а через семь лет и Раджив Ганди) присутствовали представители различных религий. Соединенные Штаты представлял госсекретарь Джордж Шульц, Великобританию — Маргарет Тэтчер. Были представители многих ведущих держав, даже яростный враг Индии — президент

Пакистана Зия Уль-Хак. Убранное цветами тело Индиры Ганди лежало в гробу из сандалового дерева. Сын Раджив и внук Рахул стояли рядом с телом, затем они вылили на землю кувшины с водой, символизирующие конец жизни. Гвоздику, сосновые шишки и фрукты уложили вокруг покойной как последние дары. Раджив Ганди девять раз обошел вокруг погребального костра, прежде чем зажечь его особой ароматизированной свечой. Затем он, по обычаю, раздробил череп матери бамбуковым колом, чтобы завершить жертвоприношение.

Раджив развеял часть пепла с самолета, остальное высыпали в воды священной реки Ганг.

См. Праней Гупт (1992).

Гарбо Грета (Garbo Greta)

(1905-1990)

Уроженка Швеции, актриса стала гражданкой США в 1951 году. После своего двадцать пятого (и довольно неудачного) фильма, «Женщина с двумя лицами», Г. Гарбо ушла из кино.

Ей тогда было тридцать шесть лет. В отличие от другого знаменитого затворника, Говарда Хьюза, свое место проживания Гарбо не скрывала — актриса жила одна в семикомнатной квартире на пятом этаже дома, выходящего на Ист-Ривер, на Манхэттене. Ньюйоркцы часто видели ее одинокую фигуру — актриса ежедневно прогуливалась по манхэттенским магазинам. Свои прекрасные глаза она скрывала под стеклами очков, длинные пепельные волосы актрисы ниспадали из-под шляпы, а на лице почти не было косметики.

Гарбо никогда не выходила замуж, однако известно о ее связях с актером Джоном Гилбертом, дирижером Леопольдом Стоковски и другими. Многие годы актриса была близка с Джорджем Шлие, финансистом, жившим рядом с ней и женатым на кутюрье Валентине. Связь продолжалась вплоть до смерти Шлие в 1964 году.

В конце жизни Гарбо стала избегать городской жары и каждое лето уезжала на курорт Клостерс в Швейцарию. Она с удовольствием общалась на родном языке с отдыхавшей там же шведской четой и однажды призналась им в своем сокровенном желании остаться одной. «Я хотела бы быть графиней... жить в деревне, в покое и безопасности». Иногда Гарбо целый день проводила в постели, но, если вставала, то обязательно отправлялась на прогулку. О яхте Аристотеля Онассиса она говорила: «Слишком маленькая, я не могу совершать свои

прогулки». Актриса любила тихие, уединенные места: церковные кладбища вокруг Клостерса и гробницу Наполеона в Париже, которую часто посещала.

Еще в Голливуде Гарбо часто болела, а позднее страдала от дивертикула, артрита и воспаления придатков. Единственной ее вредной привычкой было курение, провоцировавшее повторяющиеся приступы бронхита. В 1988 году в Клостерсе она жаловалась на слабость: «Я могу пройти всего несколько шагов... почти все время я провожу в моей комнате... я не могу ничего есть... я буду в бреду... жизнь перестала казаться реальной... мне кажется, я медленно умираю». О смерти Гарбо говорила: «Я бы очень хотела верить в иную жизнь, но не могу. Для меня все кончится, когда наступит смерть. Наверное, я очень прозаична».

В Нью-Йорке смерть постепенно уносила ее друзей. Посетителями актрисы оставались доктор, медсестра, племянница Грей Рейсфил с мужем Дональдом (гинекологом из Нью-Джерси), их четырьмя детьми и еще некоторые люди. Когда Гарбо споткнулась о пылесос и вывихнула лодыжку, ее традиционные прогулки прервались.

В последние одиннадцать месяцев Гарбо три раза в неделю приходилось делать диализ почек. 11 апреля 1990 года она смогла, как обычно, дойти до такси, одетая в слаксы и домашние тапочки. В этот раз в нью-йоркском госпитале актриса наблюдалась у доктора Стюарта Саала. Гарбо умерла через четыре дня в субботу 15 апреля в 11.30 утра. Причина смерти не объявлялась, но, по всей вероятности, виной тому были отказавшие почки. На следующий день тело кремировали в Нью-Джерси. Выполняя волю умершей, ее останки следовало бы переправить в родную Швецию.

Единственной душеприказчицей и наследницей состояния в 20 миллионов долларов оказалась племянница. Коллекция произведений искусства и мебель Гарбо были выставлены в 1990 году на аукционе Сотби, что явилось событием национального масштаба.

Гарднер Эрл Стенли (Gardner Erl Stanley)

(1889-1970)

Американский детективный писатель, создатель образа адвоката Перри Мейсона, гордился тем, что из 151 книги детективного жанра, которые в период с 1895 по 1965 год разошлись тиражом более миллиона экземпляров, 91 принадлежала его перу. Наследие Гарднера составило 131

художественное произведение, из них 82 — романы о Перри Мейсоне и 29 — истории о расследованиях Берты Кул и Дональда Лэма, подписанные псевдонимом А. А. Фэйр. Общее количество проданных книг составляет около 325 миллионов экземпляров. При содействии журнала «Корабль» Гарднер координировал работу Суда последней надежды — комитета экспертов, расследовавших возможные ошибки американского правосудия. В сороковые годы эта работа, по словам писателя, занимала почти все его время. Гарднер также работал над документальными книгами о своих исследованиях дельты реки Сакраменто и района Байя в Калифорнии, отлично стрелял из лука и увлекался астрономией.

В сельских районах Калифорнии были места, где писатель мог поставить свой прицеп и работать не отвлекаясь, однако в последние годы его излюбленным домом стало ранчо «Пейзано», в шестидесяти милях к северу от Сан-Диего. Первая его жена Натали, с которой у Гарднера произошел разрыв тридцать лет назад, умерла в феврале 1968 года. Через полгода писатель женился на своей секретарше Джин Бетель. Сразу после проведенного в Мексике медового месяца Гарднер упал и переломал ребра, что сильно замедлило работу над его последней исследовательской книгой «Спускаясь по дельте».

В начале 1969 года Гарднеры совершили воздушный полет, наблюдая за китами (на дирижабле фирмы «Гу-диаф»). Последний из романов о Перри Мейсоне — «Дело о невероятной подделке» — был продиктован и записан на пленку в середине февраля (два последующих были опубликованы после смерти писателя). В течение года Гарднер лежал в госпитале Палм-Спрингс, шт. Калифорния, с диагнозом «рак», но это держалось в секрете. Приближалось его восьмидесятилетие, но он по-прежнему активно работал — были написаны «Гость в большой шляпе» и последний из его прекрасных детективов «Не вся трава зеленая», который увидит свет только после его смерти; он продолжал выступать в Стоктоне, шт. Калифорния и Хьюстоне, шт. Техас.

День рождения писателя отмечали на ранчо «Пейзано» 17 июля 1969 года. В конце года Гарднер в течение четырех недель проходил курс химиотерапии в госпитале Риверсайд, шт. Калифорния, и к Рождеству состояние писателя ухудшилось настолько, что он не смог провести праздники, как обычно, в Байе; вместо этого он остался на ранчо. 12 января писатель опять попал в больницу; его жена Джин все время находилась рядом с ним. Гарднер в тяжелые моменты всегда повторял про себя 23-й псалом («Господь, пастырь мой, ...»), и сейчас был один из таких

моментов. Но иногда писатель становился озорным и даже агрессивным с теми, кто его посещал. Однажды его друг Корнуэл Джексон приехал к Гарднеру из Лос-Анджелеса, чтобы повидать его. «Как ты себя чувствуешь?» — спросил Джексон, когда вошел. Больной пришел в ярость: «Почему ты не снял трубку в Голливуде и не задал мне этого вопроса по телефону? Господи, когда же ты, черт побери, перестанешь ставить все с ног на голову?» И долго продолжал так кричать, рассказывал Джексон. Однако, когда Джексон собрался уезжать, Гарднер произнес: «Спасибо за заботу, Корни».

Когда стало ясно, что лечение бесполезно, Гарднер вернулся на ранчо. Джин и две ее сестры, Пегги и Ханни, ухаживали за ним. 11 марта 1970 года Гарднер умер у родных на руках. Церемония похорон проходила в саду на Риверсайд, где его друг и коллега по Суду последней надежды Марлаш Хоте читал панегирики. По предложению Джин пепел Гарднера развеяли над его любимой Байей в Калифорнии.

См. Дороти Б. Хьоджес (1978).

Гейдрих Рейнхард (Heydrich Reinhard)

(1904-1942)

С 1941 года рейхспротектор оккупированной нацистами Чехословакии, второй человек после Бормана в иерархии гитлеровской Германии, который также нес ответственность за организацию страшных лагерей смерти. В течение суток после прибытия в Прагу Гейдрих развернул кампанию террора против мирного населения, и к концу года чешское правительство, находившееся в Лондоне, приговорило его к смерти.

Убить Гейдриха поручили двум молодым чешским диверсантам — Яну Кубишу и Йозефу Габчеку, которых готовили в Англии. В декабре 1941 года их сбросили на парашютах в Чехословакию, где они присоединились к отряду освободительного движения и спокойно разработали план своей акции.

Теплым и солнечным утром 27 мая 1942 года Гейдриха перевозили из роскошной резиденции в деревне в пражскую штаб-квартиру. Участники Сопротивления следили за его продвижением и передавали информацию вперед. Когда Гейдрих подъехал к северному предместью Голицовице, в том месте, где улица спускается, петляя, к мосту, его поджидала засада. Габчек ждал за поворотом на правой стороне улицы, спрятав под пальто автомат. В двадцати метрах от него стоял Кубиш с гранатой.

Было 10.30 утра. Открытый «мерседес-бенц» притормозил на повороте. Габчек шагнул к ненавистному рейхспротектору, поднял автомат и нажал на курок. Но — автомат заклинило. Перепуганный Гейдрих потянулся за револьвером. А машина продолжала ехать и поравнялась с Кубишем, и он бросил гранату на правое сиденье, сзади намеченной жертвы. Взрыв зашвырнул на троллейбусные провода лежащую на заднем сиденье амуницию. Кубиш отступил, раненный в лицо. Машина остановилась, задняя дверь была искорежена взрывом. Раненый Гейдрих поднялся на сиденье и выстрелил в Габчека, который стоял несколько секунд не двигаясь, прежде чем бросил ненужный автомат и пустился наутек. Шофер погнался за ним, но Габчеку удалось скрыться. Укрывшись за проходившим троллейбусом, Кубиш схватил свой велосипед и что есть мочи помчался с горы под уклон.

Гейдрих к тому времени уже был в коллапсе. На проезжавшем грузовике его доставили в госпиталь с множественными ранениями спины и бока осколками гранаты. После операции на межлегочной мембране и переливания крови ему удалили разорванную селезенку. Лучшие немецкие хирурги оперировали пострадавшего, и через несколько дней он, как казалось, начал поправляться. 3 июня Гейдрих смог сесть в постели, чтобы позавтракать, но во время еды он неожиданно упал на бок и 4 июня в 7.30 утра умер. В сообщениях причиной смерти называли медиас-тинит, возникший как осложнение гнойного заболевания легких, но паталогоанатом Хервиг Хамперл, проводивший вскрытие, окончательно пришел к выводу, что причиной был «анемический шок». Никаких признаков болезни не было обнаружено, и неожиданная смерть, пожалуй, объясняется закупоркой кровеносных сосудов после операции, — таково предположение парижского врача Р. Рос-со, высказанное им в работе 1972 года. Гейдриха похоронили на берлинском кладбище инвалидов, после церемонии, на которой присутствовали Генрих Гиммлер и сам Гитлер.

Именно фюрер приказал Карлу Франку, заместителю умершего, совершить возмездие по отношению к чешской нации. 10 июня деревню Лидице, не имевшую никакого отношения к убийству, сравняли с землей; сто семьдесят мужчин и юношей расстреляли, женщин отправили в концлагеря, где почти все они погибли; дети прошли «переобучение» в Германии. В Праге 27 мая прошла повсеместная облава, за которой последовали тысячи казней.

Поначалу убийцам Гейдриха удалось скрыться, но двое их товарищей, Карел Чурда и Вилиам Герик, предали их. 18 июня

1942 года место их последнего укрытия в пражской православной церкви на улице Рессловa осадил батальон СС. Целый день их обстреливали, забрасывали гранатами, пускали слезоточивый газ и качали воду из реки. Кубит, который вел наблюдение с возвышения, быстро скончался от шрапнельных ранений. Габчек и трое его товарищей застрелились в полузатопленном склепе, когда их боеприпасы подошли к концу. Сейчас это место — национальная святыня.

В 1946 году, в освобожденной Чехословакии, Чурду и Герика судили и приговорили к повешению.

Гейне Генрих (Heine Heinrich)

(1797-1856)

Великий немецкий поэт и публицист, издал свою «Книгу песен» в 1827 году. В 1831 году он периодически жил в Париже. Из-за приверженности поэта сен-симониз-му — течению, рассматривающему семью и брак как репрессивные институты — произведения Гейне были запрещены в его родной Пруссии. Он был любовником Жорж Санд, после Альфреда де Мюссе и до Шопена, а в 1841 году женился на неграмотной продавщице Матильде Мират.

Гейне всю жизнь мучился мигренями. Первые признаки болезни проявились у него в 1832 году, когда паралич скрючил пальцы левой руки. В тридцатые годы зрение поэта постепенно стало ухудшаться. К 1843 году у Гейне были парализованы лицевые нервы и он не чувствовал всей левой половины своего тела. Последние восемь лет жизни поэт был прикован к постели, полуослепший, с частично неподвижной правой рукой. В 1850 году Гейне писал: «...у меня ужасные судороги, нижняя половина тела омертвела, лежать могу только на боку. Четырнадцать дней мучился запором», — и жаловался, что чувствует себя спокойно только после морфина. Но тем не менее этот пос-|едний период жизни поэта ознаменован публикацией прекрасных стихотворных и прозаических произведений; в это время Гейне продолжает усиленно трудиться над своими мемуарами, большинство из которых будет уничтожено после его смерти.

Последние девять месяцев жизни поэта скрашивались посещениями его двадцатисемилетней обожательницы, которой поэт посвятил шесть любовных поэм. Нам эта женщина известна под именем Камилла Селден, настоящее ее имя Элиза Кринитц. Выполняя секретарскую работу и читая Гейне, она очень сблизилась с ним. К их связи, нарушаемой физическим бессилием

умирающего человека, Матильда относилась достаточно равнодушно.

За несколько недель до смерти Гейне стал жаловаться на удушье, перед самой смертью началась непроизвольная рвота. Камилла навестила умирающего в четверг, 14 февраля 1856 года, его последнее письмо было, скорее всего, адресовано ей, с извинениями за невозможность принять ее из-за усилившейся болезни. Ночью в субботу, 16 февраля, Камилла будто бы видела отлетающую душу поэта. Гейне умер в пять часов утра, в воскресенье 17 февраля, оставаясь в полном сознании почти до самого конца. На похоронах, состоявшихся без богослужения на кладбище Монмартра, были Камилла, Александр Дюма и Теофиль Готье.

В медицинском исследовании 1990 года И. Джеллинек ставит под сомнение традиционный диагноз нейросифилиса. «Без сомнения, распространяющийся процесс поражения органов (нервов головного и спинного мозга) вызывал рассеянный склероз, что скорее всего и было причиной смерти». Август Д'Эст, племянник королевы Виктории, был на три года старше Гейне и умер восемью годами раньше, промучавшись двадцать шесть лет от той же болезни. Джеллинек заключает, что «Генрих Гейне — вторая зарегистрированная и самая талантливая жертва рассеянного склероза».

См. также Дж. Л. Сэммонс (1979).

Георг V (George У)

(1865-1936)

Король Великобритании, он унаследовал корону своего тца Эдуарда VII в 1910 году. В октябре 1915 года, во время инспекции войск на территории Франции, Георг упал лошади и сломал тазовую кость. В 1928 году он серьезно заболел: левое легкое было поражено стрептококковой инфекцией, и это привело к образованию абсцесса, который был удачно удален придворным врачом. Однако, тогда еще не применяли антибиотиков, и в течение нескольких недель полного выздоровления не наступало. Королевский биограф Кеннет Роуз в 1984 году заключил, что «четверо сменявших один другого британских королей были ишдлыми курильщиками, и главной причиной их смерти, либо отягчающим обстоятельством, была эта пагубная привычка». (Речь шла об Эдуарде VII, Георге V, Эдуарде VIII (Герцоге Виндзорском) и Георге VI).

Последние два года жизни Георг V страдал, зная о

безрассудном увлечении своего старшего сына разведенной женщиной Уоллис Симпсон, и боялся приближающейся войны. В период итальянско-абиссинского кризиса он заявил: «Я не хочу еще одной войны… скорее я сам пойду с красным флагом на Трафальгарскую площадь, чем позволю моей стране быть втянутой в военный конфликт». После отнявшего много сил празднования семидесятилетнего юбилея в мае 1935 года здоровье Георга V стало ухудшаться, — король все чаще стал засыпать среди бела дня, по ночам он дышал с трудом и не мог обойтись без кислородной подушки. На Рождество, по традиции, заведенной с 1832 года, король обратился к своему народу, однако было заметно, что голос его потерял свою силу.

Врача короля вызвали в резиденцию в Сендрингеме, рафство Норфолк, 15 января 1936 года. Через два дня вызов повторился. К тому времени Георг уже не покидал своей комнаты. В тот же день, 17 ноября, король сделал последнюю запись в дневнике, который вел с 1880 года: «Вечером приехал Доусон. Я увидел его и почувствовал себя совсем слабым». Вызвали кардиолога, сэра Мориса Кэссиди, поставившего первый из шести диагнозов: «Бронхиальная астма… не в самой тяжелой форме… но осложненная сердечной недостаточностью». Когда в резиденцию прибыл принц Уэльский, он рассвирепел, увидев архиепископа Кентерберийского, который явился без приглашения и постоянно мелькал у дверей комнаты больного, «словно бесшумный призрак в черных гамашах». Два дня король находился в полубессознательном состоянии, но на третий день, 20 января, его обнаружил личный секретарь сидящим в постели и читающим «Таймс». Ложась спать, Георг беспокоился о делах в стране.

Трое членов Тайного совета прибыли из Лондона, чтобы король мог подписать указ о передаче полномочий королевской власти. Несмотря на паралич правой половины тела, король попытался подписать документ, сначала одной рукой, затем другой. Довольно долго ходили слухи о том, что в последние дни жизни врачи пытались восстановить силы короля, напоминая ему о любимом курорте Бог-нор и обещая, что он сможет отправиться туда поправить здоровье. «К черту Богнор», — говорил монарх. Биограф Георга писал, что «это вполне правдоподобно. Король всегда был не воздержан на язык, особенно сильно это проявлялось, когда его выводили из терпения врачи».

О приближающейся смерти короля его подданные узнали из бюллетеня, написанного Доусоном на карточке меню в столовой резиденции: «Жизнь короля медленно приближается к своему концу». Семья собралась около постели умирающего, и архиепископ прочитал 23-й псалом и отходную молитву.

Последний бюллетень передали сразу после полуночи. Он гласил: «Смерть тихо пришла к королю в 11.55 вечера».

Королева Мария просила, чтобы похороны не откладывались более чем на неделю, как это получилось, когда умер Эдуард VII. После того как гроб простоял 36 часов в деревянной часовне, его перевезли по железной дороге в Лондон. Установленный на орудийном лафете и увенчанный имперской короной гроб сопровождали четверо сыновей короля. Когда по дороге в Вестминстер гроб занесли в дворцовый двор, украшенный драгоценными камнями мальтийский крест упал с верхушки короны на землю.

Король просил, чтобы церковной службы не проводилось, тем не менее архиепископ настоял на исполнении одного гимна. Через четыре дня огромные толпы людей собрались посмотреть, как гроб будут перевозить на Паддингтонский вокзал. Георг V присоединился к предыдущим британским королям в склепе под часовней Св. Георга в Виндзоре.

Георг VI (George VI)

(1895-1952)

Герцог Йоркский получил королевский титул от своего старшего брата Эдуарда VIII в декабре 1936 года. Эдуард (ставший герцогом Виндзорским) отказался от трона после одиннадцати месяцев царствования, чтобы жениться на дважды разведенной миссис Уоллис Уорфилд Симпсон. Нервозный, застенчивый и заикающийся новый монарх добросовестно выполнял королевские обязанности, которые возложил на себя с такой неохотой. Будучи главой государства шесть лет во время второй мировой войны, Георг VI серьезно подорвал свое здоровье. Один из придворных так отзывался о его состоянии в 1947 году: «Король ложился слишком поздно и много курил. Он буквально умирал за Англию».

В начале 1949 года доктора обратились к королю с настоятельной просьбой бросить курить. Эта привычка погубила его отца Георга V и деда Эдуарда VII и теперь обострила атеросклероз сосудов ног Георга VI; возникла даже угроза гангрены правой ноги. Поясничную симпатэктомию произвели в Букингемском дворце 12 марта 1949 года. (Хирурги удалили нервный ствол в основании позвоночника, чтобы предотвратить сужение ножной артерии и уменьшить воспалительный процесс). Для снижения риска возникновения тромбоза король ездил на пони в специальной упряжи, которая помогала ему преодолевать

подъемы во время прогулок.

В мае 1951 года Георг слег в постель с кашлем и жаром. Это было следствие «небольшого очага катарального воспаления» в левом легком; в качестве лекарства был предложен пенициллин. В сентябре томография показала, что пораженный участок — это опухоль, бронхография определила, что опухоль — злокачественная. Легкое удалили 23 сентября. В медицинских бюллетенях утверждалось, что у пациента не рак, и сам Георг оставался в полном неведении. Прогнозы были самыми печальными — велика была опасность тромбоза и казалось маловероятным, что король проживет больше года. В рождественские праздники Георг был слишком слаб, чтобы обратиться к стране в прямом эфире, и выступление было записано заблаговременно по частям. Его слушатели со всего мира заметили, что король заикался, и его голос стал сиплым.

Георг провел Рождество в своей любимой резиденции Сендрингем в Норфолке. В конце января 1952 года доктора сделали обоснованное медицинское заключение, и 30 января Георг наслаждался музыкой «Южного Тихого океана» в театре «Драри Лайн». На следующий день, стоя с непокрытой головой на холодном ветру, он провожал свою дочь принцессу Елизавету и ее мужа принца Филиппа, которые улетали в Кению, а затем в Австралию. Уинстон Черчилль, который присутствовал в аэропорту, позже вспоминал, что король был «веселым и даже беспечным, держа бокал шампанского в руке». Но здесь же Черчилль добавлял: «Я думаю, он знал, что жить ему осталось недолго».

Георг VI вернулся в Сендрингем 1 февраля, а 5, прекрасным безоблачным днем, охотился на зайцев. Вечером он обедал с королевой Елизаветой и младшей дочерью принцессой Маргарет; спать он отправился в 10.30. Чуть позже часовой видел короля, который возился с щеколдой на окне своей спальни. Утром 6 февраля 1952 года тромб подступил к сердцу монарха, и он умер, не просыпаясь. Тело обнаружил камердинер в 7.30, когда принес своему господину чашку утреннего чая.

Его дочь Елизавета в это время находилась в Кении и наблюдала за носорогами из окон отеля. Несколько часов спустя ее муж, Филипп, конюх которого услышал новость от журналистов, деликатно сообщил ей печальную весть. В США Палата представителей выразила свои соболезнования и прервала на день свою работу. Президент Трумэн записал в дневнике: «Он был великим человеком. Достойная пара своему брату Эду».

Тело покойного находилось в церкви Сендрингема вплоть до 11 февраля. Гроб с телом короля выставили для прощания в

Вестминстер-Холл, и триста тысяч человек прошли мимо него. Монарх упокоился в склепе часовни Св. Георга в Виндзоре. Черчилль прислал венок из зимних цветов и карточку, где его рукой было написано: «За доблесть».

Герцог Виндзорский (Windsor Duke of)

(1894-1972)

Старший сын Георга V, короля Великобритании, Северной Ирландии и Британских доминионов, вступил на престол 20 января 1936 года, но через год отрекся от него, чтобы жениться на уроженке Балтимора, уже дважды разведенной Бесси Уоллис Симпсон. Его провозгласил герцогом Виндзорским преемник и младший брат Георг VII. Во время второй мировой войны герцог был губернатором Багамских островов, но остаток жизни скучающая чета Виндзоров провела во Франции. Герцогине так и не пожаловали титул «Королевское Высочество», и она постоянно пеняла мужу. Но человеку, с завидным постоянством в приверженности однажды выбранной цели, вполне можно простить преданность жене даже с очень нелегким характером.

С 1953 года Виндзоры проживали с большим штатом прислуги в большом белом особняке в Париже, занимающем два акра земли. К 1970 году герцог сильно сдал, и уже едва мог закончить раунд гольфа, но все равно был заядлым курильщиком, и в 1971 году биопсия показала неоперабельный рак гортани. «Я же говорила ему, чтобы он бросил курить», — сказала герцогиня. Начали проводить лечение кобальтом, но к марту 1972 года вес герцога составил менее ста фунтов.

В мае, несмотря на участившиеся кровотечения, он изъявил настойчивое желание приветствовать свою племянницу, королеву Елизавету, которая вместе с принцем Филиппом и их сыном Чарльзом нанесла во Францию визит. Когда они приехали, Виндзор сидел в кресле рядом с постелью, внутривенная трубка с питательной смесью скрывалась одеждой. «Дорогая Лизбет, как я рад снова тебя видеть», — приветствовал герцог королеву, и они побеседовали несколько минут.

Через десять дней, после очередного кровоизлияния, герцог Виндзорский скончался. Это случилось 28 мая 1972 года. По одной из версий происшедшего, Уоллис спала, и ее разбудили печальной новостью; по другой — она задремала в кресле, ее поднесли к постели умирающего и она взяла его за руку, он взглянул на нее и испустил дух.

Тело герцога выставили для прощания в часовне Св. Георгия

в Виндзоре, и 57 000 скорбящих пришли поклониться ему. Похороны прошли при закрытых дверях, присутствовали лишь члены королевской семьи, представители правительства и несколько специально приглашенных гостей. Гроб отвезли через Виндзорский парк к месту захоронения и положили рядом с братом покойного, герцогом Кентским, недалеко от мавзолея Виктории и Альберта. Герцогиня Виндзорская рассказывала приятельнице: «Я стояла и смотрела на то место, где мне самой предстояло быть похороненной».

Стареющая герцогиня прожила в своем парижском особняке еще четырнадцать долгих и несчастливых лет. Она умерла, когда ей было девяносто, 24 апреля 1986 года. После церемонии в часовне Св. Георгия она упокоилась рядом с любимым мужем.

В течение почти пятнадцати лет лорд Мантбеттен и другие предпринимали попытки вернуть наследство Виндзоров Британии, но герцог завещал все Уоллис, а она оставила свое состояние Пастеровскому институту в Париже.

Гесс Рудольф (Hess Rudolf)

(1894-1987?)

Один из главных немецко-фашистских военных преступников, с 1933 года заместитель фюрера, удивил мир, когда в мае 1941 года секретно прилетел в Великобританию с предложением мира. Но это ему не зачлось, и Нюрнбергский военный трибунал приговорил Гесса к пожизненному заключению.

Через какое-то время шесть его бывших товарищей были освобождены из берлинской тюрьмы Спандау, и с 1966 года узник № 7 оставался единственным заключенным, попеременно охраняемым то американским, то английским, то советским персоналом. В 1969 году Гесс чуть было не умер от прободения язвы двенадцатиперстной кишки, и вскоре после этого стали проявляться обычные старческие недуги: нетвердая походка, провалы в памяти, ухудшение зрения.

В августе 1987 года Гесса охраняли американцы. 17 августа Гесс, как обычно, прилег отдохнуть после обеда. В 14.30 он в сопровождении надзирателя спустился прогуляться в сад. Некоторое время они сидели на скамейке в беседке, затем надзирателя позвали к телефону. Вернувшись, он нашел узника лежащим на полу лицом вниз, с коленями, прижатыми к груди и упирающимися в опрокинутый стул. Лицо Гесса было свинцового цвета, а вокруг шеи затянут кусок электрического кабеля.

Искусственное дыхание рот в рот и массаж сердца не дали результатов, как и другие меры, предпринятые в Британском военном госпитале, где зарегистрировали смерть Гесса.

При первом обследовании тела в кармане покойного нашли записку: «Просьба к властям отослать это домой. Написано за несколько минут до моей смерти. Дорогая Илсе[1], спасибо за то, что ты сделала для меня, и за то, что пыталась сделать». Причиной смерти была записана «асфиксия, сдавливание верхних дыхательных путей при повешении». Неудовлетворенная таким заключением семья потребовала повторного вскрытия. Результат показал: «Смерть наступила вследствие удушья». Семья Гесса и многие другие подозревали убийство. Поскольку провода не было поблизости и сам Гесс не мог его раздобыть, то повешение было делом посторонних рук, о чем также свидетельствовали сильные кровоподтеки на шее, которые не мог сам себе оставить немощный старик. В марте 1988 года прокурор Западного Берлина начал расследование по делу об убийстве, которое так и не было завершено.

Из-за опасения, что неонацисты сделают место захоронения своей святыней, похороны Рудольфа Гесса отложили до 17 марта 1988 года.

Доктор Хью Томас в вышедшей в 1979 году книге «Убийство Рудольфа Гесса» подвергает сомнению известную историю о полете заместителя фюрера по партии в Англию и личность человека, который находился в заключении и умер в тюрьме Спандау. Томас работал в качестве консультанта в госпитале, где узник № 7 проходил медицинское обследование в 1973 году и где позже его объявили мертвым. Во время медобследования Томаса поразило, что на теле Гесса не осталось ни малейшего следа серьезного пулевого ранения, полученного в августе 1917 года на румынском фронте. Гесс пролежал после ранения несколько месяцев и был признан негодным к службе, однако ни шрама на груди, ни внутренних повреждений на рентгеновских снимках обнаружено не было.

Основываясь на этом факте, Томас детально расследует таинственный полет 1941 года. Подлинный Гесс вылетел из Аугсбурга под Мюнхеном в 17.45 10 мая на двухмоторном «мессершмитте 110-Д» без дополнительных баков с горючим. Он никому не сообщил, куда направляется. Поскольку его собственный летный комбинезон потерялся, он взял такой же у приятеля. Выдающий себя за Гесса (по утверждению Томаса) приземлился в Шотландии около одиннадцати часов вечера на «мессершмитте 110-Д» (или 110-Е), с закрепленными под крыльями дополнительными баками, которые были брошены в

устье реки Клайд и выловлены на следующий день. Однако при наличии дополнительных баков или без них, перелет превосходил радиус досягаемости «мессершмитта». Кроме того, у прилетевшего не было документов, но одет он был в летный комбинезон Гесса.

Томас полагает, что сам Гесс был убит в результате заговора Гиммлера или другого нацистского лидера, знавшего о плане Гесса, а двойник Гесса вылетел из Дании, преодолев значительно меньшее расстояние до Глазго.

По этой теории развившаяся у двойника Гесса амнезия должна была скрывать недостаток информации, которой он располагал. Кроме того, Гесс был как вегетарианцем, а включенный употреблял в пищу и мясные продукты. Фрау Илсе Гесс никогда не сомневалась, что узник — ее муж, однако тот отказывался встречаться с ней до 1969 года, и в гот момент она отметила его неожиданно низкий голос и отсутствие имевшейся ранее щели между передними зубами.

В своей переизданной книге «Гесс: история двух убийств» (1988) Томас утверждает, что узник, кем бы он ни был, не совершал самоубийства.

Незаинтересованному читателю трудно заключить, какая из двух версий более правдива. Но все же маловероятно, чтобы невиновный человек добровольно провел сорок и есть лет в заключении в Англии и тюрьме Спандау. Теория Томаса представляется достаточно правдоподобной; но ее автор не может установить личность таинственного двойника Гесса и не объясняет германской миссии 1941 года в Англии.

Однако до тех пор, пока вопрос со шрамами на груди (отсутствие которых было подтверждено медицинской экспертизой и женой Гесса) не разрешится, слухи о заговоре в высшем руководстве нацистской Германии не могут быть вполне опровергнуты.

Глисон Джеки (Gleason Jackie)

(1916-1987)

Уроженец нью-йоркского района Бруклин снискал славу в мире развлечений в пятидесятые годы, сыграв хвастливого водителя автобуса Ральфа Крамдена в телесериале «Новобрачные». Глисон снимался в кино и получил «Оскара» за фильм «Энергичный человек» (1961). Он даже претендовал на статус композитора и дирижера, правда, без особых оснований. В начале шестидесятых годов журнал «Лайф» называл Глисона

«самым ярким актером в шоу-бизнесе».

Глисон вызывал в коллегах самые разные чувства — от гнева и отвращения до любви и даже преклонения. Он был крупным человеком, вес его приближался к тремстам фунтам. Как профессиональный комедиант он не стремился похудеть, поскольку когда-то в молодости ему сказали: «Тощий ты не смешной».

После резкого упадка сил в Чикаго в 1978 году во время гастролей со спектаклем «Хитрая лиса», Глисону провели 3 операции на коронарных сосудах. Театральные спектакли того периода не давали возможности проявиться его таланту, но в марте 1983 года Глисон снялся вместе с Лоуренсом Оливье в пятидесятиминутной презентации программы «Мистер Халперн и мистер Джонсон», где он затмил великого английского актера. Это представление, а также появление Глисона в телепрограмме «60 минут» в 1984 году («Мне он чрезвычайно понравился», — вспоминал его интервьюер Морли Сафер) способствовали росту популярности актера в последние годы его работы в театре и кино.

Последний фильм Глисона — «Иззи и Мо» (1985) оказался неудачным. Партнером по фильму был Арт Кэрни, с которым он играл в «Новобрачных». Глисону к тому же, было безосновательно приписано сочинение музыки к фильму. В 1985 году актеру позволили поместить на складе с воздушными кондиционерами пленки «вырезанных» из «Новобрачных» кадров примерно на семдесят часов, которые он впоследствии сумел продать почти за шесть миллионов долларов.

В апреле 1987 года у Глисона выявили рак толстой кишки, уже поразивший метастазами печень. Актер отказался от биопсии и вернулся в свой дом во Флориде. Страдающего от сильных болей в животе, его доставили в госпиталь 21 мая, и в ходе трехчасовой операции из толстой кишки удалили обширную опухоль. Однако рак и в самом деле затронул печень и паховые лимфатические узлы. Узнав, что ему отпущено всего несколько месяцев, Глисон потребовал приостановить кислородное питание, чтобы вновь можно было курить столько, сколько ему захочется. 3 июня провели еще одну операцию по очистке брюшной полости. После нее актер отправился домой. В последние дни жизни Глисон отправлял открытки и подписывал фотографии друзьям. В передаче «60 минут» он высказал свое убеждение, что «Бог не мстителен, и если даже вам случилось совершить грех, он не отправит вас навечно в преисподнюю». Незадолго до смерти актер сказал: «Если Богу нужен еще один шутник, — я готов». 24 июня 1987 года, пролежав два дня в коматозном состоянии, он умер.

Две тысячи человек прошли мимо гроба, установленного в мемориальном зале в Майами. На поминальной мессе в соборе Св. Марии присутствовал один из его партнеров по «Новобрачным» — Одри Мидоуз. Тело Глисона перенесли в мраморный мавзолей на побережье, на кладбище Милосердной Матери Господней. Позже именем Глисона был назван автобусный парк в Бруклине.

Горовиц Владимир (Horowitz Vladimir)

(1904-1989)

Американский пианист украинского происхождения, он женился на младшей дочери дирижера Артура Тосканини Ванде в 1933 году. Горовиц был бисексуалом, ипохондриком и страдал временами маниакально-депрессивными расстройствами, но супруги испытывали взаимное уважение друг к другу. Правда, в период с 1949 по 1953 год они жили порознь и их жизнь сопровождалась несколькими бурными эпизодами.

В 1953 году к депрессии Горовица, вызванной недоброжелательными отзывами в печати, прибавилась боязнь того, что один из участившихся приступов колита случится с ним во время выступления. Все это обусловило исчезновение пианиста на двенадцать лет из поля зрения публики. В начале 80-х годов чрезмерная зависимость от лекарств сказалась на игре Горовица, и он вынужден был сделать перерыв в выступлениях — на этот раз только на полтора года.

Пианист виртуозно играл в документальном фильме «Горовиц — последний романтик», снятом в апреле — мае 1984 года, в его квартире на Манхэттене. Но в зените своей славы он оказался, побывав почти через шестьдесят лет, в 1986 году в Советском Союзе. Широко разрекламированный концерт в Москве транслировался 29 апреля телевидением CBS.

В марте следующего года Горовиц отправился в Милан, чтобы сделать свою последнюю концертную запись; были проведены съемки, и новая кассета с видеозаписью пользовалась большим спросом. Пианист любил музыку Моцарта, которая особенно сложна в исполнении, и сыграл Концерт ля мажор и Сонату си бемоль. Дирижером оркестра «Jla Скала» был Карло Мария Гулини, и между двумя знатоками Моцарта не раз возникали определенные трения. Они спорили о темпе и технике исполнения музыкальных арабесок. Как правило, Гулини в конце концов уступал.

Последнее публичное появление Горовица состоялось в

Манхэттенской студии 11 октября 1989 года, когда он раздавал автографы на своих пластинках. Но пианист продолжал делать записи почти до последнего дня жизни. Шесть записей Гайдна, Шопена и Листа для CBS были закончены к 1 ноября. Утром 3 ноября Горовиц проснулся с тошнотой и головокружением, но доктор не обнаружил признаков заболевания. В воскресенье, 5 ноября, пианист проснулся позже, позавтракал и пошел в спальню к Ванде, чтобы обсудить обеденное меню. Потом туда же зашла экономка Селин Райт, и Ванда обернулась к ней. Войдя, миссис Райт ахнула, увидев, как Горовиц, с которым случился сердечный приступ, пошатнулся на стуле и упал на пол. Ванда оглянулась и произнесла: «Он мертв». Вызванная бригада неотложной помощи около часа пыталась вернуть к жизни восьмидесятипятилетнего пианиста, но все усилия оказались напрасными.

Тело Горовица перевезли в зал для гражданской панихиды на Мэдисон-Авеню. Со всего мира приходили телеграммы с соболезнованиями. Два дня с Горовицем прощались в зале, в котором негромко звучала запись исполняемой им музыки. Кажется странным, что еврей, даже не соблюдавший религиозных обрядов, мог быть похоронен на католическом кладбище! «Никто не возражал», — объясняла Ванда. Поэтому ее мужа похоронили в миланской фамильной гробнице Тосканини, рядом с их дочерью Соней, умершей в 1974 году в Женеве.

Состояние пианиста, оцененное примерно в 8 миллионов долларов, унаследовала его жена, триста тысяч долларов было переведено на стипендии в школу Джуллиар-да, двести тысяч — Гулиане Лопес, которая помогла Горовицу в 1984 году вернуть здоровье и уверенность в своих силах.

См. Харольд С. Шонберг (1992).

Грант Гарри (Grant Gary)

(1904-1986)

У голливудской суперзвезды английского происхождения был всего один ребенок — дочь Дженнифер, которая родилась в феврале 1966 года от четвертой жены Диан Кэннон. Девочка появилась на свет, когда брак ее родителей уже распался после семи месяцев совместной жизни. Грант в это время заканчивал работу над своим последним фильмом «Идти, а не бежать». Его пятой женой в апреле 1981 года стала Барбара Харрис. В декабре того же года супруги и дочь знаменитости Дженнифер присутствовали на церемонии в Вашингтоне, где Грант и четверо других американских актеров чествовались за их заслуги перед

кинематографом. В 1984 году актер перенес легкий удар, но не перестал путешествовать, активно заниматься общественной деятельностью и проводить рекламную кампанию парфюмерии Фаберже.

28 ноября 1986 года он прибыл с Барбарой в Давенпорт, шт. Айова, на очередную презентацию начатого в 1983 году цикла спектаклей «Беседы с Гарри Грантом». Он чувствовал себя прекрасно — расслабившийся, освободившийся от многолетнего напряжения. Слухи о его бисексуальности сошли на нет, женитьба на Барбаре оказалась удачной для обоих. Они остановились в отеле и на следующее утро отправились осматривать достопримечательности города. Супруги посетили муниципальную галерею искусств, где собрано множество полотен Гранта Вуда, и Палмеровский колледж практической хиромантии. Как отмечал их гид, местный бизнесмен Дуглас Миллер, оба были в прекрасном настроении.

Во второй половине дня Гранты побывали в театре, где шли приготовления к вечернему шоу, проверили расположение микрофонов для аудитории и обсудили с киномехаником порядок показа клипов. Через какое-то время Грант пожаловался на недомогание и удалился в гримерную, поддерживаемый Барбарой. Через час он отменил шоу и вернулся в отель. Но он по-прежнему отказывался от медицинской помощи, пока Миллер наконец не решился вызвать собственного врача, некоего Мэнлава. Когда Мэн-лав приехал в отель, Гранта рвало ц он жаловался на головную боль и головокружение. Измерение кровяного давления показало 210:130. Несмотря на сопротивление больного, вызвали «скорую помощь». Грант признался медикам: «Я чувствую боль в груди, но думаю, это не страшно. Я не хочу поднимать шум». Актеру подключили аппарат искусственного дыхания, капельницу и кислородный аппарат, но умирающий нашел силы приподняться и слегка пожать руку жене. В госпитале Св. Луки, когда его везли в отделение интенсивной терапии, Грант сумел проговорить: «Я люблю тебя, Барбара... Не беспокойся». ЭКГ показала обширный инсульт; в 23.52 была зарегистрирована смерть Гарри Гранта.

На рассвете 30 ноября 1986 года Барбара Грант, сопровождающая тело мужа, вылетела самолетом частной авиакомпании в Лос-Анджелес. По воле Гранта никакой церемонии не проводилось. Говорят, что его вдова развеяла прах покойного вокруг дома в Беверли Хиллз. Она и Дженнифер разделили между собой состояние Гранта, которое составляло примерно сорок миллионов долларов.

Грейнджер Перси (Grainger Percy)

(1882-1961)

Самый знаменитый австралийский композитор переехал в Соединенные Штаты в 1914 году. Сейчас его знают в основном по оранжировкам песен и небольшим пьесам, таким, как «Деревенские сады» и «Молли на берегу», однако при жизни композитор был известен и как пианист, известный своим исполнением концерта Грига.

Воспитание Грейнджера в детстве было очень своеобразным, и это наложило отпечаток на его образ жизни и сексуальные пристрастия. Мать Грейнджера, Роза, била его кнутом, а узнав, что муж заразил ее сифилисом, перестала его пороть и несколько лет вообще не дотрагивалась до ребенка. Когда Перси было двенадцать лет, он вместе с матерью отправился в Европу, чтобы продолжить музыкальное образование. С тех пор она контролировала профессиональную и интимную сферы его жизни, ходили даже слухи об инцесте (возможно, необоснованные). Вероятно, это привело к самоубийству Розы в 1922 году, когда она выбросилась с восемнадцатого этажа нью-йоркского дома.

Сексуальные партнеры Перси, в том числе и его жена Элла подвергались избиениям плетью, часто довольно жестоким. Это было особой формой полового извращения, характерной для Грейнжера еще с подросткового возраста. Он также занимался и самобичеванием, исхлестывая себя до крови. Зная о возможном аресте, композитор не стыдился своего образа жизни и даже сделал ряд компрометирующих фотографий для музея Грейнджера в Мельбурне, которые, правда, разрешил опубликовать лишь через десять лет после собственной смерти. Одной из своих подруг он рассказывал, что хотел бы иметь детей, которых мог бы хлестать для собственного удовольствия; и не преминул бы вступить в половую связь со своими дочерьми.

В декабре 1953 года в Дании Грейнджеру сделали операцию по удалению раковой опухоли предстательной железы. Однако опухоль дала метастазы в тазовую область. Из-за частых задержек мочеиспускания требовалось расширение мочеточника, и в феврале 1960 года композитору удалили яички. Операция проводилась в нью-йоркском госпитале, где Грейнджер проходил курс лечения уже много лет. В конце года наступил упадок душевных сил. В последний раз поступив в госпиталь 14 февраля 1961 года, Грейнджер умер в ночь на 20, пролежав три дня без сознания. Последние его слова были обращены к Элле: «Ты единственная, кто мне нравился». Заключение вскрытия,

отправленное в музей Грейнджера, стало в 1987 году предметом исследования Дж. Г. О'Шид. Обнаружили метастазы мозга и черепа, распространившиеся и в другие части скелета. Очевидно, было и обширное церебральное кровоизлияние.

Последняя воля умершего не была выполнена Грейнджер завещал, чтобы его плоть отделили от костей, а скелет передали в качестве наглядного пособия Мельбурнскому университету, и чтобы не проводилось похоронной службы или какой-либо другой церемонии. Но гело Грейнджера переправили самолетом в Австралию и похоронили рядом с его матерью на английском кладбище в Аделаиде.

Грейс, принцесса Монако (Grace, Princess of Monaco)

(1929-1982)

Киноактриса из Филадельфии Грейс Келли, вышедшая в 1956 году замуж за принца Монако Рэне III, последний раз снялась в 1980 году в картине о фестивале цветов в Монте-Карло.

Совершив в 1982 году вместе с мужем увлекательный круиз по Норвегии, она вернулась с двадцатичетырехлетним наследником Альбертом и младшей дочерью, семнадцатилетней Стефани, в свой уединенный дом в прохладных горах под Монако.

Понедельник, 13 сентября, выдался на Французской Ривьере теплым и солнечным. Вечером Грейс и Стефани собирались отправиться в Париж, но перед этим необходимо было заехать к модельеру в Монако, чтобы поменять фасон некоторых платьев. Уложив коробки с туалетами на заднем сиденье своего любимого «ровера 3500», Грейс примерно в 9.30 отпустила шофера, для которого не осталось места, и села за руль сама. Стефани расположилась рядом, и они поехали по узкому извилистому шоссе. На про-1яжении пяти миль за ними следовал грузовик с водителем Ивом Раймондо. Примерно за двести ярдов до последнего, самого крутого поворота, тот увидел, как «ровер» рванулся вперед, все увеличивая скорость. «У машины даже не загорелся стоп-сигнал, — сообщил Раймондо. — Она разгонялась все сильнее, не вписываясь в поворот». Наружный защитный барьер помог избежать катастрофы, однако он обрывался примерно на половине поворота, где отходила в сторону проселочная дорога. Машина зацепила конец барьера и, опрокинувшись, прокатилась больше сотни футов через кусты и сосновый перелесок, застряв на огороде рядом с выкрашенным в красный цвет домом. Правую дверь заклинило. Двое оказавшихся поблизости людей вытащили перепуганную, получившую сильные

ушибы Стефани через водительское сиденье и левую дверь и отнесли ее на крыльцо дома. «Вы должны помочь маме, — проговорила она по-французски. — Позвоните папе... он принц». Часы в машине остановились в 9.45. Грейс нашли отброшенной на заднее сиденье. Машина полиции и две машины «скорой помощи» прибыли через десять минут. Через заднее стекло принцессу, которая была без сознания, удалось вытащить. Ее немедленно доставили в госпиталь в Монако с разорванным легким, переломами ребер и правого бедра. На голове была глубокая рана, и, очевидно, произошла травма мозга. Поскольку в госпитале не оказалось сканирующей аппаратуры, вечером пациентку перевезли в кабинет местного врача. Сканирование показало небольшое кровотечение в лобной части, что свидетельствовало об ударе, способном вызвать потерю сознания и временное помутнение рассудка. Однако результатом аварии стало обширное кровоизлияние в мозг — такой диагноз не оставлял надежд. Принцесса Грейс умерла в госпитале, не приходя в сознание, вечером 14 сентября 1982 года. У ее постели находились муж Рэне и двое старших детей — Каролина и Альберт.

После нескольких дней прощания, когда тело находилось во дворце, Грейс похоронили в соборе Св. Николая, где двадцать шесть лет назад она обвенчалась с Рэне в присутствии многих знатных особ.

О смерти Грейс ходили самые противоречивые слухи. Говорили, что «ровер» вела Стефани; что авария произошла во время ссоры; наконец, что Грейс совершила самоубийство. Но, скорее всего, ей стало плохо, когда она подъезжала к опасному повороту, а Стефани слишком поздно нажала на ручной тормоз, который был наполовину выдвинут. Ссора или простое отвлечение внимания вряд ли имели место. Известно, что Грейс водила машину очень осторожно. Стефани рассказывала потом отцу: «Мама запаниковала. Она не знала, что делать. Она потеряла управление».

Грин Грэм (Greene Graham)

(1904-1991)

Английский романист принял католическую веру, помолвившись с Вивьен Дайрел-Броунинг в 1926 году. Исследование греха и морали — вот основные мотивы его произведений. Однако сам писатель не соглашался, когда его называли «католическим автором», утверждая, что только в

некоторых из его 24 романов сделано ударение на религию. «В лучшем случае, — говорил Грин, — меня можно назвать «католическим агностиком». Заядлый путешественник, он не разделял политики США во Вьетнаме и на Гаити, что отражено в его «Тихом американце» (1956) и «Комедиантах» (1966).

После рождения сына и дочери в 60-х годах они с Вивьен разошлись. Грин больше не был женат, но после смерти писателя стало известно о его страстном романе с американкой Катрин Уолстон, женой английского пэра. Связь длилась двенадцать лет, и Грин несколько раз делал Катрин предложение выйти за него замуж.

Последнюю треть жизни Грина сопровождала Ивон Клоэт, француженка, которая была на 20 лет моложе его. Она жила с мужем Жаком в их доме на Французской Ривьере и ежедневно наведывалась в скромную квартиру писателя, находившуюся в пяти минутах езды. Они вместе обедали в гавани, в местном ресторанчике, а в полдень прогуливали ее спаниеля Санди. Ивон готовила Грину легкий ужин и в семь часов вечера отправлялась домой. Хотя она не разделяла его литературных пристрастий (даже играя в «Чепуху», она писала неграмотно), они явно были созданы друг для друга. Грин называл ее «котенком» и посвятил ей книгу «Путешествия с моей тетушкой» (1969).

Когда здоровье писателя ухудшилось, они с Ивон перебрались в ее маленькую квартиру около Виви в Швейцарии, окна которой выходили на Женевское озеро. В последние дни Грин говорил, что рай представляется ему местом активных действий, где мертвые могут помочь живым. Писатель умер в госпитале Провидения в Виви от болезни крови 3 апреля 1991 года. Его последний вопрос был обращен к Ивон: «Будет ли это интересным познанием? Узнаю ли я, что лежит за гранью? Почему так долго длится этот путь?»

Было полной неожиданностью, что состояние Грина, оцениваемое в 18 миллионов долларов, оказалось растраченным и насчитывало лишь 350 тысяч долларов. Очевидно, писатель тратил огромные суммы денег на то, что считал важным (парадные наряды для монахов в Испании, поддержка левых в Сальвадоре), а таких расходов никто предположить не мог. Перед смертью Грин серьезно продумал, как распределить наследство. Все было разделено между Вивьен, с которой он так и не развелся, и его детьми — Фрэнсисом и Каролиной. Ничего не было оставлено Ивон, но, как заметили родственники, «вовсе не обязательно все оговаривать в завещании». На погребальной службе в Вестминстерском аббатстве Вивьен и Ивон сидели далеко друг от друга. «Мы никогда не встречались прежде, —

сказала потом Ивон. — Я ничего не имела против нее, и не думаю, чтобы она была настроена против меня».

Гувер Дж. Эдгар (Hoover J. Edgar)

(1895-1972)

Нередко называемый самым могущественным человеком Америки, Гувер возглавлял Федеральное Бюро расследований почти сорок пять лет. Он служил восьми президентам, многие из которых хотели от него избавиться (последний, Ричард Никсон, дважды пытался снять его), но опасались секретных архивов ФБР. Многие считали Гувера стражем закона и порядка, символом всего лучшего в американском обществе; для других он был хвастливым задирой и угрозой свободе слова и собраний. (Проведенное Сенатом в 1976 году расследование деятельности Бюро выявило «совокупность действий, угрожающих конституции».)

1 мая 1972 года Гувер провел весь день в Департаменте правосудия, подав заявление в суд на статью в «Вашингтон Пост», в которой цитировались документы ФБР. В статье были также слова: «Гувер явно помешался на сексе. Его сыщики сбились с ног, выискивая, кто с кем спит в Вашингтоне и Голливуде».

После работы личный шофер Том Мотон отвез Гувера на обед к его ближайшему другу Клайду Толсону и затем вечером доставил домой. Приехав, Гувер погулял с парой своих терьеров, позвонил Джеймсу Кроуфорду и попросил его прийти утром посадить несколько розовых кустов. (Находившийся на пенсии бывший агент ФРБ Кроуфорд выполнял работы по уходу за домом и во дворе.)

На следующий день, 2 мая 1972 года, домоправительница Энни Филдс была удивлена, не услышав привычного шума душа, когда готовила традиционный завтрак из вареных яиц, тостов и кофе. Мотон приехал и ждал; в 8.15 прибыл Кроуфорд и начал работать во дворе. Через несколько минут сильно обеспокоенная Энни попросила Кроуфорда подняться наверх. Сама она не хотела идти, потому что Гувер обычно спал голым. Работник постучал в дверь спальни и заглянул внутрь. Его глазам предстал лежащий на коврике около кровати «босс», тело которого уже было холодным.

Дабы упоминание о Кроуфорде не вызвало ненужных пересудов, в официальном сообщении было сказано, что тело нашла Энни Филдс. Это помогло избежать целого ряда вопросов: почему уволенный агент был в доме Гувера, чем он там

занимался, кто платил ему за работу?

Хотя доктор Робер В. Чойстер заявил, что его пациент страдал гипертонией лишь в легкой форме, заключение о причине смерти гласило: «гипертоническая сердечно-сосудистая болезнь». Вскрытие не производилось — умершему было семьдесят семь лет и ничто не указывало на убийство или несчастный случай.

Свинцовый гроб выставили 3 мая на Капитолийской ротонде на катафалке, сделанном еще для Линкольна. За всю историю директор ФБР был двадцать седьмым человеком, удостоенным этой чести. Гроб весом в четыреста килограммов был вынесен на ступени Капитолия восемью военными гвардейцами.

Во время похоронной службы в Вашингтонской национальной пресвитерианской церкви Никсон назвал умершего «человеком, сделавшим ФБР... неподкупным защитником драгоценного права каждого американца на отсутствие страха». Но сохранилась запись разговоров в Белом доме, где Никсон произносит: «У него на всех собраны досье».

Друг директора ФБР унаследовал почти все его состояние в 560 тысяч долларов, переехал в его дом и прервал всякие взаимоотношения с Бюро. (Он умер в апреле 1975 года, его взаимоотношения с Гувером до сих пор являются поводом для сплетен.) Досье Гувера были избирательно уничтожены его секретаршей Элен Ганди и другими. Директором ФБР был вскоре назначен Патрик Грей, но он отказался от этого поста.

Дж. Эдгара Гувера похоронили на старом кладбище Конгресса в юго-западной части Вашингтона, всего в нескольких кварталах от места его рождения. Родители его похоронены рядом.

Гуфри Вуди (Guthrie Woody)

(1912-1967)

Проведенную в странствиях жизнь американского исполнителя народных песен отравлял сначала алкоголь, потом затяжная и коварная болезнь, лишившая его рассудка задолго до смерти. Певец писал своей второй из трех жен, Мержори Гринблетт, когда ему было уже за сорок: «Я хотел бы, чтобы ты вырвала очередную бутылку у меня из рук и разбила ее о мою голову... Вышвырнуть меня за дверь, как делаешь ты (когда я больше всего нуждаюсь в помощи), — вовсе не лучший способ помощи...»

Болезнь уже, по-видимому, отразилась на способности

рассуждать, когда Гуфри писал страстные письма многим женщинам, полагая, что его чувства найдут у них отклик. В 1948 году одна из них предъявила обвинение, и певец был осужден на тюремное заключение за отправление непристойных писем. Однажды он заявился к Мержори и напал на нее. А в сентябре в бруклинском национальном госпитале поставили окончательный диагноз его болезни, прежде погубившей мать Гуфри и, возможно, ставшей причиной смерти его отца.

У певца обнаружили болезнь Гентингтона (прогрессирующая наследственная хорея), первые признаки которой проявляются уже в зрелом возрасте, — когда поздно принимать решение, стоит ли заводить детей. Симптомы выражаются в непроизвольном гримасничанье, усилении жестикуляции, пошатывании при ходьбе, поражении некоторых отделов коры головного мозга. Выраженность этих симптомов с течением времени нарастает. Болезнь эта практически неизлечима.

Вуди удалось выписаться из госпиталя, и в конце 1952 года он куда-то исчез вместе со своей третьей женой, двадцатилетней Аннеке. В 1953 году, из-за несчастного случая на пикнике во Флориде, Гуфри сильно обжег правую руку. В сентябре следующего года он добровольно вернулся в бруклинский госпиталь, Аннеке к тому времени развелась с ним, забрав приемную дочь Лорину.

Выйдя из госпиталя в мае 1956 года, Вуди отправился в автобусное путешествие по стране. Его арестовали в Нью-Джерси за бродяжничество и препроводили в Моррис Плейс, где Гуфри провел около пяти лет. Мержори вторично вышла замуж. Хотя Вуди писал ей полные боли письма, стиль которых явно свидетельствовал о душевной болезни, он находил Грейстон более подходящим местом, чем бруклинский госпиталь. Мержори и дети начали навещать его. Вуди сначала попросил принести гитару, потом пишущую машинку, но не мог пользоваться ими. К концу года певец уже совсем не мог писать. Друзья забирали его по воскресеньям, ухаживали за ним, стригли ногти и привязывали его правую руку к ремню, чтобы он не разодрал себе лоб.

К тому времени народная музыка приобрела популярность — другие певцы нередко исполняли песни Вуди, особенно часто «Эта земля твоя», звучавшая даже чаще, чем «Звездное знамя». Боб Дилан, на которого Вуди оказал значительное влияние, приезжал в Грейстон в 1960 году. В 1961 году Мержори перевезла Вуди в бруклинский национальный госпиталь, чтобы иметь возможность забирать его к себе домой на уик-энды. Вуди уже еле говорил, когда он пытался что-то произнести, получалось смешно и невнятно. Состояние Вуди все ухудшалось, к 1965 году он совсем

перестал говорить, однако еще отвечал на вопросы, указывая движением руки на карточки «да» или «нет».

В 1966 году Вуди перевезли в национальный госпиталь в Квинсе, где доктор Джон Уиттер проводил исследования болезни Гентингтона. Незадолго до смерти Вуди успел прослушать запись своего сына Арно с песней «Ресторан Элиса». К дню своей смерти, 3 октября 1967 года, Вуди весил меньше ста фунтов, кожа его была восковой, почти прозрачной, весь он дрожал. Вечером накануне Мержори показалось, что ее посещение вызвало реакцию у умирающего. Священник предложил прочитать молитву. Мержо-ри согласилась и сказала, что Вуди всегда был богобоязненным. Священник прочитал 23-й псалом, «После этого, — отмечает биограф Гуфри, Джо Клейн, — Мержори встала на цыпочки и, перегнувшись через стальные прутья кровати Вуди, поцеловала его в последний раз».

Похоронной службы не было. Тело Вуди кремировали в Бруклине, а Мержори и дети Арно, Джоди и Нора отвезли его прах на любимое место Вуди — дамбу, отделяющую Кони-Айленд от Морских ворот, где собирались развеять пепел по ветру. Они пробили дырку в урне с пеплом открывалкой для пива, но пепел не высыпался. Тогда его сын Арно бросил урну в океан, и вскоре она затонула.

Концерт, посвященный памяти Вуди Гуфри, прошел в Карнеги-Холл несколько месяцев спустя. Денежные средства, собранные на концерте, поступили в комитет борьбы с болезнью Гентингтона, основанный Мержори.

Д

Дайнисен Исаак (Dinesen Isak)

(1885-1962)

Датская писательница Карин Дайнисен после замужества в 1913 году стала баронессой Бликсен-Финеке. Она пользовалась мужским псевдонимом Исаак Дайнисен, но на ее надгробии высечено имя Карин Бликсен.

Карин и ее муж Брор поженились в Африке. Они жили там, после того как купили в Кении участок земли для выращивания кофе. В течение года барон изменял жене с женами соседей-плантаторов и местными женщинами из Найроби, многие среди которых были больны сифилисом. Вскоре он заразил Карин, у которой первые признаки болезни проявились в 1914 году. Во время своих редких поездок в Европу Карин принимала новые препараты ртути — арсфенамин, но так и не смогла вылечиться. Позже она сильно страдала в третичный период сифилиса, когда поражаются спинной мозг и внутренние органы (у Карин — пищеварительные органы). Хотя она была очень выносliва, сильнейшие приступы боли иногда заставляли Карин кататься по полу и выть, как зверь. К. Дайнисен постепенно утратила аппетит и значительно потеряла в весе. Операции в 1946 и 1955 году по удалению пораженных отделов спинного мозга оказались неэффективными, и в 1961 году Карин уже не могла ходить или стоять без посторонней помощи.

В начале 1924 года Карин развелась с мужем. История продолжительной любовной связи с аристократом Денисом Финчем Хэттоном описана в ее книге «Вне Африки» (1937), экранизированной в 1985 году, с Робертом Рэдфордом в роли английского любовника писательницы.

Хэттон разбился на своем самолете в 1931 году. Карин продала ферму и вернулась в Данию. Тогда, после выхода «Семи готических историй» (1934) и последующих работ, она приобретает известность и славу в мире литературы.

Летом 1962 года, устроив прием на веранде дома, уже совершенно истощенная писательница, по собственному выражению, «выглядела как страшная старая ведьма — настоящая Ментo Мори». Гостям показали место на вершине холма, выбранное Карин для своей могилы.

Весь день 6 сентября ей очень хотелось спать. Вечером 7 сентября 1962 года Карин Дайнисен умерла от истощения у себя

дома, в Дании, в местечке Рангстедданд, что в 15 милях севернее Копенгагена.

См. Дж. Томпсон (1982).

Джойс Уильям (Joyce William)

(1906-1946)

Во время второй мировой войны англичане ненавидели его даже больше, чем Адольфа Гитлера. Уроженец Бруклина, он провел жизнь в Ирландии и Англии, незаконно объявив себя британским подданным и снискав скандальную популярность участием в антиеврейских демонстрациях в качестве лидера Союза фашистов.

Джойс начал работать на нацистском радио 11 сентября 1939 года и получил германское гражданство через год. Его надменный и язвительный голос, произносящий «говорит Германия», вскоре принес ему кличку «Лорд Гав-Гав».

В начале мая 1945 года, после попытки бегства в Швецию вместе с женой Маргарет, Джойс был ранен в ноги и арестован под Фленсбургом двумя английскими солдатами, собиравшими хворост. Они узнали Джойса по шраму на щеке. (Шрам был получен в уличной драке в Лондоне в 1924 году, когда он возглавлял группу фашистов.)

В сентябре 1945 года Джойс предстал перед лондонским судом по тройному обвинению в государственной измене. Два пункта обвинения были сняты, как неприменимые к гражданину Соединенных Штатов. Но Джойса признали виновным в предательстве британского правительства, подданным которого он себя объявлял. Ребекка Уэст в своей книге «Значение предательства» писала:

«Он умер по достаточно нелепой причине для любого преступника, который когда-либо был повешен. Он пал жертвой собственного стремления на протяжении всей жизни лгать о своей национальности... Если бы он не восстановил свой британский паспорт и выехал в Германию по американскому паспорту, который был его законным документом, то ничто на земле не смогло бы повредить ему. (Поскольку США не вступали в войну, прежде чем он стал полноправным германским гражданином.)»

Первая апелляция Джойса была отклонена 7 ноября тремя судьями. Апелляция последней инстанции, поданная в Палату лордов, рассматривалась пятью судьями в присутствии Джойса и также была отклонена (решением четверых против одного) 18

декабря. Жена Джойса, сама ожидавшая суда в тюрьме, была в тот же день привезена на встречу с ним. Накануне казни Джойс передал вызывающее послание посетившим его членам семьи: «Умирая, я, как и прежде, ненавижу евреев, виновных в этой войне». Джойс говорил и о растущей советской угрозе.

Утром 3 января 1946 года около трехсот любопытных собралось под стенами тюрьмы Уондсворф, расположенной в южном районе Лондона. Осужденный получил причастие и написал прощальные письма Маргарет и близким друзьям.

Прошло три богослужения: два — в Англии, одно — в Ирландии. Главный британский палач, содержатель пивной Альберт Пьерпойнт, приветствовал Джойса, одетого в поношенный синий костюм, и проводил его от камеры к месту исполнения приговора. Позже англичане не без удовольствия узнали, что колени приговоренного тряслись во время его последней прогулки, и что он криво усмехнулся, поглядев на дрожащие ноги, однако это вполне могло быть следствием ранения. Пьерпойнт осторожно надел на голову Джойса белый капюшон. Складки капюшона скрыли петлю. Люк открылся, и, падая, Джойс потерял сознание и скончался. При этом шрам на лице вроде бы открылся, и его пришлось загримировать, прежде чем предоставить тело на освидетельствование.

В заключении о смерти тридцатидевятилетнего Уильяма Джойса говорилось: «Повреждения головного и спинного мозга вследствие повешения, проведенного по приговору суда». Джойса похоронили на тюремном дворе.

Джонсон Бенджамин (Jonson Ben)

(1573-1637)

Английский драматург, поэт и актер, среди его пьес «Вольпоне, или Лиса» (1606) и «Алхимик» (1610), едва избежал виселицы после убийства на дуэли актера Габриела Спенсера. Джонсон, человек с высокими моральными принципами и обширными знаниями, в 1628 году перенес удар, и с этого момента, по его собственному выражению, стал «остряком, прикованным к постели». Не способный свободно передвигаться и прозябающий Джонсон до конца своих дней продолжал писать. Смерть настигла драматурга 6 августа 1637 года, когда он работал над «Грустным пастухом», яркой и блестяще написанной пасторальной драмой.

В 1953 году его биограф Маршет ˆут написала, что его похоронили в аббатстве, «где было огромное количество

скорбящих и можно было подумать, что провожают в последний путь знатного человека». Но Джонсону не нашлось места в Уголке поэтов; его могила расположена в другом месте. Говорят, и, скорее всего, это правда, будто бы Джонсон шутил, что не удостоится чести присоединиться к великим поэтам, включая Д. Чосера, и что ему достаточно будет небольшого участка. Действительно, Джонсону выделили совсем небольшое место для последнего пристанища. Остроумные слова принадлежат Хелен Ханф из Нью-Йорка, которая побывала на его могиле и написала следующее: «Не откладывая, заплатите за склеп или могилу, которую присмотрели для себя. Помните, что случилось с Беном Джонсоном...»

Бен знал, что будет похоронен в Вестминстерском аббатстве, и оставил за собой место для могилы, но так и не заплатил за него. Могильщики не собирались сохранять столь ценное место для нищего писателя. Поэтому они открыли могилу, перевернули гроб вертикально и подперли Беном угол, чтобы освободить могилу для платежеспособного покупателя...

В Вестминстерском аббатстве ему ни в чем не везло, даже памятную доску пришлось спрятать на боковой стене, поскольку эпитафия начинается словами: «О, славный Бен Джонсон», — но имя на ней написано не так, как сам он привык его писать[2].

Джонсон Линдон Бэйнс (Johnson Lyndon Baines)

(1908-1973)

Тридцать шестой президент США вступил в должность в тот день, когда убили Джона Ф. Кеннеди, и был избран на полный срок в 1963 году. Джонсон мог быть выдвинут на второй срок президентства, но из-за растущего недовольства агрессивной войной во Вьетнаме он объявил 31 марта 1968 года: «Я не стану стремиться к этому и не приму назначение своей партии».

Джонсону было всего сорок шесть лет, когда атеросклероз вызвал в 1955 году первый сердечный приступ.

Тогда он бросил курить, но вновь начал курить, выйдя в отставку. «Он дымил, как паровоз», — заметил один из друзей Джонсона. Довольно быстро он привык к спокойному образу жизни: «Я больше всего ценю возможность поваляться в кровати после десятичасовых новостей». Но в то же время Джонсон продолжал страдать от стенокардии и был вынужден постоянно держать под рукой нитроглицерин. Хотя бывший президент путешествовал (во Флориду, чтобы поплавать под парусами, в Акапулько с компанией — каждый февраль), он все же проводил

много времени, работая над мемуарами в библиотеке Джонсона в Остине и руководил техасской вещательной компанией, — самым главным местом для него всегда оставалось собственное ранчо. Один работник на ранчо как-то заметил: «Хорошо бы он еще раз стал президентом. Когда в шесть утра я дою коров, президент приходит и начинает расспрашивать меня о хозяйстве».

В марте 1970 года Джонсона поместили в госпиталь Сан-Антонио после тяжелого приступа стенокардии. Когда он гостил у своей дочери Линды в мае 1972 года, Джонсон перенес еще один сердечный приступ. Сообщалось, что он встал с больничной койки Шарлоттсвилльского госпиталя после трех дней интенсивного лечения и заявил своей жене, леди Бёрд: «Бёрд, я хочу умереть дома». Последние семь месяцев жизни президента были очень тяжелыми — последний приступ вызвал острую сердечную недостаточность. В спальне на ранчо был установлен аппарат кислородного питания, и время от времени Джонсон ложился и надевал маску. В октябре он обсудил с двумя специалистами из Бейлоровской Медицинской школы в Хьюстоне возможность проведения операции на сердце (надо сказать, что сердечная микрохирургия получила тогда еще недостаточное развитие и все еще относилась к разряду экспериментальной); однако операция не могла обеспечить восстановление поврежденной сердечной мышцы, к тому же другие болезни Джонсона делали такое вмешательство слишком опасным.

За две недели до смерти он поблагодарил за многолетнюю помощь своего друга Леонарда Маркса. «Мы частенько считали это само собой разумеющимся, — сказал Джонсон. — Но я хотел бы, чтобы ты знал, что я очень благодарен».

Джонсон, по словам леди Бёрд, больше всего ненави-дивший оставаться в одиночестве, был один, когда умер 22 января 1973 года, всего через два дня после инаугурации его преемника Ричарда Никсона. Около 15.45 президент позвонил из спальни в секретную службу, и двое ее агентов примчались с переносным прибором для подачи кислорода. Джонсон лежал на полу, не подавая признаков жизни. Самолетом его отправили в Армейский медицинский центр в Сан-Антонио, где зарегистрировали смерть Джонсона. Вскрытие показало, что две из трех главных коронарных артерий были полностью закупорены, а третья — частично.

Миссис Джонсон узнала о случившемся в своей машине, когда проезжала мимо библиотеки Джонсона. 23 января двадцать тысяч граждан пришли проститься в библиотеку, где было выставлено тело Джонсона. На следующий день, объявленный траурным, гроб самолетом доставили в Вашингтон, где он

простоял в Капитолийской ротонде сутки. В Национальной христианской церкви Вашингтона состоялась похоронная служба, на которой присутствовали семьи Джонсона и Никсона.

В полдень того же дня Линдон Бэйнс Джонсон был похоронен с воинскими почестями рядом с родителями на семейном кладбище в штате Техас. Губернатор Техаса Джон Б. Конелли и преподобный Билли Грэхэм сказали несколько слов, а Анита Брайант спела «Республиканский гимн сражения».

Состояние экс-президента оценили по крайней мере в 20 миллионов долларов, в основном с доходов от остинской радиостанции. Его разделили между дочерьми Джонсона, Линдой и Люси; миссис Джонсон осталось ранчо.

Джоплин Скотт (Joplin Scott)

(1868-1917)

При жизни чернокожий американский композитор не добился должного признания, хотя Джоплин внес значительный вклад в американскую культуру и музыку, сочинив синкопированные фортепьянные фрагменты. «Король регтайма» сам часто говорил, что его композиции будут по достоинству оценены не раньше, чем через пятьдесят лет после его смерти.

Джоплин провел последние годы в Манхэттене, тщетно обивая пороги и пытаясь найти средства на постановку своей оперы «Тримониша», а его вторая жена Лотта, друг и почитатель таланта, вынуждена была работать прислугой. "Записанный в городской директории как «композитор» или «музыкант», Джоплин к 1915 году стал называть себя «учителем музыки». В начале года он сумел поставить свою оперу в Линкольн-театре с участием небольшого любительского хора и собственным аккомпанементом на фортепьяно — однако не было ни костюмов, ни декораций, и критики не обсуждали эту постановку.

Депрессия композитора усилилась после резкого ухудшения и без того подорванного здоровья. Прослушав сохранившиеся фонограммы, можно заметить, что за год или два до этого игра Джоплина уже была неровной. Теперь у пего часто случались судороги лица, и речь стала сбивчивой. В начале 1916 года Джоплины переезжают в другой лом, где у них оставались свободные комнаты, которые Лотта могла сдавать постояльцам. Скотт снял комнату на 160-й улице, где он мог писать музыку и преподавать, но работа не продвигалась, а учениками он пренебрегал. Салясь за инструмент, Джоплин не мог вспомнить даже собственные композиции, пытался сочинять, но вдохновение

не приходило к нему. В редкие удачные дни композитор работал без устали, и не над короткими пьесами, которые всегда у него были успешными, а над «музыкальной трагикомедией» под названием «Если» и даже над симфонией регтайма. Джоплин постоянно переживал, как сохранить незавершенные фрагменты, но в декабре 1916 года вдруг сжег почти все свои записи.

5 февраля 1917 года композитора поместили в Манхэттенский национальный госпиталь. К тому времени Скотт уже не узнавал друзей, приходивших навестить его. Парализованный и совершенно неподвижный, Джоплин постепенно терял силы. Скотт Джоплин умер 1 апреля 1917 года от церебрального паралича, поразившего его полтора года назад. Сопутствующей причиной смерти был сифилис неустановленной продолжительности. Возможно, композитор заразился сифилисом в период своих частых путешествий между двумя женитьбами в 1903—1907 годах.

После скромной службы в Доме прощания на 131-й улице в Манхэттене Скотта Джоплина похоронили в общей могиле на кладбище Св. Михаила в Квинсе, в Нью-Йорке.

Восстановление имени Джоплина, начатое несколькими энтузиастами в 60-х годах, получило мощный толчок, когда в 1970 году молодой пианист Джошуа Рифкин выпустил первую из трех вызвавших общий восторг записей. После этого композиции Джоплина стали музыкальным сопровождением фильма «Афера» в 1973 году. В течение года разошлись два миллиона пластинок и кассет с записями из фильма. В октябре 1974 года на совершенно запущенной могиле во втором ряду кладбища Св. Михаила поместили бронзовую доску с надписью: «Скотт Джоплин. Американский композитор». В сентябре 1975 года «Тремонишу» впервые исполнили на Бродвее, а в 1976 году Джоплин удостоился Пулитцеровской премии.

Через много лет после смерти мужа Лотта Джоплин призналась, что он просил сыграть на своих похоронах «Рег кленового листа», но когда пришло время, она не посчитала это возможным. «Сколько раз потом я всем сердцем хотела бы сказать «да».

См. Джеймс Хаскинс (1978).

Дизраэли Бенджамин (Disraeli Benjamin)

(1804-1881)

Загадочный премьер-министр Великобритании (1868, 1874—1880) и сочинитель романов, Дизраэли имел итало-еврейские

корни, и только принятие баптистской веры в возрасте двенадцати лет дало ему возможность сделать парламентскую карьеру. Он отрекся от своей беспутной юности ради достижения самого высокого поста в стране и дружбы королевы, которая пожаловала его титулом Первого графа Биконсфилда в 1876 году. Близкие отношения между Викторией и ее первым министром продолжались все шесть лет, пока Дизраэли находился у власти. И хотя при этом каждый преследовал свой интерес, оба все же были искренне привязаны друг к другу. Королева стала настоящим идеалом Диззи, волшебной властительницей, превращенной его мудростью и открытым преклонением из неуверенной в себе ипохондрической вдовы, совершенно беспомощной без своего любимого Альберта, в решительную, знающую себе цену правительницу. Когда партия тори потерпела необъяснимое поражение от либералов Глэд-стона на апрельских выборах 1880 года, для Виктории это явилось тяжким ударом. Падение ее фаворита, как она уверила себя, произошло из-за гнусной клеветы шотландских краснобаев, и какое-то время королева не могла приступить к формированию нового кабинета правительства.

До самой смерти Дизраэли, случившейся через год, Виктория тайно писала ему, подписываясь «навсегда преданный вам и благодарный друг В. Р. И.». Время от времени они обедали вместе в Виндзоре.

Выйдя в отставку, Дизраэли жил в двенадцати милях от Виндзора, где он дописал свой роман «Эндимион» и начал следующий. Старые болезни — подагра, астма и бронхит — вновь стали беспокоить. Вернувшись 19 марта домой в Лондон на Керзон-стрит, Дизраэли простудился и слег.

Последнее письмо Виктории «Дражайшему лорду Бикон-сфилду» от 5 апреля прилагалось к букету «ваших любимых весенних цветов», собранных в дворцовом парке. Отношение Дизраэли к смерти было иронически-равнодушным. На предложение принять у себя королеву он ответил отказом: «Наверняка она будет просить меня передать послание Альберту». Ужасные приступы кашля совсем истощили Дизраэли, и когда отказали почки, наступило уремическое отравление. Последними словами Дизраэли были: «Я хорошо жил, но не боюсь умирать».

Он оставался в коме до страстного понедельника 18 апреля 1881 года. На следующий день ранним утром Дизраэли приподнялся на постели и подался вперед, делая жест, хорошо знакомый по его выступлениям в парламенте. Губы зашевелились, но умирающий не издал ни звука. Потом он упал на подушки и через десять минут скончался.

Королева была совершенно убита горем и с трудом смогла написать доверенному секретарю Дизраэли, Монтегю Корри, «ибо почти ничего не видела из-за слез». Глэдстон предложил место захоронения в Вестминстерском аббатстве, однако Дизраэли оставил распоряжение похоронить себя рядом со своей женой Мери Энн, умершей девятью годами раньше в возрасте восьмидесяти лет, на кладбище Хьюхенден. Виктория не могла присутствовать на похоронах (по закону), поэтому она отправила туда трех сыновей и послала два венка первоцвета. (Закон не нарушался вплоть до 1965 года, когда королева Елизавета II появилась на похоронах сэра Уинстона Черчилля в соборе Св. Павла). Виктория совершила паломничество в Хьюхенден через четыре дня после погребения Дизраэли и распорядилась установить на могиле огромную мраморную плиту с надписью: «Этот памятник поставлен признательным монархом и другом, Викторией Р. И.».

См. Роберт Блейк «Дизраэли» (1966).

Дилиэс Фредерик (Delius Frederick)

(1862-1934)

Английского композитора помнят сегодня в основном по оркестровым пьесам, таким, как «Бриггская ярмарка» (1901) или «Слушая первую кукушку весной» (1912), на написание которой его вдохновило пение птиц в саду Грез-сю-Лои в двадцати пяти милях южнее Парижа, где он провел вторую половину жизни.

Бодрый духом, крепкий физически, атлетически сложенный мужчина, в свои сорок с небольшим лет Дилиэс начал жаловаться на сильные головные боли и ломоту в спине во время своей поездки по Англии в 1910 году. В 1921 году его здоровье резко ухудшилось: походка стала нетвердой, нарушались координация движений рук, зрение помутнело. К 1924 году композитор уже был прикован к креслу на колесиках и почти полностью потерял зрение. Сохраняя в разбитом параличом теле ясный ум, Дилиэс несколько лет влачил поистине жалкое существование. Единственное, что приносило ему радость, — это его музыка, становившаяся популярной в двадцатые годы, и общение с коллегами, которые звонили ему в Грез, а иногда навещали.

Мрачный период окончился для композитора в 1928 году. Получив предложение от двадцатидвухлетнего йоркширца Эрика Фенби записывать музыку Дилиэса под диктовку, композитор вышел из состояния меланхолии. В последние годы жизни Дилиэса Эрик Фенби был его личным секретарем и работал

бесплатно. Жена Дилиэса Йелка Розен ободряла юношу: «Встаньте около него, а я буду стоять рядом с вами». Но это нисколько не помогало делу — старик не осознавал, что поет монотонно, и не может напеть мелодию точно. Он только задавал ритм и указывал, на каком такте сменить аккорд и тональность.

В медицинском исследовании 1980 года С. Ф. Вайнэпель рассматривает имеющиеся биографические сведения о Дилиэсе. По всей вероятности, композитор мог заразиться сифилисом в начале двадцатого века в Париже, когда болезнь там была очень распространена. «Последующие неврологические симптомы... могут быть объяснены развитием нейросифилиса, особенно в отделах спинного мозга...» «Он был, — пишет Вайнэпель, — полным калекой». Однако, по описаниям Фенби, скрюченная фигура композитора выпрямлялась и его руки поднимались во время работы. «Это показывает, что его руки и ноги двигались, но движения не координировались».

За несколько дней до смерти Дилиэса жена композитора попала в больницу — ее злокачественная опухоль дала метастазы. Ежедневно по многу часов Фенби читал умирающему Марка Твена. Йелка вернулась домой и лежала в соседней комнате, пока Фенби ухаживал за ее мужем. Дилиэс умер в 4 часа утра 10 июня, находясь без сознания под действием морфина. После снятия посмертной маски гроб поместили во временную могилу на деревенском кладбище.

Весной следующего года гроб с останками Фредерика Дилиэса перевезли на родину и захоронили на кладбище Лимсфильд графства Суррей. Виолончелистка Беатрис Харрисон, живущая неподалеку, обещала ухаживать за могилой. Тайное погребение состоялось в полночь. На публичной панихиде 24 мая 1935 года сэр Томас Бичем дирижировал одной из оркестровых пьес Дилиэса. Йелка Розен Дилиэс не смогла присутствовать на перезахоронении. Два дня спустя она скончалась в Лондоне.

Диллинджер Джон (Dillinger John)

(1903-1934?)

По версии Федерального Бюро расследований «враг общества № 1» был застрелен тремя агентами при выходе из кинотеатра 22 июля 1934 года. Бюро предупредила содержательница публичного дома Ана Кумпанис, румынка по национальности, также известная под именем Анна Сэйдж и пытавшаяся в тот момент избежать депортации. Именно из-за этого, а также надеясь на обещанную награду в десять тысяч долларов, она

сдала полиции своего нового приятеля, известного ей как Джимми Лоуренс. Диллинджер, который со своей бандой менее чем за год совершил более десяти ограблений банков и три раза убегал из тюрьмы, вышел из кинотеатра около половины одиннадцатого вечера с Анной и ее подругой после просмотра фильма «Манхэттенская мелодрама». Преследуемый шестью агентами ФБР, Диллинджер бросился бежать, он свернул в аллею и схватился за пистолет. Сотрудники ФБР выстрелили, ранив гангстера в лицо и шею и задев стоявших рядом двух женщин. Диллинджер умер по дороге в госпиталь.

Тело его выставили в морге, и тысячи людей прошли мимо него. После похорон на кладбище Кроун Хилл в Мурсвилле, шт. Индиана, отец умершего распорядился снять верхний слой земли и залить гроб цементом, чтобы избежать попытки похищения останков Диллинджера.

Джей Роберт Нэш в своем «Досье Диллинджера» (1983) пишет, что в перестрелке был убит Джимми Лоуренс, внешне похожий на знаменитого гангстера. В подтверждение своей версии Нэш приводит следующие факты: не было достоверного опознания трупа (его показали только сестре Диллинджера, у которой имелись очевидные основания способствовать побегу брата); глаза убитого были карими, а не голубыми или серыми, как записано в досье ФБР; наконец, агенты сознательно застрелили упавшего и не способного к сопротивлению противника (револьвер которого, кстати, был предъявлен только через пять месяцев после случившегося). Что касается самого Диллинджера, то он якобы тайно бежал с одним своим приятелем, по прозвищу Черный, и в 1979 году был переправлен в индийскую резервацию Оопе, шт. Калифорния. Возможно, что Диллинджер был жив и здоров по прошествии сорока пяти лет после побега.

Нэш также приводит протоколы вскрытия и несколько фотографий, на основании которых любопытный читатель может вынести собственные суждения.

Дитрих Марлен (Dietrich Marlene)

(1901-1992)

Родившаяся в Германии американская актриса и певица всю жизнь символизировала на сцене и на экране романтическую утонченность.

Когда ей было почти шестьдесят, она сломала плечо, упав со сцены во время гастролей по Германии. Играя свою последнюю

значительную роль в фильме «Нюрнбергский процесс» (1961), она страдала от болезни кровеносной системы, так называемой болезни Бюргера, развившейся после четырех десятилетий непрерывного курения. Недостатки фигуры актрисе удавалось скрывать, прибегая к ухищрениям в одежде; хирургические иглы, вокруг которых заплетались ее волосы, были закреплены на черепе, чтобы кожа лица натягивалась. Концерты М. Дитрих были расписаны на десять лет вперед, и хотя в 1965 году на шее певицы была обнаружена раковая опухоль, для лечения которой требовалось вживление радия, Марлен все же смогла провести свое бродвейское шоу в октябре 1967 года.

В последние годы жизни актриса бросила курить, однако, по свидетельству ее секретаря Бернарда Холла, «выглядела без сигареты плохо». Она любила находиться среди курильщиков, «чтобы подышать чужим дымом, и заставляла других накуриваться до одури». В конце 1973 года Дитрих вновь упала со сцены (это было в Вашингтоне), до кости разорвав кожу бедра левой ноги об гвоздь, но она продолжала выступать с наложенными швами и в бинтах, пока не начались осложнения. Операцию по восстановлению кровеносных сосудов и пересадке кожи провели в Хьюстоне. В августе 1974 года Дитрих упала в своей парижской квартире и сломала правое бедро; во время перелета в Нью-Йорк занозилась стальной булавкой. Но уже в следующем месяце она восстановила силы, благодаря огромной силе воли, и сумела выступить в Лондоне, лишь слегка прихрамывая.

В сентябре 1975 года, во время гастролей по Австралии, сценическая карьера Марлен Дитрих внезапно оборвалась. Во время выступлений на сцене в Сиднее она оберегала правое бедро и совсем забыла про свою левую ногу, которая была практически оторвана, «пересажена», «восстановлена» — нога опять сломалась. Несколько месяцев заключенная в гипс, стойко переносила все сложности лечения в нью-йоркском Колумбийском Пресвитерианском медицинском центре, пока медленно шло выздоровление. Выписавшись, Дитрих отправилась в Париж. Там, в июне 1976 года, актриса узнала, что в Калифорнии скончался ее бывший муж Рудольф Зайгер. Хотя они редко виделись, он считался единственным из мужчин, которого она действительно уважала. Известие о смерти За-йгера ее ошеломило. «Мне тяжело жить после этого», — сказала она.

Все же Дитрих появилась на экране последний раз в западногерманском фильме «Просто жиголо» (1978). Сильно загримированная, актриса спела главную песенку, сохраняя свой неподражаемый стиль. Позднее, в 1979 году Дитрих вновь упала

и сломала кость левого бедра. Сидя в кресле на колесиках, она несколько дней отвечала на вопросы Максимилиана Шелла для фильма «Марлен: жизнь и творчество», который стал для нее последним. Премьера фильма состоялась в Западном Берлине в феврале 1984 года, а в сентябре 1986 года его показ стал главным событием нью-йоркского кинофестиваля. Актриса, которой было почти девяносто, отказалась выступить перед камерой, однако ее ворчливые и проницательные комментарии приводили аудиторию в восхищение.

Тогда Марлен сидела без гроша. Дожидаясь гонорара $a фильм, она получила уведомление о выселении из-за неплатежей за жилье. Французское правительство, которое относилось к Дитрих как к национальному символу, сочло необходимым вмешаться, оплатив счет за квартиру. Когда очередная рана ноги в октябре 1986 года поставила под угрозу ее жизнь, Дитрих предпочла зашить рану дома, не отправляясь в госпиталь.

Девяностолетний юбилей Марлен Дитрих широко отмечался по всей Германии, ее вновь объединенной родине, больше недели шли фильмы с ее участием и продавались записи ее песен. Марлен сказала Максимилиану Шеллу, режиссеру, снявшему фильм о ней: «Бояться нужно не смерти, а жизни».

Но, хотя жизнь часто обходилась с актрисой сурово, она была слишком горда, чтобы подчиняться обстоятельствам. Дитрих до конца хранила в себе легенду, над созданием которой работала так прилежно. О будущем она так сказала своему биографу Стивену Баху: «Мне жаль, что я не могу поверить в жизнь после смерти... Будь это правдой, Руди как-нибудь дал бы мне знать». В течение пяти лет актриса не покидала своей комнаты. По слухам, она прекратила принимать пищу за несколько дней до смерти.

Марлен Дитрих тихо умерла 6 мая 1992 года. На улицах в те дни были расклеены плакаты, возвещавшие о предстоящем открытии Каннского фестиваля, который в том году был посвящен ей.

Похоронная церемония прошла в Париже, где гроб накрыли трехцветным французским флагом, а затем его переправили самолетом в Берлин под «звездами и полосами» ее приемной родины. В Германии тело певицы, обернутое красно-желто-черным флагом объединенной Германии, опустили в могилу на кладбище Фриденау ее родного берлинского предместья Шёнберг. Могила М. Дитрих находится рядом с могилой ее матери Жозефины. Лютеранский пастор, проводивший похоронную службу, сокрушался о широко распространившемся среди немцев непонимании длительного отсутствия умершей на родине и восстановления ее гражданства. «Зеленые» и другие либеральные

группы восхваляли Марлен Дитрих за антинацистс-кую позицию, однако по настоянию кругов правого крыла гала-концерт ее памяти в берлинском театре отменили.

Донн Джон (Donne John)

(1572-1631)

Английский поэт и священнослужитель, декан собора Св. Павла, снискал литературную известность лишь в нынешнем веке, после трех столетий забвения. Он был остроумным человеком, с меланхолической натурой. Донн очень беспокоился о собственном здоровье и частенько проверял мочу и пульс. Наиболее часто цитируемые слова: «...и никогда не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по тебе» — взяты из его лучшего прозаического произведения «Благочестивые сонеты» (1624). Донн сделал записи о недавно перенесенном приступе «пятнистой лихорадки», и поставил под сомнение возможность лечения слабительным, что было в духе времени. Природа этой болезни осталась невыявленной, однако У. Б. Обер в своем исследовании 1990 года соглашается с выдвинутым ранее предположением Клары Ландер о том, что это «переносимая вшами форма тифа».

В январе 1631 года Донн стал жаловаться на сильный кашель, зубную боль и глухоту, однако его смерть два месяца спустя, возможно, была вызвана раком желудка. Говорят, что незадолго до смерти поэт позировал для собственного памятника, стоя задрапированным в саван, пока художник делал набросок в натуральную величину. Однако этот факт (сообщенный сэром Исааком Уолтоном) остается под вопросом.

Те, кто видел Донна на последней его проповеди 12 февраля 1631 года, говорили, что у него был вид смертника. В свой последний час 31 марта поэт произнес: «Я был бы жалок, когда б не умер». И несколько раз повторил: «Да свершится царствие твое, да будет воля твоя», пока дыхание его не остановилось. Тело и руки Донна оказались в таком положении, что пришедшим обряжать «не потребовалось ничего менять».

Памятник из черного с белым мрамора был окончен Николасом Стоуном в ноябре 1632 года. Во время великого пожара 1666 года собор был разрушен, уцелел только памятник Донну. После завершения новой постройки сэром Кристофером Вреном монумент был восстановлен на прежнем месте.

Дэйвис Бетт (Davis Bette)

(1908-1989)

Американская кинозвезда десять раз выдвигалась на награждение премией «Оскар» и дважды получала ее за роли в фильмах «Опасная» (1935) и «Джезебель» (1938). Дэйвис заслужила у режиссеров и директоров студий репутацию злобной женщины, а в конце карьеры ее невыносимый характер проявлялся и в отношениях с актерами.

Когда Дэйвис исполнилось семьдесят, она перебралась из Англии в Западный Голливуд и поселилась рядом с мемориальным парком Форест Лоун, где в родовом мавзолее уже покоились ее мать Рут и сестра Барбара. Столь дальний переезд, как она полагала, «излечит любого от желания сопровождать ее в путешествии через всю страну». В то же время Дэйвис не собиралась прекращать работать: «Работа является для меня источником энергии... и помогает забывать ненужное...»

В 1982 году актриса блестяще исполнила главную роль в телевизионной постановке «Пианино для Миссис Чимино» — о старушке, которая возражает собственным детям, объявившим ее психически нездоровой. Многие считали эту роль самой удачной работой Дэйвис за последние десять лет. В апреле 1983 года, во время съемок в телесериале «Отель», поставили диагноз рак груди. Она прервала съемки и пролежала несколько недель в нью-йоркском госпитале после мастэктомии. Там актриса вела себя крайне грубо по отношению к медицинскому персоналу, а некоторые врачи даже отказывались ее осматривать.

После возвращения в Лос-Анджелес Дэйвис упала и сломала бедро. Позднее, в 1984 году, она пять недель провела в Лондоне на съемках телевизионной экранизации детективного романа Агаты Кристи «Убийство с зеркалами». Ярость, с которой актриса обрушивалась на своих старых коллег, заставила даже мягкосердечную Элен Хейс заявить, что Дэйвис, «похоже, намеревается всем осложнить жизнь». Хейс поинтересовалась у своего коллеги Джона Миллса, как ему удается ладить с Бетт. «Я никогда в жизни так не боялся, — ответил тот. — А ведь мне пришлось побывать на войне». В 1987 году Дэйвис снялась в довольно занудном фильме «Киты августа» вместе с Лилиан Гиш. По свидетельству Хейс, на съемках «Бетт сделала отбивную из бедной Лилиан, и та поклялась никогда больше не играть в кино».

В 1988 году Дэйвис вставила себе искусственные зубы, и потеряла в весе 13 фунтов; позже она неожиданно прервала работу в фильме «Злая мачеха» (1989), мотивируя это плохим самочувствием и тем, что режиссер Лари Кохен выставляет ее в ужасном виде. На экране кинозвезда появлялась все реже и реже,

но премии продолжали сыпаться градом — от Ньюйоркского кинематографического общества при Центре Линкольна, от Американской Академии киноискусств в Голливуде и, наконец, награда на международном фестивале в Сан-Себастьяне, врученная в сентябре 1989 года. К тому времени опухоль дала метастазы, и во время остановки в Париже 3 октября по пути домой из Испании у актрисы произошел коллапс. Секретарша и подруга кинозвезды, Кетрин Сермак, перевезла Дэйвис в Американский госпиталь в пригороде Ноли-сю-Сейн, где она умерла 6 октября 1989 года.

Еще когда Бетт была в расцвете сил, один из режиссеров сказал, что достойной эпитафией для нее будет: «Она прошла трудный путь». Но ничто не высечено на саркофаге из розового мрамора, который был установлен рядом с могилой ее матери и сестры после богослужения в Первой христианской церкви Голливуда. Вечер памяти актрисы был организован позже кинокомпанией «Уорнер Бразерс».

Ни единственная родная дочь Дэйвис, Барбара Хьюман, ни приемная дочь Марго Меррил не упомянуты в завещании Дэйвис. Состояние в один миллион долларов было разделено между приемным сыном Майклом и подругой Кетрин Сермак.

См. Лоуренс Квирк (1990).

Дягилев Сергей Павлович (Diaghilev Sergei Pavlovich)

(1872-1929)

Динамичный русский, который представил миру современный балет в 1909 году, имел внушительную фигуру с большой головой и подвижным лицом, но в последний год жизни Дягилеву не удавалось сохранять присущее ему достоинство. Разрушающее действие диабета было очевидно: Дягилев потерял в весе, лицо его стало пепельно-серым, глаза запали, гноящиеся язвы покрывали почти все его тело. (В то время инсулин еще не получил широкого распространения.)

После закрытия сезона в «Ковент-Гардене» Дягилев отправился в Венецию и поселился в номере на пятом этаже отеля «Бей-де-Мер» в Лидо. Когда молодой секретарь Дягилева Борис Кочно приехал по срочному вызову, он застал его в переменчивом настроении — поначалу угнетенный своим физическим состоянием, Дягилев слегка воспрял духом после визита Коко Шанель и своей подруги Мисии Сер. Всю ночь на 17 августа Кочно беспрестанно открывал и закрывал окна в номере, пока Дягилева бросало то в жар, то в холод. На рассвете, пробормотав

«Простите», молодой человек погрузился в сон.

К полуночи восемнадцатого августа температура у Дягилева сильно поднялась, и он начал задыхаться. Мисия поспешила за католическим священником. Сердце Дягилева остановилось в шесть утра 19 августа 1929 года. Когда первые лучи солнца коснулись лица умирающего, его голова упала набок, и по щеке скатилась слеза. На следующий день, после службы в церкви Св. Георгия, гроб установили на плавучем катафалке и, сопровождаемый многочисленными гондолами с оплакивающими, доставили на кладбище острова Сан-Микеле.

И

Истмен Джордж (Eastman George)

(1854-1932)

Американский изобретатель сухой фотографической пленки, Истмен изобрел камеру «Кодак» в 1884 году. Когда в 1928 году появился «Кодакколор», мультимиллионер уже добился монопольного контроля над всей фотографической индустрией Америки.

Филантропия Истмена была общеизвестна: он роздал при жизни 80 миллионов долларов, что составило более половины заработанного им капитала, покровительствовал, в частности, Университету Рочестера и Массачусетскому технологическому университету. Он прожил со своей матерью вплоть до ее смерти в 1907 году и никогда не был женат.

В конце 1930 года Истмен, будучи в возрасте восьмидесяти шести лет, заметил первые признаки дегенерации нижнего отдела спинного мозга. Вскоре он стал приволакивать ноги при ходьбе. Специалисты подтвердили самые страшные предположения: болезнь прогрессировала. Служащие Истмена заметили, что теперь, подходя к лифту своего офиса в Рочестере, он прислонялся к стене, чтобы не упасть. Однажды Истмен сказал своему врачу, доктору О. А. Стюарту: «Одли, ты тут все время крутишься со своим стетоскопом. Я что-то не чувствую, где именно мое сердце. Найди-ка его для меня». Врач проделал это, профессионально простучав грудную клетку Истмена.

В марте 1932 года миллионер-филантроп пересмотрел свое завещание, закрепив свое решение передать практически все оставшееся достояние Рочестерскому университету. Во время описи имущества, которая заняла несколько дней, он спрятал один пистолет в ящик своего стола в спальне, а второй среди книг.

В субботу, 12 марта, Истмен вышел из своего особняка по теперешней Ист-Авеню, чтобы в последний раз проехать по университетскому городку и огромному парку фирмы «Кодак». Через два дня свидетели и сотрудники компании «Кодак» пришли к нему домой для подписания завещания. Истмен был очень весел, шутил по поводу сломавшейся авторучки. Свидетели ушли, и секретарь Алис Хатчисон получил распоряжение взять в банке двадцатидолларовые золотые, чтобы наградить их за услуги. Секретарь был удивлен столь щедрому вознаграждению и в

недоумении вернулся назад — обычные чаевые хозяина составляли десять долларов. Когда Хатчисон приоткрыл дверь в спальню, Истмен резко обернулся. «В чем дело?» — резко крикнул он, но смягчился, когда мистер Хатчисон объяснил причину своего возвращения. «Все правильно, — ответил Истмен, — но в этот раз я плачу двадцать долларов». Когда Истмен остался один, он черкнул записку не желавшей слушаться рукой:

«Моим друзьям. Работа окончена. Зачем ждать? Д. И.»

Затем Истмен достал пистолет из письменного стола, лег на постель, накрыл грудь мокрым полотенцем (очевидно, чтобы избежать ожога), приставил дуло пистолета к виску и нажал на курок.

Услышав звук выстрела, Стюарт и медсестры прибежали в спальню и нашли хозяина мертвым. Записка лежала на ночном столике.

Было около полудня 14 марта 1932 года. В течение следующего часа, когда известие о смерти Истмена дошло до Уолл-стрит, акции «Истмен Кодак» упали в цене, хотя факт самоубийства не оглашался до закрытия торгов.

Похоронная служба прошла без чтения панегириков, как того желал покойный, в Епископальной церкви Св. Павла в Рочестере. Громкоговорители передали службу Іля пятитысячной толпы людей, стоявших на улице, одновременно велась радиотрансляция. Производство на заводе «Кодак» было приостановлено, прекращены занятия в университете и музыкальной школе Истмена. Прославившегося филантропа похоронили рядом с его родителями в родном Уотервилле, рядом с Утикой, шт. Нью-Йорк.

См. Роджер Баттерфилд. «Удивительная жизнь Джорджа Истмена», журнал «Лайф», 26 апреля 1954 года.

К

Кёстлер Артур (Koestler Arthur)

(1905-1983)

Венгерский писатель, ставший британским гражданином в 1948 году, выразил свое разочарование коммунизмом в романе «Темнота в полдень» (1941). Многие почитатели его таланта были удивлены переходом от трезвого скептицизма к дилетантскому мистицизму и телепатии в книге Кёстлера «Пути случайных совпадений» (1972).

Скромный и самокритичный человек, он тем не менее гордился своей репутацией полиглота. Однажды в Принстоне, шт. Нью-Джерси, он привел в восторг Альберта Эйнштейна. «Всемогущий Господь знает все, но Артур Кёстлер знает все еще лучше, — заметил позже Эйнштейн. — Он объяснил мне, что есть относительность...»

Кёстдер неустанно преследовал женщин, к которым относился как к части своего имущества. Его третья жена, уроженка Южной Африки Синтия Джефферис, была личной секретаршей Кёстлера. «Он соблазнил ее, — пишет Вудро Ватт, — и наивная девушка стала послушной рабыней в гареме, который то и дело пополнялся... Она вскоре сбежала от Кёстлера, однако, преследуемая мыслью о неудачном коротком замужестве, была счастлива вернуть все назад и снова вышла за него замуж в 1965 году, уже не жалуясь на его супружескую неверность».

Болезнь Паркинсона стала проявляться у Кёстлера в 1978 году, а немного позже была диагностирована лейкемия. Он стал зависим от жены, и его отношение к ней улучшилось. Синтия постепенно приобрела уверенность в себе. Но зависимость носила взаимный характер, и Синтия жила исключительно заботой о муже, не заводя себе друзей. В 1982 году Кёстлер составил предсмертное послание, и в завещании, датированном тем же днем, сделал Синтию своей главной наследницей. Значит, ее решение умереть вместе с ним возникло уже позже. (По последнему завещанию более полумиллиона фунтов Кёстлер оставил на учреждение кафедры парапсихологаи, которая была впоследствии открыта в Эдинбургском университете.)

Когда у Кёстлера обнаружили раковую опухоль и ему была предписана госпитализация, супруги приняли решение покончить с жизнью. Во вторник, после отъезда в Лондон служанки Амелии Марино, Синтия отвела их одиннадцатилетнего пса Дэвида к

ветеринару и попросила пристроить его в хорошие руки. В четверг мисс Марино обнаружила записку с предупреждением не подниматься наверх и вызвать полицию. Кёстлер сидел в своем любимом кресле со стаканом бренди в руке, Синтия — рядом с ним на софе. Они умерли уже тридцать шесть часов назад, приняв огромную дозу снотворного. Пустой флакон из-под таблеток стоял на кофейном столике перед Кёстлером, рядом с полупустой бутылкой виски, баночкой меда и двумя пустыми бокалами для вина, в которых был осадок белого порошка на дне.

Общественное мнение было взбудоражено не столько фактом самоубийства Кёстлера, сколько его решением «взять с собой» жену, которая была на двадцать лет моложе. Но, видимо, Синтия сама приняла такое решение. К посмертной записке, датированной восемью месяцами ранее, она добавила несколько слов: «Не могу жить без Артура».

См. Джордж Майке (1983).

Каллас Мария (Callas Maria)

(1923-1977)

Уроженка Нью-Йорка, знаменитая певица греческого происхождения в начале 1970 года попыталась возобновить свой роман с Аристотелем Онассисом, когда его брак с Жаклин Кеннеди в 1968 году стал разрушаться. Возобновленная связь длилась недолго, и в мае Каллас отправили в Американский госпиталь в Париже с диагнозом «острое отравление медикаментами». А в октябре 1971 года она открыла певческие курсы при «Джилардкул» в Нью-Йорке, однако избранные могли убедиться, что голос Каллас уже не тот. В последние годы ее одиночество разделил певец-тенор Джузеппе ди Стефано, с которым она в конце 1973 года отправилась в международные гастроли. Голос певицы последний раз звучал со сцены в Саппоро, в Японии, на последнем концерте этих гастролей 11 ноября 1974 года.

С этого времени певица не покидала своих парижских апартаментов на улице Джорджа Менделя. Иногда Каллас еще пела, но все больше времени она отдавала просмотру телевизионных программ. 16 сентября 1977 года певица проснулась поздно и завтракала в постели. По сообщениям из различных источников, Каллас упала, когда шла из ванной. Вероятно, с ней случился сердечный приступ. Горничная Бруна и дворецкий перенесли хозяйку на постель и вызвали врача, но Мария умерла еще до его прихода.

Похоронная служба состоялась в Греческой ортодоксальной церкви на Рю Жорж Бизе. Тело было захоронено на кладбище Пер-Лашез, через три месяца останки были украдены, но через три часа найдены в дальнем углу кладбища. В 1979 году пепел Каллас развеяли над Эгейским морем. Бывший муж Каллас, Дж. Б. Менехини (1895—1981), обеспокоенный тем, что ни дознание, ни вскрытие не производились и не было обнаружено какого-либо завещания, а также тем, что кремация прошла в необычной спешке, полага,,, что певица могла покончить с собой.

См. биографии, написанные А. Стассинопулосом (1981) и Дж. Б. Менехини (1981).

Капоне Ал (Capone Al)

(1899-1947)

Родившийся в Бруклине чикагский мафиози, альфонс, по кличке Лицо со шрамом, никогда не был судим за уголовные преступления, но в октябре 1931 года Капоне сел на десять лет в тюрьму за неуплату федеральных налогов. Именно в тюрьме Алькатраз, где он исполнял необременительные обязанности библиотекаря, у Капоне в 1938 году впервые проявились симптомы невротического сифилиса. Во время заключения и после освобождения Капоне проходил лечение арсфенамином, который замедлил, но не остановил болезнь, продолжавшую периодически обостряться.

В последние годы жизни, проведенные с женой и сыном в своем доме во Флориде, Капоне сильно пополнел. Начатое с 1942 года применение пенициллина улучшило состояние Капоне, но ничто не могло остановить начавшийся процесс разрушения мозга. 19 января 1947 года он перенес кровоизлияние в мозг и чудом остался жив. Но здоровье Капоне было расшатано, и у него началось воспаление легких. Умер Капоне 25 января. Вскрытие не проводилось.

Римская католическая церковь запретила проведение пышной церемонии. На фамильной гробнице кладбища Моунт Оливер в Чикаго написано лишь «Ал Капоне/ 1899—1947». Через несколько лет после его смерти семья, которую раздражали толпы любопытных, перенесла останки Капоне на кладбище Моунт Кармел в другом конце города. На простой могиле установили маленькую плиту из черного мрамора с короткой надписью: «Помилуй меня, Иисус».

См. Джон Коблер (1971).

(1924-1984)

Напоминающий сказочного эльфа писатель из Нового Орлеана, автор «Завтрака у Тиффани» и бросающего в дрожь «документального романа» «Хладнокровно», был брошен матерью и воспитывался своими родственницами. В последние годы жизни у Капоте произошел душевный слом и он начал распространять злобные слухи о своих нью-йоркских друзьях через телевизионные шоу и в своем так и не дописанном романе «Услышанные молитвы».

Пристрастие к алкоголю и наркотикам заставляли Капоте искать поддержку у тех немногих друзей, которые никогда не оставляли его. Джоан Копленд, после развода с продюсером программы «Ночное шоу» компании «Эн-Би-Си» , Джоном Карсоном в 1972 году, возместила Трумэну материнскую любовь, которой тот никогда не знал. Джоан предоставила ему одну из комнат своего дома в Лос-Анджелесе. Именно там она и нашла его в восемь утра 25 августа 1984 года, пытающегося надеть свои плавки. «Я немного устал и очень ослаб», — пробормотал писатель и добавил, что ему холодно. Когда Джоан стала выходить, чтобы пойти согреть ему чаю, он взял ее за руку и начал умолять побыть с ним. Когда они обнялись, он весь в слезах прошептал: «Мама, мама». Потом лег, скрестив руки на груди, и Джоан вышла, чтобы дать ему отдохнуть. Каждые полчаса она заглядывала в комнату и около полудня заметила, что кожа посерела, а лоб холодный на ощупь. «Я пыталась вернуть его к жизни, но знала, что уже поздно», — вспоминала она после. Ослабленный наркотиками организм не смог перебороть болезнь печени.

Прах Капоте был отослан в Нью-Йорк Джеку Данфи, который был любовником писателя уже тридцать шесть лет. Миссис Копленд оставила себе горстку пепла. Маленький пакетик с пеплом она хранила в комнате, где Капоте умер, Джоан положила его между фотографиями двух его матерей — настоящей и приемной. Четыре года он был ее жизнью. Спустя какое-то время, после маскарада на Хелловин, вместе с несколькими украшениями и памятными вещицами пакетик исчез. Потом он загадочным образом вернулся к Джоан через шесть дней. К сожалению, она похоронила реликвию вместе с прощальной запиской Капоте 11 ноября 1988 года в склепе рядом с останками Мерилин Монро и Натали Вуд в Вествудском Мемориальном парке Лос-Анджелеса. В записке, которая заставляет вспомнить о рассказе Капоте «Рождественская память», где есть такие слова:

«Жди меня, я присоединюсь к тебе в свое время, и мы запустим воздушных змеев в чистое голубое небо».

Керуак Джэк (Kerouac Jack)

(1922-1969)

«Король ритма», американский писатель франко-канадского происхождения, стал после своей книги «На дороге» (1957) и ряда других произведений одним из лидеров «разбитого» послевоенного поколения, отказавшегося от духовных ценностей и традиций отцов и искавшего новой реальности. Другие представители движения, среди которых были поэт Алан Гинзберг и романист Уильям Берроу, сумели избежать алкогольного саморазрушения, погубившего Керуака. К 1960 году у него наблюдались припадки белой горячки и Керуак был признан неизлечимым алкоголиком. Его творчество закисло в рюмке и вскоре, несмотря на долгую дружбу с Гинзбергом, приняло антисемитский привкус.

После двух неудачных браков писатель жил последние годы вместе с матерью, Габриэллой, то в родном Лоуэлле, шт. Массачусетс, то во Флориде. Женившись третий раз в ноябре 1966 года на Стелле Сампас, они стали жить втроем, и Стелла взяла на себя заботу о парализованной матери мужа. После окончательного переезда во Флориду Стелла устроилась на работу швеей. Она отчаянно пыталась удержать Джека дома, подальше от излюбленных забегаловок, однако он всегда имел про запас припрятанную бутылку спиртного.

В последней попытке добыть денег с помощью пишущей машинки Керуак закончил начатый восемнадцать лет назад рассказ о девятилетием негритенке из Северной Каролины, который был опубликован под заглавием «Пик». Последней напечатанной работой стало эссе «После меня хоть потоп», где Керуак расстается со своими убеждениями — он чувствовал свою ненужность в современной ему Америке.

Когда Керуак не писал, он начинал звонить своим старым приятелям, часто посреди ночи, но, как правило, или не дозванивался, или на другом конце провода вешали трубку. В октябре 1969 года писатель стал бледнее обычного, и владелец местного винного магазинчика считал его совершенно опустившимся. И хотя пил Керуак, как и прежде, за последнее время он потерял в весе двадцать фунтов. В начале месяца его жестоко избили в баре, уже не в первый раз, и с тех пор он не выходил из дома. 17 октября Керуак пришел в ярость, увидев, что

спилили его любимую сосну в соседнем дворе. Биограф Джералд Никосиа гак описывает Керуака в тот момент: «Его затрясло, жилы на лбу надулись так, что Стелла испугалась. Керуак выскочил на улицу и стал истерически кричать, что его сосед — убийца, что он убивает его брата».

В четыре утра в понедельник, 20 октября, писатель пробрался в комнату матери и проговорил с ней несколько часов. Позавтракав, сел перед телевизором с записной книжкой и маленькой бутылкой виски размышлять над новым романом. Внезапно он вскочил и побежал в ванную, откуда Стелла услышала крики о помощи. Керуак с гоял на коленях перед унитазом, и его рвало кровью. «Я истекаю кровью», — простонал он. В госпитале Св. Антония ему сделали несколько переливаний крови за двадцать часов. Он умер в половине шестого утра 21 октября 1969 года от потери крови вследствие кровоизлияния в пищевод. (Цирроз печени привел к ускорению циркуляции крови и разрыву кровеносных сосудов пищевода.)

Тело Керуака перевезли обратно в Лоуэлл, где в баптистской церкви Св. Иоанна состоялась похоронная служба. Именно там Керуак еще мальчиком прислуживал в алтаре. Похоронили его на участке Эдсонского кладбища. Через несколько лет на могиле установили памятную доску с надписью: «Джон Л. Керуак. Он ценил жизнь».

Кессиди Буч (Cassidy Butch)

(1866-1937)

В фильме 1969 года «Буч Кессиди и Санданс Кид» двоих преступников убивают в перестрелке около местечка Сан-Висенти в Боливии, после ограбления кассы. Эта история, долгое время считавшаяся правдой, основана на журнальной публикации Артура Чепмена 1930 года. В 1975 году сестра Кессиди рассказала правду о судьбе брата,а Ларри Пойнтер в своей книге «В поисках Буча Кессиди» (1977).

Буч (настоящее имя Роберт Лерой Паркер) вернулся в 1908 году в Соединенные Штаты и поселился в городке Адриан, шт. Мичиган, изменив свое имя. Женившись на местной уроженке, он переехал в Спокан, ίπτ. Вашингтон, где основал собственную компанию. Разорившись во времена Великой депрессии, Буч умер от рака прямой кишки в Броадэйкрс, маленькой ферме к югу от Спокана, 20 июля 1937 года. Его вдова, Гертруда Ливси Филипс, развеяла пепел над речкой Спокан.

Киплинг Редьярд (Kipling Rudyard)

(1865-1936)

Английский писатель родился в Индии, Бомбее, был женат на американке Кэролин Бейлистер и несколько лет прожил в Вермонте. В 1907 году он был удостоен Нобелевской премии по литературе. Его поэмы, такие как «Если», «Башмаки», «Тунга Дин», всегда оставались популярными, а «Просто сказки» завоевали большую аудиторию юных читателей.

После смерти репутация Киплинга несколько пострадала, когда в его бумагах нашли откровенно шовинистическое послание, а также многих раздражала его невоздержанность на язык. В общении писатель был скромным, подчас робким человеком, необычайно благоволящим к молодым литераторам. Свои последние годы Киплинг провел с женой, которой он целиком подчинялся.

С 1915 года писатель постоянно мучился болезнями, связанными с пищеварением — гастритами, колитами и особенно язвой двенадцатиперстной кишки, из-за которых он страдал, но на которые редко жаловался. В 1933 году Киплинг читал корректуру собрания своих стихов и заключил том обращением к будущим биографам.

Коббе Густав (Kobbe Gustav)

(1857-1918)

Музыкальный критик «Нью-Йорк Геральд», Коббе перед смертью работал над рукописью очень объемного и подробного справочника. Проводя лето с дочерью на Лонг-Айленде, он вволю развлекался и плавал под парусом по Большой Южной бухте. 27 июля 1918 года Коббе был один на одномачтовом ялике, когда полицейский, осматривающий бухту в бинокль со спасательной станции, заметил гидроплан, скользящий по воде в сторону лодки. Не подозревавший об опасности Коббе увидел ее слишком поздно и не успел прыгнуть за борт. Крыло гидроплана ударило в мачту. Верхняя часть мачты отломилась и отскочила вниз, раскроив Коббе череп и убив его на месте. Имя пилота не было сообщено; он поклялся, что ничего не знал об аварии до возвращения на базу.

«Полный оперный справочник» Коббе, вышедший после его гибели, пользовался неизменным успехом, и даже через семьдесят пять лет он остается любимым пособием поклонников оперы во всем мире.

Ковард Ноэль (Coward Noél*)*

(1899-1973)

Семидесятилетие остроумного английского драматурга отмечалось многонедельным показом постановок по его пьесам на телеканале BBC. День 16 декабря 1969 года ознаменовался для него тем, что он обедал с королевой. Последний раз Ковард появился на публике в январе 1973 года, когда он сопровождал Марлен Дитрих на ее ньюйор-кскую сольную программу «О, Ковард». Потом драматург уединился в своем доме на северном побережье Ямайки.

К 1973 году здоровье Коварда ухудшилось, он сильно сутулился при ходьбе. Последний вечер в своей жизни, 25 марта 1973 года, он провел, сидя на веранде в компании старого друга Грехэма Пауна и секретаря Кол Лесли, наблюдая за полетом скворца и слушая урчание деревенской лягушки Эзио (прозванной по имени звезды того времени Эзио Пинза). Внизу, в порту Мария, зажигались огни. «Доброй ночи, мои дорогие», — попрощался он с друзьями, спускаясь к своему большому дому Голубая Бухта. Потом Ковард почитал «Очарованный замок» Э. Несбит и отправился спать.

На следующее утро в ванной с Ковардом случился внезапный сердечный приступ. Крики о помощи услышала Имогена, жена его слуги Мигеля. Мигель помог хозяину добраться до постели и сел рядом, держа его руку в своей.

На предложение послать за друзьями Ковард ответил: «Сейчас слишком рано, они еще спят». В последние минуты жизни Ковард оставался, как всегда, деликатным по отношению к другим. «Я держал его руку, — рассказывал Мигель, — пока он не испустил предсмертный вздох».

Могила Коварда находится на склоне горы на Ямайке.

Кокто Жан (Coeteau Jean)

(1889-1963)

Талантливый французский поэт, театральный деятель, кинорежиссер, оставивший богатое творческое наследие, был стройным человеком с черными глазами и короткими жесткими волосами. До второй мировой войны объектом его симпатий был светловолосый голубоглазый актер Жан Маре, но в 1948 году его сменил личный шофер Кокто — дюжий молодец по имени Эдуард Дерми, и именно Дерми стал его наследником.

По всей видимости, Кокто погубило пристрастие к опиуму.

Приступы стенокардии начались в 1947 году, среди других недугов отмечены чуть не убившая его в 1953 году уремия, повторяющиеся через год миокардиты и внутреннее кровоизлияние, случившееся в 1958 году. В 1963 году после закупорки артерии выздоровление шло медленно. В июле Маре отвез Кокто на «скорой помощи» из парижских апартаментов писателя в свой дом рядом с Версалем, но в сентябре Кокто настоял, чтобы они переехали в его старый дом в Милли-ла-Форе, в тридцати милях к югу от столицы. Одному своему старому другу он жаловался: «Я окружен врачами, которые вырвали меня из лап смерти, но не вернули к жизни». Прикованный к постели, поэт работал над книгой мемуаров.

«Корабль идет ко дну», — произнес Кокто, когда утром 11 октября 1963 года по радио объявили о смерти Эдит Пиаф. Через несколько часов услышали, как умирающий восславлял певицу: «Она умерла, словно сожженная огнем собственной славы». Как раз в это время позвонил Луи Арагон с просьбой написать статью о Пиаф для литературного еженедельника. Дерми объяснял, что его друг слишком болен, чтобы разговаривать, но Кокто протянул руку к телефону. Тут же острая боль пронзила ему грудь, кровавая пена пошла из носа и рта, и Кокто начал задыхаться. Когда приехали врачи, он был уже мертв.

В понедельник, 14 октября, друзья пришли проститься.

Покойник лежал в гробу, одетый в черный костюм с красной ленточкой Почетного легиона. Его шляпа лежала в ногах, а руки, когда-то выразительные, были сложены на груди. Последние адресованные Кокто письма лежали нераспечатанными на столике сбоку, календарь был открыт на дне его смерти. Комнату заполнили розы и гладиолусы. Среди них — огромный букет от актера и шансонье Мориса Шевалье с надписью: «Первому и единственному».

Кокто желал быть похороненным в собственном саду, но этого не разрешили. 15 октября тело выставили для прощания в мэрии Милли. А на следующий день жители деревни, родственники, друзья, представители правительства, французской и бельгийской академий и актеры «Ко-меди Франсез» присутствовали на похоронах во дворе церкви Сан-Блюз-де-Симпль в Милли.

24 апреля 1964 года тело Кокто перенесли в тихую часовню и уложили под большим камнем с собственноручной надписью поэта.

Кол Нат «Кинг» (Cole Nat «King»)

(1919-1965)

Чернокожий американский певец с проникновенным хрипловатым голосом, он сильно потерял в весе в сентябре 1964 года, когда разрывался между съемками в Голливуде фильма «Кот Балу» и работой в ночном клубе. Через два месяца острая боль в груди скрутила певца прямо на сцене во время выступления в Лас-Вегасе. Колу поставили диагноз «рак легких» и в декабре отправили в госпиталь Св. Иоанна в Санта-Монике, шт. Калифорния. Кол вместе с женой Марией и пятерыми детьми встречали там Рождество. Иногда певец играл на пианино для больничной аудитории и всегда распекал присутствующих, если замечал, что кто-нибудь курит, сокрушаясь, что сам выкуривал по три пачки в день. Пораженное легкое удалили 25 января 1965 юда, но после операции выяснилось, что болезнь уже поразила печень.

В день св. Валентина Кол проехал на автомобиле по побережью. Вернувшись, певец отказался от кресла на колесиках и отправился обратно в госпиталь. Ночью он не мог уснуть и несколько раз звал: «Скиз». Сестра была в недоумении: «Кого ты имеешь в виду, Нат?» — «Марию», — ответил Кол, и это были его последние слова.

Он умер в половине шестого вечера 15 февраля 1965 года и был похоронен на кладбище Форест Лоун в Лос-Анджелесе.

Костелло Лу (Costello Lou)

(1906-1959)

Низенький и простодушный партнер Эббота, Лу Костелло снялся с ним в тридцати шести фильмах. За десять лет с 1943 по 1953 г. он трижды переболел ревматической лихорадкой.

В феврале 1959 года Костелло поступил в госпиталь на Беверли-Хиллз, шт. Калифорния, с сильными болями в груди. 3 марта состояние певца улучшилось, и он послал пришедшего к нему менеджера Эдди Шермана за двумя порциями мороженого, которое продавалось неподалеку. Позже, обсуждая планы на будущее, он заметил: «Это было самое лучшее мороженое, которое мне приходилось пробовать». Через несколько мгновений он упал замертво.

Эббот вместе с женой смотрели по телевизору знаменитый фильм с участием Эббота и Лу «Кто первый», когда позвонил Шерман.

«Почему же никто не сказал мне, что он болен? — сквозь слезы спрашивал Эббот. — Я мог бы поднять ему настроение,

рассмешить его».

Костелло похоронили в Лос-Анджелесе.

См. Боб Томас (1977).

Крейн Стивен (Crane Stephen)

(1871-1900)

Американский писатель и журналист, Крейн известен прежде всего по роману «Алый знак доблести» (1895), в котором он очень реалистично изобразил гражданскую войну, хотя сам писатель не был ее участником. Перед самым выходом романа Крейн проделал свой «эксперимент нищеты», поселившись вместе с бездомным отребьем на улице Бовери в Нью-Йорке. После этого у писателя начались приступы глухого кашля, сотрясавшего все его тело. Кроме того, Крейн страдал туберкулезом.

В 1897 году писатель переехал в Англию вместе со своей женой, Корой Тейлор Стюарт. Супруги отличались безмерной расточительностью и вскоре увязли в долгах. Через год Крейн поехал на Кубу в качестве репортера и вернулся оттуда с малярией.

Крейн нуждался в деньгах и безостановочно писал для журналов в течение всего 1899 года, чтобы заработать немного денег. Тогда супруги смогли снять большую усадьбу в местечке Суссекс и там устроили большой праздник проводов старого года. Но когда хозяин упал на руки одного из гостей и его вырвало кровью, другому гостю, писателю Д. Уэллсу, пришлось проехать на велосипеде семь миль за доктором в Рей.

В апреле 1900 года Крейн перенес еще два кровоизлияния. Двадцатидевятилетний писатель был очень слаб, у него начался абсцесс прямой кишки, случился очередной приступ малярии. Он хотел умереть дома, но Кора настояла на поездке в Баден-Баден, тщетно рассчитывая на исцеление. Именно там, в юго-восточной Германии, писатель умер после обширного кровоизлияния, находясь без сознания под действием морфина. Это случилось в три часа утра 5 июня 1900 года.

Несмотря на большие дорожные расходы, Кора отвезла тело мужа в Англию, а затем доставила в Нью-Йорк на океанском лайнере «Бремен». Крейна похоронили рядом с родственниками на кладбище Эвергрин в Нью-Джерси.

Кора умерла во Флориде, в возрасте сорока шести лет, 4 сентября 1910 года, после того как помогала выталкивать из песка застрявший автомобиль.

Кросби Бинг (Crosby Bing)

(1903-1977)

За свою долгую карьеру суперзвезда американской музыки снялся более чем в семидесяти фильмах и продал полмиллиарда записей примерно шестиста песен. Добродушие Кросби на сцене противоречило поведению в реальной жизни: многие считали его несчастным, замкнутым, задавленным человеком, почти законченным алкоголиком, невнимательным мужем и ненадежным другом. Только однажды, когда Кросби в 1952 году прервал свой отдых в Европе, — тогда распространилось известие, что его первая жена Дикси Ли умирает от рака, — многими было замечено несоответствие устоявшейся репутации.

В январе 1974 года у Кросби обнаружили быстро растущую доброкачественную опухоль легкого. На записи телепрограммы, приуроченной к пятидесятилетию работы в шоу-бизнесе, 3 марта 1977 года, он упал в глубокую оркестровую яму зала «Амбассадор» в Пасадине, шт. Калифорния, и сломал позвонки.

Двухнедельные выступления в лондонском «Палладиуме» завершились 10 октября 1977 года. Всего через четыре дня, во время партии в гольф в клубе «Моралейо» под Мадридом, Кросби упал на поле для игры. Сначала решили, что он просто поскользнулся, но у него был обширный инфаркт. Смерть Кросби была зарегистрирована в мадридском госпитале Красного Креста.

После вскрытия тело доставили домой девятнадцатилетний сын покойного певца Гарри и дворецкий Алан Фишер. В католической церкви Лос-Анджелеса Вэствуд прошла служба при закрытых дверях, и Кросби похоронили на кладбище Святого Креста рядом с Дикси Ли. Уже не оставалось свободного места, и, учитывая распоряжение Кросби, могилу выкопали глубже обычного, чтобы его вторая жена Катрин, если пожелает, сможет быть похоронена над ним.

См. Дональд Шеперд и Роберт И. Слатцер (1987).

Кроуфорд Джоан (Crawford Joan)

(1906-1977)

Американскую кинозвезду узнавали везде — наряду с Гарбо, Дитрих и Сэнсон она была обладательницей «одного из четырех сказочных лиц». Небольшого роста (всего около пяти футов), она всегда держалась величественно. «Я никогда не опускалась даже в мыслях», — говорила Кроуфорд. «Она сама создала себя», — заметила обозреватель Луэлла Парсонс.

Получив «Оскара» за «Милдред Пирс» (1945) и снявшись в восьмидесяти одном фильме (последний фильм с ее участием «Трог» (1970)), Кроуфорд в последний раз появилась в эпизоде телепостановки NBC в 1972 году. Четвертым, последним ее мужем был исполнительный директор компании «Пепси-Кола» Альфред Стил.

После смерти Стила Джоан много работала в фирме «Пепси-Кола» вплоть до своего непредвиденного увольнения в 1973 году. Отношения Кроуфорд с двумя старшими из ее четверых детей всегда оставались натянутыми. За год до смерти кинозвезда написала в завещании: «Я не намерена оставлять какого-либо содержания своим детям — Кристоферу и Кристине, по причинам, хорошо известным им самим». (Кристина собиралась писать роман «Дорогая мамочка», правдиво описывающий их семейные отношения.)

Последние годы жизни Кроуфорд провела уединенно в своей квартире на Манхэттене, регулярно обедая в ресторане в девять вечера, но всегда возвращаясь домой к десяти. Она была счастлива, принимая у себя старых друзей и по нескольку часов ежедневно перечитывая свои письма друзьям, поклонникам и любимым актерам. Долгие годы кинозвезда злоупотребляла алкоголем, но, вернувшись к христианской вере, бросила пить и курить. Ее единственными друзьями были домохозяйка, собака Принцесса и еще некий старый обожатель из Бруклина, бывший у нее на побегушках.

В начале 1977 года здоровье Джоан Кроуфорд резко ухудшилось, и она почти не вставала. Кройфорд постоянно страдала болями в спине и похудела до 85 фунтов. Но, несмотря на предполагаемый рак печени и поджелудочной железы, Джоан упрямо отвергала медицинскую помощь: «Будь я проклята, если позволю себе умереть в холодной больничной палате с одной трубкой в носу, а другой в заднице».

Проснувшись утром 10 мая, Кроуфорд приготовила завтрак для двух живших у нее друзей, а после этого опять легла в постель, видимо, смотреть очередную мыльную оперу и вскоре скончалась. Врач констатировал смерть от закупорки жизненно важной артерии сгустком крови. Пепел Джоан Кроуфорд поместили рядом с прахом ее мужа Стила на кладбище Фернклиф в Нью-Йорке.

См. Боб Томас (1978).

Кьеркегор (Киркегор) Сёрен (Kierkegaard Soren)

(1813-1855)

Учение датского философа-иррационалиста и теолога представляет идейные истоки экзистенциализма — философского направления, систематизированного позже Жаном Полем Сартром и другими мыслителями.

Сложность натуры Кьеркегора объясняется, видимо, его отношениями с отцом, лишившим его нормального детства, и любовной связью с Региной Ольсен. Он увлекся восемнадцатилетней Региной в 1840—1841 годах, но затем, к ее отчаянию, без видимых причин порвал отношения. Аргументом Кьеркегора была большая разница в возрасте. Настоящая причина сложнее для понимания — анализируя свои действия, он писал: «Когда я ушел от нее, я выбрал смерть».

В последние годы Кьеркегор склонялся к убеждению, что половое влечение — это грех, и Бог ведет человеческую расу к вымиранию. Поскольку «людской эгоизм сконцентрирован в отношениях полов», от этих отношений следует отказаться. «Именно поэтому в христианстве введен обет безбрачия». Следует отречься не только от женщины («женщина — воплощение эгоизма»), но и от всех мирских соблазнов. «Любить Бога — значит, ненавидеть мир. Стать христианином означает, по Новому Завету, стать духом. Стать духом — это умереть, уйти из мира».

Когда в 1854 году скончался глава датской христианской церкви, епископ Майнстер, всю жизнь почитавший его Кьеркегор почувствовал себя свободным. Он обрушился на преемника Майнстера, Х. Л. Мартенсона, с рядом статей, в которых подверг критике всю датскую церковь: «Установление института церкви есть, с христианской точки зрения, дерзкая непристойность, отступничество от христианского учения Нового Завета, попытка выставить Бога дураком».

В конце сентября 1855 года и прежде не отличавшийся крепким здоровьем Кьеркегор совсем занемог. Он часто кашлял кровью и однажды неожиданно упал в гостях от приступа слабости. Через несколько дней приступ повторился, и Кьеркегор упал на улице и был перенесен в занимаемые им скромные комнаты в копенгагенской квартире. 2 октября Кьеркегора доставили каретой «скорой помощи» в госпиталь. У него хватило сил спуститься под руку с возницей, надеть свою широкополую шляпу и улыбнуться на прощание хозяйке, которая вышла в коридор проводить постояльца.

В госпитале Кьеркегор сказал доктору, что знает о приближающейся смерти, причинами которой считал «неосторожное питье холодной сельтерской воды в летнюю жару»,

изнуряющий рабочий режим и плохой воздух в своей квартире. Однако Джозия Темпсон в биографии 1973 года выдвигает предположение, что Кьеркегор умер от стафилококковой легочной инфекции, которая и в настоящее время, несмотря на применение антибиотиков, убивает одну из семи своих жертв.

Больше сорока дней Кьеркегор постепенно угасал, оживляясь только при посещении друзей. О подаренном букете цветов, немедленно спрятанном в ящик комода, он сказал: «Удел цветов распускаться, испускать аромат и увядать». Отношение Кьеркегора к церкви не изменилось, он считал, что «церковь не приносит никакой пользы. Должен быть эффект разорвавшегося снаряда». Кьеркегор собирался принять святое причастие, но не от священника. «Я обойдусь без него... Духовенство связано с государством и, значит, не может иметь ничего общего с христианством». Кьеркегор считал, что жизнь его сложилась удачно и говорил: «Я очень счастлив, но огорчен тем, что мне не с кем разделить свое счастье».

Кьеркегор умер утром 11 ноября 1855 года. На похоронной службе не присутствовало никого из духовенства, за исключением брата покойного Петера Кристиана и священника И. К. Триде, который явно чувствовал себя неловко. Петер Кристиан произнес короткую речь, в которой пояснил, что его брат сбился с пути в последние годы, и призвал помолиться «за заблудшую душу» Сёрена. Почетный караул из студентов и большая толпа горожан сопровождала гроб на кладбище. Когда выкапывали могилу, один дородный молодой человек обвинил церковь в принудительном погребении тела Кьеркегора по своим обрядам, т. е. своего рода насилии. Сам же оратор заявил, что собирается следовать наставлению умершего: «У того, кто не участвует в официальном религиозном культе, несомненно, одним грехом меньше».

Л

Леннон Джон (Lennon John)

(1940-1980)

После нескольких лет бездействия рок-кумир вернулся к работе. Его альбом «Двойная фантазия» вышел в середине ноября 1980 года. Последние две недели жизни Леннон работал над синглом своей жены Йоко Оно «Ступая по тончайшему льду». Черты его лица заострились, он выглядел нездоровым, так как употреблял кокаин, приведший к разрушению носовой перегородки.

Предполагаемый убийца Леннона, Марк Дэвид Чепмен, был толстым человеком в очках, с болезненной потребностью в самоутверждении. Чтобы стать знаменитым, он замышлял убийства нескольких известных людей — в том числе Рональда Рейгана и Элизабет Тейлор, но статья в октябрьском номере «Эсквайра» за 1980 год привлекла его внимание к Леннону. Чепмен, бывший воспитатель в молодежном лагере, уволился после женитьбы на японке в 1979 году и теперь работал охранником в Гонолулу. Купив в оружейном магазине короткоствольный револьвер, Чепмен вылетел в Нью-Йорк. Там он остановился в отеле, расположенном рядом с домом Леннона на Манхэттене, и провел несколько часов, слоняясь перед жилищем Леннона, а потом поехал в Атланту купить патроны. Внезапно Чепмен изменил свои намерения и вылетел обратно в Гонолулу, чтобы вернуться к задуманному в субботу 6 декабря. 7 декабря Чепмен много часов ожидал у подъезда «Дакоты»; там же был и фотограф-любитель Пол Гореш, который сделал снимок, когда Леннон подписывал альбом Чепмену. Это было около пяти часов вечера, Джон и Йоко направились в свою студию.

В 10.49 вечера, когда их лимузин вернулся, Чепмен все еще ждал. Когда Леннон и Оно подошли к подъезду, Чепмен услышал голос: «Сделай это... сделай... сделай!» Он приблизился к ним, прицелился в Джона и сделал пять выстрелов. Первые две пули попали Леннону в спину; две другие попали в левое плечо и одна пролетела мимо. Раздался звон и треск, пули, пройдя навылет, разбили стеклянный щит от ветра перед входом в подъезд.

Джон открыл дверь в подъезд, поднялся на несколько ступенек и упал, истекая кровью. Ночной портье нажал на кнопку аварийной сирены и, прежде чем выбежать на улицу, попытался использовать свой галстук в качестве кровоостанавливающего

жгута. Чепмен не пустился в бегство, а остановился рядом с подъездом, бросив револьвер и читая какую-то брошюру. Когда прибыли две патрульные машины, Чепмен стал умолять схвативших его полицейских: «Пожалуйста, не делайте мне больно!» и, плача, добавил: «Я был один».

Не дожидаясь скорой помощи, полицейские положили еле дышащего Леннона в патрульную машину и отвезли в госпиталь Рузвельта. Состояние музыканта было безнадежным: одна из пуль пробила ему легкое, другая задела аорту. «Сохранить ему жизнь было невозможно никакими средствами, — сказал доктор Стефан Линн. — Он потерял около 80 процентов крови».

Несмотря на отвращение Леннона к установленным обрядам, его тело кремировали в фернклифском морге в Хартсдейле, Нью-Йорк; но похоронной службы не было. В воскресенье, 14 декабря 1980 года, весь мир оплакивал Джона Леннона. В тот день огромные толпы людей собрались в Центральном парке Нью-Йорка.

Чепмен так и не предстал перед судом, 22 июня 1981 года он признал себя виновным в убийстве и был приговорен к двадцатилетнему тюремному заключению. Он содержится в Аттике, шт. Нью-Йорк.

См. Альберт Голдман (1988).

Ли Брюс (Lee Bruce)

(1940-1973)

Родившийся в Сан-Франциско в китайской семье, Ли впервые продемонстрировал свое владение боевыми искусствами в телевизионном сериале «Зеленый шершень». Во время съемок в Гонконге фильма «Явление дракона» (1973), имевшего колоссальный успех, часто проявлялись вспышки ярости Брюса Ли, когда он, повторяя упражнения кунгфу, сильно порезался в драке битыми бутылками или когда его покусала кобра (которой удалили железы).

10 мая 1973 года во время озвучивания фильма в жаркой, душной студии в Коулуне Ли потерял сознание. В баптистском госпитале, куда доставили еле дышащего актера, у него начались конвульсии, очевидно, вызванные опухолью мозга неустановленного происхождения. Выписавшись из госпиталя, Ли с женой Линдой вылетели в Лос-Анджелес, и после анализов ему был поставлен диагноз «идиопатическая гипертрофия миокарда».

Вернувшись в свой густонаселенный дом в Гонконге, Брюс начал работать над проектом фильма «Смертельная игра». 20

июля 1973 года он вместе с актером Раймондом Чоу заехал на машине к молодой тайской актрисе Бетти Тинг-Пей, которая должна была принимать участие в съемках. По словам Линды Ли, которой в тот вечер не было с мужем, Бетти и двое мужчин обсуждали будущую работу. В половине восьмого Брюс пожаловался на головную боль, и актриса дала ему таблетку «эквагезика» (отпускаемое по рецепту средство от головной боли). Ли прилег отдохнуть, а Чоу отправился в ресторан пообедать. Через два часа Чоу вернулся и нашел Брюса лежащим на постели. Он не смог разбудить Ли и вызвал врача.

Смерть Брюса Ли была зарегистрирована в госпитале королевы Елизаветы в Гонконге. В желудке актера были обнаружены остатки конопли, правда, в небольшом количестве. Следы наркотика и то, что Ли умер в доме женщины, с которой в прошлом иногда связывали его имя вызвало переполох в местных средствах массовой информации. Мозг актера был сильно увеличен, но кровоизлияния установлено не было. В Англии и других странах проводились многочисленные экспертизы, следствие установило «смерть от несчастного случая, вызванного повышенной чувствительностью к одному из компонентов «эквагезика».

Для похоронной церемонии в Коулуне Брюса Ли одели в костюм, в котором он сыграл свою лучшую роль в фильме «Явление дракона». На погребении на кладбище присутствовали актеры Стив Маккуин и Джеймс Кобурн.

См. Линда Ли (1975).

Либерас Владжио Валентино (Liberace Wladzio Valentino)

(1919-1987)

Этот пианист впервые появился в телепрограммах в 50-е годы. Критики поднимали на смех его помпезные презентации, костюмы с блестками, горностаевые шубы до пола, зеркальные рояли и руки с пальцами, унизанными драгоценными камнями. «Трясти рукой опасно, можно сильно пораниться», — писал репортер «Нью-Йорк Таймс» Билл Гейст. Не сходящая с губ Либераса странная улыбка могла показаться признаком глупости, но она не была лживой. На сцене или вне ее этот застенчивый человек старался доставить удовольствие окружающим. Соболезнования почитателей по случаю его смерти были, несомненно, глубоко прочувствованными.

Его старший брат Джордж (1911 — 1985), скрипач, в течение ряда лет стеснялся и избегал своего родственника из-за

нескрываемого гомосексуального поведения Владжио. Сам пианист выиграл судебный иск к лондонской газете, назвавшей его в одной из публикаций 1956 года «подмигивающим, строящим глазки, хихикающим, жеманным средоточием материнской любви», — и получил 8000 фунтов стерлингов.

Наиболее продолжительной была дружба пятидесятисемилетнего Либераса со Скоттом Торсоном, которому к моменту их знакомства исполнилось восемнадцать лет. Когда их связь оборвалась и Торсона выставили из пентхауза на Беверли-бульвар в Лос-Анджелесе, он попытался получить компенсацию в размере 380 миллионов долларов, но пришлось довольствоваться 95 тысячами, полученными в декабре 1986 года. 14 декабря на предрождественской вечеринке впервые отметили ухудшение здоровья пианиста. В течение двух недель до этого прошло двадцать одно выступление на нью-йоркском радио, и неудивительно, что Либерас был утомлен. Но невозможно было предположить, что ему оставалось жить всего семь недель.

В январе 1987 года пианист отправил очень лаконичное письмо своим рождественским гостям: «Пожалуйста, не справляйтесь о моем здоровье. Я на пути к выздоровлению. Когда мне станет лучше, я позвоню». 27 января он составил свое завещание (большая часть состояния отошла в фонд исполнительского искусства Либераса). На следующий день пианист лег в медицинский центр Эйзенхауэра в Палм-Спрингс. Одна из газет в Лас-Вегасе вышла с заголовком «Либерас — жертва СПИДа», но эту информацию опровергнули и объявили, что больной проходит лечение от малокровия, эмфиземы и болезни сердца. Свои последние дни Либерас провел в затворничестве в своем доме, он не встречался ни с кем, кроме нескольких самых близких друзей. На стоянке перед домом круглосуточно дежурили телевизионные фургоны, отовсюду прибывали почитатели. Когда пульс начал слабеть и дыхание замедлилось, пианиста вынесли из спальни в просторную солнечную гостиную, где он смотрел видеозаписи любимых программ.

Либерас умер без мучений, испустив последний вздох утром 4 февраля 1987 года. Последние церковные обряды совершили шестью днями раньше. Тело перевезли в большом специальном автомобиле на кладбище Форест Лоун в

Глендейле еще до официального объявления о смерти. Причиной кончины была названа энцефалопатия (болезнь мозга).

Однако следователь города Реймонд Керилл через два дня потребовал провести анализ тканей уже набальзамированного тела и поднять историю болезни. Было подтверждено, что за три

недели до смерти Либерас заразился вирусом иммунодефицита, вызывающего СПИД. Но оставалось неизвестным, стала ли эта болезнь причиной смерти. Опираясь на результаты анализов тканей, Керилл выступил с опровержением медицинского заключения. 9 февраля он заявил: «Мистер Либерас умер не от остановки сердца, вызванной острой энцефалопатией. Он умер от особого вида пневмонии, развившейся вследствие наличия в организме вируса иммунодефицита. Выражаясь ненаучным языком, мистер Либерас умер от заболевания, причиной которого был вирус синдрома приобретенного иммунодефицита». Таким образом, следователь обвинил врачей в попытке сокрытия правды.

Доктор Рональд Дэниелс, подписавший заключение о смерти, заявил в ответ, что оставалось достаточно сомнений о диагнозе СПИДа, и, чтобы не вторгаться в личную жизнь покойного, он подписал заключение о смерти от сердечного приступа. Поскольку Либерас не был наркоманом, он, вероятно, заразился смертельной болезнью от одного из своих многочисленных любовников, быть может, много лет назад.

Мероприятия, посвященные памяти пианиста прошли в Палм-Спрингс и Лас-Вегасе. Либераса похоронили рядом с матерью Френсис и братом Джорджем в Форест Лоун. На медной табличке белого мраморного саркофага изображены символы, олицетворяющие умершего музыканта — нотный знак и пианино.

См. Боб Томас (1987).

Линдберг Чарлз Август (Lindbergh Charles Augustus)

(1902-1974)

Американский летчик добился мировой славы, став первым человеком, совершившим беспосадочный полет через Атлантический океан (в одномоторном самолете «Дух Св. Луи», стартовав с Лонг-Айленда в Нью-Йорке и приземлившись в Париже) в мае 1927 года.

Похищение и убийство двухлетнего сына Линдберга и Анны Морроу-Линдберг в 1932 году было названо «преступлением века». В конце 30-х годов Линдберга много критиковали за прогерманские высказывания, когда же президент Франклин Рузвельт в апреле 1941 года назвал его «пораженцем», Линдберг уволился в запас из американского корпуса воздушного резерва. Его пятьдесят боевых вылетов над Тихим океаном во время второй мировой войны в качестве гражданского лица не привлекли особого внимания. В 1953 году книга Линдберга «Дух

Св. Луи» получила Пулитцеровскую премию.

В семьдесят лет Линдберг стал слегка сутулиться и был слаб на ухо, но его походка оставалась уверенной, и он был крепким на вид. В 1972 году Линдберг некоторое время провел в первобытном племени тасадес в Минданао на Филиппинах, пытаясь сохранить этих детей природы в изоляции от цивилизации. Линдберг прыгал с парашютом и карабкался по скалам, как человек вдвое моложе. Но вскоре бывший летчик сообщил друзьям, что хочет пожить спокойной жизнью и попросил не приглашать его к участию в рискованных предприятиях. К тому времени семья Линдбергов построила для себя тихий дом на берегу моря на юго-восточном побережье острова Маун Гавайского архипелага. В этом простом деревянном доме без электричества и кондиционеров они проводили каждый год по нескольку недель.

В 1973 году Линдберг начал осознавать, что жизнь близится к концу. Он возобновил переписку с людьми, которых не видел по тридцать лет. Англичанину, которого задели высказывания американцев по поводу второй мировой войны (например, что англичане находятся в упадке и без помощи янки они бы неминуемо были разбиты возмужавшими немцами), он заметил: «Все называли меня «молчаливым Сэмом», но, похоже, были времена, когда я болтал чертовски много лишнего».

В последний год жизни Линдберг несколько раз ездил в Вашингтон и незамеченным проходил в Смитсоновский Институт, прятался за витриной и подолгу смотрел на свой любимый «Дух Св. Луи», предаваясь воспоминаниям о былой славе.

За всю свою жизнь Линдберг болел лишь однажды, ветряной оспой, однако, вернувшись в 1973 году из поездки по Азии, он слег с жаром и сыпью, похожей на опоясывающий лишай. Его всегда завидный аппетит пропал, и к началу 1974 года он потерял в весе двадцать четыре фунта. В мае Линдберг ушел с занимаемого им поста директора Пан-Ам и отказался от других деловых начинаний.

Вернувшись летом после отдыха на Мауне в свой дом на побережье под Дериеном, шт. Коннектикут, Линдберг стал кашлять и сильно потеть. У него нашли пневмонию и поместили в Колумбийский пресвитерианский медицинский центр в Нью-Йорке. Через две недели доктора сообщили, что у Линдберга рак лимфатической системы и жить ему осталось недолго.

В 1938 году Линдберг написал, что «лучше умереть, разбившись на самолете в горах в тумане, чем в постели». Но летчик слишком затянул свой уход, и у него уже не осталось сил на героическую смерть. Но все же Линдберг не хотел умирать на

больничной койке. Он решил кончил жизнь в Мауне и тайно вылетел туда 18 августа. Самолет вел пилот Уильям Дж. Пикан, который совершал рейс в Гонолулу, участвовал как дублер в фильме «Дух Св. Луи» (1957), где главную роль исполнил Джеймс Стюарт. Лежавший на носилках в салоне самолета Линдберг был в гаком положении, что мог смотреть в окно. Пикан поинтересовался, не хочет ли Линдберг, чтобы самолет сделал круг над Мауном. «О, нет, капитан, — ответил умирающий герой, — я не хотел бы доставлять неудобства другим пассажирам».

В течение последней недели Линдберг звонил четверым из своих пяти оставшихся в живых детей (жена Анна и сын Лэнд были с ним), приводил в порядок бумаги, перечитывал свое завещание и расписывал организацию своих похорон (он решил, что будет одет в рубашку и брюки из тика). Находясь в сознании, вечером 25 августа 1974 года, он попрощался с Анной и Лэндом. Биограф Леонард Мосли в 1976 году написал: «Следующим утром, в 7.15, Линдберг отправился в свой последний полет. За свою жизнь он сделал много ошибок, но это был совершенно особый случай, он отправлялся в Неведомое. Сообщений о его прибытии на место не поступило. Но те, кто знал, как тщательно он готовился к каждому своему полету, не сомневались, что он долетел и на этот раз».

Линдберг уже выбрал место для последнего пристанища, на берегу океана, недалеко от своего дома. Священника методистской церкви вызвали заранее. Похороны состоялись в день смерти, за закрытыми воротами церкви конгрегации в Хумау, к северу от Кипахулу. По желанию Линдберга его могилу засыпали кусками лавы и пляжной галькой.

Линкольн Мери Тодд (Lincoln Mary Todd)

(1818-1882)

Жена Авраама Линкольна была беспокойной, боязливой и сумасбродной женщиной. Мери стала жертвой жестокого стечения обстоятельств: она четырежды теряла близких, причем единственный оставшийся в живых ее сын объявил свою мать помешанной, а после убийства мужа остаток своих дней она провела в нищете.

Из четырех детей Линкольна только старший Роберт (1843—1926) достиг зрелого возраста. Трехлетний Эдуард умер от туберкулеза в 1850 году, Уильям погиб предположительно от тифа в возрасте одиннадцати лет в 1862 году, а Томас (Тэд) в восемнадцать лет умер от плеврита и последовавших осложнений

на сердце.

Даже когда Мери была первой леди и муж старался ограничивать ее, жена Линкольна не вела счета деньгам. Узнав о том, что она перерасходовала примерно 20 ООО долларов, меняя обстановку Белого дома, Линкольн заявил, что скорее оплатит счета из собственного кармана, чем позволит народу Америки узнать, что они «платят за всякую ерунду для этого проклятого старого дома, в то время как солдаты не могут получить одеял».

Не находящая себе места после смерти мужа в 1865 году, Мери постоянно путешествовала и стала увлекаться спиритизмом. Наследство разделили между нею, Робертом и Тэдом, однако она горько сетовала на то, что ее доля (1700 долларов) слишком мала, чтобы обеспечить достойную жизнь, и пыталась тайно распродать свой гардероб и украшения. В октябре 1867 года Роберт сказал своей невесте, что «в некотором отношении мать умственно несостоятельна».

По возвращении в США в 1871 году после трех лет жизни из Европы, она была потрясена смертью Тэда. К этому времени Конгресс проголосовал за назначение ей пенсии в 3000 фунтов, но она не переставала жаловаться на нищету. Тогда же у нее начались слуховые и зрительные галлюцинации. После консультации с медиками Роберт обратился в 1875 году в Чикагский суд с просьбой рассмотреть вопрос о ее вменяемости. Рассказы о ее небывалых кутежах, о тысячах долларов, спрятанных в белье, и странная манера держаться убедили суд поместить ее в частную лечебницу в местечке Батавия, шт. Иллинойс. В тот же вечер Мери пыталась покончить с собой, выпив настойку опиума, как она полагала. После четырех месяцев лечения ей было разрешено переехать на жительство к сестре в Спрингфилд шт. Иллинойс, а в июне 1876 года суд присяжных установил, что рассудок снова вернулся к ней.

По-прежнему оставаясь в ссоре с Робертом, Мери в очередной раз отправилась в Европу в 1879 году и поселилась во французском курортном городке Пау, недалеко от границы с Испанией, где стала избавляться от излишнего веса. Больная диабетом, Мери постоянно хотела пить, страдала от болезненных нарывов, ухудшения зрения и болей в спине. Спинной мозг был поврежден после падения со складной лестницы, когда она вешала картину.

Похудевшая до 100 фунтов и полуослепшая от катаракты, Мери на корабле возвращалась в Соединенные Штаты в октябре 1880 года, когда высокая волна ударила судно, и она покатилась по мокрой палубе. Ее попутчица, актриса Сара Бернар, поддержала Мери и спасла ее от падения с трапа. Бернар позже

писала в своих мемуарах: «Я сделала для этой несчастной женщины единственное, что делать не следовало — я спасла ей жизнь».

Вдова президента прожила последние полтора года с семьей сестры в Спрингфилде, в темной комнате, в окружении своих сундучков и корзинок. Мери всегда спала на одной половине постели, считая, что Авраам лежит рядом. Дважды она ездила в Нью-Йорк в надежде излечиться от частичного паралича. Конгресс увеличил ее пенсию до 5000 долларов и выплатил единовременно 15 000 долларов. К концу жизни она примирилась с Робертом. 15 июля 1882 года Мери Линкольн перенесла инсульт и впала в кому. На следующий день она умерла.

Гроб с телом Мери Линкольн выставили в зале, в котором она сочеталась браком сорок один год назад, и друзья приезжали попрощаться с ней. На службе в спрингфилдской пресвитерианской церкви преподобный Джеймс А. Рид сказал: «Для влачившей столь жалкое существование жизнь превратилась в затянувшуюся смерть... Она умерла вместе с Авраамом Линкольном».

Мери Линкольн похоронили рядом с мужем и детьми на кладбище в Спрингфилде и на могиле поставили обелиск высотой 120 футов.

Липатти Дину (Lipatti Dinu)

(1917-1950)

Память о легендарном румынском пианисте сохранилась прежде всего благодаря прекрасным записям, сделанным во время его долгого лечения от раковой болезни. Распухшие лимфатические узлы впервые стали беспокоить Липатти за семь лет до смерти. Началось это в декабре 1943 года в Швейцарии, и пианист оказался на несколько месяцев прикованным к постели в своем доме под Женевой. В апреле Липатти сказали, что он заразился «инфекцией желез нетуберкулезного происхождения». Пианист написал в письме от 16 мая 1944 года: «Я начал облучаться 1 мая, чтобы выжечь эту железу, которая была, судя по радиографии 1942 года, величиной с пуговку, в январе 1944 года увеличилась до размеров ореха, в апреле достигла размеров груши. Сегодня я был на десятом сеансе и чувствую себя гораздо лучше».

Удивительно, но Липатти удавалось доводить до конца все, что он задумал. Неоднократно приходилось отменять поездки с концертами по Европе и Соединенным Штагам. Облучение

вызывало у него мигрени, головокружение и частую рвоту. Когда закончилась вторая мировая война, руководитель компании «Коламбия Рекорде», Уолтер Легг, пригласил Липатти в Лондон. У пианиста «были огромные и сильные руки, — писал Легг, — мизинец величиной с безымянный палец и плечи борца совершенно не сочетались с хрупкой фигурой». Дирижер Артуро Тосканини, несмотря на то, что его зятем был великий Владимир Горовиц, называл Липатти «величайшим из живущих пианистов». Кажется парадоксальным, но Липатти писал своему другу в марте 1947 года: «Моя болезнь не улучшает моей игры, но духовно она мне очень помогает».

Очевидно, он имел в виду необходимость ограничивать движения рук — играть, так сказать, экономично, — чтобы уменьшить боль в распухшей подмышке.

Наконец врачи смогли уточнить диагноз. У пианиста оказался злокачественный лимфогранулематоз, венерическая болезнь, называемая также болезнью Никола — Фавра.

В последние годы благодаря облучению и химиотерапии в сочетании с медикаментозным лечением уровень выживания подобных больных составляет 90 процентов. Липатти не выпало этого счастья.

В мае 1950 года он начал курс лечения недавно введенным в практику терапии кортизоном. Результат превзошел все ожидания, но лечение стероидами не могло длиться более нескольких недель. Нужная сумма денег была собрана товарищами-музыкантами, среди которых были Йегуди Менухин и Игорь Стравинский. Легга уговорили прислать бригаду звукозаписи из Лондона, чтобы записать чудесную игру Липатти. С 3 по 12 июля он записывал в Женеве вальсы Шопена, сонату Моцарта, фортепианную музыку Баха, в том числе и его любимое «Иисус, восторг устремлений людских» в переложении Мира Хесса.

Некоторые из этих произведений пианист исполнил на своем сольном концерте, всего за одиннадцать недель до смерти. Липатти приехал во французский город Безансон на границе со Швейцарией, обессилевший, не способный сесть за фортепьяно. Доктора уговаривали его отменить выступления, но пианист отвечал: «Я обещал, и я должен играть». На следующий день, сделав несколько уколов, Липатти привезли в зал.

Как писала его жена Мадлен, «для него было сущей Голгофой подниматься по лестнице. Так как его дыхание было затруднено, все понимали, что Липатти может потерять сознание в любой момент». Записи радио не выдавали физического состояния пианиста. Только во время последней записи самочувствие

Липатти ухудшилось, и он вместо последнего из четырнадцати включенных в программу вальсов Шопена исполнил хорал Баха, свою лебединую песню.

Дину Липатти тихо скончался 2 декабря 1950 года в своем доме под Женевой на руках у Мадлен и своей матери Анны. Слушая перед смертью квартет Бетховена, он произнес: «Лишь тот, кто избран Богом, мог написать подобную музыку».

См. Д. Танасеску и Г. Баргауану (1988).

Лорел Стен (Laurel Stan)

(1890-1965)

Комедийный дуэт Лорела и Харди снялся в 1940 году в веселом фильме «Дураки в море». Англичанин по происхождению, Стен Лорел (очень худой, ростом пять футов десять дюймов) и Оливер Харди (дородный, весом в двести пятьдесят фунтов и шести футов ростом) закончили девятнадцатилетнюю карьеру в Голливуде откровенно слабой картиной «Ничего, кроме неприятностей», снятой в 1945 году. К этому времени у Стена, страдавшего от переутомления, раздражительности и депрессии, обнаружили диабет.

В апреле 1946 года Рут Лорел (в девичестве Роджерс) и Стен развелись после пяти лет совместной жизни (перед этим они расходились дважды.) Стен тогда уже встретил киноактрису Иду Китаеву-Рафаэль, и они обвенчались в Юме, шт. Аризона, в июне 1946 года. Это был последний из восьми браков Стена, а его жена была четвертой.

Дуэт Лорел — Харди пожинал плоды работы на сцене — комики были чрезвычайно популярны в Англии, где гастролировали по мюзик-холлам в течение 1947 года и дважды в начале 50-х годов. Фильм, снятый ими во Франции — «Атолл К» (1950), — не получил широкой популярности.

Стен понял, что их карьере пришел конец, когда в 1955 году Оливеру после двух сердечных приступов пришлось сесть на диету и похудеть. Сбросив половину своего веса (составляющего к тому времени триста фунтов), Харди стал неузнаваем. Сам Лорел тоже перенес инсульт, после которого начал заметно хромать. Он был безутешен, когда, после длительной мучительной болезни Харди умер 7 августа 1957 года в доме своей мачехи в Голливуде. На его похороны пришли Ида и Рут. Встреча бывшей и настоящей миссис Лорел прошла весьма натянуто.

Права на повторный прокат последней картины с участием комедийного дуэта жестко контролировались Хэлом Роучем, и

оба актера не получили от этого никаких доходов. Стесненные в средствах Лорелы вынуждены были переехать в двухкомнатную квартиру в многоквартирном доме (похожем на мотель) в Санта-Монике, шт. Калифорния, с видом на Тихий океан.

Стен тяжело переживал смерть Оливера и с теплотой вспоминал проведенные вместе годы: «Смешно, но мы никогда не старались получше узнать друг друга, пока не отправились вместе в турне... Что бы я ни делал вместе с ним, получалось замечательно. Мы ни разу не поссорились...»

Номер Лорелы был в телефонной книге, и у них стали появляться посетители. Это были телевизионный комедийный актер Дик Ван Дайк, поклонник старых черно-белых фильмов; Дик Каветт, Джерри Льюис, Денни Кей и французский мим Марсель Марсо. Лорел принимал дань уважения скромно, как подобает английскому джентльмену.

В 1961 году ему была присуждена специальная премия «Оскар», но из-за ухудшившегося зрения актер вынужден был попросить Кея получить свою награду. В середине апреля 1965 года Лорел перенес дома сердечный приступ и через несколько дней, 27 апреля умер. Сознавая, что близится его час, он сказал находившейся при нем сиделке: «Я бы лучше прокатился на лыжах, чем быть в таком положении». — «Вы катаетесь на лыжах, мистер Лорел?» — «Нет, но сейчас я бы предпочел лыжи».

Артур Стенли Лорел был похоронен на кладбище Фо-реет Лоун в Глендейле, шт. Калифорния, после службы в местной церкви. На похоронах были великие комики Гарольд Ллойд и Бастер Китон, а Ван Дайк произнес панегирик: «Небесные залы должны дрожать от божественного смеха».

См. Фред Лоуренс Гуильс (1980).

Льюис Клайв Стэплс (Lewis Clive Staples)

(1898-1963)

Английского профессора литературы помнят прежде всего по книгам популярной теологии и детскому фантастическому циклу «Нарния».

Убежденный холостяк, К. С. Льюис в апреле 1956 года тайно сочетался гражданским браком со своей американской обожательницей, бывшей еврейской коммунисткой Хелен Джой Дэвидман Грешам, чтобы она смогла остаться в Англии с двумя малолетними сыновьями. В марте 1957 года, когда у нее обнаружили рак, состоялась религиозная церемония, объединившая супругов. Временное улучшение состояния

здоровья Хелен дало супругам возможность посетить родную для Льюиса Ирландию и совершить поездку в Грецию. Хелен умерла от скоропостижного ухудшения в рэдклифском госпитале Оксфорда 13 июля 1960 года, в возрасте сорока пяти лет. Тело было кремировано в оксфордском крематории. Романтическая связь Хелен и Льюиса стала основой для пьесы и телепостановки Уильяма Николсона «Призрачные земли», по которой в 1993 году был снят фильм.

Взявший на себя заботу о детях Льюис последние три года жизни страдал простатитом и почечной недостаточностью. В июле 1963 года он перенес сердечный приступ, но выписался из госпиталя и вернулся в свой дом, недалеко от Оксфорда, в котором он жил вместе со своим братом Уорреном (Уорни) даже после женитьбы. «Теперь я затухающий вулкан», — написал Льюис в письме к другу. Писатель привел в порядок дела и сверил корректуру своей последней книги «Отброшенная личина». Посещения друзей доставляли ему большое удовольствие, но у него появилась склонность засыпать во время бесед.

22 ноября 1963 года его брат Уорни, как обычно, отнес брату чай в четыре часа дня. В половине шестого Уорни услышал треск и, поспешив в комнату, обнаружил своего брата лежащим на полу рядом с кроватью. Через несколько минут Клайв Льюис скончался. В это время в Далласе, шт. Техас, президент Кеннеди отправился в свою последнюю автомобильную поездку.

К. С. Льюис был похоронен во дворе Хедингтонской церкви прихода Квари, а через десять лет там же похоронили Уорни.

Льюис Меривезер (Lewis Merywether)

(1774-1809)

Молодой капитан армии Соединенных Штатов, который вместе с Уильямом Кларком участвовал в освоении Северо-Западных земель, погиб при загадочных обстоятельствах в возрасте тридцати пяти лет. Он был губернатором Верхней Луизианы, и 10 октября 1809 года, возвращаясь по дороге, именуемой «следом Натчеза», заночевал на стоянке Гриндера, в обшарпанной гостинице, примерно в 72 милях к юго-западу от Нэшвилла. На следующее утро Меривезера нашли мертвым и похоронили у дороги в нескольких сотнях футов от хижины.

Первые показания миссис Гриндер и слуги Льюиса гласили, что капитан вел себя сумасбродно, бормотал что-то весь вечер и что они услышали около трех часов ночи два выстрела и звук

падающего тела. Раб Перниа вбежал и услышал слова уже умирающего Льюиса: «Я сделал дело, мой добрый слуга. Дай немного воды». Миссис Гриндер, крайне ненадежный свидетель, в дальнейшем несколько раз меняла свои показания. В 1811 году она сказала, что кто-то стучался к ней в дверь после выстрелов, но она боялась открыть ее до утра; Льюиса нашли лежащим в кровати, он скончался ранним утром. В 1839 году миссис Гриндер сообщила, что после двух или трех выстрелов Льюис ползком пересек дорогу и исчез; что обнаружили умирающего одетым в лохмотья, и он пытался перерезать себе горло бритвой; она также говорила, что Перниа позже видели в костюме хозяина.

Нет оснований отрицать, что Льюис сошел с ума и застрелился, но версия о грабеже и убийстве кажется более обоснованной. Деньги (около 120 долларов), которые умерший имел при себе, не были найдены. Роберт Гриндер, предположительно отсутствующий, мог притаиться неподалеку. Перниа тоже нельзя исключать из круга подозреваемых, кроме того, известно, что много безымянных убийц в те времена бродило по «следу Натчеза».

Писатель Вардис Фишер в своей книге «Самоубийство или убийство» (1963) сравнивает возможные версии и приходит к выводу, что все же это убийство. Законодательный комитет Теннесси в 1840 году единодушно признал это убийством, то же предполагают и биографы Льюиса Джон Байклес (1947) и Ричард Дилон (1965).

В 1848 году на могиле Льюиса воздвигли полуразрушенную обломанную плиту из известняка (символизирующую трагически оборвавшуюся жизнь). Участок, расположенный в семи милях к юго-востоку от Хохенволда в Теннесси, был огорожен и провозглашен национальным памятником Меривезеру Льюису; но посещают его немногие.

Лэм Чарлз (Lamb Charles)

(1775-1834)

Английский литератор более всего известен как автор эссе, которые он писал под псевдонимом «Элия» для «Лондонского журнала». Большую часть своей жизни Лэм посвятил заботе о сестре Мери (1764—1847), в соавторстве с которой он написал «Рассказы из Шекспира» и две книги для юных читателей.

В сентябре 1796 года, в родовом лондонской доме Чарлз (ему был тогда двадцать один год) стал свидетелем убийства своей немощной матери. В припадке безумия Мери ударила миссис Лэм

ножом для резки мяса в сердце. Молодой человек и его отец, раненный дочерью вилкой, в оцепенении наблюдали за происходящим. После этого Мери поместили в сумасшедший дом. Ее могли выпустить только при условии, что кто-либо берет на себя ответственность за ее действия. В 1799 году старший брат отказался от этой обязанности, а Чарлз принял ее, став опекуном Мери и приговорив себя к скучной работе служащего восточно-индийской компании. Он всегда проявлял свою заботу о сестре. Чарлз сопровождал ее в сумасшедший дом, где она оставалась, пока рассудок на время не возвращался.

Лэм стал известен в 1823 году, после публикации первого собрания «Очерки Элии». Двумя годами позже, после тридцати трех лет службы, у Лэма ухудшилось здоровье, он оставил службу и стал получать пенсию. У Лэма была «нервная лихорадка», и его болезнь сказывалась на душевном состоянии Мери — приступы сумасшествия учащались, и она становилась агрессивной. В 1823 году брат и сестра переехали на север в тихий городок Энфилд, но, уволившись, Чарлз стал скучать по старым друзьям. Свидетельство крайне враждебного отношения к нему оставил в этот период Томас Карлайл. По словам шотландского писателя, «жалкий, угловатый, запинающийся шут... превратился в законченного алкоголика». Бесспорно, он страдал заиканием и быстро пьянел, но большинство друзей уверяли, что редко видели его пьяным.

В 1833 году Лэмы переехали из Энфилда в соседний город Эдмонтон, где была частная лечебница для душевнобольных пациентов. Здесь, оставшись с Мери, писатель был еще в большей изоляции, чем когда-либо. Общество сестры в период просветления ее рассудка устраивало

Чарльза — они разговаривали и читали друг другу. Припадки безумия сестры участились, хотя она стала менее агрессивной, и Чарлзу отказали в уходе за Мери. Лэм писал друзьям: «Поверьте мне! Не в первый раз я расстаюсь с сестрой. Когда она не буянит, ее бессвязная болтовня для меня милее здравомыслия всего мира... Нигде не дано мне стать счастливее, чем под одной крышей с ней».

В июле 1834 года умер лучший друг Чарлза, поэт Сэмюэл Колридж. Они не так часто виделись, но именно к Колриджу обращался Лэм за поддержкой в периоды кризиса, как было, например, после убийства его матери. Смерть друга сильно подействовала на Чарлза — на протяжении оставшихся пяти месяцев жизни во время разговоров он часто замолкал, а потом потрясенно произносил: «Колридж умер!» Уильям Вордсворт, в частности, полагает, что смерть Лэма была ускорена потерей

друга.

Утром 22 декабря 1834 года Чарлз Лэм направлялся в любимую таверну в Эдмонтоне и по дороге споткнулся и упал на мощенную камнем дорожку. С разбитым в кровь лицом его доставили домой. Через пару дней состояние Лэма резко ухудшилось. Очевидно, он заразился рожистым воспалением, вызываемым стрептококковой инфекцией и выражающемся в быстром покраснении и вздутии кожи, с одновременным повышением температуры. До открытия антибиотиков исход болезни бывал чаще всего смертельным. Один из лондонских друзей, навестивший больного, нашел его в полубессознательном состоянии. Лэм впал в кому и умер 27 декабря 1834 года.

Когда Мери привели посмотреть на умершего брата, она отметила, как он хорошо выглядит, видимо, не осознав, что произошло. Мери прожила еще тринадцать лет, периодически впадая в безумие, и пока не вернулась в Лондон, регулярно посещала могилу Чарлза, но не выражала особой скорби. В 1983 году Дэвид Сесил, биограф Чарлза Лэма, заключил: «Возможно... никогда не отдавая себе в том отчета, он нуждался в ней больше, чем она в нем».

М

Мад Самуэль (Mudd Samuel)

(1833-1883)

Американского врача, который 15 апреля 1865 года лечил сломанную ногу Джону Уилкон-су Буту, скрывающемуся убийце Авраама Линкольна, арестовали в своем доме недалеко от Брайантауна, шт. Мэриленд, 24 апреля. Комиссия из девяти человек признала его виновным в заговоре с целью убийства президента, вице-президента Эндрю Джонсона, государственного секретаря У. Х. Сьюарда и генерала Гранта. Всего один голос позволил Маду избежать повешения. Хотя потом его признали невиновным в заговоре, есть свидетельства о его встречах с Бутом в конце 1864 года и о том, что будущий убийца ночевал в доме доктора. Даже бакенбарды Бута не помогли ему остаться неузнанным.

Проведя долгие годы в страшной тюрьме на острове Тортуга, Мад принял обязанности тюремного врача. Его смелые методы лечения свели смертность от эпидемии всего к сорока случаям из трехсот. Президент Эндрю Джонсон пожаловал ему помилование в феврале 1869 года. Он вернулся домой «хилый, измученный и безнадежно больной».

В канун нового, 1883 года, шел сильный дождь. Видели, что Мад в этот день навещал пациентов. У него начался жар, и он умер 10 января, по-видимому, от плеврита. На могильном камне кладбища Св. Марии в Брайантауне высечены лишь его имя и дата смерти.

В ответ на просьбы потомков Мада президент Картер направил в июле 1979 года телеграмму внуку Самуэля, Ричарду Маду, выражающую уверенность в том, что помилование, данное Эндрю Джонсоном, было полностью оправдано. В сопроводительном письме Картер объяснил, что даже президент не может аннулировать обвинение. Ричард, который потратил пятьдесят лет и 100 ООО долларов, проехал шестьдесят тысяч миль, пытаясь смыть пятно со своей семьи, заявил, что он наконец удовлетворен. В 1991 году ему пообещали, что Армейская коллегия исключит упоминание об этом случае из военных архивов.

Мак-Каллерс Карсон (McCullers Carson)

(1917-1967)

Романы американской писательницы, сочинившей «Сердце — одинокий охотник» (1940) всего в 22 года, сравнивали с произведениями Уильяма Фолкнера.

В детские годы, проведенные в Джорджии, Мак-Каллерс часто мучили «усиливающиеся боли», приступы пневмонии и плеврита. В пятнадцать лет она перенесла ревматическую лихорадку. Ас 1941 года у Мак-Каллерс начались приступы, продолжавшиеся несколько лет. В марте 1948 года писательница проходила лечение в нью-йоркской психиатрической клинике после попытки самоубийства.

Несмотря на бисексуальность, Карсон дважды была замужем за Ривсом Мак-Каллерсом — крутой нрав Ривса и едкий язык Карсон стали причиной их весьма бурной семейной жизни. Когда в 1953 году муж предложил ей вместе с ним уйти из жизни, Карсон сбежала от него, а в ноябре того же года его нашли мертвым в парижском отеле. Заключение врачей — смерть наступила от отравления алкоголем и барбитуратами.

После этого Карсон Мак-Каллерс вернулась в свой дом в Южном Бродвее шт. Нью-Йорк. Худая, как щепка, с парализованной левой рукой, которую ей четырежды оперировали с 1959 по .1961 год, Карсон курила не переставая и часто консультировалась с психиатром, доктором Мери Мерсер. Последний роман Мак-Каллерс «Часы без стрелок» был опубликован в 1961 году. Через год ей сделали мастэктомию и очередную операцию руки, а в сентябре 1963 прооперировали ногу. В 1964 году, упав в ванной, писательница сломала бедро и локоть.

15 августа 1967 года Мак-Каллерс перенесла обширное кровоизлияние в мозг, после трахеостомии наступило временное улучшение. Друг писательницы Теннесси Уильямс вспоминал, что 8 сентября она еще узнала его, потом Карсон впала в коматозное состояние, из которого не выходила до самой смерти 19 сентября 1967 года.

Панихида, на которой присутствовали ее друзья-театралы, состоялась в епископальной церкви Св. Иакова на Манхэттене. Ее похоронили на кладбище в Ньяке рядом с матерью, на склоне, спускающемся к реке.

См. Вирджиния Спенсер Карр (1975).

Мак-Куин Стив (McQueen Steve)

(1930-1980)

Американский киноактер с ярко-голубыми глазами и ослепительной улыбкой добился славы после участия в шести фильмах, среди которых «Великий побег» (1963), «Пуля» (1968), а затем попытался расширить свое амплуа, сыграв Стокмана во «Враге народа» (1977) по пьесе Ибсена, разочаровав большинство критиков и не собрав большой зрительской аудитории.

Мак-Куин развелся со своей первой женой, танцовщицей Нейл Адамс в 1972 году и со второй — актрисой Эйли Мак-Гроу в 1977 году. К тому времени он уже был знаком со своей будущей, третьей женой Барбарой Минти, молодой моделью, владевшей небольшим ранчо рядом с его домом в Кетчуме, шт. Айдахо. Хобби актера составляла езда на багги, автомобилях и мотоциклах из собственной обширной коллекции, но ко времени съемок в фильме «Том Хорн» о легендарном стрелке в начале 1979 года у актера появилось новое увлечение — полеты на бипланах с аэродрома в Санта-Пауло, в пятидесяти милях от Лос-Анджелеса, где он купил еще одно ранчо.

Здоровье Мак-Куина начало ухудшаться во время съемок в Чикаго фильма «Охотник» (1980), самой неудачной из двадцати восьми его картин, после которой критики назвали Мак-Куина «уставшим сорвиголовой». Актер простудился и никак не мог оправиться от болезни, сопровождавшейся ознобом и лихорадкой. После того как Мак-Куину стало плохо на ранчо, он провел десять дней в госпитале Седар-Синай в Лос-Анджелесе, во время Рождества 1979 года. Анализы показали злокачественную опухоль правого легкого — редкую, неоперабельную форму рака, носящую название месотелиома. Однако в январе на ранчо состоялась его отложенная ранее свадьба с Барбарой. Через месяц врачи сказали, что актеру осталось жить не больше года.

Поскольку обычные методы лечения не оставили Мак-Куину никакой надежды, он обратился к нетрадиционным. В малоизвестном «Журнале медицинской науки» актер прочитал статью техасского зубного врача Уильяма Дональда-Келли, который утверждал, что вылечил собственный рак ферментами, «очищая» при этом свой организм кофейными клизмами. В написанной им в 1969 году книге Келли отмечал, что подобный режим в сочетании с витаминами А, С и экстрактом чабреца укрепляет иммунную систему организма.

Мак-Куин встретился с Келли, но отложил лечение до конца медового месяца, проведенного в Акапулько, за который он потерял в весе 20 фунтов. В госпитале Седар-Синай актеру сообщили, что раковая опухоль дала метастазы на легкие и шею, и жить ему осталось не более двух месяцев. Устроив вечеринку для друзей, Мак-Куин лег 31 июля на обследование в

мексиканский лечебный центр, консультантом которого работал Келли. Мак-Куина поселили в бунгало, где Келли применил к нему свой метод, дополненный предписаниями местных докторов.

Когда сообщения о Мак-Куине попали в бульварную прессу, поползло множество слухов. Директор клиники делал обнадеживающие заявления, утверждая, что опухоли уменьшаются и актер набирает вес. По словам Нейл, первой жены Мак-Куина, дела обстояли иначе. Она и дети — Чад и Терри — всегда поддерживали тесную связь с больным и навестили его в клинике. В своей книге «Мой муж, мой друг», вышедшей в 1986 году, Нейл пишет: «Лечение не давало никакого эффекта, только причиняло ненужную боль и вселяло несбыточную надежду. Специалисты клиники не прописывали или просто не имели в наличии болеутоляющих наркотиков». Мак-Куин сообщил бывшей жене: «Мне гораздо лучше. Благодари Бога. Говорят, я смогу победить болезнь». Нейл комментирует эти слова: «Его хриплый голос, затрудненное дыхание и хорошо видимые опухоли свидетельствовали об обратном». К тому же сиделка рассказала жене Мак-Куина, что в клинике нет реанимационного оборудования, также как рентгена и лаборатории.

Истощенный и страдающий нервным расстройством, Мак-Куин временно выписался из клиники и провел несколько дней на ранчо Санта-Пауло. Актера беспокоила опухоль в нижней части живота, у него нарушилось мочеиспускание, и его срочно доставили на самолете в ближайшую мексиканскую клинику. «Он вошел, опираясь на палку, — вспоминал хирург клиники, — и выглядел более пузатым, чем женщина на сносях». После сорокапятиминутной операции опухоль весом в пять фунтов удалили. До и после операции Мак-Куин ободряюще поднимал большой палец, обращаясь к Барбаре, Чаду и Терри. Через четырнадцать часов, 7 ноября 1980 года, он умер от внезапного сердечного приступа. Вызванный из отеля Чад в одиночестве попрощался с отцом и закрыл его глаза. Пальцы Стива сжимали Библию, которую дал ему Билли Грехем. Руки и ноги актера были холодными. Потом Чад рассказывал: «Я коснулся его груди, там, где сердце. Она все еще была теплой. Я удивился.

Потом наклонился, поцеловал его в грудь и сказал: «Пока, пап. Я люблю тебя».

Реакция медицинской общественности и с той, и с другой стороны была довольно бурной. «Не жертвуйте своими семьями, выбирая непроверенные методы лечения, которые могут ускорить смерть», — посоветовал президент лос-анджелесской Медицинской ассоциации. «Терапия рака в Америке представляет

собой скандальное явление, — ответил Келли. — Это болото из политики, алчности и страха... Стив прожил на три месяца больше, чем отпустили ему лос-анджелесские доктора. И умер он не от рака, а от сердечного приступа. Рак мы сумели остановить». По поводу необходимости операции также существовали различные мнения.

Пепел Стива Мак-Куина развеяли над Тихим океаном. На состоявшейся двумя днями позже на ранчо Санта-Пауло панихиде присутствовали три его жены. Службу провел пастор мессионерской церкви Вентура. В небе пролетели бипланы, выстроившись в форме креста. Ранчо унаследовали Чад и Терри. Двести тысяч долларов Мак-Куин оставил исправительной школе подростков в Чино, где много лет назад сам провел восемнадцать месяцев в качестве одного из подопечных.

См. Уильям Ф. Нолан (1984).

Макартур Дуглас (MacArthur Douglas)

(1880-1964)

Американский генерал, командовавший вооруженными силами США на Дальнем Востоке и союзными войсками на Тихом океане во время второй мировой войны, принял капитуляцию японцев в сентябре 1945 года. Он руководил операциями вооруженных сил интервентов против Северной Кореи с июня 1950 года. Пятью месяцами позже силы интервентов были отброшены южнее 38-й параллели. Макартур предлагал расширить театр военных действий путем бомбардировки баз в Китае, но это предложение было отклонено. Обнародование его разногласий с администрацией Трумэна привело Макартура к отстранению от командования в апреле 1951 года.

Макартур был сложным человеком. Биограф Уильям Манчестер в 1978 году писал о нем как о «благородном и в то же время низком, высокомерном и застенчивом человеке, с огромным обаянием, железной волей и высоким интеллектом, самом одаренном военном за всю историю нации... Макартур был паранойиком. Поглощенный делами в Азиатском регионе, он считал, что европейцы, англичане в особенности, вынашивали против него тайные планы». Правый республиканец, Макартур отвергал послевоенную экономическую помощь Европе, которую он ненавидел.

После отставки (хотя он до конца своих дней оставался в списках действующей армии) генерал написал блестящее письмо в Конгресс. Он и его вторая жена Джин Фэй-рклот Макартур

поселились на Манхэттене и скрывали свое место жительства. В их просторной квартире были произведения искусств Востока, резко контрастирующие с простой обстановкой соседних апартаментов президента Герберта Гувера. Макартур до самозабвения любил своего сына Артура, который был так задавлен родительской опекой и боялся фамилии Макартур, что после смерти отца недолго думая взял себе псевдоним.

Генерал еще раз посетил Филиппины, место своего триумфа, в июле 1961 года и с грустью в голосе сказал, что «сгущающийся сумрак жизни ставит под сомнение возможность еще раз сказать: «Я вернусь».

Квартира Макартуров находилась всего в нескольких шагах от Главного армейского штаба, в котором у генерала был свой кабинет. Там он каждое утро читал сообщения телетайпа. Всегда вооруженный пистолетом, генерал делал покупки и посещал театр вместе с Джин и Артуром.

Никогда серьезно не болевший, Макартур в 1960 году был госпитализирован сначала с почечной инфекцией, а затем для удаления доброкачественной опухоли из предстательной железы. Он закончил «Воспоминания» незадолго до своего восьмидесятичетырехлетия в январе 1964 года; к тому времени генерал сильно похудел и решил отложить дальнейшее лечение до завершения работы над рукописью. В начале марта президент Джонсон настоял, чтобы Макартур вылетел в вашингтонский армейский медицинский центр из-за осложнений гепатита. У Макартура выявили камни в желчном пузыре и поражение печени, но злокачественной опухоли не обнаружили.

Генералу удалили желчный пузырь, и он немного поправился, но через несколько дней у Макартура начался полный упадок сил, сопровождаемый закупоркой кишечника и кровоизлияниями в пищевод. 23 марта ему вырезали селезенку, 29 — часть кишечника. Затем Макартур заболел пневмонией. Он был хорошим пациентом, с удовольствием развлекал медицинский персонал воспоминаниями, пока ему позволяло здоровье, и всегда благодарил за малейшую заботу. 3 апреля у Макартура отказали печень и почки, он впал в кому.

Во время своего последнего посещения военной академии Вест-Пойнт он заявил кадетскому корпусу: «Когда я буду пересекать реку, последние мысли будут о корпусе...» Генерал армии Дуглас Макартур умер воскресным днем 5 апреля 1964 года.

В тот же день, позднее, тело доставили в Нью-Йорк в сопровождении колонны из двенадцати автомобилей. После панихиды при закрытых дверях в арсенале семнадцатого полка

открыли доступ к гробу. Покойного одели в выцветший китель без регалий. Длинная процессия сопровождала тело на вокзал в Пенсильвании. В Вашингтоне тело генерала поместили для прощания в Капитолийской ротонде, затем на родине его матери в Норфолке генерала отпели в церкви Св. Павла. Он был похоронен 11 апреля перед зданием администрации города, где теперь располагается музей Макартура.

Максвелл Роберт (Maxwell Robert)

(1923-1991)

Английский газетный магнат, родившийся в Чехии, погиб в море при загадочных обстоятельствах. Максвелл был в начале второй мировой войны беженцем, а закончил ее капитаном британской армии, приняв участие в высадке в Нормандии. К 1991 году он владел или контролировал печатные СМС всего мира, в том числе лондонские «Дейли» и «Сандей Миррор» и нью-йоркскую «Дейли Нъюс». Но еще до смерти Максвелла стало понятно, что построенное им здание рушится. Швейцарские банки требовали выплат по огромным займам, а позже выяснилось, что он направил часть денег пенсионных фондов своих рабочих и поступившие инвестиции — всего около одного миллиона долларов — на дополнительное обеспечение будущих займов.

31 октября 1991 года Максвелл вылетел на частном самолете из Англии в Гибралтар, прилетев, он пересел на свою яхту. В этот раз Максвелл не взял на борт гостей, когда направился на своей «Леди Гислейн» на Мадейру, откуда в конце недели собирался вылететь домой. Но после нескольких высадок на берег Максвелл изменил свои планы и приказал капитану держать курс на находящиеся в трехстах милях Канарские острова. Масквелл отплыл с Тенерифа 4 ноября, пообедав на берегу. На следующий день он собирался вылететь домой и теперь направил яхту в море, чтобы качка помогла ему заснуть.

В последний раз Максвелла видели стоящим на корме вечером 5 ноября. Он перебросился несколькими словами с членами экипажа и попросил включить кондиционеры. Последний раз голос Максвелла слышали, когда он позвонил на мостик и попросил включить вентиляторы. Его объявили пропавшим в 11.05 следующего дня и подключили к поиску авиаспасательную службу. Нагое тело Максвелла заметили в 17.50 около Гранд Кенери ив 18.15 его с вертолета подняли из воды.

Было произведено два вскрытия: одно — испанскими властями, другое — английским патологоанатомом перед похоронами в Израиле. Второе обследование, проведенное доктором Айценом Вестом по требованию держателей страховки в двадцать миллионов фунтов на жизнь магната, было затруднено предыдущим вскрытием и частичным бальзамированием тела. Как сообщил Вест, весивший триста фунтов покойник «несомненно, страдал ишемической болезнью сердца, но ничто не указывает на то, что именно эта болезнь стала причиной смерти». Более того, если бы с Максвеллом случился приступ, когда он стоял на корме, вряд ли он упал бы в море. У Максвелла были разорваны мышцы под левым плечом, и это указывало на то, что он висел на одной руке, а затем упал. По мнению Веста, другие возможные причины, включая убийство, не следует полностью отвергать, однако наиболее вероятно самоубийство. Кроме того, поведение Масквелла в последний день остается необъяснимым. В день гибели он был странно нерешительным, необычайно вежливым с членами экипажа и не страдал насморком, на который сослался, пожелав отправиться на морскую прогулку.

Роберта Максвелла похоронили в Иерусалиме на горе Олив. Президент Израиля Хаим Херцог прочел надгробную речь. На могиле установили большую бетонную плиту. Почему магнат выбрал именно это место? Могильщик на кладбище ответил на вопрос репортера напоминанием, что Иисус, Мария и Мухаммед отправились на небо отсюда. Для «здоровенного чеха» это должно было стать «чем-то вроде международного аэропорта — вполне в стиле Максвелла».

Максимилиан (Maximilian)

(1832-1867)

После того, как мексиканского президента Бенито Хуарес изгнали французы в 1864 году, консерваторы пригласили австрийского эрцгерцога восстановить монархию. В 1867 году французы под давлением Соединенных Штатов отвели свои войска, однако Максимилиан уверовал в свое предназначение защитника мексиканского народа и отказался оставить свой трон. Он отступил от столицы во главе девятитысячной, собранной из отребья армии, намереваясь дать бой отрядам Хуареса у Куеретаро, расположенного в ста милях к северу. После семидесяти двух дней осады Максимилиана и генерала Томаса Меджью взяли в плен 14 мая 1867 года вместе с одним из их немногочисленных европейских соратников, принцем Феликсом

Прусским. Позже взяли в плен раненого генерала Мигуэля Мирамо-на. Все планы на побег рухнули, когда Максимилиан, истощенный дизентерией и опасавшийся ловушки, отверг даже попытку бегства.

В 10 часов утра 16 июня, после четырехдневного заседания трибунала, Максимилиан и двое генералов были приговорены к расстрелу через пять часов на Холме колоколов. Смертники исповедались, но в назначенный час их казнь не состоялась. В четыре часа дня объявили о трехдневной отсрочке, чтобы дать время прусскому дипломату для встречи с императором. На рассвете 19 июня по приговоренным отслужили мессу, и три крытые повозки, по одной на каждого из осужденных и его исповедника, направились по тихим улочкам Куеретаро к подножию холма.

Трое медленно поднялись на вершину и встали к глинобитной стене, четыре тысячи человек образовали с трех сторон каре. Взвод, исполнявший приговор, состоял из пятнадцати солдат, — по четыре на каждого осужденного и трое в резерве. Вручив каждому из своих четверых палачей по золотой монете, Максимилиан, указывая на сердце, произнес: «Мучачос, цельтесь хорошенько, цельтесь прямо сюда». Свою короткую речь он заключил возгласом: «Да здравствует Мексика! Да здравствует независимость!» После отрывистой команды двенадцать ружей поднялись и сразу же раздались выстрелы. Максимилиан рухнул лицом вниз, пробормотав: «Человек...» Офицер, командовавший расстрелом, перевернул тело, и солдат выстрелил в сердце. Мирамон уже был мертв, а Меджью добили двумя выстрелами.

Тела завернули в мешковину и уложили в сосновые гробы; гроб, в который положили Максимилиана, оказался коротким, и ступни торчали наружу. Первое бальзамирование императора выполнили неумело — врачи попытались сохранить тело древнеегипетскими методами высушивания. В ноябре 1868 года останки переложили в новый деревянный гроб и перевезли на старом флагманском корабле Максимилиана «Наварра» в Триест, откуда три с половиной года назад Максимилиан и его жена Карлотта отплывали из Европы с радужными надеждами. Снежным морозным утром 20 января 1868 года гроб поместили в мраморную усыпальницу Габсбургов, склеп Капуцинов, в церкви Августа в Вене.

Макферсон Эйми Семпл (McPherson Aimee Semple)

(1890-1944)

Уроженка Канады, евангелистка, с неиссякающей энергией и удивительным шармом, она открыла свой храм ангела в Лос-Анджелесе в 1923 году и основала церковь Истинного Евангелия, проповедовавшую радость и отвергавшую адский огонь. Макферсон была очень добрым человеком, правда, не без известных слабостей.

Со временем она перестала пользоваться авторитетом в среде религиозно настроенных людей, прослыла беспутной женщиной, скорее приманкой для туристов, чем посланницей Святого Духа. Макферсон путешествовала за границей, ей и ее церкви неоднократно предъявляли судебные иски. Эйми постоянно ссорилась с матерью и в третий раз вышла замуж, но совсем ненадолго.

Несмотря ни на что, Макферсон никогда не переставала быть яркой личностью, способной собрать толпу. Вечером 26 сентября 1944 года в муниципальном зале в Окленде, шт. Калифорния, она читала Евангелие десяти тысячам собравшихся. Возможно, из-за оказанного теплого приема, Макферсон показалась своему сыну Рольфу «очень воодушевленной и восторженной». На следующий вечер она запланировала прочитать «Историю моей жизни», всегда пользующуюся большим успехом у аудитории.

После выступления, прежде чем лечь спать, Макферсон болтала с Рольфом в комнате отеля «Лимингтон». Они стояли в темноте у открытого окна и отчетливо слышали гудение пролетавших самолетов. «Интересно, когда мы умираем, мы отправляемся в такой же полет?» — эти слова стали для нее последними. Эйми поцеловала сына, и он пошел в свою комнату.

На следующее утро, в 10 часов, Рольф нашел свою мать в постели, со слабым дыханием. Вызвали врачей, но в 11.45 Эйми Макферсон умерла. Сначала причиной смерти назвали сердечный приступ, но разбросанные по кровати снотворные пилюли позволяли предполагать другое. В тумбочке обнаружили флакон с такими же пилюлями, который был наполовину пуст. Врач сказал, что не прописывал Эйми подобного лекарства, а на пузырьке не было аптечной этикетки.

На дознании Рольф описал состояние матери в последний вечер как абсолютно нормальное, без малейшего признака депрессии. Она принимала успокоительное, поскольку недавно перенесенный ларингит давал себя знать и мешал ей заснуть. Предположение о самоубийстве Рольф отверг как абсурдное. Проводивший вскрытие патологоанатом согласился, что «человек может впасть в состояние забывчивости и не помнить, сколько таблеток принял». Пилюли, лежавшие на подушке, были мокрыми. Видимо, они выпали изо рта засыпавшей после

предыдущей дозы женщины. Установили, что смерть наступила «от шока и затруднения дыхания, вызванных чрезмерной дозой снотворного при ослабленных почках».

Эйми Макферсон похоронили в мемориальном парке Форест Лоун Лос-Анджелеса, куда ее перевезли из храма ангела в сопровождении колонны из сотен машин. Юид-бище было закрыто для посторонних, но там присутствовало две тысячи человек, из которых тысяча семьсот являлись министрами Истинного Евангелия, утвержденными самой Эйми. Погребение состоялось в день ее сорокапятилетия, 9 октября 1944 года. На мраморной гробнице с каждой стороны высечен ангел-хранитель.

См. Лейтли Томас (1970).

Малер Густав (Mahler Gustav)

(1860-1911)

Австрийский композитор и дирижер ушел с поста художественного руководителя Венской оперы после десяти лет работы в 1907 году. Поводом к этому послужили многочисленные жалобы на его чрезмерную придирчивость, в которых неизменно сквозил антисемитизм. В тот же год умерла от скарлатины старшая дочь композитора, и тогда же доктор предупредил Малера, что и у него и у его жены Альмы серьезные проблемы с сердцем, на которые нельзя не обращать внимания.

Весной 1910 года Малер закончил свой второй сезон в качестве руководителя оркестра Нью-Йоркского филармонического общества и дирижера театра «Метрополитенопера». Вернувшись в Европу в угнетенном состоянии из-за проблем с женой, Малер добился встречи с Зигмундом Фрейдом. По слухам, великий психоаналитик быстро определил, что причина семейных разладов в том, что Малер постоянно думал о своей матери. Установив это, Фрейд сумел помочь восстановить супружескую гармонию.

21 февраля 1911 года Малер отдирижировал свой последний нью-йоркский концерт, пятьдесят восьмой за сезон, а через несколько часов слег с тонзиллитом. Бактериологические тесты выявили у него стрептококковую инфекцию. Американские врачи затруднялись выбрать метод лечения, и Малер решил вместе с женой немедленно отправиться в Европу. На борту корабля композитору стало плохо, и он едва мог пройти несколько ярдов, но по прибытии в парижский отель «Елисейские поля» Малер чудесным образом ожил, сам оделся, побрился и приказал шоферу покатать его по улицам. Вернувшись, Малер свалился без

сил и его отвезли в лечебницу. Врач Шантемас сказал жене композитора: «Подойдите и взгляните, даже я никогда не видел столь прекрасно развившихся стрептококков». Телеграммой она вызвала венского врача, он приехал и успокоил своего знаменитого пациента, но предупредил Альму, что надежды нет: «Конец может наступить быстро. Если даже он выживет, то нервная система полностью вышла бы из строя... Вряд ли вам нужен на руках престарелый идиот». И доктор устроил так, что Малера быстро переправили в Вену, в санаторий.

Сначала, приехав домой, композитор очень радовался привычному окружению и заполнившим комнату букетам цветов. Но вскоре его сознание затуманилось. Как и Бетховен, Малер умер в грозу. Почти до самой смерти он чувствовал присутствие Альмы, но последним его словом было: «Моцарт». Малер умер 18 мая 1911 года; похоронили композитора в Гринцинге рядом с дочерью. На надгробной плите высечено только его имя, остальное Малер считал излишним: «Любой пришедший ко мне на могилу должен знать, кем я был, а остальным это и не нужно».

См. Эгон Гартенберг (1978).

Малькольм X (Malcolm X)

(1925-1965)

Прежде чем стать самым влиятельным лицом в среде черных мусульман, он был сутенером и продавцом наркотиков в нью-йоркском Гарлеме. В декабре 1963 года Малькольма изгнали из общества «Нации ислама», основанного престарелым Элией Муххамедом, и он за пять месяцев создал собственную организацию.

21 февраля 1965 года в два часа дня он взошел на импровизированную сцену в Аудубонском танцевальном зале на Манхэттене и обратился к собравшимся по-арабски: «Ассалям алейкум» («Мир вам»). Кто-то громко закричал, что ему залезли в карман, и в это время в дальнем конце зала взорвалась дымовая шашка. Охрана побежала вниз, чтобы проверить, что происходит, а стоящий в первом ряду человек вытащил спрятанный под курткой обрез и произвел шесть выстрелов в Малькольма. Он упал, и убийцы выстрелили в него еще несколько раз.

В расположенном через улицу Колумбийском пресвитерианском медицинском центре Малькольма пытались спасти, но все было безнадежно — из двадцати одного выстрела семь пришлось в сердце. В общий похоронный дом в Гарлеме открытый гроб сопровождала процессия из двадцати тысяч

человек.

Один из убийц, двадцатидвухлетний Хайер, раненный в бедро пулей охранника, был арестован на улице при попытке скрыться. Норман Батлер и Томас Джонсон, двое мусульман из Бронкса, отпущенные на поруки после аналогичного преступления, были арестованы через несколько дней. Всех фоих признали виновными в убийстве после восьминедельного расследования и двадцати четырех часов заседаний суда. Их приговорили к пожизненному заключению без права условно-досрочного освобождения в течение двадцати семи лет.

Хайер признал свою вину, но отрицал, что двое других были его соучастниками. Вместо них он назвал четырех мусульман из Нью-Джерси. Питер Голдман в своей книге «Жизнь и смерть Малькольма Х» (1979) подтверждает версию о соучастии названных Хайером мусульман.

Отказавшись от своего «рабского прозвища» (Маленький), Малькольм после паломничества в Мекку был наречен мусульманским именем Эль-Хаджи Малик Эль Ша-бад, и именно это имя высечено на его надгробии на кладбище Фернклиф в Хартсдейле, шт. Нью-Йорк.

Мао Цзэдун (Mao Tse-Tung)

(1893-1976)

Бывший помощник библиотекаря в Бейджинге основал Китайскую коммунистическую партию в 1921 году и стал одним из самых влиятельных лидеров столетия. С провалом политики великого скачка он ушел в 1959 году с поста президента Китая, однако остался председателем компартии. В период культурной революции 1966—1969 гг. Мао Цзэдун организовал Красную гвардию, состоящую в основном из студентов, для ниспровержения, часто необоснованного, существующих авторитетов; и даже старые товарищи Мао по партии, в том числе и Дэн Сяопин, не были застрахованы от нападок.

В последние шесть лет жизни Мао Цзэдун частично поддерживал политику сотрудничества с Западом более либерального премьер-министра Джоу Энлая. Когда президент США Дж. Р. Форд встретился с Мао в октябре 1975 года, было очевидно, что жить тщедушному старику оставалось недолго. Но первым умер в январе 1976 года любимый и почитаемый Джоу (от рака, в возрасте семидесяти пяти лет). В борьбе, развернувшейся за место преемника Джоу, Мао предпочел второразрядного Хуа Гофе-на опытному вице-премьеру Дэн Сяопину. Возникшие в

стране кровавые волнения привели к тому, что в апреле от монумента Джоу Энлаю в Бейджинг убрали стихи и венки. По-видимому по приказу Мао, однако, как подозревали, не обошлось без вмешательства его жены Дзян Цин. Отношения между супругами были в то время странными. Известно, что они жили врозь, но лишь в 1960 году выяснилось, что Цин приходилось обращаться с просьбой в Президиум Коммунистической партии каждый раз, когда она хотела повидаться с мужем, а Мао не всегда такие просьбы удовлетворял.

Последним официальным зарубежным гостем для Мао Цзэдуна стал в мае 1976 года премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю. Болезнь Паркинсона мучила Мао десять дней, и его речь превратилась в трудноразличимую мешанину звуков, которые расшифровывала его племянница, прежде чем передать. Поскольку не согласовали процедуру избрания преемника Мао, ему самому приходилось руководить Политбюро и выступать с речами. Подозрения в политических махинациях Дзян усилились, когда летом Мао удалился от дел и слег. В то же время он был достаточно осведомлен о том, какие меры предпринимаются после чудовищного землетрясения, унесшего в середине лета четверть миллиона жизней в Таныпане.

Около постели больного неоднократно проводили заседания Политбюро. На одном из них председатель сказал: «Немногие доживают до семидесяти. Мне уже за восемьдесят. Я давно должен был умереть. Неужели никто из вас не думал, что мне уже следует отправляться на встречу с Марксом?» Но никто из присутствующих не осмелился подтвердить подобную мысль.

Пока Мао Цзэдун лежал, постепенно теряя сознание в своем павильоне династии Минь в Бейджинге, расползались противоречивые слухи о заговоре Дзян Цин; будто бы она пыталась выудить у умирающего последние распоряжения в свою пользу, искала документы, способные помочь своим целям, либо, наоборот, играла в бридж вдалеке от Бейджинга.

Смерть председателя Политбюро Мао Цзэдуна наступила ранним утром 9 сентября 1976 года, объявление по радио последовало через шестнадцать часов. В стране объявили недельный траур, а в конце этой недели все девятьсот миллионов китайцев должны были простоять в молчании три минуты, и по всей стране должны гудеть сирены. Тело Мао лежало в Большом зале народов в Бейджинге, пока триста тысяч скорбящих проходили мимо катафалка.

Мао за несколько лет до смерти выбрал место для погребения себя и жены в монастыре Папаошан, но также высказал желание, чтобы его останки перевезли в родную провинцию Хунань. (Джоу

Энлай выбрал кремацию и велел развеять свой пепел над горами и реками Китая). Из всех возможных методов погребения выбрали тот, который, наиболее вероятно, одобрен умирающим: тело мумифицировали и выставили, подобно Ленину, в мавзолее. Возможно, Хуа Гофену с товарищами присутствие Мао было необходимо даже после его смерти.

Вызвали вьетнамских бальзамировщиков, ранее обрабатывавших тело Хо Ши Мина, и в ноябре 1976 года началось сооружение белого мраморного мавзолея на площади Тань Ань Минь. Его открыли в годовщину смерти Мао, а самого вождя положили в хрустальный саркофаг, одетого в светло-серый костюм и покрытого красным китайским флагом.

Через месяц после смерти Мао Дзян Цин и трое ее соучастников («Банда Четырех») были арестованы и преданы суду в 1980—1981 гг. по обвинению в измене (в частности, им вменялись в вину искажения культурной революции). Цин приговорили к смерти, но через два года заменили наказание на пожизненное заключение. С мая 1984 года она «жила под охраной», то есть под домашним арестом, и, по слухам, стала жертвой рака горла. 14 мая 1991 года Цин покончила с собой (по сообщению газеты, повесилась).

См. Росс Террил (1980).

Маркс Гроучо (Marx Groucho)

(1890-1977)

В преклонном возрасте Гроучо был самым известным среди братьев Маркс, династии американских комедиантов. (Чико умер в 1961, Харко в 1964 году). Знаменитым его сделали критические передачи по телевидению «Вы поставили в заклад жизнь», возникшие из радио-шоу 50-х и транслировавшиеся вплоть до 1961 года.

Когда Марксу перевалило за восемьдесят, он жил одинокой и малосчастливой жизнью в доме на Беверли-Хиллз. Иногда Маркса навещала его третья жена Иден Хартфорд, с которой он незадолго до этого развелся. После того как в 1971 году с актером случился удар, она предложила вернуться, чтобы ухаживать за ним, но Маркс был слишком горд, чтобы принять такое предложение. Летом того же года его представили рыжеволосой канадской актрисе Эрин Флеминг, и вскоре она поселилась у него как менеджер, секретарь и друг.

Без сомнения, возникшие отношения сотворили чудо со стариком. Посетители замечали, как лицо его прояснялось,

стоило ей лишь появиться в комнате. В том, что Гроучо и Эрин любят друг друга, вряд ли можно было сомневаться. Маркс неоднократно делал своей возлюбленной предложение, но, желая иметь детей, она не соглашалась. Эрин бывала деспотичной, и со временем припадки гнева у нее случались все чаще. Однажды она сказала Гектору Эйкру, биографу комедианта: «Когда я познакомилась с Гроучо, я была ласковой и покладистой, и все переступали через меня. Теперь я стала другой, и меня слушаются».

В 1972 году с Гроучо случился второй удар и его госпитализировали. Обострились болезни сердца, легких и мочевыводящих путей. В 1974 году ему и Чарли Чаплину вручили специальные премии «Оскар», а фильм братьев Маркс «Звериные хлопушки» приобрел бешеный успех.

Зеппо и Гаммо, братья Гроучо, присутствовали на праздновании восьмидесятипятилетия брата в октябре 1975 года. В следующем году голливудские администраторы, да и многие другие люди стали замечать, как сложно иметь дело с Эрин, и Гроучо попадал в еще большую изоляцию. Несколько домоправительниц были уволены, и они клялись, что она тиранит Гроучо, более того — дает ему непрописанные врачом транквилизаторы. Эрин отменила запланированное Гроучо выступление на концерте в поддержку организации Ральфа Надера, назвав причиной его недержание мочи.

В начале 1977 года Гроучо перенес еще один удар, на сей раз лишившись периферического зрения. В марте актеру прооперировали ногу, и врач рассказал биографу Эйкру, что артерии пациента, как у столетнего старца. Единственный сын Гроучо, Артур Маркс, не доверявший Флеминг, подал прошение в суд Санта-Моники, чтобы его назначили опекуном имущества и денежных средств отца. Многие из друзей Гроучо, обеспокоенные угрозой удаления своего ближайшего компаньона, заняли в споре сторону Эрин. 21 апреля умер Гаммо, но эту новость не стали сообщать старику, боясь ухудшения его состояния.

Когда отношения между враждующими накалились до предела, Эрин Флеминг попросила детективов проверить дом на наличие подслушивающих устройств. Но вместо них детективы случайно нашли улику: шприцы с остатками барбитуратов оказались в водоотводной канаве перед домом. Криминальное расследование не дало никаких результатов. Бывший автор номеров Гроучо, Нат Перрин, назначенный временным опекуном, старался предотвращать встречи сторонников Артура и Эрин, приходивших навещать Гроучо.

Когда двадцатисемилетнего внука Гроучо, Энди Маркса,

выбрали в конце июля постоянным опекуном, самого Гроучо вновь поместили в госпиталь Седар-Синай в Лос-Анджелесе, так что назначение состоялось прямо у постели больного.

После нескольких лет странных отношений со своими тремя детьми Гроучо наконец решил примириться с ними. Страдавшая долгие годы алкоголизмом Мириам стала активной приверженкой общества анонимных алкоголиков. Другая дочь, Мелинда, регулярно приезжала из Северной Калифорнии.

Гроучо умер от пневмонии утром 19 августа 1977 года. Эрин за несколько минут до смерти отошла от его постели, Мириам уехала в госпиталь. Скромные поминки состоялись через два дня в доме Артура. Многие не были приглашены — даже Зеппо, который в сердцах заявил, что был исключен, поскольку поддерживал Эрин в семейных раздорах. Артур и Энди заказали молебны в голливудском храме.

Гроучо кремировали, пепел предали земле в мемориальном парке Лос-Анджелеса Эдем. Над могилой установили бронзовую доску с надписью «Гроучо Маркс (1890— 1977)» и звездой Давида между датами. Урну с прахом похитили в мае 1982 года.

Большая часть наследства в миллион восемьсот тысяч долларов отошла детям, Эрин Флеминг получила 150 тысяч долларов и права на фильмы и телепередачи, однако это ее право было оспорено в суде. В 1983 году суд присяжных присудил американскому банку, который распоряжался наследством, выплатить 450 тысяч долларов Эрин Лесли Флеминг, обвиненной банком в незаконном влиянии. Окончательная сумма была уменьшена до 221 тысячи.

Марроу Эдвард, Р. (Murrow Edward, R.)

(1908-1965)

Один из первых радио- и тележурналистов попал в историю благодаря своим военным репортажам во время лондонского блица и успешным теледебатам 1954 года с демагогом-сенатором Джозефом Маккарти. В 1961 году Марроу ушел из CBS в администрацию Картера начальником Информационного агентства США. Уже тогда его здоровье было слабым и он был вынужден принимать на ночь снотворное, а по утрам — тонизирующие препараты. Марроу всегда много курил, а когда стал резко терять в весе, друзья забеспокоились. Один из них просил Марроу бросить курить, на что он ответил: «Когда у меня будет рак, уже найдут средство его лечения». Осенью 1962 года журналист серьезно заболел во время поездки по Тегерану и

пролежал неделю в армейском госпитале. По возвращении в Вашингтон его обследовали в Военно-морском госпитале Бефесда и обнаружили пятно на левом легком, которое посчитали старым шрамом. Во время тринадцатидневного Карибского кризиса Марроу был прикован к постели и оказался не у дел. Годом позже, при операции дыхательных путей, у него выявили рак левого легкого. Легкое удалили, и Марроу наконец бросил курить. В конце 1963 года он вновь начал курить, сославшись на ухудшение здоровья.

Той же зимой Эда и Дженет Марроу пригласил в Южную Калифорнию доктор Джонас Сэлк, который нашел для них дом на побережье, недалеко от института Сэлка в Ла-Джолле. Прожив там четыре месяца, Марроу заболел пневмонией, и, хотя и поправился, былая искра жизни в нем погасла. В конце осени 1964 года Сэлк навещал Марроу в его доме в северной части штата Нью-Йорк. Во время встречи хозяин дважды терял нить разговора. После обследования в нью-йоркском госпитале у него обнаружили, а 8 ноября удалили опухоль мозга.

Вновь попав в госпиталь через несколько месяцев с рецидивом рака мозга, Марроу попросил коллегу по CBS Боба Диксона навестить его. «Он сжал мою кисть обеими руками с поразительной силой, — рассказывал потом Диксон. — Глаза его горели». Марроу заставил дать обещание вызволить его из больницы, «даже если придется выносить меня на спине».

В начале апреля 1965 года Эд Марроу умирал на своей ферме в полном покое, время от времени впадая в легкое забытье. На его родине ему присвоили высшую гражданскую награду «Медаль чести». Королева Елизавета сделала его сэром Эдвардом — Англия была местом, «где репортер оставил свою молодость и свое сердце».

Марроу умер, не приходя в сознание 27 апреля 1965 года, через два дня после своего дня рождения; пепел его развеяли в долине фермы Марроу. Говоря о нем, тележурналист Гарри Ризонер заметил: «Ты установил традицию, которую невозможно нарушить». Марвин Калб сказал: «Марроу был метеором на довольно пустынном небе».

См. Джозеф И. Персико (1988).

Маунтбеттен, лорд Людовик (Mountbatten, Lord Louis)

(1900-1979)

Английский адмирал остался в памяти как последний вицекороль Индии, сыгравший не последнюю роль в получении

колонией независимости в 1947 году. Эрл Маунтбеттен Бирманский был наперсником королевской семьи и непреклонным защитником национального уважения и демократии во всем мире. Человек тщеславный, но в то же время открытый и доброжелательный, он состарился, почти не страдая какими-либо болезнями, кроме частых головокружений.

Его жена, леди Эдвина, умерла от внезапного сердечного приступа, совершая в 1960 году поездку на о. Борнео с санитарной миссией Св. Иоанна. Ее похоронили в море недалеко от Портсмута.

Многие годы лорд Людовик и его семья проводили отпуск в августе на западном побережье Ирландии в замке Ютассибон графства Слиго. Около, половины двенадцатого утра двадцать седьмого августа 1979 года он приехал на машине из замка в гавань Милламор вместе с родственниками и вышел в море на своем двадцатидевятифутовом рейсовом катере «Тень V». Маунтбеттен стоял у штурвала, старшая дочь Патрисия сидела у левого борта, ее муж, лорд Бреборн, сидел на поворотном стуле, их двенадцатилетние близнецы Тимоти и Николас стояли посредине катера со своим пятнадцатилетним приятелем Полем Максвеллом, мать Бреборна — вдовствующая леди Бреборн — сидела у правого борта. Пластиковая труба с двумя килограммами взрывчатого вещества была заложена под палубой в ночь накануне.

Выйдя из гавани, катер замедлил ход, и Бреборн наклонился, чтобы осмотреть садок для лобстеров. Кто-то взорвал подложенную бомбу с берега при помощи дистанционного управления. Маунтбеттена подбросило в воздух, он упал в воду, одежду сорвал взрыв, в тело вонзились щепки от деревянной обшивки. Серьезно повреждена была лишь левая нога, но он утонул раньше, чем подоспела помощь. Николас был убит, его брат серьезно ранен. Поль Максвелл тоже был убит; старая леди Бреборн умерла на следующий день. Супруги Бреборн отделались переломами ног и сильными ушибами. Ответственность за взрыв взяла на себя Ирландская республиканская армия, цель которой состояла в изгнании англичан из Северной Ирландии.

В течение долгих лет Маунтбеттен детально продумывал организацию своих похорон: порядок богослужения, кто должен быть приглашен, какой выбрать материал для обивки гроба. Вечером накануне своей гибели он сказал: «Не могу выдумать более замечательного воздаяния прожитой жизни, чем то, чтобы каждый был весел на моих похоронах». Маунтбеттена похоронили со всей пышностью, которую только можно представить, недалеко от дома в Ромсейском аббатстве, в нескольких милях к северу от

Саутгемптона, после службы, на которой присутствовали королева Елизавета (его кузина по жене) и знатные люди со всего мира.

Тридцатиоднолетний террорист ИРА Томас Макмахон проделал путь через всю Ирландию, выехав от своего дома двадцать шестого августа, меняя по дороге машины, и прибыл в Милламор на желтом форде «Кортина». Его вместе с соучастником задержали на красном форде «Эскорт» во время обычной дорожной проверки по подозрению в членстве в ИРА. Установив виновность задержанных в убийстве, их допросили с пристрастием. Следы зеленой краски с «Тени V» были найдены на одежде Макмахома и на его машине, кроме того, на одежде нашли частицы нитроглицерина и нитрата аммония. В ноябре 1979 года его приговорили в Дублине к пожизненному заключению, а товарища оправдали. Люди, которые непосредственно произвели взрыв, так и не были найдены.

Мейр Голда (Meir Golda)

(1898-1978)

Министр иностранных дел в течение десяти лет, ставшая потом премьер-министром (1969—1974) Израиля, родилась на Украине и прожила с 1906 по 1921 год в Милуоки, шт. Висконсин.

Она ушла с общественной сцены после незавершенной «войны судного дня» в 1973 году и написала автобиографическую книгу «Моя жизнь» (1975), которая мгновенно стала бестселлером. В ноябре 1977 года Голда Мейр была на первом бродвейском представлении пьесы Уильяма Гибсона «Голда». Текст был путаным и малопонятным, и спектакль сняли из репертуара. Но основной причиной этого стало резкое ухудшение здоровья Энн Бэнкрофт, игравшей роль заядлой курильщицы. Энн, сама не курившая, заявила, что «не собиралась затягиваться на сцене», но «за два часа спектакля она выкуривала семнадцать сигарет». Актриса заработала себе острый бронхит. Спектакли перенесли, когда бронхит перешел в грипп. «Два или три вечера подряд, — вспоминал врач, — доктор дежурил за кулисами. Она передвигалась, как раненая».

Телефильм «Женщина по имени Голда» (1980) оказался более удачным. В нем заняты Ингрид Бергман и Леонард Нимой в роли Мориса Мейерсона, фиктивного мужа госпожи Мейр, умершего в 1951 году. Как и в театральной постановке, в телефильме ничего не говорилось о романтических увлечениях Голды.

Когда президент Египта Анвар Садат посетил Иерусалим в

ноябре 1977 года, экс-премьер была главным действующим лицом. Она подарила Садату браслет для его новорожденной внучки «как бабушка дедушке», присвоив себе титул «старой леди». «Я знаю, господин президент, — добавила она с улыбкой, — что вы всегда меня так называли». Садат был очень доволен, и надежды на временную гармонию на Ближнем Востоке неожиданно стали реальнее, чем когда-либо.

Однако здоровье израильской «стойкой львицы» начало ухудшаться. Но лишь после ее смерти открылось, что с 1972 года она была больна одной из форм лейкемии. В течение нескольких лет Мейр мучилась болями, хотя, выписавшись из больницы, она вела активный образ жизни. В начале сентября 1978 года ее поместили в отделение гематологии госпиталя Хадасса в Иерусалиме, где она провела последние пятнадцать недель жизни, выехав только на четыре дня домой в Тель-Авив.

Почти до самой смерти Голда контролировала все, что происходило вокруг. Ее палату максимально приспособили для удобства посещения немногочисленных гостей, и она беседовала с ними и следила за наличием освежающих напитков. Но постепенно силы покидали Мейр. Голда заболела гепатитом, и лечение практически не помогало. Она всегда очень внимательно следила за своим состоянием. «Видите, — говорила она сиделке, — даже сталь иногда слабеет». Она потеряла сознание рано утром 7 декабря 1978 года и умерла на следующий день в половине пятого вечера. Когда она еще была в сознании, ее навестил внук Денни и рассказал про свои успехи в школе. Голда уже не могла говорить, но, по словам отца мальчика, Менахема, «ее глаза открылись, улыбнулись ему и потом снова закрылись».

Тело Голды Мейр выставили для прощания в зале приемов израильского парламента. На заупокойной службе израильская актриса прочитала последний абзац из книги «Моя жизнь»: «Я полагаю, что у нас будет мир с соседями, но, с другой стороны, я уверена, что никто не станет заключать мир со слабым Израилем». Соединенные Штаты на похоронах представляли госсекретарь Сайрус Вене и мать президента Картера. Сам президент написал в послании: «Дар Голды распространялся не только на ее народ.

Она говорила со всем человечеством». Садат отправил официальные соболезнования по поводу «столь значительного события». Надгробный камень национального кладбища на горе Херзль в Иерусалиме имеет лишь простую надпись, содержащую имя и дату смерти.

Голда Мейр оставила посмертную записку: «Запрещаю сочинять по мне панегирики и не хочу, чтобы что-либо называли

в мою честь». Это пожелание строго соблюдается в Израиле, но библиотека Висконсинского университета в Милуоки носит имя женщины, приехавшей в город восьмилетней Голдой Мабовец.

Менгеле Йозеф (Mengele Josef)

(1911-1979)

Нацистский врач печально известен своими бесчеловечными смертельными экспериментами на тысячах узников Аушвица. На несколько дней Менгел : был задержан в 1945 году наступающими американскими войсками. Поработав какое-то время на ферме в Баварии, он перебрался с помощью своей семьи через Геную в Аргентину и затем в 1959 году в Парагвай. Перепуганный поимкой и выдачей Адольфа Эйхмана Израилю в мае 1960 года, он переехал в Бразилию. Тринадцать лет он прожил под Сан-Паулу в семье венгра Гезы Стаммера. Не терпящий возражений и постоянно живущий в страхе, что его найдут, Менгеле угрожал нормальной семейной жизни Стаммеров. Они помогли ему купить маленькое бунгало в предместье Сан-Паулу, в Эльдорадо. Там Менгеле жил в одиночестве, все более падая духом и временами помышляя о самоубийстве, он страдал от повышенного кровяного давления, болей в позвоночнике и обширного простатита. В мае 1976 года бывший врач-нацист перенес инсульт, парализовавший левую часть тела. В большинстве газетных заметок сообщалось, что Менгеле скрывается в Парагвае, но он так и не обрел свободу. Менгеле часто писал семье в Западную Германию, и в 1977 году сын Роберт приехал к нему на две недели впервые за двадцать один год, но так и не услышал от отца оценки своих действий во время войны. Старик ни о чем не сожалел.

5 февраля 1979 года Йозеф Менгеле поехал автобусом в Бертиогу, за двадцать пять миль от Сан-Паулу, навестить своих друзей Боссертов в их доме на берегу океана. 7 февраля в половине пятого вечера он перенес второй инсульт, купаясь недалеко от берега. Вольфганг Боссерт с большим трудом вытащил его на берег. Менгеле умер на пляже через несколько минут. Лизлотта Боссерт организовала поспешные похороны, использовав имя своего бывшего друга Вольфганга Герхарда, идентификационной карточкой которого пользовался Менгеле.

Шумиха с Менгеле усилилась в восьмидесятые годы. Откровения некоего Ганса Седлмейра положили в 1984 году начало раскрытию тайны. Седлмейр был поверенным в делах семьи Менгеле в Гюнзбурге и пять раз тайно вылетал в Южную

Америку для встреч с Менгеле. В результате обыска в его доме обнаружили зашифрованные телефоны и адреса. Полиция Сан-Паулу нагрянула в дом Боссертов, вся история всплыла и вызвала общее недоверие.

21 января 1985 года группа судмедэкспертов обследовала останки Менгеле в главном полицейском управлении Сан-Паулу и установила их абсолютную идентичность. Исследование 1987 года западно-германского профессора судебной медицины Р. П. Хэлмера подтвердило правильность идентификации.

См. Дж. Л. Познер и Джон Вейр (1986).

Меррик Джозеф (Merrick Joseph)

(1862-1890)

Английского юношу, представляемого как человека-сло-на, впервые показал медикам молодой хирург Фредерик Древес в ноябре 1884 года. (Как ни странно, Древес всегда называл его Джоном, хотя в свидетельстве о рождении указано имя: «Джозеф Кери Меррик»), Молодой медик заметил бесформенного двадцатидвухлетнего урода на представлении неподалеку от лондонского госпиталя на Вайтчепл-Роуд и предложил ему медицинское обследование. Меррик был пяти футов двух дюймов ростом, над бровями и на затылке у него были большие асимметричные костные наросты, а размер черепа составлял 36 дюймов (около девяноста сантиметров). Складки жира свисали с правого плеча и с ягодиц, а кожа на большей части тела была покрыта бородавками, размером от булавочной головки до небольшого кочана цветной капусты. Правая рука была огромной и совершенно бесполезной, толщина одного из пальцев составляла пять дюймов. Но его левая рука была миниатюрной. Странное свистящее произношение юноши было непонятно Тревесу, который предполагал, что тот имбецил.

Подробности биографии Меррика всплывали постепенно. Мать умерла, когда ему было всего десять лет, а отец выставил его на улицу. До выступлений в шоу уродцев Меррик четыре года служил в работном доме. Тревес сфотографировал его и представил фото на заседание лондонского Общества сравнительной патологии, но не получил рекомендаций о лечении. Последние полтора года Меррик пропал из поля зрения. Европейское турне закончилось, его организатор забрал у Меррика деньги и бросил его в Брюсселе. Голодающий, без единого пенни, Меррик кое-как добрался до Лондона. Укрываясь от преследователей, он предъявил визитную карточку Тревеса, и

хирург помог ему, определив юношу в больницу и организовав сбор пожертвований.

Двухкомнатное помещение за лондонским госпиталем было специально оборудовано для Меррика. («Никаких зеркал», — распорядился Тревес). Тревес убедился, что Меррик обладал «высоким интеллектом» и «обостренной чувствительностью». Своей действующей рукой он делал маленькие картонные поделки и дарил их тем, к кому хорошо относился. Тревесу, у которого он нашел понимание, Меррик предсказал свою судьбу — быть навсегда заспиртованным в большой бутыли. (Эта участь миновала его, но скелет Меррика до сих пор хранится в госпитале.)

Многие посетители приходили к нему. Принцесса Уэльская Александра проявила к нему особый интерес. Мер-рик однажды был вместе с Тревесом в театре Вест-Энд на рождественской пантомиме. В 1889 году он поехал по железной дороге и поселился в домике лесника в заповеднике графства. Там он пробыл шесть недель на природе, это «лучший праздник в его жизни», по словам Тревеса.

В 1882 году профессор из Страсбурга Ф. Д. фон Реклингхаузен описал расстройство с характерными бледнокоричневыми пятнами на коже и опухолями (нейрофибромами), которые прощупываются вдоль периферических нервов. Только в 1909 году Паркс Вебер определил образования Меррика как болезнь Реклингхаузена, а в 1930 году предположил, что костные наросты вызываются проникновением нейрофибром в надкостницу. Это наследственное заболевание, распространяющееся спорами, других случаев этого заболевания в семье Меррика отмечено не было. Болезнь неизлечима.

Случаи нейрофиброматоза такой формы, как у Меррика, встречаются крайне редко — примерно треть случаев заболеваний — бессимптомных, и болезнь обнаруживается только после медицинского обследования, в основном же признаки болезни сходны с описанными Реклингхау-зеном.

В последние полгода жизни здоровье Меррика ухудшилось, и он редко вставал раньше полудня. В канун Пасхи. 6 апреля 1890 года, Меррик принял причастие. В следующую пятницу, в половине второго, ему подали завтрак на подносе. В начале четвертого доктор нашел его мертвым, Меррик лежал на спине, и его завтрак остался нетронутым. Следователь установил смерть от асфиксии, случившейся во сне из-за избыточного веса головы. Но Тревес, описывая человека-слона в своих воспоминаниях незадолго до смерти в 1923 году, видимо, нашел верное

объяснение. Обычно, объяснил Тревес, Меррику приходилось спать сидя, уперев руки в колени и положив на них голову. «Он часто говорил мне, что хотел бы спать лежа, как остальные люди. Полагаю, что в последнюю ночь Меррик попробовал осуществить этот эксперимент. Подушка у него была мягкой, и голова запрокинулась назад, что вызвало вывих шеи. Таким образом, смерть Меррика произошла благодаря желанию, определявшему всю его жизнь — безнадежному, трогательному желанию «быть, как другие люди». Тревес продолжает: «Как образчик человеческой природы Меррик был низкопробным и отталкивающим; но дух Меррика, если представить его в осязаемой форме, прямой и героический, Меррик — человек свободный от скверны, глаза которого сверкают неугасимой храбростью».

Мертон Томас (Merton Thomas)

(1915-1968)

Француз по происхождению, американский монах, автор более пятидесяти книг, Мертон обратился в католическую веру в двадцать шесть лет и принял имя брата Луи в аббатстве Гефсиманской Богоматери в Кентукки. Его проблемы со здоровьем, вероятно, обострила строгая монастырская диета. Смерть занимала важное место в мыслях Мертона — после серьезной операции он написал другу: «Сценарий предполагает тихую смерть среди деловитых бурундуков, но мне это подходит». Однако конец Мертона был иным.

Мертон прибыл в столицу Таиланда Бангкок 8 декабря 1968 года, а 10 отправился на религиозную конференцию в предместье Пакнам, в десяти милях к югу. После обеда он вернулся в свою комнату в коттедже рядом с залом заседаний. Погода была жаркой, и Мертон, вероятно, принял дули. Затем, стоя босиком на террасе, он потянулся включить плохо подсоединенный электрический вентилятор. Через тело прошел смертельный разряд, и Мертон громко закричал. В личной переписке его биограф Дж. Х. Гриффин сообщает, что Мертона «еще могли спасти, но соседи по дому решили, что ему просто приснился плохой сон, или подумали, что крик донесся с улицы, и не осмелились нарушать его уединение».

Ток все еще шел по телу Мертона, когда его обнаружили через несколько часов. Грудь обгорела там, где на него упал вентилятор, но выражение лица оставалось безмятежным. Тело переправили самолетом в США и похоронили по его желанию в

аббатстве Гефсиманской Богоматери. Небольшой белый крест с надписью «Фр. Луи Мертон (умер 10 декабря 1968 года)» стоит на могиле под кедром.

Миллей Эдна Сент-Винсент (Millay Edna St. Vincent)

(1892-1950)

Американская поэтесса, одна из первых феминисток, жизнеутверждающие стихи которой воспевали любовь и свободу сознания. Она была удостоена Пулитцеровской премии в 1922 году. Через год Миллей вышла замуж за голландского торговца кофе Юджина Яна Боссевейна и оставила богемную жизнь на Манхэттене, переехав в старый дом в Нью-Йорке. С тех пор ее произведения приобрели более резкий политический оттенок.

Миллей, неврастеничка и почти законченная алкоголичка, страдала приступами изнурительной головной боли. Муж неустанно заботился о ней, но в 1936 году она вывалилась ночью из машины на крутом повороте. Боссевейн нашел жену в каменистом овраге «с большой шишкой на голове, всю исцарапанную и в синяках». Нервный шок вызвал у нее ноющие боли в правой руке и плече. В пятьдесят лет Миллей выглядела старухой.

В последние годы, проведенные на ферме в Стиплтоне, Боссевейн оберегал и нянчил свою «Винси», не пуская к ней посторонних и уговаривая ее есть и отдыхать. Их редкие посетители видели, что он носится с женой, как с малым дитем, а она говорит с ним тоном больного ребенка; но когда Боссевейн выходил из комнаты, Миллей возвращалась к своей обычной панибратской манере.

Боссевейн умер после операции по удалению раковой опухоли легкого в августе 1949 года, и после его похорон Миллей слегла. Проведя несколько недель в больнице, она вернулась домой, где ее ожидало одиночество и безденежье. Но Миллей продолжала усердно работать над новой книгой стихов, вызвавшей восторженный отклик после ее смерти.

Вечером 18 октября 1950 года она начала читать корректуру перевода Катулла, сделанного ее другом Рольфом Хамфри, и, увлекшись, не заметила, как наступил рассвет. На кухне Миллей оставила записку для своей соседки и приходящей прислуги: «Дорогая Лена, утюг поставлен на высокую степень нагрева. Не гладьте им льняные вещи. Сейчас 5.30. Я иду спать. Доброго утра — Э. С. В. М.». Читая гранки, она понемногу пила эльзасское вино. Взяв бутылку и стакан, Миллей стала подниматься по

лестнице, ведущей из холла на второй этаж. Наверное, спазм заставил сесть ее на ступеньку под лестничной площадкой, поставить рядом бутылку и стакан. «На лестнице, — пишет ее биограф Джин Гулд, — она села, наклонилась вперед и умерла».

Около восьми утра работник Джон Пинни оставил у задней двери дома молоко. Заглянув в холл, он не заметил ничего, внушающего беспокойство. Но вернувшись в три часа за дровами для очага, он увидел, что хозяйка сидит на лестнице в ночной рубашке и шлепанцах, свесив голову. Установили, что смерть наступила от закупорки коронарных сосудов. Как и ее мужа, Миллей кремировали в Чатеме. После прочтения ее стихов в Стиплтопе пепел обоих был захоронен там под кустами лавра.

Митфорд Юнити (Mitford Unity)

(1914-1948)

Четвертая из шести дочерей лорда Редесдейла, сестра писательниц Нэнси и Джессики, была, как и ее родители, одержима идеями нацизма. Посетив в 1939 году секретное убежище Гитлера в Берчтесгадене, Митфорд огорчилась, увидев там уютно расположившуюся Еву Браун. Гитлер поспешил устроить для нее апартаменты в Мюнхене, в бывшей квартире состоятельной еврейской семьи. На предложение покинуть Германию до объявления войны Митфорд сначала ответила отказом. Я нахожусь под защитой фюрера, заявила она, добавив, что скорее застрелится. Впоследствии, когда было уже слишком поздно, Митфорд горько сожалела о своем решении.

Через час после начала второй мировой войны 3 сентября 1939 года она сидела в мюнхенском Английском саду. Неожиданно прогремел выстрел, и университетский профессор, преподававший ей математику, увидел, что Митфорд падает. Пуля из револьвера прошла через правый висок и застряла в затылочной кости черепа; позже сочли за лучшее пулю не извлекать. В университетской клинике ей отвели отдельную палату и обеспечили постоянный уход. Гитлер заплатил за это лично. Восьмого сентября он навестил Митфорд и объявил докторам о ее намерении вернуться домой.

Приехав в Англию через четыре месяца, она поселилась в Хай Вайкомбе, на полпути между Лондоном и Оксфордом, где ей требовался постоянный уход. Митфорд страдала энурезом и нарушением равновесия, но совершала прогулки пешком и даже на велосипеде. В июле 1944 года правительство разрешило ей проживание на уединенном острове Митфордской группы около

побережья Западной Шотландии, считавшемся по законам военного времени расположенным вне государственных границ.

27 мая 1948 года врач Митфорд позвонил с просьбой о помощи на материк в госпиталь в Обан. Юнити простудилась, у нее были сильная головная боль и рвота. Старая пулевая рана воспалилась, и врач подозревал менингит. Моторной лодкой и далее машиной скорой помощи ее доставили к полуночи в Обан. Там Митфорд незамедлительно начали колоть пенициллин и к утру готовились перевезти ее в Центр черепной хирургии в Киллеарн, еще за сто миль. Машина скорой помощи уже ждала у дверей, но дело повернулось к худшему — зрачки Митфорд заметно расширились, начались судороги, и дыхание стало прерывистым.

Юнити Митфорд умерла без десяти десять вечера 28 мая 1948 года. Заключение о смерти гласит: «Гнойный менингит, церебральный абсцесс, старая пулевая рана». Ее похоронили недалеко от дома, в котором она провела детство, на церковном кладбище в Свинбруке, около Бар-форда в графстве Оксфордшир.

См. Давид Прайс-Джонс (1977).

Мор Томас (More Saint sir Thomas)

(1478-1535)

Английский гуманист, государственный деятель и писатель, Мор был первым стряпчим, которому предложили стать лордом Англии, но он отказался от назначения так же, как и отказался одобрить развод короля Генриха VIII с Катериной Арагонской и его женитьбу на любовнице Анне Болейн. Отсутствие на коронации Анны 1-го июня 1533 года стало поводом для королевской мести. Попытка обвинить Мора в мздоимстве потерпела неудачу так же, как и обвинение в недонесении о лжепророчествах Элизабет Бертон, девушки-служанки, прозванной кентской монахиней, которую казнили в апреле 1534 года.

В том же месяце Мора увезли из дома в Челси вниз по Темзе в Лэмбет, где ему предстояло принять присягу новой престолоснаследнице. Кривя душой, он признал вступление Анны на трон, но не главенство над англиканской церковью, чему также следовало присягать. Это повлекло за собой заключение Мора в Тауэр. Соответствующий акт главенства был принят позднее в 1534 году. (Среди епископов только один — Джон Фишер из Рочестера — оказался достаточно храбрым, чтобы не дать своего согласия. Он был зверски убит в июне 1535 года, вскоре после

того как Генрих узнал, что ему присвоили кардинальский сан.)

С тридцатого апреля 1535 года назначенная комиссия допрашивала сэра Томаса, но он решительно отказывался от обвинений. 1 июля Мора привезли на суд в Вестминстер, на котором ему вынесли обвинение в отказе высказать отношение к женитьбе короля и его главенству над церковью, в тайном сговоре с Фишером, что одному из прихожан, сэру Ричарду Ричу, он говорил, что парламент не имеет власти назначить суверена главой англиканской церкви.

Даже изнуренный долгим заключением, Мор защищался с достаточным воодушевлением. «Молчание, — заявил он, — не может считаться изменой, а по гражданскому праву, напротив, является знаком согласия». В письмах Фишеру сэр Томас лишь советовал ему поступить так, как тот считает правильным. Относительно Рича, главного свидетеля обвинения, Мор поинтересовался, как мог Рич сказать в отрывочном разговоре то, что из него не могли вытянуть в процессе длительных допросов.

Слова защиты Мора были очень убедительными, но судьи не могли переменить решения. Поняв, что он уже приговорен, сэр Томас сказал об акте главенства. Акт является, по его словам, «прямо попирающим законы Божьи и Святой Церкви, получая духовное превосходство от Рима», которое тому даровал «наш Спаситель, воочию присутствующий на земле». Мор закончил язвительным замечанием: «Но не за главенство вы жаждете моей крови, а за то, что я не унизился до снисхождения к браку короля».

Прежде чем Мор вновь вошел в Тауэр, он несколько раз обнялся со своей дочерью Маргарет Ропер, и эта сцена надолго осталась в памяти присутствующих. Перед казнью Мор читал молитвы, занимался медитацией, писал прощальные письма родным и друзьям. Его безразличие к смерти было очевидным: «Я буду огорчен, если это не случится завтра». 6 июля 1535 года, одетый в грубое серое рубище своего слуги Джона Вуда и держа в руках красный крест, сэр Томас Мор проделал недолгий путь на холм рядом с Тауэром, поговорив с несколькими встреченными им людьми, стоявшими вдоль дороги. Женщине, предложившей ему глоток вина, он ответил: «Христу при Его крестных муках давали не вино, а уксус», — и поклонился. Человеку, которому Мор помогал несколькими годами раньше, когда тот был погружен в отчаяние и который вновь нуждался в укреплении духа, пообещал, что помолится за него в ином мире. По слухам, тот человек больше не испытывал несчастья.

Слишком слабый, чтобы подняться на эшафот, Мор попросил шерифа помочь ему, добавив: «Когда я вновь сойду вниз, я смогу

передвигаться сам». Он прочитал молитву «Помилуй меня, Господи» и обратился к толпе с коротким заявлением. Последние слова Мора были адресованы палачу: «Соберись с духом, человече, и делай свое дело. Шея у меня короткая, цельсь получше и не бей косо, ради сохранения своей чести». Затем Мор лег, убрав длинную седую бороду из-под топора, «чтобы ее не перерубили». «Так, с шуткой, — писал один потрясенный очевидец, — он и окончил свою жизнь».

Голову повешенного, по обычаю, обварили кипятком и надели на кол ограды Лондонского моста. Через месяц дочь Мора, Маргарет, уговорила палача отдать ей голову отца и захоронила ее в склепе Роперов под церковью Св. Дунстана в Кентербери. Тело было погребено в восточном конце церкви Св. Петра в Винцуле... недалеко от места казни и рядом с телом епископа Фишера. Через год рядом захоронили останки Анны Болейн. Через четыреста лет, в мае 1935 года, обоих мучеников канонизировали.

См. И. И. Рейнолдс (1953).

Моррисон Джим (Morrison Jim)

(1943-1971)

Певец и сочинитель текстов рок-группы «Дооpз» считал себя талантливым поэтом. Идеалами Моррисона были Ницше и Рембо. Проводимые Моррисоном в пьяном угаре дни окончились далеко от дома, когда певцу было всего двадцать семь лет. «Меня занимает все, что касается мятежа, беспорядка, хаоса», — написал он однажды.

К июлю 1971 года он уже три месяца жил во Франции со своей давней подругой Памелой Коурсон. Последний альбом группы «Женщина» пользовался успехом, и члены группы репетировали новые композиции в ожидании возвращения Моррисона, прозванного Королем ящерицы. Но он, пытаясь в очередной раз выйти из затяжного запоя, сидел в парижских апартаментах на Рю Ботрейлн и тщетно старался сочинять стихи, не выходя из-за обеденного стола.

Что произошло потом, осталось тайной на многие годы. Слухи о смерти Моррисона дошли до молодого менеджера группы Билла Сиддонса в Лос-Анджелесе в понедельник 5 июля. Позвонив Памеле, он услышал лишь невразумительные рыдания. Прилетев на следующий день в Париж, он оказался перед закрытым гробом и свидетельством о смерти, в котором причиной смерти указывался сердечный приступ, осложненный

респиратурной инфекцией. Родители певца были живы, но Памела заявила в американском посольстве, что у Моррисона нет родственников. Певца похоронили без лишнего шума на кладбище Пер-Лашез в присутствии Памелы, Сиддонса и троих друзей. Два дня спустя Сиддонс сообщил о рассказанном Памелой. В воскресенье, третьего июля 1971 года, около полуночи, Моррисона вырвало кровью, но, сказав, что «все в порядке», он пошел в ванную. Проснувшись в пять утра, Памела нашла его мертвым — он лежал в ванной, вытянув руки, и безмятежно улыбался.

Это заявление было воспринято с большим скепсисом, и в течение трех лет Памела уклонялась от ответов на вопросы о смерти Джима Моррисона.

В изданной в 1991 году биографии Моррисона авторы Джеймс Риодан и Джерри Прочинский назвали три источника, содержащие другую версию смерти и основанные на признаниях Памелы друзьям. В ночь со второго на третье июля 1971 года Моррисон нашел запасы героина у своей подруги и (случайно или намеренно — неизвестно), принял избыточную дозу, по-видимому, вдохнув ее. Найдя его мертвым, Памела сначала не могла поверить в случившееся, потом позвонила своему приятелю, и они вместе придумали эту версию. Вызванный врач не обнаружил никаких подозрительных следов на теле, кроме высохших кровоподтеков у ноздрей. Он засвидетельствовал смерть от сердечного приступа, что и было позже зафиксировано.

Памела Коурсон умерла, приняв большую дозу наркотика. Ее обнаружили мертвой в ее голливудской квартире 25 апреля 1974 года.

Мэнсфилд Кэтрин (Mansfield Katherine)

(1888-1923)

Трудные детские годы английской писательницы, проведенные в нужде в Лондоне, положили начало ее хроническому нездоровью. Богемный образ жизни с любовными связями с представителями обоих полов, рождение мертвого ребенка, аборт и странное замужество, всего на одну ночь, предшествовали ее долгим отношениям с критиком и эссеистом Джоном Мидлтоном Мюрри, которые начались в 1911 году. Скорее всего, уже тогда писательница была больна туберкулезом. В медицинском исследовании 1955 года Брайс Кларк заключает, что когда в 1917 году ее здоровье окончательно расстроилось, «токсемия и сознание приближающейся смерти обострили ее

восприятие и позволили достичь творческого совершенства, к которому она стремилась всю жизнь».

В октябре 1922 года Мэнсфилд начала проходить курс нетрадиционного лечения во французском институте Гуржиева в Фонтенбло. По свидетельству биографа Энтони Алперса, курс включал «упражнения и танцы». Гуржиев предписал Мэнсфилд обрабатывать овощи в неотапливаемой кухне ежедневно до двух часов дня. Остаток дня ей было велено лежать на досках над коровником и «лечиться» их испарениями.

Мюрри, за которого писательница вышла замуж в 1918 году, навестил ее 9 января 1923 года. Когда после вечерних танцев они поднимались по лестнице наверх, у Кэтрин начался жестокий приступ кашля. Внезапно пошла горлом кровь, и она прошептала, что умирает. Приехавшие доктора пытались спасти ее, но к половине одиннадцатого Кэтрин Мэнсфилд скончалась.

Ее похоронили на протестантском кладбище в Фонтенбло на Эвоне. На камне, лежащем на ее могиле, выбито несколько строк из Шекспира, которые писательница выбрала эпиграфом к своему собранию рассказов 1920 года.

Н

Набоков Владимир (Nabokov Vladimir)

(1899-1977)

Начавший писать еще в России, Набоков уехал в Соединенные Штаты в 1940 году и через пять лет стал американским гражданином. С 1948 по 1959 год он был профессором русской литературы в Корнуэльском университете.

Наиболее известное из его написанных на английском языке произведений — роман «Лолита» (1955), вызвавший горячие споры, живописует любовь Гумберта к рано развившейся двенадцатилетней «нимфетке» (термин, придуманный автором). Контраст признанного литературного изящества языка с почти порнографической тематикой вызвал острую полемику среди критиков.

Вырученные от публикации «Лолиты» средства позволили Набокову переехать в 1959 году вместе с женой Верой в Швейцарию. Там он продолжал работать и написал романы «Бледный огонь» (1962) и «Ада» (1969). Он был увлеченным лепидоптеристом, и, собирая бабочек на склонах высоких гор Давоса, в июне 1975 года он оступился и пролежал после падения два часа в ожидании помощи.

После операции по удалению опухоли предстательной железы в октябре 1975 года, здоровье Набокова стало резко ухудшаться. Последняя завершенная книга, вышедшая весной 1976 года, была названа «Детали заката и другие истории» и представляла собой сборник рассказов, написанных пятьдесят лет назад. Скрытая инфекция дала воспаление, и в июне 1976 года Набокова в полубессознательном состоянии поместили в частный госпиталь в Лозанне, откуда его перевезли в госпиталь Нестле. Установили, что инфекция попала в мочеиспускательный канал, и несколько недель он пролежал с высокой температурой.

Писатель не возвращался в свой дом до сентября 1961 года. Набоковы жили в своем имении в Монтрё. В середине марта сын Набоковых Дмитрий повез родителей на машине в Женеву, послушать своего приятеля в «Женитьбе Фигаро». По дороге Дмитрий простудился и заболел гриппом. На обратном пути в Монтрё заразилась сначала его мать, затем отец. Болезнь Владимира Набокова осложнилась пневмонией, и он вновь провел в госпитале Нестле семь недель. В мае исхудавший и осунувшийся писатель вернулся в Монтрё. Набоков работал над

начатым три года назад «Оригиналом Лауры», которому так и не суждено было оказаться дописанным. На алфавитных карточках он делал наброски неровным дрожащим почерком, когда находил для этого силы, но теперь собраться становилось все сложнее. Великолепный мастер пера не мог более составить конкуренции даже сочиненному своей сестрой Еленой.

Набоков еще раз попал в госпиталь Нестле 7 июня 1977 года. Дмитрий переживал из-за печальных прогнозов врачей — «их акцент смещался от кровати к могиле». Надежды на выздоровление не оставалось. Случайный сквозняк, по мнению Дмитрия, ускорил кончину отца. Температура поднималась все выше, из груди приходилось откачивать жидкость. Набокова перевели в отделение интенсивной терапии 30 июня; утром 2 июля 1977 года писатель умер на руках у жены и сына. Причина его болезни и смерти так и не была окончательно установлена.

Тело писателя кремировали, а прах захоронили на кладбище Кларенс, всего в миле от имения писателя Монтрё. Над могилой установили большую мраморную плиту с надписью «Владимир Набоков 1899—1977». Через три недели после смерти писателя несколько сот жителей Нью-Йорка собрались в зале его издателя, главы компании «Макгроу-Хилл», чтобы почтить память Набокова. Среди выступавших были сын писателя и Джон Апдайк — один из немногих американских писателей, которому Набоков когда-либо говорил доброе слово.

Реабилитация долго запрещенных в Советском Союзе работ писателя состоялась в 1986 году. После смерти в апреле 1991 года прах его жены захоронили рядом с останками мужа.

См. Брайан Бойд (1991).

Нивен Дэвид (Niven David)

(1910-1983)

В своих восьмидесяти фильмах Нивен, как правило, играл добродушных и беззаботных англичан; в жизни он был таким же добрым и очаровательным. Он получил «Оскара» за фильм Теренса Рэттигана «Отдельные столы» (1958), где сыграл офицера, который живет в отеле с видом на море, скрывая свою постыдную тайну. После картины «Пушки Наварона» (1961) Нивену предлагали лишь посредственные роли. К счастью, актер хорошо владел пером, и две книги его голливудских мемуаров «Луна — воздушный шарик» и «Дайте свободных лошадей» мгновенно стали бестселлерами, принеся ему почти пять миллионов долларов.

Первые признаки смертельной болезни стали проявляться постепенно. Свое семидесятилетие Нивен встретил в Гоа, на побережье Индийского океана, снимаясь в фильме «Морские волки» (1980) в компании с Грегори Пеком и Роджером Муром. Тогда актер впервые пожаловался на боли в руке и ноге, а его речь стала менее разборчивой. «Он начал совершать длинные ежедневные прогулки, — вспоминал Пек. — Он начал свой героический бой, который продлился три года. Никогда человек не выходил на битву, исход которой предрешен, с такой смелостью и беспечным весельем». После одной длинной прогулки Нивен сказал Муру: «Знаешь, довольно смешно, но мне тяжело отрывать от земли эти чертовы пятки».

Завершив «Лучше поздно, чем никогда» (1981), где его речь была уже малопонятной, актер начал рекламную кампанию своего романа «Вперед медленно, назад быстро». Эта кампания началась 3 октября 1981 года телевизионным «Шоу Майкла Паркинсона» на BBC, и сразу же посыпались звонки потрясенных зрителей. Нивен болен? Или, может быть, пьян? В Америке он проверился в клинике Майо и позвонил сыну Джеймсу в Нью-Йорк: «Хорошая новость — у меня нет паралича. Плохая — у меня вторичный склероз. У меня пропадет голос, откажут руки и ноги, а потом я умру. Через несколько недель, месяцев, может быть, лет».

Актер появился еще в картинах « Суд над розовой пантерой» (1982) и «Проклятие розовой пантеры» (1983), которые снимались недалеко от его дома на Французской ривьере весной 1982 года. Когда стало известно, что его голос дублировал мим Рич Литл, правду о том, что у Нивена болезнь Лу Герша, уже невозможно было скрывать.

Оставив свою вторую жену, шведскую модель Хьёрдис Терсмеден в их доме («он хотел, чтобы я осталась и могла немного от него отдохнуть»), Нивен в июле 1983 года вернулся в свое любимое шале на швейцарском лыжном курорте в десяти милях от Монтрё. Его сопровождала ирландская сиделка Кетлин Мэтхьюсан, нанятая девять месяцев назад. Нивен потерял в весе сорок фунтов, но получал удовольствие, ежедневно купаясь в бассейне соседа.

Умирающий актер последние две ночи делился с Кетлин воспоминаниями о шести годах своей счастливой семейной жизни с «Примми» (Примулой Ролло), трагически оборвавшейся в 1946 году, когда его двадцативосьмилетняя жена споткнулась о ступеньку на крыльце их дома и разбилась насмерть.

В пятницу, 29 июля 1983 года около семи часов утра Кетлин заглянула к нему, Нивен в знак приветствия приподнял руку. «Я

пошла вниз сварить себе кофе, и, когда была на последней ступеньке, услышала шум, как будто Нивен пытался встать с постели. Когда я вернулась к нему в комнату, он лежал без кислородной маски, широко улыбаясь. Он лишь успел протянуть мне руку и испустил последнее дыхание. Все произошло так же быстро, как я об этом рассказываю».

На похоронах в англиканской церкви Иегуди Менухин и семеро его учеников сыграли Октет Мендельсона. (Выбор Мендельсона, по словам Менухина, объяснялся любовью композитора к родине Нивена, Шотландии). Нивена похоронили на церковном кладбище. На похоронах присутствовали принц Монако Рене, Одри Хепбёрн и Уильям Ф. Бакли-младший. Организованную в Голливуде поминальную службу вели Грегори Пек и Питер Устинов, а в Лондоне — Лоуренс Оливье и Джон Мортимер.

См. Шеридан Морли (1988).

Ньютон Исаак (Newton Isaac)

(1643—1727)

Великий английский физик, математик, механик и астроном был таинственной и неоднозначной личностью. С одной стороны, Ньютон был гигантом истинной науки (в области математики он вывел теорему бинома и дифференциального и интегрального исчисления; в оптике установил разложение света на составляющие спектра и сконструировал зеркальный телескоп; в физике открыл закон всемирного тяготения); с другой стороны, Ньютон много времени и энергии отдавал алхимическим опытам и толкованию Библии. Его религиозные верования остаются величайшей загадкой; Дж. М. Кейнс заключил, что он был «иудейским монотеистом школы Маймонидесов».

Здоровье Ньютона и особенно его резкое ухудшение в 1692—1693 годах, стало предметом разнообразных суждений. В сентябре 1693 года ученый написал два замечательных письма — одно Самуэлю Пепюсу: «Я чрезвычайно обеспокоен своим тяжелым положением, уже целый год я ем и сплю очень плохо... Я вынужден перестать общаться с вами и остальными моими друзьями...», другое — философу Джону Локку: «Полагая, что Вы одобряете мои беспорядочные связи с женщинами, я сказал Вам: «Лучше б Вы умерли». Надеюсь, Вы простите мне эту жестокость». Года за полтора до этого Ньютон обвинил в предательстве других своих друзей. Один из давних знакомых ученого охарактеризовал его как «самого мнительного, пугливого и опасного человека из

всех когда-либо встреченных».

В медицинском исследовании 1979 года П. И. Спарго и С. А. Паундс заключают, что причиной ухудшения здоровья Ньютона было отравление ртутью во время алхимических опытов. Они установили, что сохранившаяся прядь волос содержит тяжелые металлы, в частности, они обнаружили ртуть. Правда, принадлежность волос Ньютону остается под сомнением.

Джулиан Лейб и Дороти Хершман в исследовании 1983 года обращают внимание на пожизненное маниакальнодепрессивное состояние ученого и заявляют, что «отравление ртутью не может вызвать потерю аппетита и бессонницу без тяжелых симптомов гастрита, воспаления десен, хронической усталости и вегетативной недостаточности. В период кризиса (1692—1693 гг.) ни одно из этих явлений не отмечалось. Более того, быстрое выздоровление Ньютона совсем не характерно при отравлении ртутью. За две наиболее тяжелые недели Ньютон проспал всего девять часов. Подобная бессонница может быть следствием только эмоционального расстройства. Отсутствие аппетита и бессонница — симптомы депрессии и мании — преследовали Ньютона всю жизнь, и есть убедительные свидетельства, что он был подвержен резким перепадам настроения и поведения». Лейб и Хершман определяют двухгодичный цикл расстройства нервной системы. Как пример они приводят первый зафиксированный «кризис» 1664 года и последующий двухлетний период «гипомании», наиболее продуктивный в работе ученого.

Но агрессивность Ньютона в значительной степени смягчается его общеизвестной щедростью к неимущим.

Хотя после восьмидесяти в научной деятельности Ньютона наблюдается упадок, ум его практически не потерял остроту, о чем свидетельствует одно из его последних рассуждений: «Не знаю, как воспримет меня мир, но сам себе я кажусь мальчиком, играющим на морском берегу. Я время от времени развлекаю себя тем, что нахожу гладкий камешек или красивую раковину, а великий океан истины по-прежнему остается для меня непознанным».

В январе 1725 года Ньютон переболел воспалением легких и переехал в Кенсингтон, немного западнее Сити, где воздух был чище. Но присутствие 2 марта 1727 года на заседании Лондонского королевского общества, президентом которого был Ньютон, возобновило приступы жестокого кашля. Кроме того, врачи нашли у ученого камень в мочевом пузыре и практически не оставили надежд на выздоровление.

Последние дни жизни Ньютона описал муж его двоюродной племянницы Джон Кондуит. Он отмечал, что во время последнего

визита ученого в Лондон, камень, очевидно, переместился, доставляя сильную боль, и «хотя капли пота выступали на его лице от боли, Ньютон никогда не жаловался, не кричал и не проявлял даже малейших признаков раздражительности или нетерпения». 18 марта Ньютон читал газеты и «долго разговаривал с мистером Мидом (это один из его врачей), сохраняя хорошее самочувствие. Но с шести часов вечера и весь воскресный день (19 марта) он оставался без сознания и умер глубокой ночью в понедельник, 20 марта».

Ньютон наотрез отказался принять последнее церковное причастие, все присутствующие сочли это возмутительным и педпочли сохранить в тайне. 23 марта гроб с телом поставили в Вестминстерском аббатстве. Похоронили Ньютона с должными почестями. Огромный монумент великому ученому установили в аббатстве в 1731 году.

О

О'Кейси Шон (O'Casey Sean)

(1880-1964)

Ирландский писатель был крупным общественным деятелем, протестантом в стране с господствующей католической религией. Его горячий нрав стал причиной изгнания в Англию в 1926 году.

Бедность и недоедание в детстве вызвали заболевание глаз, которые ему постоянно приходилось промывать очень горячей водой. В последние годы он жил с женой Эйлин в трехкомнатной квартире и совершенно ослеп. В 1956 году О'Кейси госпитализировали на три месяца с тяжелым бронхитом. Потом ему удалили камень из почек. Отличавшийся хрупким телосложением, теперь он совсем исхудал и постоянно жаловался на боль и неудобства. Через несколько месяцев после недолгой болезни умер от лейкемии их младший сын, двадцатиоднолетний Найел. О'Кейси был безутешен, его бесконечные причитания настолько усугубили горе Эйлин, что она предприняла попытку самоубийства, выпив снотворные пилюли.

30 марта 1960 года потоком телеграмм, писем и цветов со всего мира было отмечено восьмидесятилетие писателя. Последняя его книга «Под цветным колпаком» (1963) представляла собой собрание эссе.

В конце 1964 года О'Кейси вновь поместили с острым бронхитом в частную клинику Торбей. Когда писателя навестила жена, он пребывал в скверном расположении духа: «Эйлин, сегодня я вижу совсем плохо. Вода недостаточно горячая, чтобы промыть мне глаза. Проклятые подносы! Не пойму, где что. Я все разливаю. Сегодня я опрокинул свой чай, и сестре пришлось менять мне простыню. Я чувствую себя омерзительно». Эйлин успокоила его. В августе О'Кейси вернулся домой совершенно измученный и раздосадованный тем, что не может читать и видит лишь отдельные слова, когда подносит текст к правому глазу.

Утром 17 сентября у него началось обильное кровотечение из носа, Эйлин отвезла его к хирургу, и кровотечение остановили. Все утро старик, понявший, что смерть близка, вспоминал их бедную, но счастливую жизнь вдвоем. Наверное, думал он о том, что не следовало отбивать Эйлин у ее бывшего возлюбленного, продюсера Ли Эфраима, в хоре у которого она пела. «Для твоего блага тебе лучше было бы остаться с ним», — заключил О'Кейси. В два часа ночи восемнадцатого сентября он перенес коронарный

тромбоз, который сопровождался сильными болями в груди. О'Кейси сделали инъекцию и вызвали скорую помощь. По дороге в клинику Торбей Эйлин держала мужа за руку и вдруг почувствовала, что обычно крепкое его пожатие ослабло. Когда Шона отвезли в палату, Эйлин сказала доктору: «Надеюсь, вы сможете избавить его хотя бы от этой чудовищной боли». «Он больше не чувствует боли, — последовал ответ. — Он умер».

После короткой службы в англиканской церкви тело актера кремировали. Как и останки Найела, пепел О'Кейси развеяли по ветру между розовыми кустами Шелли и Теннисона перед крематорием Голдерс Грин в Лондоне.

См. Гарри О'Конор (1986).

О'Кифф Джорджия (O'Keeffe Georgia)

(1887-1986)

Самая значительная американская художница этого столетия была женщиной строгой, весьма принципиальной и целеустремленной. В истории изобразительного искусства она стоит особняком — работы ее нельзя отнести к какой-либо определенной школе, и явных последователей она тоже не имеет. Используя разведенные краски и не смешивая цвета, она изображала мистическую тишину.

В отношениях с мужчинами она предпочитала партнеров намного старше себя. О'Кифф вышла замуж за американского фотографа-художника Альфреда Стиглитца (1864—1946). Их брак был союзом преданной, но обладавшей трудным характером женщины с гораздо более опытным, способным служить опорой, заботливым, но неверным мужчиной. Когда его длительная связь с молодой и богатой Дороти Норман стала непереносимой для О'Кифф, она начала проводить летние сезоны в одиночестве в Нью-Мексико. Ей даже не хотелось ехать в Нью-Йорк, когда в июле 1946 года муж тяжело заболел, однако она успела приехать за несколько дней до его смерти.

О'Кифф вскоре вернулась к своему привычному образу жизни и обосновалась на уединенном ранчо в двенадцати милях к северу от Абикуи, где жила в маленьком глинобитном домике. По мере того как она старела, черты ее лица все более заострялись, обветренная кожа натягивалась на высоких скулах. В 1973 году художнице исполнилось восемьдесят шесть лет, но она все еще сохраняла величественный и независимый вид, и, хотя зрение ее заметно ухудшилось, она отказывалась считаться со своим возрастом. Однажды к О'Кифф пришел, ища работу,

двадцатишестилетний бродяга Хуан Гамильтон. Она наняла его, и постепенно он сделался ее компаньоном, шофером и секретарем.

Отношения О'Кифф и Гамильтона были полны взаимной нежности и даже любви, хотя шестьдесят лет разницы и укоренившееся неприятие художницы незаконных союзов делает маловероятными любые сексуальные отношения. (И в самом деле, в 1980 году Гамильтон женился на молодой Анне Марии Эрекин.) О нем и его отношениях с О'Кифф писали газеты, когда Дорис Брай, проработавшая на Джорджию тридцать лет и считавшая себя ее единственным компаньоном, подала на нее в суд за разрыв контракта, а на Хуана «за злонамеренное вмешательство» и когда две картины были проданы в 1977 году без участия Брай. Во время спора друзья художницы приняли разные стороны, и О'Кифф рассталась с некоторыми из них; однако многие нашли Гамильтона очаровательным и вполне подходящим помощником престарелой женщины. Он получил значительные полномочия в ведении ее дел на 1978 и 1979 годы, и после того как все картины художница завещала музеям и различным благотворительным организациям, она сделала его душеприказчиком и наследником остального имущества.

В возрасте девяноста шести лет во время поездки во Флориду О'Кифф перенесла сердечный приступ. После этого она переехала вместе с Гамильтоном в большой дом г, Санта-Фе. К тому времени она почти совсем ослепла, оглохла и нуждалась в постоянном уходе. Друзья по-прежнему навещали ее, однако родственники по необъяснен-ной причине сообщили им, что посещения неуместны. В августе 1984 года к завещанию была сделана приписка, по которой вырученные за картины десять миллионов долларов передавались Хуану Гамильтону, подпись О'Кифф на документе была неровно нацарапана поперек страницы. В последний год жизни большую часть времени Джорджия, совершенно отрешенная, проводила в полном молчании в своей комнате.

Гамильтон вместе с женой и двумя сыновьями отдыхал в Мексике, когда домоуправительница сообщила по телефону, что О'Кнфф умирает. «Позвоните, если произойдут перемены к худшему», — ответил он и повесил трубку. Той же ночью, 6 марта 1986 года, О'Кифф умерла в госпитале Сент-Винсент в Санта-Фе. Похорон не устраивали; пепел ее был развеян в окрестностях любимого ею ранчо Призрака.

Официально утвержденное завещание было опротестовано родственниками. К делу подключили бывшего агента ФБР и постепенно выяснилось, что, подписывая в 1984 году дополнение к завещанию, уже плохо понимая, что происходит, ослепшая

женщина, по-видимому, полагала, что дает согласие на брак с Гамильтоном. В конце концов по неофициальной договоренности Гамильтон довольствовался тем, что предполагало первоначальное завещание: ему достались двадцать четыре картины, дом на ранчо и письма Джорджии.

См. Роксана Робинсон (1989).

Оливье Лоуренс (Olivier Laurence)

(1907-1989)

Английский актер и режиссер стал в 1970 году лордом Оливье, но для друзей он по-прежнему оставался «Ларри». Оливье никогда не переставал скорбеть о своей второй жене и «любви всей жизни» — Вивьен Ли, виня себя в ее психической неуравновешенности: «Я никак не мог поверить в то, что так или иначе являюсь причиной беспокойства Вивьен».

Между 1981 и 1983 годами Оливье, физическое здоровье и память которого все больше ухудшались, получил почти пять миллионов долларов за фильмы и участие в телепередачах и интервью. И хотя большая часть денег пошла на уплату налогов, он купил себе в Лондоне просторный дом в Челси, где поселились леди Оливье (его третья жена Джоан Плорайт) и их дети. (Последние десять лет пара находилась в неофициальном разводе.) В своем доме на южном побережье, около Брайтона, Оливье мог круглый год купаться в подогреваемом бассейне.

Последний раз актер сыграл в экранизации пьесы Дж. Б. Пристли «Потерянные империи» на телевидении Гранады. Во время записи фонограммы своей небольшой роли Оливье упал со сцены и повредил руку (это случалось с ним уже не раз, поскольку приступы головокружения участились). В свои восемьдесят лет он был удостоен гала-представления в Национальном театре, которым он руководил с 1963 по 1973 год. Последний раз Оливье появился на публике в октябре 1988 года, играя эпизодическую роль безмолвного, прикованного к больничному креслу старого солдата в «Реквиеме войны», серии зарисовок на музыку мессы Бенджамина Бриттена. Незадолго до смерти Оливье озвучил на экране поэму Уилфреда Оуэна «Странная встреча».

Большую часть жизни актера преследовали болезни: рак предстательной железы, плеврит, аппендицит, тромбоз и дерматомиозит (системное прогрессирующее заболевание с преимущественным поражением мышц и кожи заставило его уйти со сцены в 1974 году). В последний год жизни Оливье сделали

операцию на почках. В ночь на 18 марта 1989 года он упал и разбил бедро, но после операции быстро поправился. В июне 1989 года актер поехал к своему старому другу и коллеге Лоуренсу Эвансу и провел у него вечер, вспоминая прошедшее.

К 1 июля состояние Оливье резко ухудшилось и он оказался прикованным к постели. Жена, снимавшаяся в США, приготовилась вылететь домой. Когда старый актер впал в беспамятство, его дети и Эванс дежурили у постели умирающего. Положение актера напоминало сцену смерти лорда Марумейна в двенадцатичасовой телевизионной постановке 1981 года по пьесе Ивлина Во «Возвращенный Брайдсхед». В вымышленном сюжете оступившийся католический пэр, которого играет Оливье, возвращается в свой Йоркширский замок умирать и в самый последний момент ставит подпись на бумаге, обращаясь в веру. На самом деле англиканского священника вызвали в Мальтхаус ранним утром одиннадцатого июля 1989 года. Молитвам вторило затрудненное дыхание умирающего. В полдень Оливье скончался.

В тот вечер флаги на здании Лондонского Национального театра были приспущены; в Вест-Энде театры притушили огни. Праху лорда Оливье было уготовано найти успокоение в уголке поэтов Вестминстерского аббатства. До этого только два актера удостоились такой чести — Дэвид Гаррик и Генри Ирвинг. Большая часть двухмиллионного состояния Оливье отошла Джоан и детям, небольшие подарки получили друзья актера.

См. Дональд Спото (1992).

Оппенгеймер Дж. Роберт (Oppenheimer J. Robert)

(1904-1967)

Американский физик, получивший известность как «отец атомной бомбы», руководил во время второй мировой войны (1943—1945) в Лос-Аламосе, шт. Нью-Мексико, группой американских и европейских ученых, занимавшихся созданием первой атомной бомбы.

В дебатах по поводу водородной бомбы неуступчивый Оппенгеймер разошелся во мнении с большинством членов Американской комиссии по атомной энергетике. В 1953 году, после четырех недель слушаний, физика отстранили от секретных работ государственной важности. Задолго до войны Оппенгеймер открыто симпатизировал коммунистам, и теперь распространились слухи о его возможной неблагонадежности. Особенно странным показалось то, что он не поспешил сообщить о сделанных ему через подставных лиц предложениях от

советских властей. Единственный ученый в Комиссии по расследованию оправдал Оппенгеймера, указав на то, что большая часть улик уже была в руках КАЭ, когда физика утверждали дтя работы семь лет назад.

Работа Оппенгеймера как консультанта КАЭ прекратилась, но он продолжал свою деятельность как директор Института фундаментальных исследований в Принстоне (Нью-Джерси). Но слухи и общественная неприязнь заметно состарили Оппенгеймера, и он так и не смог поправить пошатнувшееся здоровье. Роберт и Китти Оппенгеймер сообщали о его беспробудном пьянстве в их принстонском доме, прозванном «Ферма Бурбон».

С приходом в 1961 году в Вашингтон более либеральной администрации подозрительность по отношению к Оппенгеймеру начала постепенно сходить на нет. В 1963 году Оппенгеймер получил ежегодно присуждаемую премию Ферми; 22 ноября президент Кеннеди объявил, что собирается вручить награду лично, но через несколько часов он был застрелен. Вручал физику медаль и премию в 50 ООО долларов президент Линдон Джонсон в Овальном кабинете Белого Дома 2 декабря 1963 года. В ответном слове лауреат после многозначительной паузы произнес: «Полагаю, вполне уместно допустить, что Вам, мистер президент, потребовалась определенная щедрость и определенная смелость, чтобы сегодня вручить эту награду».

После такого поворота судьбы Оппенгеймер словно вернулся из изгнания, он стал мягче, добрее и даже начал относиться к самому себе с долей юмора. Когда в 1964 году он вернулся в лабораторию в Лос-Аламосе, его ожидала теплая встреча старых коллег. Столь же теплый прием состоялся позже в Калифорнийском университете в Беркли, где он преподавал физику в тридцатые годы. В те дни студенты видели его у доски с мелом в одной руке и вечной сигаретой в другой; одна из студенток как-то сказала, что ожидала увидеть, как он засунет в зубы мел и станет писать сигаретой.

В 1966 году после перенесенной пневмонии Оппенгей-мер ушел с поста директора Принстонского института. Через год у ученого обнаружили рак горла, и он наконец бросил курить. К июню 1966 года он стал нуждаться в тросточке для ходьбы. В октябре он написал другу: «Рак расползается быстро, так что мне приходится продолжать облучения, на сей раз электронами и бетатроном». Через месяц Оппенгеймер написал: «Мне стало немного труднее есть и разговаривать». Наконец, за несколько дней до смерти: «Меня мучают боли... слух, речь почти отказали».

Дж. Роберт Оппенгеймер умер в своем доме в Принстоне 18

февраля 1967 года. На похоронах старые коллеги произнесли прочувствованные речи, а струнный квартет Джуллиарда сыграл Бетховена. Пепел Оппенгеймера доставили на Виргинские острова, любимое место его отдыха, и развеяли над океаном.

См. Питер Гудчайлд (1980).

Оуэнс Джесси (Owens Jesse)

(1913-1980)

Чернокожий американский атлет вошел в историю Олимпийских игр, выиграв в 1936 году четыре золотых медали и опровергнув заявление нацистов о физическом превосходстве арийской расы. (Оуэнс побил мировой рекорд в беге на 100 метров, установил новые олимпийские рекорды в прыжках в длину и беге на 200 метров и способствовал установлению мирового рекорда в эстафете на 400 метров.)

Но он остался практически неграмотным после исключения из Государственного университета в Огайо, и из-за этого его жизнь стала чередой успехов и неудач. Дважды у него возникали проблемы с налоговой инспекцией, а в 1966 году он едва избежал тюрьмы. Судья, который тоже был родом из Алабамы, наказал спортсмена небольшим штрафом, вспомнив о широко известной поддержке Оуэном «нашей страны и образа жизни». Здесь несомненно имелось в виду неприятие спортсменом Мартина Лютера Кинга-младшего, а также социальной программы Кеннеди—Джонсона, о выгодах которой он отзывался так: «Получить что-то ни за что». Особенно Оуэнс негодовал по поводу салютов, затянутых в черные перчатки рук негритянских спортсменов-медалистов на Олимпийских играх в Мехико — он называл их негритянскими фанатиками. В 1936 году он агитировал за Лэндона против ФДР и в 1960 — за Никсона против Кеннеди. В семидесятые годы он был нужен как деятель олимпийского движения, в кампании Олимпийского комитета США за выделение средств на тренировки и экипировку спортсменов. В начале десятилетия он вместе с женой Рут перебрался из Чикаго в Скотсдейл, шт. Аризона.

После митинга в Далласе в ноябре 1979 года Оуэнс пожаловался на переутомление, по той же причине через неделю прервали съемку рекламы компании «Американ-Экспресс» с его участием на улице Нью-Йорка. В начале декабря со спортсменом случился приступ кашля во время выступления перед аудиторией в Дейтоне, шт. Огайо; следующим вечером он упал без чувств на трибуне в Сент-Луисе. После обследования в госпитале Майкла

Риза в Чикаго Оуэнсу поставили диагноз «аденокарцинома легкого», образовавшейся, видимо, из-за многолетнего курения. Спортсмену предложили хирургическое вмешательство и облучение, сказав, что жить ему осталось не более трех месяцев.

По возвращении в Аризону в начале 1980 года провели дальнейшие медицинские исследования. Интерес Оуэнса к предстоящей московской Олимпиаде был неподдельным и неослабевающим. Поначалу он поддержал бойкот игр, объявленный администрацией Картера, вызванный вторжением СССР в Афганистан, но потом поддержал спортсменов, которые много тренировались, чтобы выступить в Москве. «Они должны поехать как частные лица, а не как американцы», — писал Оуэнс.

21 марта состояние спортсмена внезапно ухудшилось, и его срочно перевезли на вертолете в Университетский госпиталь Аризоны в Таксоне. Оуэнсу давали новейшие лекарства, но все оказалось напрасным. Он впал в кому вечером 29 марта и умер в ночь на 31 марта 1980 года.

Через два дня тело выставили для прощания в Капитолии города Феникс, по всей Аризоне были приспущены флаги. На похоронной службе в Рокфеллеровской часовне Чикагского университета гроб накрыли белым шелковым флагом с пятью олимпийскими кольцами. Присутствовали президент Олимпийского комитета США Роберт Кэйн и несколько спортсменов-олпмпий-цев 1936 года.

Погребение состоялось на кладбище в Чикаго. На родине Оуэнса, в городке Оквилль, штат Алабама, установлен гранитный монумент.

См. Уильям Дж. Бейкер (1986).

Оффенбах Жак (Offenbach Jacques)

(1819-1880)

Когда родившемуся в Германии французскому композитору исполнилось пятьдесят, по крайней мере четыре его оперетты, среди которых «Орфей в аду», шли в парижских театрах. Правда, его опера «Сказки Гофмана» так и осталась незаконченной.

Летом 1880 года Оффенбах работал над оперой в душном номере отеля «Сен-Жермен», здоровье его ухудшилось. Уже долгое время композитор страдал подагрой, при которой избыточное количество солей в крови вызывает крайне болезненные формы артрита. В сентябре, обеспокоенный возросшими расходами, он вместе с женой Гер-минией перебрался обратно в Париж. Он ел уже очень мало, но

наслаждался сигарами, которые курил не переставая, пока работал, сидя за пианино подле пылающего камина и закутавшись в халат на меху. Звуки инструмента резко обрывались, когда композитора одолевал приступ кашля. Когда Оффенбах совсем выбивался из сил, он отдыхал, листая изрядно потрепанную биографию Моцарта.

25 сентября, скрученный подагрой, Оффенбах не смог даже подняться с постели. Германия умоляла его поесть, но он согласился лишь выпить немного бренди, пока лихорадочно записывал что-то в нотных листах, разбросанных на покрывале. «Наши внуки будут богаты», — повторял он, видимо, думая о будущем успехе «Сказок Гофмана».

4 сентября 1880 года у Оффенбаха начались сильные боли в груди. «Мне нехорошо, больно вот здесь, — простонал он. — Наверное, ночью наступит конец». К нему привели детей, а католический священник выполнил последние обряды. Немного позже, в три часа утра 5 октября, Оффенбах потрогал свою голову, грудь около сердца, глубоко вздохнул и испустил дух. Выплакав все слезы, Германия отрезала прядь волос, которую запаяла в своем кольце.

Позднее, тем же утром, позвонил артист, исполнявший партию Орфея. «Месье Оффенбах умер, — сообщил ему консьерж. — Он умер очень легко, даже не поняв, что происходит».

После пышной похоронной церемонии, на которой исполнялись фрагменты «Сказок Гофмана», Оффенбаха похоронили на кладбище Монмартр. Незавершенную оперу, аранжированную Эрнестом Жуиро, поставили в «Опера-Комик» 10 февраля 1881 года.

См. Джеймс Хардинг (1980).

П

Павлова Анна (Pavlova Anna)

(1881-1931)

Самой знаменитой ролью русской балерины стал «Умирающий лебедь» на музыку К. Сен-Санса, поставленный для нее Михаилом Фокиным в 1905 году. В своем доме в Голдерс-Грин, на северо-западе Лондона, Павлова и ее муж Виктор Дандре вырастили несколько ручных лебедей, которые ласкались к хозяйке. После пятимесячного европейского турне супруги возвратились домой в сентябре 1930 года на зимний сезон труппы Павловой в театре «Голдерс-Грин».

Во время сезона балерина жаловалась на боль в левом колене, и по совету ее парижского консультанта, доктора Залевского, Павлова и Дандре отправились на лечение в Южную Францию. После пяти недель в Каннах здоровье Павловой значительно улучшилось, и в середине января Дандре вернулся в Лондон, оставив жену репетировать в Париже. В субботу, 17 января 1931 года, по дороге из Парижа в Гаагу, где должно было состояться выступление труппы Павловой, балерина заболела. Вызванный доктор диагностировал плеврит левого легкого. Предположительно, Павлова простудилась после репетиции.

Доктор Д'Жон, врач королевы Голландии, подтвердил первичный диагноз. Оба врача беспокоились о сердце пациентки и прописали небольшие дозы алкоголя, однако для Павловой это было неприемлемо, поскольку даже несколько капель рома в чае вызывали у нее отвращение. То, что она может быть опасно больна, никому не приходило в голову. Через несколько дней она пожаловалась на плохой сон и затрудненное дыхание; к этому времени она постоянно нуждалась в теплом молоке. Залевский прилетел из Парижа 21 и был не на шутку встревожен состоянием больной. Вечером танцовщица обсуждала с мужем дальнейшую совместную жизнь и успокоила его своим трезвым и уверенным разговором.

На следующее утро откачали жидкость из плевритной полости и прописали инъекции антипневмококковой сыворотки. Одновременно предпринимались меры для активизации сердечной деятельности, однако сердце заметно слабело, и около шести часов вечера Павлова потеряла сознание. Подключили кислородный аппарат, но дыхание становилось все реже. Около полуночи она открыла глаза и сделала рукой знак своей

служанке, Маргарите Летьен, подойти. Маргарита наклонилась к хозяйке и услышала, как та прошептала: «Приготовь мой костюм Лебедя». Через несколько минут, в 23.30 23 января 1931 года Павлова умерла. Причиной смерти назвали плеврит и сердечную недостаточность.

Маргарита одела балерину в ее любимое бежевое кружевное платье; когда Павлову уложили в гроб, Дандре положил в него несколько побегов лилий. Он не позволил снимать посмертную маску. На следующее утро русский священник совершил отпевание, во время которого Дандре заметил легкую улыбку на губах умершей. Гроб перевезли из отеля в католический монастырь до принятия решения о месте захоронения. Дандре чувствовал, что жене хотелось быть похороненной рядом с домом. 28 января гроб доставили в русскую православную церковь Св. Филиппа на проспекте Букингемского дворца в Лондоне. Один конец черного полированного гроба, высоко поднятый на подставках, накрыли российским императорским флагом; венок с надписью по-английски и по-русски «Бессмертной Анне Павловой от ее труппы» обвивал другой конец. Воздух в полутемной, освещенной свечами церкви был пропитан ароматами цветов, которые принесли бесчисленные поклонники. Тысячи людей прошли мимо гроба, отдавая последнюю дань уважения балерине.

29 января 1931 года после длительной службы похоронная процессия вышла из церкви в два часа пополудни и ненадолго задержалась перед домом с плющом по дороге в крематорий Голдерс-Грин. Прах Анны Павловой захоронили там же, в саду.

Пальме Улоф (Palme Olof)

(1927-1986)

Шведский премьер-министр (1969—1976, 1982—1986) получил образование в Колледже в Огайо. Нищета, которую он видел, путешествуя по Соединенным Штатам, сделала его защитником идей социализма в свободной стране и горячим противником политики США во Вьетнаме.

28 февраля 1986 года Пальме смертельно ранили из пистолета после киносеанса фильма «Братья Моцарт» в Гранд Спнема. Они с женой Лизбет встречались с сыном Мартином у кинотеатра на главной улице Стокгольма. Туда они добрались поездом из старой части города. После окончания сеанса компания разделилась и премьер-министр вместе с миссис Пальме перешли улицу и направились к центру города. Было 23.21. На углу Свеаваген и Туннелгатен человек в темном пальто

и низко надвинутой шапке приблизился к Пальме сзади и выстрелил в него из револьвера «Смит и Бессон». Пуля с медным наконечником вошла в спину между лопаток, повредив позвоночник, задев аорту и дыхательное горло. Лизбет обернулась на звук выстрела, и убийца выстрелил снова, ранив ее в спину, а затем быстро побежал по Туннелгатен. Таксист вызвал по радио полицию; скорая помощь подъехала в 23.35 и перевезла раненых в госпиталь, в котором 1 марта 1986 года в 12.06 была констатирована смерть Улофа Пальме.

На гражданской панихиде присутствовало тысяча семьсот официальных представителей, в том числе 15 глав государств, 17 премьер-министров, 19 министров иностранных дел; президента Рейгана представлял государственный секретарь Джордж Шульц. Старый друг Пальме, бывший канцлер Западной Германии Вилли Брант, прочитал некролог. Церемонию погребения провел епископ Стокгольмский Криштер Стендал. У. Пальме похоронили на церковном кладбище Адольфа Фредрикса, недалеко от места убийства. Лизбет Пальме встала на колени, чтобы положить единственную красную розу на гроб, когда его опускали в могилу; вслед за ней положили розы трое сыновей.

Накануне похорон был произведен арест подозреваемого убийцы У. Пальме. Тридцатитрехлетнего Виктора Гуннарсона, связанного с ультра-правой группой, созданной американцем Линдоном Ларушем, задержали как бежавшего и пытавшегося взять такси сразу после стрельбы, а затем ворвавшегося в кинотеатр во время сеанса. Однако никто не опознал в нем стрелявшего, и его отпустили.

Четверых курдских националистов арестовали в январе 1987 года, но после допроса отпустили.

14 декабря 1988 года Кристера Петерсона, наркомана из Стокгольма, ранее судимого на длительные сроки заключения, обвинили в убийстве. На суде, состоявшемся в июне 1989 года, свидетели отказались отданных ранее показаний, однако Лизбет Пальме настаивала на опознании Петерсона, сделанном в полиции, и повторила свои показания на очной ставке в присутствии судьи. Суд присяжных большинством голосов признал виновность Петерсона и приговорил его к пожизненному заключению. Однако после апелляции приговор отменили. У Петерсона не было мотива убийства, к тому же оружие у него так и не нашли.

Епископ Стендал назвал неудачу в расследовании убийства серьезным предупреждением для сограждан Пальме. «Шведы всегда доверяли власти и ее представителям. Они рассчитывали на результативные действия. Когда их нет, как в этом конкретном

случае, возникает реальная угроза подрыва самих основ устройства жизни в Швеции. Это очень страшное время для людей». Полиция Стокгольма была настолько обескуражена освобождением Петерсона, что отдельным служащим даже потребовалась консультация у психотерапевта. Сам бывший обвиняемый получил 50 ООО долларов в качестве компенсации за одиннадцать месяцев заключения.

См. Крис Моей (1991).

Паркер Дороти (Parker Dorothy) (Наст. фам. Ротшильд, Rothschild)

(1893-1967)

Друг Паркер, писатель Брендан Жилль, назвал ее одной из самых жизнерадостных и одновременно самых печальных женщин. Она считала себя «просто маленькой еврейской девочкой, которая старается быть остроумной». Американская поэтесса, критик и сочинитель рассказов, Дороти Паркер была душой общества на легендарных завтраках за алгонквинским Круглым столом, где собирались Джордж С. Кайфман, Александр Вулкотт и другие. В двадцатые годы она делила крошечный офис с юмористом Робертом Бенчли. «Еще на дюйм меньше, и это превратилось бы в прелюбодеяние», — острила Дороти.

Личная жизнь писательницы не сложилась — три раза она пыталась покончить с собой. Дважды Паркер выходила замуж за Алена Кемпбелла, который умер в пятьдесят пять лет. Он был запойным алкоголиком и сидел на барбитуратах, глотая секонал, даже когда собирался вздремнуть после обеда. «Он терпеть не может ворочаться с двух до шести», — объясняла Дороти. Вечером 14 июня 1963 года она нашла мужа мертвым. Он принял слишком большую дозу снотворного в их бунгало на Норма Плейс в Западном Голливуде.

И сама Дороти тогда выглядела неважно, она ежедневно выпивала и беспрерывно курила. Ее хронический кашель усилился; во время одной из прогулок со своими пятью собаками она упала и сломала плечо. Паркер преподавала в Калифорнийском государственном университете в Лос-Анджелесе и частенько запаздывала с литературной колонкой для журнала «Эсквайр», последняя из которых появилась в 1962 году.

В марте 1964 года она вернулась в Нью-Йорк, где провела остаток года, ложась в госпиталь то с воспалением легких, то с сердечно-сосудистыми обострениями, «которые доктора лечили очень лихо». Когда Паркер убедили составить завещание, она без

колебаний отписала все свое небольшое имущество Мартину Лютеру Кингу-младшему, а в случае его смерти — Национальной Ассоциации борьбы за права цветных. В политике Паркер всегда придерживалась левых убеждений, что создало ей много проблем в период маккартизма. (На вопрос агентов ФБР, не замышляла ли она когда-нибудь свержение правительства, Дороти ответила: «Знаете, я и собаку свою не могу заставить лечь. Неужто я похожа на того, кто способен сбросить правительство!?»

Последнюю статью писательницы опубликовал «Эсквайр» в декабре 1964 года. Статья оканчивалась так: «Как знают лишь нью-йоркцы, если можешь пройти через сумерки, то пройдешь и через ночь». Из-за болей в плече Дороти почти не могла печатать, и доходы ее были невелики. Приходилось рассчитывать на помощь друзей, чтобы оплачивать счета за лечение. В 1956 году здоровье писательницы ненадолго улучшилось, и впервые за двадцать лет она смогла наведаться в отель «Алгонквин». В одном или двух своих интервью Дороти показала, что еще может посмеяться над собой. По словам писательницы, она была реликтом из «давно минувших дней», в которые она являла собой «бутерброд из двух континентов — Австралии и Гренландии». Но мир Паркер все уменьшался — осталось всего шесть друзей, которые не отвернулись от нее из-за ее бесконечного пьянства: Лиллиан Хелман, супруги Перельман, супруги Мостелс. Но и в их присутствии она подолгу сидела у телевизора с бутылкой виски.

В последние месяцы жизни писательница вдохновилась идеей постановки «Портфель Дороти Паркер» на Бродвее по мотивам ее сочинений с музыкой Кола Портера и Джулией Харрис в главной роли. Но 7 июня 1967 года горничная обнаружила ее мертвой. Паркер скончалась от сердечного приступа в своем номере в отеле. Лиллиан Хелман, ее литературный душеприказчик, запретила постановку «Портфеля», тем самым проявив себя не с лучшей стороны. После смерти Кинга Хелман попыталась получить права на имущество Паркер, но по завещанию Дороти суд передал все Национальной Ассоциации борьбы за права цветных. «Должно быть, она напилась, когда составляла завещание», — огрызнулась Хельман.

Тело Дороти Паркер кремировали в Хартсдейле, шт. Нью-Йорк, но сомневались, как поступить с ее прахом. После нескольких недель раздумья пепел передали поверенным Хелман, О'Дуаиеру и Бернштейну. Четверть века после этого пепел хранился в закрытом шкафу.

См. Марион Мид (1988).

Паунд Эзра (Pound Ezra)

(1885-1972)

Американский поэт, один из лидеров имажинизма, центральная фигура американского модернизма. Он прожил в Лондоне с 1908 по 1920 год, потом, проведя четыре года в Париже, переехал на постоянное жительство в Италию. Там он читал от имени врача обращения по радио к американским солдатам. («Каждый человек должен осознать, что фашизм предпочтительнее русской иудократии и смердящего капитализма».)

Арестованного и отправленного обратно в Соединенные Штаты, где его ждал суд по обвинению в измене. Паунда обследовали четверо судебных медиков и установили, что «он страдает паранойей и это делает невозможным его участие в собственной защите».

Находясь с 1946 по 1958 год в госпитале Св. Елизаветы в Вашингтоне, Паунд много беседовал с другими пациентами и посетителями, среди которых были его жена Дороти Шекспир и дочь Мери (от скрипачки Ольги Рудж).Он также продолжал работу над трудом всей своей жизни. Это были «Песни», начатые в 1917 году.

Обвинение в измене сняли в 1958 году, и поэт вместе с женой вернулся в дом своей дочери, замок XII века в окрестностях ГДерано, в итальянских Альпах. В 1962—1963 годах он перенес две операции на предстательной железе и многократные «омолаживающие» инъекции в швейцарских клиниках. В 1969 году Паунд ездил на две недели в Нью-Йорк и Коннектикут.

30 октября 1972 года Паунд, находившийся в Венеции вместе с Ольгой Рудж, отпраздновал всего за неделю до смерти свое восьмидесятисемилетие. Через два дня он слег и умер во сне в госпитале Святых Иоанна и Павла. Короткая служба состоялась в средневековой церкви на острове Сан-Грегорио. Его престарелая жена не приехала на похороны. Ни американское, ни итальянское правительство не прислали соболезнований. Ольга и Мери с дочерью Патрисией сопровождали гроб в черно-золотой гондоле на остров Сан-Мигель. Паунда похоронили рядом с Дягилевым и Стравинским. Простое надгробие, выполненное американским скульптором Джоан Фитцджеральд, имеет короткую надпись «Эзра Паунд».

Пауэр Тайрон (Power Tyrone)

(1914-1958)

Ребенком в Цинциннати американский киноактер часто

болел ревматической лихорадкой; вполне вероятно, что это повлияло на болезнь сердца и вызвало его раннюю смерть.

В апреле 1958 года на медобследовании в Нью-Йорке у Пауэра обнаружили аритмию сердца. Через несколько недель актер женился в третий раз на двадцатишестилетней Дебби Монтгомери Минардос. Проводя лето в Ньюпорт-Бич, шт. Калифорния, Пауэр наслаждался катанием на кетче и изучал сценарий очередного (и последнего) фильма «Соломон и Шеба» (1959). Съемки картины начались в середине года в Испании, и к середине ноября работа Пауэра была сделана больше чем наполовину. Он часто чувствовал боль в левом плече, но объяснял ее воспалением суставной сумки.

15 ноября в окрестностях Мадрида снимался эпизод схватки на лестнице между Пауэром (Соломоном) и Джорджем Сандерсом (его старшим братом Адоньемом). Полтора часа актеры в тяжелых плащах размахивали пятнадцатифунтовыми мечами, нападая друг на друга. Сандерс, недостаточно владевший мечом, сделал двойной отвод, когда его снимали крупным планом. Поэтому Пауэру приходилось делать дополнительные движения в процессе съемки. Один из кадров, где были лица обоих противников, пришлось несколько раз переснимать, так как Сандерсу не понравилось, как он выглядит. Пауэр был сдержанным человеком, но после восьмого дубля он бросил меч и сказал: «Если не найдете подходящего решения, просто дайте мой крупный план. Я сыт уже по горло».

Гример Пауэра Рей Себастьян рассказывал, в каком состоянии был актер — он весь трясся, то ли от гнева, то ли от изнеможения. Себастьян помог ему забраться в фургон и приготовил горячий чай с ромом. Пауэр жаловался на боль в руках. Врача Нигде не могли найти, и больного повезли в «мерседесе» Джины Лоллобриджиды на американскую военно-воздушную базу Торрежон. Через несколько минут у Пауэра остановилось дыхание. В госпитале базы ему стали колоть адреналин, но это уже не могло спасти Пауэра. Дебби Пауэр попросила Себастьяна загримировать забальзамированное тело мужа, и тот неохотно согласился. Он сбрил бороду и наложил грим. «Все время, пока я был там, я разговаривал с Таем, — признался он позже. — Только так я смог смириться с тем, что он умер». И, поскольку священника не было, он сам прочитал молитву над умершим.

Тело Тайрона Пауэра, за несколько недель до смерти произведенного в майоры запаса, выставили для прощания на базе. После заупокойной службы его отправили морем в Лос-Анджелес. Дебби попросила вторую жену Пауэра, Линду

Кристиан, не приходить на церковную службу двадцать первого ноября. Гроб стоял открытым, и Дебби во время службы держала руку покойного. Шестеро моряков пронесли покойного к месту погребения на кладбище Голливудского мемориального парка через собравшуюся толпу.

Единственный сын актера, Тайрон Пауэр родился два месяца спустя, 21 января 1959 года. Наследство умершего отошло к Дебби, его матери, двум дочерям и сыну, которого он не увидел.

«Соломон и Шеба» был переснят с Юлом Брайнером вместо Пауэра. Страховая компания «Юнайтед артист» понесла убытки в размере более миллиона долларов — самый большой ущерб за всю историю кинематографа на 1958 год.

См. Гектор Арк (1979).

Перон Ева (Peryn Eva)

(1919-1952)

Самая младшая из пяти внебрачных детей служанки и ее хозяина, Ева Дуарте, подрабатывающая как актриса в Буэнос-Айресе, очаровала честолюбивого сорокадевятилетнего полковника Хуана Перона. Она тайно вышла за него замуж в октябре 1945 года и через четыре месяца помогла ему стать президентом Аргентины.

В конце 1951 года Еве удалили раковую опухоль матки. Болезнь продолжала распространяться. Ева значительно потеряла в весе, и 26 июля 1952 года она умерла. Испанский патологоанатом, доктор Педро Ара, немедленно приступил к бальзамированию. В Буэнос-Айресе заложили громадный склеп, который должен был превосходить высотой статую Свободы. Строительство только началось, когда Перона свергли в результате военного переворота 1955 года.

Опасаясь, что тело Евы станет предметом культа, новое правительство распорядилось вынести его из здания Конфедерации рабочих и потом несколько раз меняло его местонахождение. В сентябре 1956 года тело перевезли в аргентинское посольство в Западной Германии. Впоследствии его опознали в Риме как тело некой Марии Магги де Магистрис — вдовы, умершей в Аргентине и желавшей быть похороненной в родном Милане. Там, на кладбище Мускоко, под могильной плитой покойная пролежала пятнадцать лет.

В начале сентября 1971 года возникли слухи о том, что террористическая группа перонистов разыскивает в Италии свою почитаемую реликвию. 2 сентября бывший шеф аргентинской

разведки Гектор Кабанилас под видом брата умершей появился на кладбище и предъявил необходимые бумаги для эксгумации тела сестры. С внешней стороны черный гроб сильно прогнил, но внутренняя цинковая оболочка была в отличном состоянии. Кабанилас пересек две границы и прибыл в предместье Мадрида, где жил Перон в изгнании с молодой женой Изабель. Его уже ожидал доктор Ара, которому не терпелось увидеть, как пережило годы творение его рук. Вскрыв гроб, заметили, что кожа на кончиках пальцев отошла, и появились вмятины, там, где крышка гроба надавила на лицо, намазанное пластиком; одно ухо немного покривилось, но после мытья шампунем и небольших манипуляций тело Евы приняло вид только что бальзамированного.

Перону разрешили вернуться на родину в 1972 году. Лишь после его смерти в июле 1974 года Ева соединилась с ним в президентской часовне в Овидосе. Через два года военные вновь захватили власть, и несколько месяцев спустя останки Марии Евы Дуарте де Перон снова перезахоронили, по-видимому, в последний раз. Рано утром 22 октября 1976 года на армейском фузовике ее останки доставили на заполненное народом кладбище Реколета в Буэнос-Айресе, где без долгих церемоний их уложили в склеп из черного мрамора с надписью «Семья Дуарте».

Пикассо Пабло (Picasso Pablo)

(1881-1973)

Знаменитый испанский художник, гравер и скульптор XX столетия, он отличался поразительной работоспособностью. Пикассо лишь на время прекратил работать после операции предстательной железы, проведенной в ноябре 1965 года в Американском госпитале в Париже.

Незадолго до того Франсуаза Жило, разгневанная его неуважительным отношением к ней перед разрывом после одиннадцати лет совместной жизни, опубликовала книгу об истории их отношений, почти убившую художника.

Перед своей тайной второй женитьбой на Жаклин Роке в 1961 году Пикассо приобрел уединенный дом в пригороде, к северу от Канн. Именно там он вновь начал рисовать, но многие его работы изображали лишь грязный, грубый секс и наносились на полотно (а иногда на коричневую бумагу) рукой опустошенного, рассерженного старика.

В конце 1972 года несколько сотен последних работ художника выставлялись в Авиньоне. В этих картинах было

значительно меньше эротики и выписаны они были более тонко — трудно было поверить, что это работы девяностолетнего старика. Позднее, той же зимой, Пикассо очень ослаб после тяжелого гриппа. Весной он снова начал работать в студии, вставая довольно поздно, но нередко засиживался до утра. После обеда с друзьями, 7 апреля 1973 года Пикассо почувствовал, что задыхается; местный врач Дж. С. Рэне обнаружил легочную инфекцию и признаки острого сердечного расстройства. Выдающийся кардиолог, приятель Пикассо, прилетел из Парижа следующим утром. Он понял, что надежды нет, и сделал все возможное, чтобы облегчить старику страдания. Пикассо, проявляя обычную любознательность, с восхищением рассматривал инструменты врача. Не понимая, что умирает, художник встал и побрился, сказав доктору, что хочет показать ему свою студию. Внезапно он стал задыхаться и лег, что-то бормоча. Пикассо повторял имя давно умершего друга, французского поэта Аполлинера. В последний момент просветления он перевел взгляд с врача, который был холостяком, на Жаклин и произнес: «Вы зря не женились. Это полезно». Окруженный картинами и экспонатами своей коллекции, Пикассо умер от отека легких в своем доме около полудня 8 апреля 1973 года.

Тело художника перевезли в часовню его бывшего дома, замка XVI столетия в Вовенаргю, в двадцати милях к востоку от Экс-ан-Прованса, и похоронили 16 апреля после католической церемонии за крепостными стенами. Двадцатичетырехлетний внук Паблито, которому запретили присутствовать в Вовенаргю, принял яд и, про-мучавшись три месяца, умер в госпитале Ля Фонтен на Антибе.

Пикассо не оставил завещания. По французским законам его многомиллионное состояние разделили между его второй женой Жаклин и единственным законным сыном Паоло.

Пике Джеймс Альберт (Pike James Albert)

(1913-1969)

Калифорнийского епископа сместили в 1966 году, однако он сохранил сан, и его красноречивое отрицание Троицьц Непорочного Зачатия и Воскресения Христа наделало скандал. В личной жизни Пике был несчастлив: его сын застрелился в 1966 году, а дочь пыталась покончить с собой в 1968 году; вторая жена развелась с Пике в июле 1967 года, через месяц после самоубийства его любовницы. В декабре 1968 года Пике женился

на своей студентке Диане

Кеннеди, и они вместе отправились сначала в Европу, потом в Израиль.

Каждую ночь в Иерусалиме они вспоминали проведенные вместе годы. В своей книге воспоминаний «Поиск» (1970) Диана Кеннеди пишет, что чувствовала скорый конец мужа, что «эта часть одиссеи Джима завершилась... и она не хотела теперь его возвращения».

В понедельник 1 сентября они выехали прогуляться после полудня из отеля «Интернациональ» в глухие места Джудиан. Диана вела машину, а священник пытался разобрать плохо составленную карту. Когда их «джип» застрял на горной дороге, они отчаянно пытались вытащить из ямы заднее колесо. В запасе у них были только две бутылки «кока-колы».

В четыре часа дня температура на солнце достигла 130° по Фаренгейту, но вместо того чтобы повернуть назад, они тащились по руслу высохшей реки в сторону Мертвого моря. К шести часам вечера, согласно исследованиям ВВС США 1972 года, каждый из них потерял в весе 17 фунтов из-за испарения содержащейся в организме воды. Для Дианы потерянный вес составлял почти 14 процентов веса. Когда сердце Пике начало останавливаться, они легли на землю, однако, опасаясь, что их смерть истолкуют как самоубийство, Диана вновь встала на ноги. «Я пойду за помощью, дорогой», — сказала она. Пике обещал последовать за ней.

Десять часов тридцатиоднолетняя женщина, ноги которой защищали лишь плетеные сандалии, карабкалась по скалам и зазубренным утесам при свете солнца и звезд. Когда Диана стала сходить с ума от жажды, она пила собственную мочу. В четыре часа утра ее ноги перестали повиноваться. Диана скатилась со склона и, отчаявшись, в последний раз позвала на помощь. Удивительно, но ее услышали двое строительных рабочих, которые спали в палатке. Они принесли изможденную женщину в свой лагерь.

Израильские службы спасения организовали поиск Пике на машинах и вертолетах, но найти его след удалось лишь через несколько дней. 6 сентября нашли его трусы, которые плавали в глубоком водоеме с пресной водой. На следующий день тело епископа увидели на дне глубокого каньона. Пике упал вниз на семнадцать футов, вероятнее всего, это случилось 2 сентября, когда он пытался выбраться из пересохшего русла. Единственными повреждениями, выявленными вскрытием, оказались три сломанных ребра.

Епископа Пике похоронили на протестантском кладбище Св. Петра в Хайфе, к югу от Тель-Авива, в алюминиевом контейнере

для транспортировки трупов. Коврик из золотой пряжи спускался в могилу, вырытую всего в нескольких ярдах от берега.

См. Уильям Стрингфеллоу и Энтони Тоун (1976).

Плиний Старший (Plinius Maior)

(23 или 24—79 н.э.)

Смерть римского писателя и ученого Гая Плиния Старшего соответствовала его характеру, сочетавшему острое любопытство и гордую небрежность к собственной безопасности. Он был адмиралом флота Мизены (сейчас Капо-Мизено) на востоке от Неаполя, когда 24 августа 79 года, в первый раз за много столетий, извергся вулкан Везувий. В этот момент Плиний, позавтракав, работал над своей книгой, и внимание его привлекло необычное облако, чем-то похожее на куст магнолии и поднимавшееся над вершиной горы на востоке. Плиний залез на крышу, чтобы лучше видеть, и приказал своим матросам выйти на кораблях, чтобы оказать помощь охваченному паникой населению.

Через несколько лет историк Тацит попросил племянника и приемного сына умершего, Плиния Младшего, рассказать о последних часах жизни его дяди, и он услышал следующее: «Я не сомневаюсь, что его ждет бессмертие, если вы опишете, как он умер».

«Он поспешил в самое пекло, туда, откуда все остальные бежали без оглядки. Он совсем не испытывал страха, видя извержение вулкана. Позже Плиний описывал, как падал пепел вокруг, становясь все гуще и горячее, летели куски пемзы и осколки скалы, которую разорвало подземное пламя...» В Стабии (теперь Кастеламморе-ди-Стабия), в четырех милях к югу от Помпеи, которой вскоре предстояло быть похороненной, Плиний сошел на берег, чтобы подбодрить своего друга Помпония, который был в отчаянии и надеялся спастись морем, если переменится ветер.

Плиний присоединился к своим домочадцам, решающим, как поступить. В тот день, 25 августа 79 года, рассвет так и не наступил. В кромешной тьме люди двигались вперед, привязав к головам подушки. На берегу пламя бушевало слишком сильно, чтобы можно было надеяться на спасение бегством. Плиний, задыхавшийся от сернистого дыма, лег на простыню. Остальные, уже совершенно растерянные, подняли его на ноги, и два раба поддерживали его, чтобы он мог идти. «...Но едкий дым перекрывал ему дыхательные пути и он внезапно упал. На

следующий день наступило наконец просветление. Плиния нашли лежащим на земле, казалось, он просто заснул».

Плиний Младший, которому тогда было всего семнадцать, оставался в Мизене со своей матерью, но «подробно описал каждое событие, как если бы присутствовал при нем сам или слышал рассказ очевидца сразу после происшедшего».

Поттер Беатрикс (Potter Beatrix)

(1866-1943)

Английская писательница и рисовальщица акварелью создала свой цикл детских произведений за двенадцать лет, начав с «Кролика Питера» в 1901 году. Она долго находилась под влиянием родителей, и лишь в октябре 1913 года вышла замуж за скромного деревенского адвоката Уильяма Хилиса, который был на несколько лет ее младше. Он помог Поттер купить в 1905 году ферму «Горная вершина» в районе Английских озер. Тогда же увидела свет ее «Сказка о вежливом поросенке», «где мисс Поттер была ближе всего к привычной любовной истории», как написал Грэхэм Грин, и где нашли невольное отражение ее надежды на будущее.

Став миссис Хилис, она оставила литературное творчество и посвятила оставшиеся тридцать лет работе на ферме, разводя зердвикских овец и стремясь сохранить прилегающие земли для последующих поколений. Лишь в одной из ее книг этого периода «Сказка о Джонни— Городском мышонке» (1918) проявляется прежняя манера писательницы. Поттер отбивала охоту к расспросам у немногих любопытствующих и держала свой адрес в секрете. В последние годы суровые реалии военного времени и отсутствие поддержки совсем состарили семи десяти летнюю женщину. Морозной зимой 1943 года Поттер простудилась и не смогла встать с постели. Находясь рядом с Уильямом, она писала письма и разговаривала с пастухами. Но постепенно Поттер теряла почву под ногами. Последнее ее письмо, вероятно, было адресовано знакомому пастуху: «Дорогой Джо, у меня осталось еще немного сил. Я пишу эти строки, желая пожать тебе руку; наша дружба была очень славной. Меня терзает бронхит. Шлю наилучшие пожелания в Новом году».

Беатрикс Поттер Хилис тихо скончалась 22 декабря 1943 года, до последнего момента любуясь заснеженными полями. Прах ее развеяли у фермы «Горная вершина» в поле, рядом с лесом, между деревушкой Саури и маленьким озером Эствейт, который она описала в «Сказке о Джемиме Нырке» (1908).

Молодую журналистку Маргарет Лейн четыре года назад ошарашило «самое грубое письмо, когда-либо полученное ею», но она не оставила надежды написать биографию Беатрикс Поттер и навестила Хилиса вскоре после смерти жены. В доме Беатрикс в Саури еще чувствовалось присутствие хозяйки. «Ее вещи, — пишет мисс Лейн, — были в беспорядке свалены на одном конце стола, а на другом конце ел Хилис. Среди бумаг на письменном столе лежала плитка шоколада со следами ее зубов. Реакция убитого горем Уильяма даже на самые невинные вопросы была очень странной. Он умер несколько месяцев спустя, а две книги Маргарет Лейн о Беатрикс Поттер появились в 1946 и 1978 годах.

Поуэлл Уильям (Powell William)

(1892-1984)

Американский киноактер, игравший в начале своей карьеры злодеев в немых фильмах, перешел к комедийному амплуа в фильмах «Тощий» (1934) и «Мой муж Годфри» (1936). Он был разведен с Кароль Ломбард. А вторая его избранница Джин Харлоу умерла в 1936 году, в возрасте двадцати шести лет, незадолго до их предстоящей свадьбы.

Во время съемок фильма «Баронесса и дворецкий» (1938) Поуэлл стал жаловаться на боли; у него обнаружили небольшую опухоль в прямой кишке, которую прооперировали в марте 1938 года.

Через месяц после знакомства сорокасемилетнего Поуэлла с двадцатилетней актрисой Дианой Льюис они поженились. Это было в январе 1940 года. Третий и самый счастливый союз актера продлился сорок четыре года. Своего третьего «Оскара» он получил за роль в фильме «Жизнь с отцом» (1947). Поуэлл сыграл хладнокровного, опустошенного войной судового врача в «Мистере Робертсе» (1955). Но съемки на Гавайях изнурили актера, и он принял неожиданное решение вернуться в свой дом в Палм-Спрингс, в Калифорнии. Это означало отказ от съемок в телефильме с Миной Лой, его партнершей по тринадцати из девяноста семи фильмов, в том числе и в шести сериях «Тощего». Поуэлл попросил руководство студии позволить ему самому передать Мине плохие новости и сделал это, послав ей пять тысяч алых роз (!).

В 1968 году актер был сильно потрясен самоубийством своего единственного сорокатрехлетнего сына Билла, который перерезал себе вены в ванной, страдая депрессией и хронической болезнью почек. Старые фильмы Поуэлла по-прежнему давали хороший

сбор в кинотеатрах в шестидесятые и семидесятые годы, а актер тихо доживал свой век. Время от времени его посещали немногие еще оставшиеся в живых друзья, в том числе и Мина Лой. Поуэлл скоропостижно умер 5 марта 1984 года, в возрасте девяноста двух лет, в своем доме на руках у Дианы.

См. Чарльз Франциско (1985).

Прокофьев Сергей (Prokofiev Sergey)

(1891-1953)

Советский композитор, которого, как и Шостаковича, в 1948 году наказала компартия за «буржуазные тенденции в творчестве», но в отличие от своего младшего коллеги у Прокофьева не было званий, которых его могли лишить. Тем не менее, он принес извинения Центральному Комитету — вероятнее всего, из-за сложного положения своей второй жены Мирры Мендельсон. (Согласно имеющим обратную силу советским законам, его предыдущий брак с женщиной испанского происхождения не был расторгнут).

Прокофьев многие годы болел. В январе 1945 года с композитором случился сердечный приступ, и он упал на лестнице, а потом страдал головными болями и головокружениями. Вместе с женой он переехал на дачу в маленький поселок Николина Гора под Звенигородом, в шестидесяти километрах от Москвы. За ним ухаживала жена, и Прокофьев стал работать по нескольку часов в день. Случившийся в 1949 году удар лишил его работоспособности лишь на короткое время. В 1957 году, после изменения курса государственной политики, ему была присуждена Ленинская премия.

Зимой Прокофьев жил в московской квартире и в любое время мог обратиться за медицинской помощью. Хотя композитору довольно часто приходилось ложиться в больницу, помощь Мирры в планировании его времени продлила творческую жизнь. Закончив Седьмую симфонию летом 1952 года, Прокофьев смог ее оркестровать, а в октябре он последний раз присутствовал на своем концерте в московском Колонном зале, когда симфонией дирижировал Самуил Самосуд. 5 марта 1953 года хореограф Л. М. Лавровский позвонил Прокофьеву, чтобы рассказать композитору о репетициях балета «Каменный цветок» в Большом театре. Прокофьев был занят сверкой партитуры, и Лавровскому пришлось ждать, пока он закончит работу над адажио «Радость встречи Катерины и Данилы», которое предстояло репетировать в тот вечер. Лавровский обещал

перезвонить.

После обеда Прокофьева навестила его врач, Елена Теппер, и он прошелся с ней до поликлиники, чтобы подышать свежим воздухом. Композитор пообещал, что будет выполнять все ее предписания, хотя заметил, что ему будет непросто отрываться от работы. Через два часа Теппер получила срочный вызов — ее пациент перенес еще один инсульт. Она приехала и застала его уже мертвым. В тот же вечер умер его главный враг И. В. Сталин.

Тело Прокофьева перевезли в Центральный Дом композиторов. Там на торжественной церемонии 7 марта 1953 года присутствовали Шостакович, Хачатурян и другие музыканты. Давид Ойстрах исполнил фрагменты скрипичной сонаты Прокофьева. Композитора похоронили на Новодевичьем кладбище в Москве.

Пруст Марсель (Proust Marcel)

(1871-1922)

Французский писатель, автор серии романов «В поисках утраченного времени», перенес первый тяжелый приступ астмы в возрасте девяти лет. Став взрослым, он превратился в ипохондрика, который спал целый день в комнате, заваленной тетрадями и пузырьками с лекарствами, с плотно закрытыми окнами.

Поздним вечером, когда, как он полагал, воздух был чище, Пруст отправлялся на прогулку по парижским кафе — тощий, неестественно бледный, с черными кругами под глазами. Он был гомосексуалистом, часто менявшим своих симпатичных шоферов-секретарей. Посещая мужские бордели, он обычно шпионил за клиентами и расспрашивал владельцев, чтобы набрать материал для своих будущих романов.

В начале сентября 1922 года Пруст перенес несколько тяжелых приступов астмы. Возвращаясь с вечеринки в начале октября, он сильно простудился и потребовал круглосуточного ухода от своей домохозяйки Целисты. 19 октября с повышенной температурой он вышел на улицу, через несколько минут вернулся домой, дрожа от холода и беспрерывно чихая. Пруст подозревал у себя пневмонию, и болезнь действительно подтвердили 10 ноября. Доктор, столкнувшийся с тяжелым пациентом, привел с собой его брата, Роберта Пруста. Роберт собирался перевезти Марселя в клинику, но получил яростный отпор: «Оставьте меня в покое! — кричал писатель. — Я не выйду из своей спальни. Мне никто не нужен, кроме Целисты, — только

она одна меня понимает».

17 ноября Пруст почувствовал себя намного лучше. Он сказал Роберту, что хочет ночью хорошенько выспаться, но в три часа утра попросил Целисту записать некоторые изменения, которые захотел внести в рукопись романа «Отчаяние Альбертины». Вдруг он закричал, задыхаясь: «Хватит, я больше не могу». Вероятно, в этот момент вскрылся нарыв в легком. В шесть часов утра Пруст попросил молока, а в девять — пива со льдом. Несмотря на сильно затрудненное дыхание, он приказал Целисте оставить его одного. Пруст заметил, что она пытается спрятаться за пологом кровати, но Целиста стала возражать, что боится оставлять его одного. Пруста преследовало видение. Целиста хотела было прогнать видение, но Пруст закричал: «Нет, не касайся его, Целиста; его никто не должен касаться! Оно безжалостно и с каждым мгновением становится все ужаснее!»

Никакие медицинские средства и процедуры уже не могли помочь умирающему писателю. Пруст умер с открытыми глазами вечером 18 ноября 1922 года.

Заупокойная служба состоялась в полдень 21 ноября в церкви Сен-Пьер-де-Шалло, и Пруста похоронили рядом с отцом и матерью на кладбище Пер-Лашез.

Пэттон Джордж С. (Patton George S.)

(1885-1945)

Американского генерала считали одним из лучших военачальников, участвовавших во второй мировой войне на территории Европы. В юные годы он много занимался, чтобы развить способность к чтению и письму, и с той поры стремление быть победителем стало свойственно ему. Но Пэттон отличался неустойчивым темпераментом и был подвержен частой смене настроений, даже в течение одного дня, и это вызывало озабоченность высшего командования, в особенности Эйзенхауэра, главнокомандующего в Европе. Известно, что в 1944 году на Сицилии он дважды давал пощечины пациентам военных госпиталей, проклиная их за трусость.

Послевоенное задание по контролю за программой денацизации в Баварии не вызывало у Пэттона особого энтузиазма; всех недавно освобожденных из концлагерей борцов против нацизма — евреев, лидеров рабочего движения, коммунистов — он открыто недолюбливал. В октябре 1945 года Эйзенхауэр назначил Пэттона помогать в работе над военными архивами. 8 декабря, за два дня до запланированного вылета в Соединенные

Штаты, он проезжал с начальником штаба Хобартом Гаем мимо Манхейма, где собирался поохотиться на фазанов. Их легковой автомобиль столкнулся с армейским грузовиком, и Пэттон сильно ударился о перегородку, отделявшую сиденье водителя. Он сломал шею в двух местах и сильно повредил череп. Больше никто из находившихся в обеих машинах не пострадал. В Гейдельберге Пэттона положили на растяжку. Его жена Беатрис вылетела из США на самолете, специально предоставленном Эйзенхауэром. В присутствии посетителей больной вел себя стойко, но, оставаясь один, становился угрюмым, особенно после того, как узнал, что больше не сможет ездить верхом.

Так продолжалось тринадцать дней. 21 декабря миссис Пэттон провела за чтением книг своему мужу. В четыре часа дня он задремал, и через полтора часа, когда его дыхание сделалось ровным, она пошла приготовить обед. Через несколько минут ее вновь позвали к постели мужа. Он умер от отека легких и спазма сердечных сосудов.

На следующий день тело Пэттона выставили для прощания в открытом гробу на вилле рядом с госпиталем. После протестантской службы тело провезли по городу на армейском прицепе и затем поездом отправили в Люксембург. На каждой из шести станций Беатрис сходила с поезда приветствовать почетный караул, выставленный в честь генерала.

Генерала Джорджа С. Пэттона, по прозвищу Кровь и Потроха, похоронили на военном кладбище Хэмм в Люксембурге под гладкой белой плитой. Через три года могилу перенесли в первый ряд кладбища под армейский флаг, где останки генерала покоятся среди своих павших солдат.

Беатрис Пэттон умерла от аневризмы в 1953 году во время верховой прогулки. Хотя ее прах погребен в Южном Гамильтоне, шт. Массачусетс, около фамильного дома, говорят, что часть пепла отвезли в Хэмм и тайно похоронили в могиле мужа.

Р

Рильке Райнер Мария (Rilke Rainer Maria)

(1875-1926)

Родившийся в Праге австрийский лирический поэт последние три года жизни страдал слабым здоровьем. Домом ему служил замок XIII века, на севере от Сьерры в Швейцарии. В замке не было воды и электричества, и Рильке развлекал своих частых гостей чтением вслух при свечах, стоя за своим столом. Он отказался от этого занятия в середине осени 1925 года, когда у него во рту выявили опухоли.

В октябре Рильке составил завещание, в котором умолял друзей не совершать над ним никаких церковных обрядов, если он впадет в беспамятство до смерти, и похоронить его на старом церковном кладбище Рарон, в двенадцати милях к востоку от Мюзо. После нескольких месяцев лечения в клинике Бальмонта под Монтрё его болезнь замедлила свое течение, и он летом 1926 года навестил нескольких друзей. Однажды Рильке собирал розы в саду Мюзо и уколол себе два пальца. В ранки попала инфекция, «они очень болели»; опухоли во рту и носу увеличились, начался кашель, воспалилось горло, ухудшилось пищеварение. К концу ноября Рильке вновь попал в клинику Бальмонт, где ему поставили диагноз «острая лейкемия, осложненная заражением крови». Рильке, как обычно, разослал друзьям рождественские поздравления. Он сильно страдал от маленьких черных волдырей, высыпающихся по всему телу, в носу и в горле, которые лопались и кровоточили. У Рильке постоянно была высокая температура, но его рассудок оставался незамутненным, пока он не потерял сознание в полночь 28 декабря 1926 года. Ранним утром Рильке умер.

Сперва гроб перевезли на санях в ближайшую часовню, затем в автомобиле в Рарон. В воскресенье, 2 января 1927 года, под звон церковных колоколов четверо мужчин пронесли гроб по мокрой скользкой тропинке к маленькой церкви. На службе звучала музыка Баха, исполняемая на органе и скрипке. Дети держали венки, стоя вокруг могилы, где предстояло упокоиться Рильке. В стену церкви заделали камень с загадочной надписью, взятой из сочинений поэта: «Роза, о чистое противоречие, желание стать ничьим сном под многими веками». На могиле стоит деревянный кресте гравировкой «Р. М. Р. 1875-1926».

Ричард I (Richard I)

(1157-1199)

Прозванный «Львиное сердце», Ричард I стал королем Англии в 1189 году, сменив на престоле своего отца, Генри II. Однако он провел всего несколько месяцев в своем королевстве. Репутацию безгранично отважного человека Ричард подтвердил во время третьего крестового похода (1189—1192 гг.), захватив о. Кипр и крепость Акру в Палестине.

Последние годы король Англии воевал с королем Франции Филиппом II Августом за Анжуйские земли. В 1199 году Ричард взял осадой замок Шалю-Шаброль. К концу третьего дня осады, 26 марта, король пошел на приступ с -лучнцками и арбалетчиками, саперы начали подрывать стены замка. Ричарда поразила тяжелая арбалетная стрела, вонзившись ему в левое плечо. Укрывшись в своем шатре, король пытался вытащить стрелу, но деревянное древко сломалось.

Хирургу удалось вырезать железный наконечник, но вскоре образовалось нагноение. Несмотря на все возрастающую боль, Ричард провел последние дни жизни в обычных диких кутежах. Он умер от заражения крови вечером 7 апреля 1199 года на руках у матери, Элеоноры Аквитанской.

Свое сердце король завещал верным гражданам города Руана, а кишки предателям из Пуату, которые восстали против него. Сердце захоронили в Руанском соборе. Мертвого Ричарда одели в мантию, расшитую драгоценными камнями, в перчатки, золотые сандалии и положили в ногах его отца, Генри II, в церкви аббатства Фонтевро, где через пять лет захоронили и его мать. Изображения матери и сына до сих пор венчают гробницу, которую разграбили во время французской революции. Останки всех троих нашли в другой части церкви в 1910 году.

См. Филип Хендерсон (1958).

Роберт Брюс (Robert the Bruce)

(1274-1329)

Шотландский патриот присоединился к восстанию Уильяма Уолласа против английского правления в 1297 году. Его провозгласили королем Шотландии Робертом I в 1306 году. Своего триумфа Брюс достиг, разбив многочисленную английскую армию при м. Баннокберн в 1314 году. Но лишь после нортхэмптонского соглашения 1328 года в Англии признали его как короля скоттов.

Роберт был коренастым, мускулистым человеком, появление которого на поле битвы уже наводило страх на врага. Смертельная болезнь шотландского короля начала проявляться в 1327 году, когда он, как описывали, был так слаб, что «едва мог двигать чем-нибудь, кроме языка». Он умер в своем доме в Кардроссе, графство Данбартоншир, 7 июня 1329 года, и его похоронили перед алтарем церкви аббатства Данфермлайн. На могиле установили мраморный монумент, изготовленный в Париже.

Предсмертным желанием Роберта было, чтобы сердце его отправилось в крестовый поход. Это исполнил сэр Джеймс Дуглас; когда в марте 1330 года Дугласа убили в Испании, сердце Брюса захоронили в шотландском аббатстве Мелроуз.

При перестройке аббатства Данфермлайн в 1819 году тело Роберта Брюса эксгумировали. Рост скелета составлял пять футов шесть дюймов, грудина была рассечена (это сделали, когда извлекали сердце). Четыре верхних зуба отсутствовали, но они могли быть потеряны раньше или похищены охотниками за сувенирами. Сравнение черепа с останками прокаженных датчан того же периода показывают сходные разрушения альвеольного гребня над верхними резцами. Хотя у большинства датчан зубы были на месте, они не удерживались в костной ткани. Дж. А. Н. Ренни и В. В. Богенам в медицинском исследовании 1978 года высказали предположение, что Роберт Брюс умер от проказы или от сифилиса, утверждая, что проказа более вероятна.

Робсон Поль (Robeson Paul)

(1898-1976)

Знаменитый американский бас, учившийся на адвоката, предпочел сцену, когда пришел к убеждению, что возможности профессиональной карьеры для чернокожих ограничены. Прославился исполнением песни «Река всех людей» в мюзикле «Снежная лодка» (1928) и своей игрой в шекспировском «Отелло» и «Императоре Джонсе» О'Нила.

В июне 1956 года его вызвали на всеармейскую комиссию по профессиональной деятельности. Через два года Робсону возвратили его паспорт, отобранный в 1950 году, и певец выступил с концертами в Лондоне и Москве. В январе 1959 года он проходил лечение от гриппа и приступов головокружения в Кремлевской больнице. Весной П. Робсон поправился и сыграл «Отелло» в Стратфорде-он-Эвоне. В 1960 году певец совершил свою последнюю поездку по Австралии. В шестьдесят два года он

по-прежнему обладал хорошим голосом, но после перенесенной в 1961 году болезни певец уже не мог выступать с полной концертной программой. В течение трех лет Робсон менял больницы Лондона, Москвы и городов Западной Германии. Ходили слухи, что полное разочарование в советском коммунизме окончательно подорвало его здоровье.

Вместе с женой Эсландой (Эсси) певец поселился в Нью-Йорке, в Гарлеме, но в декабре 1965 года Эсси умерла от рака. Поль переехал в Филадельфию к своей сестре Марион Форсайт, у которой он нашел необходимую помощь и поддержку. В 1973 году Робсона растрогало празднование его семидесятипятилетия в Карнеги-Холл, но после этого редкого выхода на люди он продолжал вести уединенный образ жизни.

28 декабря 1975 года П. Робсон поступил с микроинсультом в Пресвитерианский университетский госпиталь Филадельфии. Состояние певца ухудшалось, и он умер 23 января 1976 года.

См. Эдвин Палмер Хойт (1967).

Роджерс Вилл (Rogers Will)

(1879-1935)

Он был самым популярным американским народным философом («Коммунизм похож на запрещение продажи спиртного, — хорошая идея, но не работает».) Роджерс был выходцем из Оклахомы. Со стороны обоих родителей у него была примесь индейской крови. («Мой народ прибыл не на «Майском цветке», а, наоборот, встречал корабль на берегу».) Роджерс обладал огромной энергией и успевал писать для газет и журналов, выступать на сцене, на радио и сниматься в кино.

В 1935 году он прекратил сниматься в фильме по экранизации романа О'Нила «Ах, глушь», когда священник объявил его присутствие в фильме аморальным. Таким образом, у него появилось время для давно задуманной поездки на Аляску. Его приятель, совершивший перелет вокруг света, пилот Уайли Прост, собрал двухместный гидроплан «Локхид» из деталей двух разбитых самолетов «Орион» и «Эксплорер», с двигателями Пратта и Уитни. Вилл был доволен предоставившейся возможностью присоединиться к другу в начале августа и вылетел в Сиэтл. Поставка заказанных поплавков задерживалась, и их было решено заменить аналогичными с трехмоторного «Фоккера». Такая конструкция утяжеляла носовую часть, и самолет наклонялся вперед при малой скорости.

Они стартовали с озера Вашингтон 6 августа. Несколько дней

они задержались в Жюно из-за плохой погоды, затем пролетели над Юконом и направились дальше вдоль реки Маккензи, — во время полета Вилл на заднем сиденье печатал свои заметки. В Фербенксе местный пилот посоветовал им устранить дисбаланс самолета, прежде чем лететь дальше на Барроу. Но Роджерсу не терпелось повидаться с Чарльзом Броуером, американским уполномоченным в Барроу, и самому увидеть отдаленный форпост на пустынном северо-западе Северной Америки, где жили три сотни эскимосов и всего девять белых, включая доктора и медсестру. К тому же у Роджерса имелся план перелета в Сибирь и дальше, в Европу. Он отправил телеграмму своей дочери Мери в Мейн. Она была занята там в летней театральной труппе и играла роль девушки, отец которой погибал в авиакатастрофе.

Пост и Роджерс вылетели из Фербенкса и направились точно по выбранному маршруту к трубопроводу Транс-Аляска на побережье, затем повернули на запад. Несколько часов была сильная гроза, и у них была нулевая видимость. Заметив внизу лоскут чистой воды, Пост посадил самолет в лагуне Валакпа, в пятнадцати милях к югу от Барроу, и спросил направление у группы эскимосских охотников на тюленей. Взлетев с лагуны, ярко-красный гидроплан с поперечной серебряной полосой поднялся на пятьдесят футов и повернул направо в сторону Барроу. Вдруг мотор заглох, и самолет стал падать носом вниз в воду. Фюзеляж разлетелся, правое крыло отвалилось. Перепуганные эскимосы услышали глухой взрыв и увидели вспышку огня — затем наступила тишина. Летчик и пассажир погибли. Это случилось в 15 часов 18 минут по местному времени 15 августа 1935 года.

Эскимос, который разговаривал с летчиком всего несколько мгновений назад, пустился бежать по болотистой тундре в сторону Барроу и достиг поселения через пять часов. Прибывшие по морю спасательные партии извлекли тело Вилла очень быстро, но чтобы достать Уайли, понадобилось разбирать самолет.

По Роджерсу состоялась скромная панихида в Глендейле, а затем его тело было выставлено для прощания в мемориальном парке Форест Лоун. Киносеансы отменили и радиопередачи прекратили на полчаса. Рядом с местом аварии установили памятник из оклахомского камня. В 1944 году останки Вилла захоронили в его родном Кларе-море, шт. Оклахома, в старом саду, примыкающем к мемориальному музею Роджерса. Его жена Бетти умерла через месяц после его гибели. Бетти и их малолетнего сына Фредди, умершего в Калифорнии в 1919 году, похоронили рядом с Биллом. При входе в музей стоит бронзовая

статуя Роджерса в полный рост, выполненная Джо Дэвидсоном; под ней написана одна из самых известных его фраз: «Я никогда не встречал человека, который бы мне не понравился».

Причиной аварии сначала объявили неустойчивость самолета. Но осталось непонятным, почему заглох двигатель. Возможно, в карбюраторе был избыток влаги после короткой остановки; может быть, Пост забыл подключить запасной бак с горючим. Чарльз Броуер не сомневался в причинах происшедшего. В написанной им в 1963 году книге о пятидесяти годах жизни на Аляске он утверждает, что обследовал обломки самолета и нашел оба бака совершенно пустыми. Однако остается невыясненным, могло ли оставшееся топливо вытечь или испариться.

Рокфеллер Нельсон А. (Rockefeller Nelson A.)

(1908-1979)

Человек с широким крутом интересов и неуемной энергией, губернатор штата Нью-Йорк (1958—1974) и вицепрезидент администрации Форда, Нельсон Рокфеллер после ухода с общественной сцены занимался классификацией и описанием экспонатов своей богатой коллекции произведений искусства и изданием книг по искусству.

В декабре 1978 года он пожаловался своему врачу Эрнесту Исакову на боли в груди и получил совет сбросить вес. Через месяц Нельсон выглядел менее обрюзгшим. 26 декабря он приехал в свой офис в Манхэттене обсудить публикацию книги, содержащей описания коллекции произведений народного промысла его покойной матери Эбби Рокфеллер. В то утро в офисе находилась помощница Рокфеллера, Меган Маршак, описанная биографом Рокфеллера Джозефом Персико как очень энергичная, дерзкая и «получающая удовольствие от своих чересчур откровенных высказываний». Она представляла собой, по словам симпатизирующего ей Периско, «странную комбинацию рано приобретенного жизненного опыта и детской уязвимости». Ей было двадцать два года, когда она стала помощницей и пресс-секретарем Рокфеллера в последние дни его вице-президентства.

После полудня Рокфеллер отправился в школу Бакли, в которую ходили двое его младших сыновей, Нельсон и Марк, чтобы представить ученикам Генри Киссинджера.

Нельсон Рокфеллер скончался в госпитале в Манхэттене. О его скоропостижной смерти объявил через несколько часов, около

полуночи 26 января 1979 года, доктор Исаков. Рокфеллер умер на руках у Маргаретал (Хеппи) Рокфеллер, жены покойного, которая была с ним в браке пятнадцать лет, его брата Лоренса Рокфеллера и жены сына. В госпитале была и Меган Маршак. Она держала бутылку с кислородом и имела заплаканный вид. Маршак твердила, что сделала все, чтобы спасти Рокфеллера. Когда приехал поверенный семьи Хью Морроу, он увел Маршак, а вернувшись, сказал жене Рокфеллера: «Не волнуйся. Ее здесь нет».

Поставленный перед тяжелым выбором, Морроу вынужден был солгать репортерам, объявив, что Нельсон Рокфеллер умер у себя дома, сидя за письменным столом, около 10.15 вечера, работая над книгой по современному искусству. Далее в сообщении говорилось, что телохранитель пытался предпринять меры по спасению Рокфеллера до приезда медиков. В следующие два дня версия постепенно пересматривалась. Наконец прояснилась истинная картина. Пообедав с семьей, Рокфеллер отправился в свою резиденцию, соединенную с офисом переходом, ключ от дверей которого имел только он сам. Сердечный приступ действительно случился с Рокфеллером в 10.15, когда он был с Маршак, но вызов в скорую помощь поступил только после одиннадцати и сделала его не Маршак, а ее подруга и соседка Пончита Пирс, ведущая программ NBC, которой Маршак в отчаянии позвонила около одиннадцати часов. Звонок разбудил Пирс, и она поспешила в резиденцию Рокфеллера. Там она нашла Рокфеллера лежащим на кушетке, а Маршак, делавшую ему искусственное дыхание рот в рот.

В прессе было много шуму по поводу часовой задержки с вызовом скорой помощи. Спасли бы умирающего, если бы все было сделано своевременно? Свидетельство о смерти, подписанное Исаковым, называет причиной смерти прекращение сердечно-легочной деятельности, острый инфаркт миокарда и атеросклероз сердечных сосудов. Четверо взрослых детей Рокфеллера опубликовали 14 февраля 1979 года заявление, в котором говорилось, что они согласны с мнением доктора о причине смерти их отца и «удовлетворены тем, что Меган Маршак сделала все возможное, чтобы спасти его».

Похоронная церемония прошла при закрытых дверях. Останки Рокфеллера захоронили в фамильном склепе около Тарритауна, шт. Нью-Йорк. На заупокойной службе в ри-версайдской церкви Нью-Йорка присутствовало 22 000 человек, среди которых были две его жены и два президента — Форд и Картер.

Наследство в 66 с половиной миллионов долларов отошло

жене Хеппи и двум младшим сыновьям, не забыты были и музеи изобразительного искусства. Рокфеллер простил несколько долгов, в том числе 45 тысяч долларов Меган Маршак. В конце 1979 года она поступила на работу к театральному продюсеру Александру Кохену.

См. Джозеф Персико (1982).

Россетти Данте Габриел (Rossetti Dante Gabriel)

(1828-1882)

Английский поэт и художник был центральной фигурой романтического движения прерафаэлистов. Прожив десять лет вне брака с натурщицей Элизабет Сиддал, Россетти женился на ней в 1860 году. Она злоупотребляла лаудану-мом (настойка опиума) и вечером 10 февраля 1862 года приняла смертельную дозу. В тот вечер Лиззи рано ушла отдыхать, и Габриел обнаружил ее без сознания ночью, когда вернулся домой. Рядом лежал пустой флакон из-под лауданума. Несмотря на усилия трех докторов, испробовавших разные средства, ранним утром 11 февраля миссис Россетти умерла.

Поэт преподнес прощальный дар своей потерянной любви, положив тетрадку с неопубликованными стихами в гроб. Через несколько лет Россетти обратился с просьбой к своему знакомому Чарльзу Августу Хоуэллу вскрыть гроб и вернуть стихи. Поэт получил разрешение, и ночью 5 октября 1869 года, пока Россетти ожидал за несколько миль, обуреваемый чувствами, о которых можно только догадываться, Хоуэлл и два гробовщика отправились на Хайгейтское кладбище на севере Лондона и достали гроб из фамильного склепа Россетти. Драгоценную тетрадь в кожаном переплете извлекли и, соблюдая меры предосторожности, продезинфицировали. Затем она вернулась к объятому ужасом владельцу.

Лиззи принимала лауданум, чтобы лучше засыпать; в конце жизни Россетти стал для этой же цели использовать хлоралгидрат. В начале февраля 1882 года, совсем больной, он отправился с молодым романистом Холлом Кейном, его двенадцатилетней сестрой и нанятой сиделкой в Бирчингтон, на море, в четырех милях к западу от Маргита в Кенте, где старый друг оставил ему небольшой дом. Многолетнее употребление хлорала заметно отразилось на его здоровье — он страдал видениями, депрессией, был вял и психически неуравновешен. Возможно, это было следствием удара, перенесенного десять лет назад.

В Бирчингтоне здоровье Россетги все более ухудшалось. 1 апреля он, еле ворочая языком, сказал, что умирает. Через несколько дней доктора прописали горячие компрессы и горчичные припарки, чтобы вытянуть из тела яды, поскольку отказали почки. «Я уверен, что умру ночью», — сказал больной 3 апреля 1882 года. Около половины десятого вечера он закричал и, задыхаясь, повалился навзничь с искаженным лицом; через несколько минут он скончался.

Психические расстройства Россе гги и его ранняя смерть, видимо, обусловлены не только пристрастием к хлоралу, но и длительной бессонницей, мучившей его после смерти Лиззи. В письме к Бернарду Шоу, написанном в 1928 году, Холл Кейн замечает: «После кончины жены он ни разу не заснул нормально, сон к нему вернулся лишь за четыре месяца до смерти».

Данте Габриел Россетти желал быть похороненным отдельно от Лиззи. Его могила находится у южного входа построенной в XIII веке церкви Всех Святых в Бирчингтоне. Над могилой возвышается монумент, выполненный по эскизу друга поэта Форда Мэдокса Брауна. По просьбе престарелой матери Россетти сделали витраж для двустворчатого окна церкви. На его левой половине изображены Иосиф и Захария, встречающиеся на празднике Пасхи, перерисованные с картины Россетти, на правой — работа Шилдса, изображающая исцеление слепого Иисусом.

См. Брайан и Джуди Доббс (1977).

Рэтбон Бейзил (Rathbone Basil)

(1892-1967)

Английский актер, родившийся в Южной Африке, предпочитал жить в Соединенных Штатах. Рэтбон называл себя «прирожденным энтузиастом», а энтузиазм, по его словам, в Англии считался дурным тоном. «Я не мог выносить традиционной британской чопорности», — писал Рэтбон. Репутацию кинозлодея он приобрел после одного из своих семи фильмов, вышедшего в 1935 году. Однако трепка, которую он должен был задать Дэвиду как жестокий отчим мистер Мардстон в фильме «Дэвид Копперфилд», сделала мягкосердечного актера, по словам режиссера Джорджа Кука, «физически больным».

После «Собаки Баскервилей» (1939) он Играл Шерлока Холмса в фильмах, в радиопостановках, на телевидении и на сцене. Для многих Рэтбон был Холмсом. Вначале довольный предложенной ролью, актер потом горько сожалел, что сложившийся стереотип испортил ему карьеру.

Последним фильмом Рэтбона был ничем не примечательный «Хиллиби в доме с привидениями» (1967). После завершения съемок фильма в июне 1967 года он несколько раз появился в своих шоу «Вечер с Бейзилом Рэтбоном» и 20 июля вернулся в свой нью-йоркский дом недалеко от Западного Центрального парка. По словам жены, актер выглядел «очень уставшим», но доктор не обнаружил ничего серьезного. В тот вечер «Бейзил был очень печальным, словно умер его старый друг, — сообщила миссис Рэтбон. — Мы сидели в гостиной, когда он неожиданно сказал: «Знаешь, я не боюсь умереть, но не представляю, как это случится». Мы немного поговорили, и он вроде бы приободрился. Потом он прошел в свой рабочий кабинет и хотел прослушать только что купленную пластинку. Минут через пять я зашла к нему, а он уже был мертв». Актер скончался от сердечного приступа.

На службе в епископальной церкви Св. Якова Корнелия Отис Скиннер читала стихи Элизабет Браунинг и Руперта Брука. В своем завещании Рэтбон написал: «Я хочу, чтобы меня похоронили рядом с женой». Но Оуда прожила еще десять лет, и все эти годы она испытывала нужду. Наследство мужа, разделенное с сыном Рэтбона Родионом, составляло примерно пятнадцать тысяч долларов.

См. Майкл Б. Драксман (1975).

С

Садат Анвар (Sadat Anwar)

(1918-1981)

Ставший президентом Египта в 1970 году, Садат восстановил престиж страны, пошатнувшийся после поражения в шестидневной войне с Израилем в 1967 году, выиграв в 1973 году кампанию, вернувшую часть Синайского полуострова. Он потряс мир в ноябре 1977 года своим заявлением, что «дойдет до конца земли», добиваясь мира. Это привело в сентябре 1978 года к Кемпдевидской встрече и подписанию мирного соглашения с Израилем в марте 1979 года. Вместе с премьер-министром Израиля Менахемом Бе-гином он получил Нобелевскую премию мира за 1978 год.

Садат не увидел при жизни окончательного выдворения Израиля из Синая. В погоне за мировой славой он потерял популярность на родине. Египет был исключен из Лиги Арабских стран, и мусульманские фундаменталисты в стране еще более активизировались с усилением власти Садата. Даже на Западе стали критиковать президента Египта за ограничения свободы слова. Когда его ореол борца за мир потускнел и внутригосударственные проблемы обострились, эмоциональная устойчивость Садата явно начала нарушаться. 3 сентября 1981 года он распорядился арестовать три тысячи студентов, политиков, журналистов и религиозных лидеров. Через неделю в родной деревне Мит-Абул-кум он провел свою последнюю пресс-конференцию. Как и Ричард Никсон в последние дни своего президентства, Садат стал нервным, растерянным и склонным к паранойе. Не желая отвечать одному из репортеров, он сказал: «Я могу расстрелять вас за подобный вопрос, но у нас демократия». Похоже было, что назревают драматические события.

В день восьмой годовщины взятия египетскими войсками Суэцкого канала Садат проснулся рано утром в своем доме в Гизе и облачился в полевой маршальский мундир. Это было 6 октября. Садат присоединился к сотням важных гостей на трибунах, стоявшим напротив могилы неизвестного солдата в Насер-Сити, в предместье Каира. По бокам от Садата сидели вице-президент и министр обороны. Молодой лейтенант артиллерии, Халед Ахмед Шауки ал-Истанбули, отвечал за проведение парада. Он был членом фундаменталистской группы Исламской ассоциации и братом юноши, арестованного в ходе недавних репрессий. После

часа дня начались показательные полеты. Когда самолет пролетал низко над зрителями, все подняли головы. В этот момент ал-Истанбули и несколько других заговорщиков, вооруженные автоматами и гранатами, осуществили свое намерение уничтожить верхушку руководства страны. Когда они открыли огонь, Садат встал со своего места и был смертельно ранен. Он умер в вертолете по дороге в госпиталь Маади.

В 1985 году биограф Садата Рафаэль Израэли привел комментарий известного египетского психиатра доктора Мухаммеда Шаалана о том, что «Садат постоянно игнорировал меры безопасности, отказываясь носить свой пуленепробиваемый жилет. Когда в него стреляли, он встал и повернулся лицом к убийцам вместо того, чтобы попытаться скрыться или лечь на пол. Садат предпочел остаться мучеником и героем, а не деспотом. Когда человек начинает ассоциировать себя с определенным образом и предназначением, то, выбирая между создавшимся образом и смертью, он часто предпочитает смерть».

Анвара Садата похоронили через четыре дня в мраморном склепе под могилой неизвестного солдата после церемонии, на которой присутствовали его жена Джихан, дети, премьер-министр Бегин и бывшие американские президенты Никсон, Форд и Картер.

Ал-Истанбули и еще четверых заговорщиков казнили в апреле 1982 года, семнадцать других получили различные сроки тюремного заключения.

Сангер Маргарет (Sanger Margaret)

(1879-1966) '

Американка, инициатор контроля над рождаемостью, обвинила собственного отца в убийстве его жены Анны, убежденной католички, умершей от туберкулеза в возрасте сорока пяти лет. «Твои восемнадцать беременностей никак тебе не повредили, — с горечью замечала она. — Ты будешь жить вечно». По слухам, Сангер впервые выступила за контроль над рождаемостью, после того, как снимавшая у них комнату квартирантка умерла на ее руках после аборта.

Она пристрастилась к димедролу после того, как ее сын Стюарт, врач по специальности, прописал наркотик в 1949 году. С тех пор Сангер постоянно выпрашивала у него и других докторов побольше наркотика. В попытках излечиться она прибегала к причудливым методам, вроде лечения «космическим излучением». В 1957 году Сангер вернулась домой в Тусон, шт.

Аризона, для лечения. Она поставила условие, чтобы Стюарт снабжал ее болеутоляющим. Сын пытался заботиться о ней, но Маргарет выгоняла сиделок, которых он нанимал, и в ярости громко включала радио так, что никто не мог спать. Ее слуги начали обманывать свою хозяйку. Когда выяснилось, что она отдавала ценные украшения и чуть было не растратила оставшиеся в наследство от второго мужа пять миллионов долларов, стала очевидной необходимость принятия неотложных мер.

В 1962 году ее объявили душевнобольной и поместили в частную лечебницу «Дом у дороги» в Тусоне. За два дня до смерти, почти накануне ее восьмидесятисемилетия, друзья принесли ей лакомства. Маргарет была в восторге.

Скончалась Маргарет Сангер от лейкемии 6 сентября 1966 года. После заупокойной службы в епископальной церкви Тусона и поминальной церемонии в часовне Св. Георгия в Нью-Йорке Маргарет Сангер похоронили в фамильном склепе.

См. Маделайн Грей (1979).

Сандерс Джордж (Sanders George)

(1906-1972)

Русский по происхождению, уроженец Санкт-Петербурга, Сандерс смог воплотить на экране образ английского злодея и законченного грубияна в десятках фильмов, среди которых «Ребекка» (1940) и «Все о Еве» (1950). За последнюю роль он получил «Оскара» как лучший актер второго плана.

Его третий (и самый счастливый) брак с Бенитой Хум, вдовой Рональда Колмана, закончился после ее смерти от рака в 1967 году. Через год после смерти жены умерла мать Сандерса, и это совершенно разбило его. К тому времени он уже пережил унижение банкротства после провала бизнеса по производству колбас, в который он инвестировал свои средства, вырученные от фильмов.

Еще начиная свою карьеру представителя табачной компании в Аргентине, Сандерс изучал испанскую культуру и образ жизни. Теперь, после случившегося в 1969 году инсульта и в страхе перед своей беспомощностью в будущем, он искал комфорта в компании мексиканской актрисы Лорейн Ченел. Лорейн, проводившую время с Сандерсом в Мексико-Сити и на Майорке, шокировало известие о том, что он женился на Магде Гэбор, сестре его второй жены.

В последние два года жизни Сандерсу было сложно найти

какую-нибудь роль в кино и на телевидении — продюсеры были наслышаны о том, что он страдает частыми головокружениями и ходит с палочкой. Короткая и несчастливая связь с писательницей Хельгой Морей, убедившей его продать любимый дом на Майорке, спровоцировала нервный срыв Сандерса в начале 1972 года. Он навестил в Англии свою сестру Маргарет, которая была потрясена его состоянием, и вылетел в Барселону присмотреть небольшой коттедж на побережье.

Сандерс прибыл один в Кастелдефельс, в десяти милях к югу от Барселоны, 23 апреля 1972 года и поселился в отеле. Погода была холодной и дождливой. На следующий день он был сильно пьян и просил разбудить его рано утром. На телефонный звонок Сандерс не ответил. Его нашли мертвым в номере. Рядом с телом лежали пять пустых упаковок из-под снотворного. Снотворного, выпитого вместе с водкой, было вполне достаточно, чтобы умереть.

В посмертной записке Сандерс написал: «Дорогой мир, я ухожу, потому что мне скучно. Я чувствую, что прожил вполне достаточно. Я оставляю тебя со всеми твоими заботами в этой сладкой выгребной яме. Всего хорошего!» Эти последние слова были вполне в его духе, и многие восприняли их в буквальном смысле, однако те, кто лучше знал события его последних лет жизни, полагали, что к решению о самоубийстве его подтолкнул страх будущего. В ночь самоубийства он отправил короткое послание своей сестре: «Дорогая Марголинка! не печалься. Я лишь приблизил то, что неизбежно произошло бы через несколько лет».

См. Ричард ван дер Битс (1990).

Сартр Жан Поль (Sartre Jean Poui)

(1905-1980)

Французский писатель, философ и публицист, глава французского экзистенциализма, он отказался от присужденной ему Нобелевской премии по литературе за 1964 год. Сартр пытался развить систему экзистенциализма, основы которой были заложены Кьеркегором столетием раньше. Сотрудничавшая с Сартром на протяжении пятидесяти лет писательница Симона де Бовуар (1908—1986), оказала громадное влияние на его творчество. Их первая размолвка произошла всего за несколько недель до его смерти. Причиной послужил недавний разговор Сартра с писателем Бенни Леви, выдержки из которого были подготовлены к публикации в одном французском журнале. Когда

Бовуар прочитала гранки, она ужаснулась. Писательница заключила, что Леви очень сильно повлиял на ее друга. Бовуар писала в 1981 году, что «Прощание с Сартром» не что иное, как «похищение старика». Так, она утверждала, что Сартр отвергает сам себя в своих экзистенциалистских сочинениях: «Я говорил об отчаянии, но это ерунда… Я никогда не испытывал отчаяния… Это Кьеркегор влиял на меня». Было сообщено о заявлении Сартра Леви, что «Ангуст» был только данью моде, «как будто бы, — пишет де Бовуар, — Сартр когда-либо обращал внимание на моду». «Я дала Сартру возможность понять всю глубину моего разочарования, — пишет Симона. — Это удивило его».

Второй из трех отрывков был опубликован 20 марта 1980 года. В то утро де Бовуар зашла в девять часов разбудить Сартра. Он сидел на краю кровати, задыхающийся, почти неспособный говорить. Сартр находился в таком состоянии уже около четырех часов и не мог даже дойти до дверей спальни и постучать. Сартра перевезли из его квартиры в госпиталь, где поставили диагноз «отек легких». Несмотря на жар, сопровождающийся бредом, прогнозы врачей поначалу были благоприятными. Но потом начали отказывать почки и появились признаки уремии. Поняв, что смерть Сартра близка, Бовуар стала умолять доктора Хос-се спасти друга.

Умирающему оставалось покориться судьбе. «Есть один момент, с которым я не согласен, — объявил он, — когда они меняют повязки на моих пролежнях по утрам». Бовуар ужаснулась, увидев у него огромные пурпурно-синие и красные пятна. Симона вспоминает, что Сартр спросил ее перед смертью: «Как ты сможешь оплатить расходы на похороны?» Боязнь недостатка средств всю жизнь преследовала его. А на следующий день, закрыв глаза, он взял Симону за руку и сказал: «Я очень люблю тебя, дорогая».

«Когда я пришла 14 апреля, он спал, но сразу же проснулся и, не открывая глаз, проговорил несколько слов, затем вытянул ко мне губы». «Смерть не тревожила его, — сообщил Хоссе, — только уремическое отравление подрывало его мозг». На следующий день Сартр впал в кому, де Бовуар много часов пробыла с ним, пока не приехала его приемная дочь и душеприказчица Арлет Элкейм. Она позвонила Симоне в девять часов вечера и сказала: «Все кончено».

В ту ночь, пока журналисты осаждали госпиталь в попытках добыть информацию и сделать фотографии, к двум женщинам присоединились еще несколько близких Сартру людей; они сидели в больничной палате вокруг покойного, пили виски и вспоминали годы, проведенные с ним.

Президент Франции Валери Жискар Д'Эстен, отметив, что понимает желание Сартра избежать официальных государственных похорон, предложил оплатить расходы за частную церемонию, но его предложение отклонили. Учитывая желание умершего, его не должны были хоронить на кладбище Пер-Лашез рядом с матерью и отчимом. 19 апреля 1980 года толпа в пятьдесят тысяч человек проводила катафалк по улицам Парижа на кладбище Монпарнас. Там тело оставили на несколько дней. 23 апреля Сартра кремировали в Пер-Лашез, и прах захоронили на кладбище Монпарнас.

Симона де Бовуар, заболевшая пневмонией сразу же после смерти друга и позже страдавшая депрессией, пишет в «Прощании»: «Его смерть не разлучила нас, но моя смерть не соединит нас снова».

Сезанн Поль (Cezanne Paul)

(1839-1906)

Творения французского художника были не просто вызовом Академии, но большую часть жизни мастера они оставались непонятыми и критиками. Человек пуританского воспитания, писавший обнаженную натуру только с фотографий, Сезанн подчинял все свои потребности искусству и поклялся, что умрет с кистью в руке.

Успех пришел не сразу. Первая персональная выставка художника состоялась лишь в 1895 году. К 1904 году Сезанн приобрел широкую известность в среде коллекционеров и торговцев картинами, но растущая слава мало изменила его образ жизни. Он давно уже переехал из Парижа в родной Экс-ан-Прованс, оставив в столице жену и сына.

Летом 1906 года жара изнуряла художника, страдавшего диабетом, конъюнктивитом и гнойником на правой ноге. В течение десяти лет Сезанн нанимал один и тот же ветхий экипаж, доставлявший его от собственного дома на пленэр, но, когда в октябре 1906 года стало прохладно и самочувствие художника улучшилось, цена на экипаж резко подскочила, и разгневанный Сезанн прогнал возницу. Не в силах носить громоздкие принадлежности для работы маслом, он стал писать акварелью и создал шедевры. Но даже носить на спине этюдник было для художника почти непосильным трудом, и каждый вечер он возвращался домой совершенно измученный.

15 октября 1906 года Сезанн попал в сильную грозу недалеко от горы Сент-Виктуар, где он писал этюды. Совершенно

продрогший, художник пошел домой. Через некоторое время кучер проезжавшего мимо экипажа нашел его лежащим около дороги без сознания и отвез домой, где домоправительница мадам Бремон сразу же послала за доктором Жильямо. Следующий день был холодным, и, вопреки предписаниям врача, своенравный художник отправился дописывать портрет своего садовника Валье среди лимонных деревьев на холме. Проведя весь день на улице, Сезанн простыл, у него начался жар. Художник всегда испытывал отвращение к чужим прикосновениям, но в тот день он попросил Валье помочь ему спуститься к дому.

Заболев пневмонией, осложненной хроническим диабетом, художник лежал, кашляя и мечтая по постели, в пустой мрачной комнате, находясь под присмотром своей сестры Мари. Мадам Бремон телеграфировала в Париж жене Сезанна Гортензии, которая повела себя очень странно, — отговорившись занятостью, спрятала телеграмму от сына Поля и ничего не предприняла. У художника начался бред. Временами он бормотал имя своего покойного друга Эмиля Холя и постоянно звал сына. Священник исполнил последние обряды над умирающим. 22 октября 1906 года, когда Мари была в церкви, мадам Бремон обнаружила, что лежащий лицом к стене художник умер. Объявление о смерти отложили до следующего дня, чтобы Гортензия и Поль смогли присутствовать на похоронах Поля Сезанна на кладбище Сен-Пьер в Экс-ан-Прованс.

Сейере Дороти Л. (Sayers Dorothy L.)

(1893-1957)

Создательница лорда Питера Уимси, предупредительного сыщика и библиофила, героя одиннадцати детективных романов и множества рассказов, она занималась также классической наукой и была апологетом английской католической церкви. Ее довольно удачный радиосериал на BBC «Человек, рожденный быть царем» рассказывал историю Христа на языке простых англичан.

Уимси был ее идеалом, человеком, которого ей не довелось встретить в реальной жизни.

В 1924 году у писательницы родился незаконнорожденный сын Джон Энтони. Его отец — некий автомеханик, не пожелавший взять на себя обязанности мужа и отца. Успехи Дороти на поприще литературы позволили ей сохранить в тайне даже от собственных родителей рождение мальчика и растить его у

родственницы.

В начале 1926 года она вышла замуж за Освальда Атертона Флеминга (его настоящее имя — Освальд Артур Флеминг). Он был разведен и на десять лет старше Дороти. Флеминг работал внештатным корреспондентом в лондонской газете и еле сводил концы с концами. Его буйный нрав и беспробудное пьянство стали для Дороти ужасным испытанием. Они жили на ее средства, и Дороти помогала материально даже первой жене Флеминга. Флеминг не мог предложить разностороннего духовного общения, которое составляло основу жизни Дороти, но они неплохо ладили друг с другом до самой его смерти в 1950 году. В 1934 году они «приняли в семью» ее сына, однако он никогда не жил вместе с ними.

«Медовый месяц уборщика» (1937) — последний роман писательницы. Потом Дороти стала писать религиозные драмы, эссе и стала известна как оратор. Последние тринадцать лет жизни она переводила «Божественную комедию» Данте и помогала приходу Св. Анны. После смерти мужа она «дала себе волю» — не переставая курила сигарету за сигаретой и ела вдоволь. Поэтому добираться до Лондона из коттеджа в Иутхоме, Эссекс, ей становилось все труднее из-за полноты.

11 декабря 1957 года она дала дома интервью для газеты своему старому приятелю Велу Гилгуду, который ранее продюсировал сериал «Человек, рожденный быть царем». Через два дня она прибыла в Кембридж на крестины решившей принять баптистскую веру сорокатрехлетней Барбары Райнолдс.

В начале следующей недели Дороти последний раз побывала в Лондоне. Главной ее целью было сделать рождественские покупки, но ее видели в галерее Пикадилли, где она рассматривала свой новый портрет работы Уильяма Хатчинсона. Выглядела Дороти чрезвычайно усталой. Она позвонила знакомому священнику из Хэррода, чтобы отменить встречу из-за своего опоздания.

Взяв такси до Ливерпульского вокзала, она вернулась в Уитхем, тринадцатую остановку по Колчестерской линии. Постоянный кебмен Джек Лапвуд, как всегда, поджидал ее. Дом Сейере находился всего в полумиле, но даже не нагруженная покупками, она вряд ли была в состоянии проделать подобный путь пешком. Последний раз ее видел живой кебмен. Наутро садовник увидел, что в доме горит свет. Дороти Сейере успела снять шляпу и пальто и упала замертво. Смерть наступила от коронарного тромбоза. Тело Дороти обнаружили у подножия лестницы.

Ни одного из недавно составленных завещаний не нашли, а

по единственному, сохранившемуся с 1939 года, все переходило мужу, в случае его смерти — Джону Энтони. Наследство Дороти составило около 100 ООО долларов. Тело кремировали в Голдерс-Грин в северной части Лондона, а прах захоронили под колокольней церкви Св. Анны.

См. Джеймс Брабазон (1981).

Стерн Лоуренс (Sterne Laurence)

(1713-1768)

Английский писатель, зачинатель литературы сентиментализма, автор романа «Жизнь и мнения Тристана Шенди», вышедшего в восьми частях с 1760 по 1767 годы, был священником. Стерн болел туберкулезом и большую часть своей жизни провел в вымышленном мире. Из Коксволда в Йоркшире, где он был приходским пастором, он перебрался в Лондон и там написал свой «Дневник Элизе» и «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» (1768). Последнее произведение Стерна было опубликовано всего за три недели до его смерти.

В начале марта 1768 года Стерн слег в постель, заболев лихорадкой. 15 марта он сообщил в письме: «Ваш бедный друг еле водит пером — на этой неделе он стоял на пороге смерти из-за плеврита — в четверг у меня трижды было кровотечение, в пятницу я покрылся волдырями... Врач говорит, что мое состояние... улучшается».

Хотя у Стерна часто бывали посетители, большинство которых, по-видимому, составляли женщины, свидетельств о последних часах писателя никто из них не оставил. Их содержат только воспоминания слуги. 18 марта 1768 года друзья Стерна (среди которых был актер Дэвид Гаррик), обедая в доме Джона Кроуфорда, отправили гонца узнать о состоянии больного. «Я ждал десять минут, пока меня впустили, — сообщил тот позже, — и лишь через пять минут он проговорил: «Это наступает». Он поднял руку, будто пытаясь остановить удар, и умер».

После непродолжительной церемонии Стерна похоронили на территории, принадлежавшей церкви Св. Георга, в месте последнего пристанища многих казненных Той-берна. Его часто посещали печально известные похитители трупов. На похоронах присутствовали всего четыре человека; жена покойного Элизабет, которая жила отдельно, и его дочь не пришли. В том же году на могиле установили надгробный камень, который заменили на другое надгробие в 1893 году. Во время первой мировой войны надгробие положили к стене заброшенного кладбища, которую

позднее разобрали для садовых оград. В июне 1969 года фонд Лоуренса Стерна отыскал останки писателя по двум оставшимся камням на месте погребения, которое собирались отдать под застройку. Всего среди останков нашли пять черепов: у одного из них, необычайно маленького, макушка была спилена. По сходству в размере и форме члены фонда установили, что это череп Стерна. Дэвид Томпсон, автор биографии Стерна 1972 года, не был столь категоричен. Если найден действительно череп Стерна, то подтверждаются слухи, распространившиеся вскоре после его похорон. Говорили, что похитители трупов украли тело и продали его в анатомический театр Кембриджа. Там, при анатомировании, тело опознали и вскоре его возвратили в могилу. Череп вместе с двумя камнями перезахоронили на церковном кладбище к Коксволде.

Стоковский Леопольд (Stokowski Leopold)

(1882-1977)

Родившегося в Лондоне американского дирижера, обладавшего незаурядной способностью к саморекламе, можно назвать самым известным маэстро всех времен. Он произвел сенсацию в 1916 году, когда был руководителем Филадельфийского оркестра и представил Симфонию тысячи участников Малера. Стоковский снялся в нескольких фильмах, один из них — диснеевская «Фантазия» (1940), в которой его грациозные руки показаны на первом плане (он никогда не использовал дирижерскую палочку). Стоковский руководил многими крупнейшими оркестрами США.

В 1971 году в Лондоне дирижер перенес сердечный приступ, но вскоре вернулся к работе. Через несколько месяцев друзья подыскали прекрасный тихий уголок: старый дом, построенный пять веков назад, к северу от Солсбери. В свой девяностолетний юбилей, 18 апреля 1972 года, Стоковский появился в ежедневном телевизионном шоу NBC, где его интервьюировала Барбара Уолтерс. В сентябре, направляясь в Прагу на поезде, он упал, споткнувшись о чемодан, но переломов не было, и он быстро поправился. Последний раз Стоковский дирижировал в марте 1974 года в Англии Новым филармоническим оркестром. Потом он появился перед зрителями на фестивале в Южной Франции в конце июля 1975 года. Девяностотрехлетний маэстро вошел в зал, опираясь на свою тросточку и поддерживаемый с обеих сторон. А оркестр, как всегда, стоя исполнил знаменитый Шум Стоковского, в пяти его собственных переложениях произведений Баха для

струнных инструментов.

Свой последний контракт Стоковский подписал с CBS в возрасте девяноста четырех лет — на срок шесть лет вместо обычных пяти. Ему было девяносто пять, когда он завершил свой семидесятилетний творческий путь. Стоковский выступал семь тысяч раз и сделал бесчисленное количество записей. Последняя запись'проходила в лондонской студии, где он дирижировал Национальным филармоническим оркестром (собранным из музыкантов различных лондонских оркестров), исполнившим Итальянскую симфонию Мендельсона и Симфонию Бизе. В удачные дни Стоковский делал запись за один раз, поражая критиков бойким темпом музыки и потрясающим звучанием.

Стоковский провел лето в недавно построенном доме на Французской ривьере. В конце августа он вернулся в Хемпшир и стал разбирать Вторую симфонию Рахманинова, готовясь к записи, назначенной на 13 сентября 1977 года. Но запись отложили, так как дирижер пожаловался на плохое самочувствие. В тот же день Стоковский тихо скончался после сердечного приступа. Он умер на руках у ассистентов Чарльза Баумгартена и Натали Бендер.

Пятеро детей Стоковского от трех браков присутствовали на похоронной службе, на которой читал некролог Эдвард Хит, британский экс-премьер-министр. Дирижера похоронили рядом с родителями на кладбище Мерили-бон, на надгробии выгравировано: «Леопольд Стоковский, 18 апреля 1882 — 13 сентября 1977. Музыка — это голос всех нас».

Когда огромный контейнер с вещами Стоковского — картинами, письмами, фотографиями, столовой серебряной посудой и даже коврами — перевозили в Соединенные Штаты, его смыло за борт во время сильного шторма в Атлантике. Похоже, что многие факты личной жизни маэстро так и останутся загадками.

См. Оливер Даниел (1982).

Сэррат Мери (Surratt Mary)

(1817-1865)

Единственная женщина, повешенная за убийство Авраама Линкольна, содержала пансион в Вашингтоне. Ее сын Джон замышлял вместе с Джоном Уилкисом Бутом похитить президента в марте 1865 года, но план провалился. Когда Бут застрелил Линкольна в апреле, Джон Сэррат, вероятно, находился в Элмайре, шт. Нью-Йорк. Его мать арестовали 17 апреля.

Ее обвинили в соучастии в убийстве, и она практически не имела шансов быть оправданной. Сэррат судили девять генералов Соединенных Штатов. Несколько заговорщиков были рядом с ней на скамье подсудимых. Один из осужденных, Льюис Рейн, неоднократно заявлял о невиновности миссис Сэррат, но сменивший Линкольна на посту президента Эндрю Джонсон заявил, что она «была наседкой, высидевшей яйцо». 6 июля ей вынесли смертный приговор, и миссис Сэррат «впала в глубокое отчаяние». Пятеро из девяти военных заседателей выдвинули помилование, но его отклонили, несмотря на то что группы защитников всю ночь пикетировали Белый дом.

К одиннадцати часам утра 7 июля на дворе тюрьмы поставили и опробовали виселицу.

Повешение задерживалось, и стоящая на жаре толпа зевак начала волноваться. Палач позже сказал, что «был уверен, что миссис Сэррат так и не будет повешена».

В час дня заключенных вывели во двор. Прежде чем покинуть камеру, миссис Сэррат заявила, что Бог на небесах знает о ее невиновности. Одетую в черный балахон и черный капор с вуалью, ее вели два человека, — руки и ноги Сэррат были в цепях. Четверых осужденных ввели на скрипящий помост и усадили перед виселицами. Небольшая заминка произошла, когда снимали головной убор и развязывали воротник миссис Сэррат. Петли накинули на шеи, повязками из белого муслина стянули руки и ноги осужденных, на головы им надели белые капюшоны. Миссис Сэррат, которая чуть было не упала, стала умолять, чтобы ее поддержали. Когда священники пропели отходную молитву, начальник тюрьмы приказал продолжить казнь. Солдаты выбили подпорки, и люки упали с громким стуком. Миссис Сэррат умерла без мучений; прежде, чем упасть вниз, она, вероятно, потеряла сознание.

Когда в 1867 году тюрьму разрушили, останки заговорщиков перезахоронили. Останки миссис Сэррат выдали ее дочери в феврале 1869 года, и место ее окончательного захоронения не обнародовано.

В 1891 году священник миссис Сэррат, отец Якоб А.Уолтер, выступая на собрании Исторического общества католиков в Нью-Йорке, сказал, что, даже не имея права разглашать тайну исповеди, верит, что она приняла смерть «столь же неповинной в этом преступлении, сколь еще не родившийся ребенок».

В 1867 году Джон Сэррат, задержанный в 1866 году в Египте, предстал перед гражданским судом, который отказался вынести обвинительный приговор.

Т

Тиздейл Сара (Teasdale Sara)

(1884-1933)

Американская поэтесса родом из Сент-Луиса, шт. Миссури, переехала в Нью-Йорк после замужества в 1914 году. За лирические «Любовные песни» она была удостоена Пулитцеровской премии 1917 года. В 1919 году Тиздейл призналась, что стихи она писала, когда находилась в «состоянии эмоционального возбуждения». Так, ранняя поэма «Алхимия» была бегло набросана, если верить пометке на полях, в четыре часа утра в марте 1913 года, после бессонной ночи, когда поэтесса хотела «сменить безжизненное вино горя на живое золото».

Муж Сары Эрнст Филсингер часто на многие месяцы отлучался из-за своего бизнеса, и, хотя они любили друг друга, супружеская жизнь очень ее огорчала. Она надеялась найти утешение с любовником, но не могла уйти от своего внутреннего «я». Сара привыкла дожидаться возвращения Филсингера, а через несколько дней после его приезда в Нью-Йорк она уезжала в Англию. Почти все время Сара страдала надуманной головной болью или каким-нибудь другим недугом. Ее переживания усилились в 1928 году, и единственным спасением стали мысли о разводе. Эрнст вернулся из шестимесячной заокеанской командировки в январе 1929 года и вновь уехал после неудачной попытки наладить отношения. В июне Сара написала ему из Рино в Неваде о своих планах на развод. Эрнст, находившийся в Йоханнесбурге, пришел в ужас. Основаниями для решения Сары послужили длительные отлучки мужа и отсутствие внимания с его стороны.

После развода ее беспокойство не исчезло. Сара переехала из нью-йоркского отеля в другой отель в Массачусетсе, а потом вернулась через несколько недель. Она стала жаловаться на одиночество, но в то же время избегала компаний, ссылаясь на болезни и усталость. Ее стали беспокоить мысли о подступающей бедности, хотя она жила в роскошных апартаментах «Боливар Отеля» в Центральном парке и заказывала еду из ресторана, чтобы не тратить время на готовку.

С 1931 года Сара неоднократно посещала Лондон, чтобы собрать материал для книги, которую так и не успела завершить. Книга посвящалась лирическим стихам Кристины Россетти. В

1932 году поэтесса возвратилась в Нью-Йорк, совершенно разбитая после перенесенного воспаления легких, и поступила на попечение своей сестры Мейми Уэллес и молодой почитательницы ее таланта Маргарет Конклин. Сара еще не вставала с постели, когда истек срок аренды и ей пришлось перебраться из «Боливар Отеля» в свою квартиру.

Опасаясь удара и надвигающейся бедности, Сара запасала снотворные таблетки. После Рождества 1932 года она вылетела к друзьям во Флориду и вернулась назад через две недели. Сара наняла молодую сиделку, Риту Браун. В пятницу, 27 января 1933 года, у Сары разорвался кровеносный сосуд на руке, и она убедилась, что удар, которого она так боялась, может случиться в любой момент, и попросила Мейми немедленно оформить право распоряжаться имуществом. Маргарет предупредила доктора Сары о необходимости вызвать психиатра, но тогда ничего не предприняли.

Был субботний вечер, Сара казалась спокойной, пока они вместе с Маргарет читали вслух и слушали записи Пятой симфонии Бетховена. «Бетховен знал ответы на все вопросы», — сказала Сара, когда Маргарет уходила.

Ранним утром, в воскресенье, 29 января 1933 года, Сара Тиздейл приняла большую дозу снотворного и легла в на-πо iНеННyio теплой водой ванну. Возможно, она бы осталась в живых, если бы Рита проснулась пораньше и зашла к Саре до девяти утра. Ее вытащили быстро — вода в ванной была еще теплой.

В тот же вечер Браун выставили из квартиры Сары. Вместе с ней пропали ювелирные украшения и другие ценные вещи. Газеты сообщали, что смерть поэтессы произошла из-за несчастного случая.

Желание Сары, чтобы ее пепел был развеян над океаном, не было исполнено — ее останки захоронили на кладбище Беллефонтейн в Сент-Луисе. На надгробии выгравировано: «Сара Тиздейл Филсингер».

Эрнст умер в Шанхае в 1937 году, и его прах захоронили на фамильном участке семьи Филсингер, недалеко от могилы Сары. Она боялась нищеты, но оставила восемьдесят три тысячи долларов для Маргарет и Эрнста. После их смерти ее деньги должны были передать для учреждения ежегодной премии за поэтическое творчество.

Тиллих Пауль (Tillich Paul)

(1886-1965)

Родившегося в Германии протестантского теолога и философа нацисты отстранили от преподавания во Франкфуртском университете в 1933 году. Позже он вел теологический семинар в Нью-Йорке, в Гарварде и в Чикагском университете.

В биографии 1973 года Анна Тиллих заостряет внимание на многочисленных любовных связях мужа и его увлечении порнографией и проституцией. Однако поклонник Тиллиха, психоаналитик Ролло Мей, полагал, что Тиллих изменял супруге редко. В начале 1964 года, вскоре после завершения работы над трилогией «Систематическая теология», Тиллих поступил в Чикагский госпиталь Биллингса с бронхитом и острой сердечной недостаточностью. Даже короткая прогулка без частых остановок стала для него невозможной.

Летом 1965 года, которое он, как обычно, проводил в коттедже на Лонг-Айленде, Тиллих перенес несколько тяжелых сердечных приступов. Вернувшись в Чикаго, он прочитал лекцию в Брестед Холле, а затем активно дискутировал с группой, называвшей себя «безбожные христиане». Тиллих так разгорячился, что жена силой заставила его вернуться в номер отеля. Ночью она проснулась от стука в стену, разделяющую их спальни. Анна нашла мужа корчившимся от боли и поспешила отправить его на «скорой помощи» в госпиталь Биллингса.

«Сегодня день смерти, — сказал Тиллих жене утром 22 октября 1965 года, на десятый день пребывания в госпитале. — Сегодня ты не должна от меня отходить». Они говорили об их уютном садике в Ист-Хемптоне, и Тиллих плакал, понимая, что никогда уже не сможет там гулять. Но он сумел собраться с-духом и в полдень даже пошутил с доктором: «Сегодня я буду совершенным аскетом. Вчера я долго выбирал себе меню на сегодня, но сейчас не стану есть ни кусочка». Около семи вечера Тиллих захотел есть. Когда Анна и медсестра стали ему помогать, внезапный спазм сотряс его худое тело, и он упал навзничь мертвым.

Пауля Тиллиха кремировали, а прах отвезли в Ист-Хем-птон. Через семь месяцев пепел выкопали и захоронили в парке Пауля Тиллиха в Нью-Хармони, шт. Индиана. Там выросли отобранные самим Тиллихом много лет назад деревья. На скалах выбиты строки из его сочинений, а в конце тропинки, вьющейся среди пихт, стоит бронзовый бюст теолога работы Джеймса Росати.

Тито Иосип Броз (Tito Josiip Broz)

(1892-1980)

Президент Югославии (с 1953 года) собрал воедино различные этнические и религиозные группы и увеличил численность нации собственным волевым решением. Он много лет страдал атеросклерозом и диабетом, но был большим жизнелюбом. В декабре 1979 года Броз Тито в возрасте восьмидесяти семи лет на охоте впервые пожаловался на боль в левой ноге. В Медицинском центре в Любляне обнаружили опасную блокаду артерий на голени и бедре. Приглашенный для консультации американский специалист рекомендовал медикаментозное лечение. Но вместо этого была предпринята попытка хирургического вмешательства, оказавшаяся неудачной и приведшая к гангрене. 20 января 1980 года Тито дал согласие на ампутацию ноги ниже колена. Поначалу выздоровление шло нормально, но через три недели у больного ухудшилось пищеварение, стали отказывать сердце и почки.

В конце февраля Тито подключили искусственную почку. Болезнь печени, внутреннее кровоизлияние, пневмония и высокая температура беспрестанно мучили его. Подключали устройства для стабилизации сердечной деятельности и дыхания. Югославское посольство в Вашингтоне запросило у производителей в Индианаполисе экспериментальный комплексный антибиотик. Сначала его применение давало некоторое улучшение, но в апреле Тито впал в кому и умер через три дня после своего восьмидесятивосьмилетия, 4 мая 1980 года.

Тело президента перевезли из Любляны в Белград. Там его выставили для прощания в здании Федеральной ассамблеи. Прибыли официальные представители из 123 стран, среди которых были четыре короля, тридцать два президента и двадцать два премьер-министра. Государственное Агентство новостей назвало церемонию прощания с Броз Тито «встречей в верхах всего человечества». Офицеры поднесли дубовый гроб к орудийному лафету и накрыли его сине-бело-красным флагом. Йованка, третья жена Тито, шла за гробом туда, где, согласно воле покойного, должно было состояться погребение — к его главной резиденции в предместье Дединджи. На белом мраморном надгробии могилы президента золотыми буквами высечена лаконичная надпись: «Иосип Броз Тито. 1892-1980».

Толкиен Дж. Р. Р. (Tolkien J. R. R.)

(1892-1973)

Английский преподаватель, оксфордский профессор

английского языка удивился, узнав, что стал мировой знаменитостью после выхода «Властелина колец» (1954—1955), трилогии о таинственном мире Средиземья. В шестидесятые годы трилогия и предшествовавший ей «Хоббит» (1937) дали толчок культу, который охватил многие университетские города США, где надпись на пуговицах и пряжках «Фродо жив» стала не менее популярной, чем лозунги против войны во Вьетнаме.

Толкиен считал свою славу скорее обузой, чем удовольствием. Некоторые из его заморских почитателей, не вспоминая о разнице во времени, звонили ему среди ночи. Поклонники, дергающие колокольчик на двери в его доме, начинали браниться, если не могли увидеть своего кумира. Пыльная мастерская Толкиена все больше захламлялась книгами, письмами и рукописями, приходившими отовсюду, пока у него не появился секретарь Джой Хилл.

Писатель был довольно сутулым, седовласым, не вынимал изо рта своей трубки и постоянно что-то бормотал. «На деле я хоббит во всем, кроме роста», — сказал он одному из своих интервьюеров. Сам журналист сравнил Толкиена с двумя персонажами, назвав его «гибридом Бильбо и Гендальфа».

На середине восьмого десятка Толкиен жаловался, что жизнь после ухода на пенсию стала «серой и мрачной» и его беспокоят артрит и мигрени жены Эдит и отсутствие помощи по хозяйству с ее стороны. В 1968 году, через два года после золотой свадьбы, они покинули Оксфорд, купив бунгало на южном курорте.

Там они нашли себе католическую церковь и врача, и Толкиен переключился на «Сильмариллион», незавершенную вещь, начатую еще в 1917 году. В ней автор описывал создание мира и борьбу эльфов против сил зла. Рукопись представляла собой разрозненные куски, частично переписанные, с несовпадающими именами героев и названиями местностей. Через три года, проведенные на курорте, как раз когда у Толкиена наметился значительный прогресс в работе над книгой, Эдит умерла от воспаления желчного пузыря 29 ноября 1971 года.

В марте Толкиен переехал в квартиру, которую нашел для него старый оксфордский товарищ; там о нем заботились слуга Чарльз Карр и его жена Мейвис. Он наслаждался компанией знакомых преподавателей в гостиной Мертонского колледжа и общался с жителями городка в ближайших студенческих центрах, куда он ездил делать пожертвования. Толкиен стал кавалером Ордена Британской Империи, который ему вручили в Букингемском дворце. Совет Оксфордского университета присвоил ему звание почетного профессора литературы за работы в области филологии. Но «Сильмариллион» продвигался очень

медленно.

В 1972 году Толкиена стали беспокоить расстройства пищеварения, и его посадили на безалкогольную диету, оказавшую благотворное влияние.

27 августа Толкиен обедал с дочерью Присциллой, и следующим утром уехал на курорт. Там его принимала чета Толхёрстов, Толкиен поднял за нее бокал шампанского. Ночью писателя скрутило от боли, и его отвезли в местный госпиталь. Там поставили диагноз: «острая кровоточащая язва»; 1 сентября 1973 года Толкиен заболел пневмонией и на следующий день умер.

После реквиема, состоявшегося в Оксфорде 6 сентября, его похоронили в городском предместье на католической части кладбища Волверкот рядом с женой. На серой плите из корнуэльского гранита, установленной на могиле супругов, упоминается о незавершенной работе Толкиена: «Эдит Мери Толкиен Лютиен /1889—1971. Джон Роналд Руэл Толкиен Берен / 1892—1973. (Сказание о Лютиен Тинъювиел, бессмертной эльфийской девственнице, и ее возлюбленном Берене, смертном человеке, было любимой частью автора в «Силъмариллионе»). Всю книгу, отредактированную и дополненную его сыном Кристофером, опубликовали в сентябре 1977 года, и, получив неблагоприятные отзывы критиков, она тем не менее завоевала огромный интерес читателей.

См. Хамфри Карпентер (1977).

Тюринг Алан М. (Turing Alan M.)

(1912-1954)

Английскому математику было всего двадцать четыре года, когда он выдвинул концепцию создания «универсальной машины», выполняющей вычисления лучше любого когда-либо существовавшего прибора и человеческого мозга. Так Тюринг заложил основу современных компьютеров и машин с искусственным интеллектом. Во время второй мировой войны математик руководил группой ученых в английском городе Бедфорде, которая оказала неоценимую услугу союзникам, разгадав сверхсекретный немецкий шифр «Энигма». Подробности этого события стали всплывать только несколько десятилетий спустя.

С 1948 года Тюринг работал в Манчестерском университете над первыми компьютерами с программным обеспечением.

Тюринг был крупным, атлетически сложенным человеком. Он

увлекался марафонским бегом и был несколько эксцентричен и отталкивающ. Его действительную сущность разглядел молодой американский ученый Девид Сейер, навестивший Тюринга в 1950 году. В 1969 году он написал: «Не ожидаешь встретить в одном человеке глубокий интеллект и самые редкие человеческие качества, но Тюринг был именно таким, по крайней мере для меня». В начале 1952 года Тюринг сообщил о мелкой краже в своем загородном доме в графстве Чешир, но когда полиция стала допрашивать его, он честно признался в гомосексуальной связи с безработным девятнадцатилетним Арнольдом Мюрреем. Именно Мюррей рассказал Тюрингу, что грабителем скорее всего был его приятель с дурной репутацией. Гомосексуализм, даже не афишируемый, считался в Англии серьезным преступлением вплоть до 1967 года (и остается преступлением до сих пор, если вступают в связь с мужчиной моложе 21 года). В 1952 году гомосексуалисты считались по обеим сторонам Атлантики «извращенцами» и относились к ним так же, как к насильникам. Общественное положение и профессиональная репутация Тюринга (в 1951 году его избрали членом Королевского Научного общества) помогли ему избежать тюремного заключения, но ему прописали принимать в течение года эстрогены (женские половые гормоны), что в ряде случаев рассматривается как «химическая кастрация». Он с достоинством перенес огласку и выдержал курс терапии. Тюринг прекрасно держался, и поэтому его самоубийство спустя два года было совершенно ошеломляющим.

Есть свидетельство, что секретные службы не выпускали Тюринга из поля зрения, и он чувствовал давление, которому был не в силах противостоять. С официальной точки зрения он, несомненно, представлял собой объект для шантажа и мог, оказавшись за границей, наговорить лишнего о своей работе в годы войны. Одним из таких свидетельств был, например, «кризис Къелла» в начале 1953 года. Молодой норвежец, которого Тюринг встретил годом раньше, приехал в Англию навестить своего знакомого. В письме от 11 марта 1953 года Тюринг сообщает: «Всю полицию севера Англии подняли на ноги для слежки за ним — особенно в Уилмслоу и Ньюкасле».

Алана Тюринга нашла мертвым в постели домработница, которая приехала в Уилмслоу 8 июня 1954 года. Он несколько раз откусил от яблока, погруженного до этого в раствор цианистого калия, который он использовал для экспериментов с электронными платами. Следствие определило смерть как «самоубийство в момент помрачения рассудка». В поведении Тюринга перед смертью не было ничего необычного, бумаги находились в обычном беспорядке, и оставалось еще несколько

неулаженных дел.

Тело Тюринга кремировали в Уокинге, пепел развеяли в саду крематория. Наследство в 11 000 фунтов стерлингов разделили между матерью математика и несколькими друзьями.

См. Эндрю Ходжес (1983).

У

Уайт Райан (White Ryan)

(1971-1990)

Юная жертва синдрома приобретенного иммунодефицита (СПИДа) вызвала сочувствие в сердцах миллионов в 1985 году, после того как ему было запрещено посещать школу в Кокомо, шт. Индиана, по закону от 1949 года о носителях инфекционных болезней. Члены семьи оказались в положении отверженных среди соседей и в церкви. На их газон высыпали мусор, а в окно стреляли. Райан победил в изнурительной борьбе и в начале 1986 года вновь стал ходить в школу в сопровождении своего отчима, но отчуждение продолжалось.

Болезнь Райана определили в декабре 1984 года, и ему отпустили всего три—шесть месяцев жизни. Он страдал малокровием, и ему дважды в неделю делали кровяные вливания, и именно это стало источником заражения вирусом СПИД несколькими годами раньше. Во время борьбы с кокомской школой он заразился другими болезнями, сопутствующими СПИДу, включая грибковую инфекцию рта и лишай.

Знаменитости — певцы Майкл Джексон и Элтон Джон, тележурналист Фил Донахью и олимпийский чемпион по прыжкам в воду Грег Луганис — поддерживали Райана и его мать в борьбе с болезнью. В 1987 году Уайты переехали в Индиану, где Райана ждала более дружелюбная школа, ученики которой еще до его прибытия прошли курс обучения по проблеме СПИДа.

Однако болезнь продолжала свою беспощадную атаку, и к концу осени L989 года Райан был настолько истощен, что даже принимать душ ему было тяжело. «У него развился опоясывающий лишай, — вспоминала его мать Джин, — появились незаживающие раны на ногах. Горло у него часто болело, он с трудом мог даже шептать».

Смерть наступила в апреле 1990 года. За неделю до этого Райану подключили аппарат искусственного дыхания. «Я объяснил ему, почему считаю это необходимым, — рассказывал доктор, — и он согласился». Инфекция распространялась по организму, и Райан впал в кому, затем у него отказали почки, а постоянное кровотечение забирало оставшиеся силы. По мере того как яд накапливался, кожа приобретала бледно-желтый оттенок и тело стало распухать.

Измученная Джин сидела в кресле-качалке у постели сына,

когда приехал Элтон Джон, который помогал, чем мог: убирал чашки из-под кофе, делал телефонные звонки и приносил игрушки для других маленьких пациентов. Ранним утром 8 апреля 1990 года, когда давление Райана резко упало, доктор сказал Джин, что конец близок. «Иди, Райан, — прошептала мать и поцелогала сына в щеку. — Пришло время, любимый. Время уходить».

Дыхание восемнадцатилетнего юноши остановилось. Медсестры плакали, снимая маски и оезиновые перчатки. С ним пришли проститься его бабушка, дедушка, сестра, пастор и несколько друзей.

Несколько месяцев назад Райан выбрал себе кладбище в Цицеро — оно такое мирное, сказал он матери, когда они проезжали мимо. На заупокойной службе во второй пресвитерианской церкви в Индианаполисе присутствовала первая леди — Барбара Буш. Крышку гроба несли Донахью и Элтон Джон. Музыкант исполнил свою песню «Небесный голубь». По всему штату Индиана были приспущены флаги.

После смерти сына Джин Уайт продолжила помогать жертвам СПИДа. От имени Райана Уайта она зачитала перед Конгрессом акт о помощи жертвам СПИДа.

Нет сомнений в том, что испытание, которое выпало на долю Райана Уайта, помогло изменить отношение общества к больным СПИДом.

Уильямс Теннесси (Williams Tennessee)

(1911-1983)

Впервые успех пришел к американскому драматургу в 1944 году, после выхода пьесы «Стеклянный зверинец», сюжет которой родился, когда он наблюдал за развитием душевной болезни своей сестры Розы. Его собственная психика всегда была неустойчивой: в юности он перенес два нервных срыва и нередко казалось, что он сходит с ума. В 1969 году, после нескольких лет депрессии, он лечился в госпитале Сент-Луиса после злоупотребления лекарствами. Средством от гомосексуального влечения и полного одиночества были пьесы, которые Теннесси писал одну за другой, не заботясь о шансах на постановку.

Последняя премьера Уильямса на Бродвее «Скатерти для летнего отеля» получила ужасные отзывы в марте 1981 года и выдержала только четырнадцать представлений. Чтобы его подбодрить, друзья устроили вечеринку в семиэтажных апартаментах в Нью-Йорке, но перепугались, когда он выбежал из

комнаты и пытался спрыгнуть с балкона.

В преклонном возрасте Теннесси позабыл свои любовные похождения. В семьдесят лет секс не столь важен. «Это не подобает джентльмену моего возраста, — сухо сказал он однажды своему близкому другу и биографу Дотсону Рейдеру. — Я одинок, ты знаешь». Боясь умереть в одиночестве, он даже нанимал себе сиделок.

Поздним вечером 24 февраля 1983 года драматург пошел спать в занимаемом им двухкомнатном номере отеля «Елисей» на Манхэттене. Его очередная сиделка — безработный актер Джон Укер — остался в гостиной. На ночном столике были, как обычно, рассыпаны различные таблетки, которые Теннесси вынимал из пузырьков, чтобы не мучиться лишний раз, открывая крышки. Там же лежал маленький пластиковый пузырек с глазными каплями. Потянувшись за секоналом перед сном, Теннесси по ошибке положил себе в рот пробку от пузырька с каплями. Возможно, он ослаб от таблеток или алкоголя. Пробка застряла у него в горле, и он начал задыхаться. Теннесси вскочил с постели и опрокинул ночной столик. Укер услышал шум, но побоялся войти; на следующее утро он обнаружил драматурга мертвым на полу спальня.

В приписке к завещанию, сделанной в 1972 году, Теннесси распорядился, чтобы его похоронили в море, как можно ближе к тому месту, откуда в 1932 году совершил свой роковой прыжок американский поэт Харт Крейн. Но брат Теннесси Дейкен решил похоронить его в Сент-Луисе, рядом с матерью, которая умерла в 1980 году. Состояние Уильямса в 10 миллионов долларов перешло Гарвардскому университету, шт. Теннесси.

Уистлер Джеймс Мак Нейл (Whistler James McNeil)

(1834-1903)

Уроженец Соединенных Штатов, художник периодически жил в Лондоне в течение 1889 года. Его любовницей многие годы была рыжеволосая натурщица Джоанна Хеффер-нан, которая заботилась о его сыне от другой. В 1888 году он зарегистрировал брак с вдовой Беатрис Филип. А через восемь лет она умерла от рака.

В последние годы Уистлер часто болел ангиной, и доктор беспокоился за его сердце, ослабленное после ревматической лихорадки, которой он переболел в детстве в России.

Путешествуя по Голландии в 1902 году вместе с детройтским миллионером Фриером, он заболел и возвратился в свой

лондонский дом в Челси. Для него приготовили спальню на первом этаже рядом со студией. Большую часть времени он проводил в кресле, держа на коленях кота. Уже не такой фат, как в прежние времена, он кутался в старое меховое пальто поверх ночного халата. Но однажды майским вечером 1903 года он всего за два часа написал портрет рыжеволосой натурщицы Дороти Сетон с яблоком в руке. Уистлер назвал картину «Дочь Евы». Она стала лучшей из его последних работ.

В июне пневмония ухудшила состояние его сердца, и вечером 17 июня 1903 года Фриер прибыл слишком поздно, чтобы предложить прогулку в экипаже: Уистлер был мертв. Фриера попросили остаться с умершим, чтобы принимать посетителей, и он узнал одну из женщин, приподнявшую вуаль: это была Джоанна. 22 июня на заупокойной службе в церкви Челси присутствовало не более пятидесяти человек. Уистлера похоронили рядом с женой на кладбище в Чис-уике. Скульптор Роден предложил изготовить всего за 10 000 долларов памятник, изображающий Венеру, склоняющуюся над Уистлером, как бы желая защитить его. Это предложение не понравилось жителям Челси, и скульптору отказали, сказав, что сам Уистлер отверг бы такую идею.

Уорд Стефен (Ward Stephen)

(1912-1963)

Центральной фигурой в скандале Профюмо, связанном с сексом и политической безопасностью, был английский остеопат, клиентами которого были Уинстон Черчилль, Эверелл Гариман и Махатма Ганди. Он любил хорошеньких женщин из любых слоев общества, и некоторые из них время от времени поселялись в его лондонской квартире. Именно там состоялась встреча военного министра Джона Профюмо с девушкой по вызову, Кристиной Килир, в числе клиентов которой был советский агент Евгений Иванов. Когда Профюмо признался Палате общин, что скрывал правду о своей связи, разразившийся скандал чуть было не привел к уходу администрации Макмиллана.

Суд над Уордом по обвинению в том, что он жил на полученные недостойным путем заработки Килир, теперь можно назвать пятном на британском правосудии. После смерти Уорда Килир и другие женщины признались, что дали ложные показания под давлением полиции. Высокопоставленные друзья обвиняемого отвернулись от него. Информацию о том, что Уорд предупреждал секретные службы о связи между Килир, Профюмо

и Ивановым и даже был агентом М-15, скрыли от присяжных.

Признание его виновным по двум пунктам вынесли в Олд-Бейли 31 июля 1963 года. Уорд к тому времени уже умирал. Он потерял надежду после речи судьи 30 июля. Покидая суд, он с горечью сказал: «Это процесс политического мщения. Кого-то нужно было принести в жертву, и им оказался я». Большую часть вечера Уорд провел со своей,подружкой Джулией Гулливер на квартире приятеля в Челси, где оставил бесчисленные письма. В девять часов вечера он приготовил Джулии поесть, затем отвез ее домой. Хозяин квартиры слышал, как он вернулся около полуночи. Вскоре после этого Уорд проглотил несколько таблеток нембутала (пентобарбитала) и написал еще одно письмо, адресованное хозяину квартиры: «Это больше, чем я могу вынести — ежедневный ужас в суде и на улицах... В самом деле, это (самоубийство) получится удивительно легко и не потребует особого мужества... Задержи реанимацию, насколько будет возможно». На этом месте ручка и сигарета выпали из его рук, и он рухнул на свой тюфяк на полу.

Разбуженный телефонным звонком в 8.30 утра хозяин квартиры нашел Уорда на полу с посиневшим лицом, пеной на губах и почти не дышащего. В госпитале Св. Стефана он умирал три дня. Пытаясь вернуть Уорда к жизни, применили экспериментальное средство «619» (позднее названное «доксапрам»), но днем 3 августа 1963 года он умер, не приходя в сознание.

Через шесть дней в крематории Мортлейк было лишь два венка. Один — от семьи Уорда; другой — от нескольких драматургов и критиков, в том числе Кеннета Таймэна и Джона Осборна, на котором была надпись «Стефану Уорду, жертве лицемерия».

См. Каролин Кеннеди (1987).

Уоррен Леонард (Warren Leonard)

(1911-1960)

Американский баритон победил на оперных прослушиваниях в Эйре в 1938 году и начал свою карьеру в нью-йоркской «Метрополитен-Опера» в ноябре того же года. Уоррен был крупным человеком с необыкновенным голосом, звуки которого могли наполнить зал любого размера. В «Метрополитен» Уоррен спел двадцать две партии в 636 спектаклях.

4 марта 1960 года зрители на вечернем спектакле чувствовали атмосферу гала-представления. Исполнялась опера

Верди «Сила судьбы». Обладательница удивительного голоса, Рената Тибальди выступала первый раз в сезоне; в дуэте из третьего акта Уоррен, исполнявший партию дона Карлоса, и тенор Ричард Такер (дон Алваро) продемонстрировали присущее им мастерство. Затем Уоррен превосходно исполнил сольную арию. Он кончил петь с поднятыми руками — его обычный жест триумфа — и был встречен громом аплодисментов из переполненного зала. Выслушав новость о спасении раненого товарища, которую принес хирург, и обрадовавшись ей, Уоррен повернулся, чтобы уйти, глядя на портрет сестры Леоноры (Тибальди), который держал в руках. Вдруг он уронил портрет и через мгновение упал лицом вниз и остался недвижим. Хирург поспешил к нему! Дирижер остановил оркестр. Врач склонился над Уорреном, затем бросил полный отчаяния взгляд на дирижера. В тот же момент занавес опустился. Такер, старый друг Уоррена, бросился к нему с криками: «Ленни, Ленни!» Домашний врач певца пробежал между рядами и поднялся на сцену. Он осмотрел Уоррена и потребовал кислород. Несколько человек пытались делать искусственное дыхание рот в рот, пока не доставили кислород из медицинского пункта.

Агата Уоррен вышла из своей ложи и поспешила за кулисы. Позже она рассказывала, что заметила что-то странное в лице мужа перед тем, как он упал, и, в отличие от большинства зрителей, не поверила, что он просто оступился. Монсеньор Эдвин Бродерик из собора Св. Патрика, который находился в зале, также прошел за кулисы, чтобы выполнить последние обряды. (Еврей по происхождению, Уоррен принял католическую веру за восемнадцать лет до смерти.)

В половине одиннадцатого вечера, примерно через полчаса после случившегося, главный управляющий «Метрополитен-Опера» со скорбным лицом появился из-за занавеса. «Это один из самых печальных вечеров за всю историю театра», — сказал он. Из зала последовали крики «Нет!», женщины зарыдали, мужчины утирали глаза. Управляющий продолжал: «Давайте почтим память величайшего певца, который умер во время одного из своих лучших выступлений». Затем добавил: «Думаю, вы согласитесь, что продолжать представление невозможно».

Личный врач певца предполагал, что Уоррен умер из-за обширного кровоизлияния в мозг. Он считал, что смерть наступила в десять часов.

Три тысячи людей прошли мимо гроба певца, выставленного для прощания в зале аббатства. Покойный был одет в расшитую золотом белую мантию командора рыцарского Ордена всадников гроба Господня в Иерусалиме. Панихида состоялась седьмого

марта в католической церкви Св. Винсента. Уоррена похоронили на кладбище Св. Марии в Гринвиче, шт. Коннектикут, после короткой церемонии.

Уорхол Энди (Warbol Andy)

(1928-1987)

Американский мастер поп-арта, он известен также своими оттисками на шелке банок суповых консервов, бутылок из-под «кока-колы» и портретов Мерилин Монро. 3 июня 1968 года он был тяжело ранен из пистолета душевнобольной феминисткой Валерией Соланас, приживалкой на его фабрике в Манхэттене, на которой было налажено массовое производство его творений. Уорхол пролежал в госпитале шесть недель, и ему вырезали пострадавшую селезенку.

Во время первой демонстрации своего гигантского полотна «Тайная Вечеря» в Милане в январе 1987 года, Уорхол уже страдал мучительными болями. Ранее его неоднократно предупреждали о необходимости удаления желчного пузыря, но больницы пугали его. Когда он проезжал мимо них, он всегда закрывал лицо руками. Саму смерть он называл «самой ошеломляющей вещью», которая может случиться с человеком, и подчеркивал, что каждый волен принять любое решение по поводу того, как поступать с его телом. После возвращения в Нью-Йорк, обедая 5 февраля в ресторане, Уорхол выскочил из-за стола, жалуясь на сильную боль с правой стороны, и немедленно отправился домой. Но он по-прежнему избегал встречи с врачом, посещая только дерматолога, который производил ему подкожные инъекции для разглаживания морщин, и косметолога, делавшего массаж правой стороны живота. Уорхол доверял «лечению кристаллами», когда «врач» проводил кусочками аметиста и кварца по его телу, но теперь кристаллы, похоже, потеряли свою силу. 17 февраля, в холодной раздевалке он дожидался свою натурщицу и вдруг почувствовал сильную боль. Ночью он принимал секонал, вали-ум и аспирин, пытаясь получить временное облегчение, и на следующий день наконец отправился к своему врачу.

Ультразвук показал необходимость в немедленной операции; Уорхол обращался к разным врачам, но все советовали одно и то же — операцию. Но он решил сначала спрятать свое «добро»: огромное количество драгоценностей, большая часть которых оставалась нераспакованной с того времени, как он принес их домой. (Позже драгоценности обнаружили в укромных уголках

его манхэттенской квартиры.) Только после этого Уорхол сказал своему наиболее близкому приятелю, что готов делать операцию, большинство же друзей ничего не знали.

Когда он 20 февраля поступил в нью-йоркский госпиталь, медицинский центр Корнелла, то находился в бодром расположении духа. На следующий день инфицированный желчный пузырь удалили после обычной трехчасовой операции. То, что произошло после того, как Уорхол вернулся в свою палату, после полудня и до половины седьмого утра следующего дня 22 февраля 1987 года, когда была констатирована его смерть, стало предметом разнообразных суждений. Официально признали, что он умер во сне от сердечной аритмии, находясь под наблюдением медицинской сестры, кореянки Мин Чоу. Через десять дней после обсуждения случившегося ее отстранили от дальнейшей работы по уходу за больными.

В начале апреля нью-йоркский Департамент здравоохранения выступил с обвинением в неправильном лечении Уорхола в медицинском центре. Обвиняемая сторона опровергала голословное утверждение, и окружной прокурор Манхэттена не нашел достаточных улик для возбуждения уголовного дела. В декабре 1987 года Департамент здравоохранения начал дисциплинарное расследование, а фонд Уорхола обвинил одиннадцать докторов и медсестер госпиталя в небрежном лечении, вызвавшем смерть.

Тело Уорхола перевезли в помещение для гражданской панихиды в его родной Питтсбург, шт. Пенсильвания. Он лежал в белом гробу в черном костюме и ярком галстуке; на нем был его любимый платиновый парик и черные очки, а в руках он держал молитвенник и красную розу. После службы в католической церкви Святого Духа Уорхола похоронили на кладбище Иоанна Крестителя. На поминальной службе в соборе Св. Патрика в Нью-Йорке присутствовало более двух тысяч человек. В первый из десяти дней аукциона по продаже коллекции Уорхола в Сотби результаты торгов составили 5,3 миллиона долларов — только кухонная посуда была продана за 248 ООО долларов.

См. Боб Колацелло (1990).

Уэйн Джон (Wayne John)

(1907-1979)

Американский актер работал в кино на протяжении тридцати пяти лет (став звездой после успеха в фильме Джона Форда «Дилижанс», он снимался двадцать четыре года), и впервые

серьезно заболел в 1964 году. Рентгеновское исследование показало «что-то размером с мяч для гольфа» в левом легком. После операции в госпитале Доброго самаритянина в Лос-Анджелесе он спокойно вспоминал об этом: «Операция была тяжелой». Хирург удалил нижнюю половину поврежденного легкого. «Он также удалил мне ребро, сместил диафрагму и опустил желудок», — рассказывал Уэйн. Он хотел, чтобы люди знали, что останавливать рак следует на самой ранней стадии. «Я не хочу, чтобы люди, у которых рак, считали его чем-то вроде проказы. Это можно победить». Куривший раньше по пять пачек сигарет в день, Уэйн отказался от своей вредной привычки и начал наверстывать упущенное. Он получил «Оскара» за роль в картине «Настоящий характер» (1969).

Во время съемок «Охотника» (1976) Уэйн заметил, что его голос становится все более хриплым. Выявили шумы в сердце, и семидесятилетний актер перенес открытую операцию на сердце в Массачусетском госпитале Бостона 3 апреля 1978 года, в ходе которой ему был вживлен клапан из сердца свиньи. После операции Уэйн вернулся к себе в Ньюпорт-Бич в Калифорнии, где после развода с третьей женой жил вместе с секретаршей Пэт Стейси.

В январе 1979 года актер лег в медицинский центр Лос-Анджелеса для операции на желчном пузыре, но после того, как обнаружили злокачественную опухоль, ему удалили желудок. Через неделю заметили, что желудочный сок стал очень насыщенным — это зловещий признак. Похудевший Уэйн появился на церемонии вручения «Оскара» 10 апреля. Когда продолжительные овации стихли, он сказал: «Вот единственное лекарство, которое мне действительно было нужно. Поверьте, я очень доволен тем, что выступаю перед вами сегодня».

Шестеро из семерых детей Уэйна были у его постели в медицинском центре, когда он потерял сознание и умер ранним утром 11 июня 1979 года. Он поступил 2 мая с кишечной непроходимостью и, хотя испытывал сильную боль в последние часы, отказывался принимать больше минимально необходимой дозы наркотиков, желая оставаться в сознании как можно дольше. По словам администратора медицинского центра, «временами у больного проявлялись признаки жизни, и он осматривался и громко звал детей, а когда они приходили, вновь впадал в кому. Это было самым ужасным. Я работаю в госпитале уже 20 лет и никогда не видел подобной любви в семье».

Несмотря на грубые черты лица, Уэйн был приветливым, вежливым и внимательным к окружающим человеком. Он категорически не хотел навязывать друзьям свои похороны.

«Когда я уйду, просто положите меня в какую-нибудь ближайшую печь, сожгите и развейте пепел там, где это будет удобно».

Но католика Уэйна не могли кремировать. После службы в католической церкви Богоматери 15 июня 1979 года его похоронили в Мемориальном парке.

Уэллс Орсон (Welles Orson)

(1915-1985)

Американский киноактер, сценарист и режиссер стал известен после фильма «Гражданин Кейн» (1941) (по собственному признанию, сам он никогда не видел картину на экране) и своей радиоверсией «Войны миров» Герберта Уэллса, во время трансляции которой тысячи жителей Нью-Джерси в панике покидали свои дома, думая, что рядом приземлились марсиане.

В последние годы Уэллс вел скромный образ жизни, озвучивал детские передачи и появлялся в телевизионных шоу. Он совершал вояжи между Седоной на юге от Флаг-стаффа в Аризоне, где жили его жена и младшая дочь Беатрис, и Лос-Анджелесом, где компанию ему составляла югославская актриса Ольга Палинкас. В 1981 году, вынужденный сесть на диету, он отказался от обычных двенадцати чашек кофе, четырех или пяти порций икры и больших стаканов водки и поклялся похудеть на 125 фунтов. Заветной его мечтой была постановка «Короля Лара» с привлечением французских кинодеятелей. Сняв за свою жизнь всего шесть фильмов, он разочаровал многих, кто предсказывал ему блестящую карьеру.

Он сыграл самого себя в фильме «Любить кого-нибудь», написав в сценарии слова: «Мы рождаемся в одиночку, живем в одиночку и умираем в одиночку. Только в любви и дружбе мы можем создавать иллюзию, что не одиноки».

В свой последний уик-энд Уэллс работал над биографией Джозефа Коттена, пообещав актеру помочь ему с рукописью. В его планы входила работа над сценарием еще одной картины «Волшебное шоу». 8 октября 1985 года он обедал с Бартом Рейнодсом. На следующий день Уэллс был занят в шоу Мерва Гриффина, где вместе с ним участвовала его биограф Барбара Лиминг. На шоу он показал карточный фокус. Вечером он ужинал со своим другом и продюсером. Когда он встал из-за стола, заметно было, что он испытывает сильную боль.

В тот же вечер, 9 октября 1985 года, Орсон Уэллс умер, сидя за столом в купальном халате. Сердечный приступ застиг его за пишущей машинкой, когда он работал над пояснениями к

сценарию «Волшебного шоу». Шофер обнаружил тело на следующее утро. Доктор Томас Дейли рассказал, что Уэллс лечился у него от диабета и сердечной недостаточности. Похороны были закрытыми.

Умерший завещал, чтобы его прах перевезли в Испанию. В день, когда Уэллсу должно было исполниться семьдесят два года, его дочь Беатрис отвезла прах к загородному дому бывшего тореадора Антонио Ордонеза в Ронде, где Уэллс любил отдыхать. Она положила синюю урну в небольшой кирпичный колодец и закрыла его. Место захоронения никак не отмечено.

В завещании, составленном в 1982 году, Уэллс оставил по 10 ООО долларов каждой из трех своих дочерей: Кристофер, Ребекке и Беатрис. Жена Паола получила дом в Лас-Вегасе и остаток наследства, кроме дома в Лос-Анджелесе, предназначенного Ольге Палинкас. В случае смерти Паолы Ольга, а не его дети, получала остаток наследства. Паола опротестовала завещание, но ей не удалось встретиться с Ольгой, чтобы прийти к соглашению, — она погибла в автомобильной катастрофе.

Си. Франк Брейди (1989).

Уэсли Джон (Wesley John)

(1703-1791)

Английский проповедник принадлежал к англиканской церкви, пока не прошел «обращение» в 1738 году после возвращения из Соединенных Штатов. С тех пор Уэсли проповедовал по всей Великобритании, проезжая верхом на лошади многие мили в любую погоду. Сорок тысяч прочтенных проповедей сформировали основу для уэслианской методической церкви.

Он не был женат до 1771 года, когда обручился с Мери Вазейл, вдовой с четырьмя детьми. В последние годы ему пришлось сменить верховую лошадь на экипаж, а к концу жизни его поддерживали, чтобы он мог взойти на кафедру.

Однажды в середине февраля 1791 года, поднявшись, как обычно, в четыре утра, Уэсли отправился в Летерхеде, графство Суррей, чтобы утешить старого друга, у которого умерла жена. Там он прочитал последнюю проповедь. Он вернулся в свой высокий дом, справа от внешнего двора часовни Фаундери в Лондоне, и с большим трудом поднялся по ступенькам в свою комнату. Встревоженные друзья поняли, что он умирает, но Уэсли был уверен, что если его ненадолго оставят в покое, то ему вскоре станет лучше. Вызвали врача. Уэсли пел гимны, пока голос его

совсем не ослаб. «Прощайте, прощайте», — обратился он к своим друзьям. Затем приподнялся и с большим чувством проговорил: «Прочитайте всем мою проповедь о любви к Богу». Чтобы укрепить дух своих друзей, умирающий поднял руку и воскликнул: «К счастью для всех нас, с нами Бог». Всю ночь он бормотал: «Я вознесу хвалу» и ранним утром 2 марта 1791 года скончался.

К этому дню Уэсли имел около трехсот последовате-лей-проповедников. Основанное им движение насчитывало семьдесят две тысячи сторонников в Англии и почти столько же в Америке, где оно быстро разрасталось. Несмотря на это, основатель до последнего дня продолжал считать себя англиканским священником.

Десять тысяч человек пришли отдать последний долг уважения старому проповеднику. Опасаясь неуправляемого сборища, Уэсли похоронили при свете факелов в пять часов утра на маленьком кладбище позади часовни Фаун-дери. Несколько сотен людей, присутствующих на похоронах, получили фарфоровый образок Уэсли, украшенный венчиком и короной.

Ф

Фейнман Ричард (Feynman Richard)

(1918-1988)

Всю жизнь боровшийся с догмами, американский физик-теоретик зарекомендовал себя «непоседой» еще в Лос-Аламосе, шт. Нью-Мексико, где во время второй мировой войны создавалась первая атомная бомба. С 1950 года он стал профессором теоретической физики в Калифорнийском технологическом институте. В 1965 году стал лауреатом Нобелевской премии за открытие податомного уровня в квантовой электродинамике.

Когда Ричард был еще ребенком, его отец Мелвин, торговавший рабочей одеждой, учил сына не судить о людях по внешнему виду и не обращать внимания на чины и звания. («Ты можешь произнести название птицы на всех языках мира, но когда ты закончишь, то поймешь, что ничего не знаешь о ней... Так что посмотрим на птицу и разберемся, что она делает — только это чего-то стоит».) Этот совет ученый никогда не забывал.

В 1977 году, отдыхая в Альпах со своей женой Гвинет, он заболел лихорадкой, которую долго не могли определить. Фейнман не обследовался вплоть до октября 1978 года, когда в нижней части живота была обнаружена злокачественная опухоль. Опухоль, которая весила шесть фунтов и разрушила селезенку, почки и надпочечники удалили. В 1984 году Фейнману вновь потребовалась медицинская помощь, после того как он упал и сильно ударился головой. Его поведение было необъяснимым, пока не дренировали образовавшуюся вследствие ушиба обширную гематому.

Любимым видом отдыха Фейнмана была игра на банджо и рисование. Он много размышлял и любительски занимался тем, что сам называл «антинаукой» — изучал резервуары особых видов и экспериментировал с галлюциногенами.

После взрыва космического корабля «Челенджер» с восемью членами экипажа 28 января 1986 года ему предложили работать в комиссии по расследованию. «Вы разрушаете мою жизнь, — ответил Фейнман, — у меня осталось не так много времени». Он стал жертвой еще одной редкой болезни, при которой один из типов лимфоцита, белой кровяной клетки, выделяет избыток глобулина, сгущая кровь и затрудняя ее циркуляцию. Случаи заболевания одновременно двумя формами рака столь разной

природы крайне редки. Видимо, причина в том, что Фейнман работал с радиоактивными материалами в Лос-Аламосе. Он всегда отличался повышенной любознательностью — на испытаниях в Бринити в июле 1945 года Фейнман был единственным наблюдателем, который снял защитные сварочные очки и смотрел на ослепительную вспышку первого ядерного взрыва только через стекло армейского автомобиля. Наверное, он был слишком любопытен и близко соприкасался с плутонием и ураном-235.

Еще до прибытия в Вашингтон для работы по расследованию взрыва «Челенджера», ученый предполагал, что причиной взрыва были тонкие резиновые прокладки между секциями космического корабля, предназначенные для того, чтобы удерживать выбрасываемые раскаленные газы. Председатель комиссии, Уильям П. Роджерс, заявил, что может вполне доверять лишь выводам собственного расследования НАСА и не хотел бы раньше времени «указывать пальцем на виновных». Раздраженный независимостью и решимостью Фейнмана, он вскоре стал отзываться о последнем как о «настоящей занозе в неподходящем месте». Физик знал, что роковой запуск был произведен на стартовой площадке во Флориде при температуре воздуха, близкой к нулю, и однажды вечером он проделал простейший эксперимент. На следующий день Фейнман повторил опыт на заседании комиссии. Перед телекамерами он опустил кусок прокладки в воду со льдом и продемонстрировал, что «если положить на некоторое время груз, а потом снять его, материал не сохраняет исходной формы... Я полагаю, что это имеет какое-то значение». Это было старое предположение, которое НАСА постоянно игнорировала. Фейнман отказался подписать заключение комиссии, которое полностью оправдывало космическое агентство. Его собственные, помещенные в приложении, выводы носили весьма резкий характер. Решения, принимаемые НАСА, ученый назвал «подобием русской рулетки».

В октябре 1987 года Ричарду Фейнману удалили еще одну опухоль в брюшной полости. За месяц до этого «Лос-Анджелес Таймс» прислала ему некролог. Поблагодарив автора, ученый написал: «Я пришел к выводу, что для человека не особенно приятно читать это раньше времени — слишком велик элемент неожиданности». 3 февраля 1988 года его вновь поместили в медицинский центр с диагнозом «прободение язвы двенадцатиперстной кишки». Оставшаяся почка отказала, но Фейнман отверг искусственное поддержание его жизни. Он безапелляционно заявил приемной дочери Мишель: «Я скоро умру». Теряя сознание, Фейнман пробормотал, обращаясь к

сидящим рядом Гвинет, своей сестре Джоан и кузине Франсес Левайн: «Ненавижу умирать дважды. Это так скучно». Его сердце остановилось 15 февраля 1988 года.

См. Джеймс Глей к (1992).

Ферриер Кэтлин (Ferner Kathleen)

(1912-1953)

Величайшее контральто своего времени, непритязательная уроженка Ланкашира, она обладала редким очарованием. Однако наслаждаться жизнью и собственным успехом Ферриер пришлось недолго — жизнь ее неожиданно оборвалась.

Началом профессиональной деятельности стало награждение на Карлайлском музыкальном фестивале в 1937 году, затем слава певицы росла во время поездок по стране в период войны. В 1947 году прослушать Ферриер предложили взыскательному Бруно Уолтеру, когда маэстро подбирал контральто для исполнения партии в малеровской опере на первом Эдинбургском фестивале. После прослушивания он писал: «В ней сочетается очарование ребенка и достоинство леди. Я с восхищением убедился, что встретил одну из величайших певиц нашего времени, с удивительным голосом...» Директор фестиваля Рудольф Бинг писал: «Это была любовь с первого взгляда». После смерти Ферриер Уолтер признался, что два его самых глубоких впечатления от мира музыки — «знакомство с Кэтлин Ферриер и Густавом Малером — в названном порядке».

У певицы много лет развивался рак груди, но она не смогла сразу распознать болезнь. Только в марте 1951 года Ферриер случайно нащупала опухоль, когда примеряла платье, и попросила свою секретаршу и медсестру Бернардин Хэммонд «посмотреть, что это». Напуганная Хэммонд посоветовала немедленно обратиться к врачу. Мастэктомию произвели 10 апреля. Остаток жизни Ферриер проводила в больницах и клиниках, но все же иногда она давала концерты. Как ни странно, ухудшение здоровья не сказалось на ее голосе, и Ферриер пела даже лучше, чем прежде.

Единственной понравившейся ей оперой была «Орфей и Эвридика» Глюка, и на февраль 1953 года в Королевском оперном театре «Ковент-Гарден» были запланированы четыре представления. К этому времени опухоль уже дала метастазы. Во время второго представления, 6 февраля, Ферриер почувствовала острую боль в левом бедре. Едва способная двигаться, она оперлась на декорацию и в такой позе пропела чудесную арию

«Что жизнь мне без тебя» над телом Эвридики (Виктория Дунн). Разжалобленные песней Орфея, боги возвращают Эвридике жизнь. Дунн помогла Ферриер сойти со сцены, продемонстрировав изящные манеры, так что публика даже не догадалась о боли, испытываемой певицей. Часть мышц бедра певицы отслоилась от кости. После нескольких приступов рвоты, вызванной болью, Ферриер закончила спектакль, и, приняв за кулисами несколько поздравлений, с трудом выдавила из себя: «Дайте мне носилки». Несколько последующих недель она провела в больнице.

В июне Ферриер удалили яичники, так как предполагалось, что понизившееся содержание гормонов остановит развитие болезни. В июле ей удалили надпочечники. Неунывающая, жизнерадостная пациентка поразила персонал Лондонской университетской больницы, где в ее честь была открыта мемориальная доска, а в 1987 году установлено специальное памятное кресло в онкологическом отделении. Только когда силы уже совсем оставили Кэтлин, она прошептала старшей сестре Роне Филипс: «Как хорошо было бы, если бы я заснула и уже не просыпалась».

Кэтлин Ферриер тихо скончалась утром 8 октября 1953 года. Тело ее было кремировано. Через месяц состоялась панихида в соборе Саутварк, где Ферриер так часто пела в ораториях. На панихиду пришли более тысячи почитателей ее таланта. В мае 1954 года на памятном концерте в ее честь дирижер Барбиолли и режиссер Уолтер, сменяя друг друга, дирижировали оркестром, который исполнил в финале увертюру к «Сновидению Геронта» Элгара. Когда стихла музыка, музыканты поднялись и стояли, опустив головы, зрители последовали примеру, и две минуты стояла абсолютная тишина. Затем Барбиолли тихо ушел со сцены и зал постепенно опустел.

См. Морис Леонард (1988).

Флинн Эррол (Flynn Errol)

(1909-1959)

Киноактер австралийского происхождения, известный по фильмам «Капитан Блад» (1935), «Приключения Робина Гуда» (1938) и «Морской ястреб» (1940), большую часть жизни сильно пил, а в последние годы стал злоупотреблять наркотиками. Его девизом были слова: «Люблю старый виски и молоденьких женщин». При разделе наследства Флинна судья лондонского Высшего суда заявил: «В своей карьере, в трех женитьбах, в дружбе и ссорах, в постели, которую он делил со множеством

женщин, — всюду он действовал страстно и без оглядки». И пока ореол его славы не стал тускнеть, именно эта бесшабашность привлекала к нему многих женщин и мужчин.

В книге Чарльза Хайхема «Эррол Флинн: нерассказанная история» (1979) утверждается также, что актер был нацистом и шпионил во время второй мировой войны. Обвинения основывались примерно на 250 документах, которые Хайхем получил после того, как вступил в силу закон о свободе информации. Однако Тони Томас в своей книге «Эррол Флинн — шпион, который никогда им не был» (1990) отмечает, что основой для этих голословных утверждений послужила дружба Флинна с австрийским врачом Генрихом Фридрихом Эрбеном (1897—1984), у которого была весьма странная репутация. «Из 184 документов (просмотренных Хайхемом), касающихся Эрбена... только в пяти упоминается Флинн, — пишет Томас, — и в каждом случае он упоминается просто как знакомый Эрбена. «Флинн неоднократно защищал Эрбена, когда американские агенты особых служб расспрашивали о нем, но в то же время характеризовал его, как «чудака», не разбирающегося в политике. Согласно утверждению Хайхема, Эрбен был «одним из наиболее значительных и изобретательных нацистов XX века». «Ничего подобного, — опровергает Томас. — Он фигура несущественная, и если бы не дружба с известным киноактером, его имя вовсе ничего бы не значило». Было широко известно о неудачной попытке актера поступить на военную службу, однако записи подтверждают, что он добровольно поступил на службу и был признан негодным как больной туберкулезом; будучи молодым, актер заразился малярией и гонореей в Новой Гвинее, а позже обнаружилась и болезнь сердца.

Здоровье Флинна резко ухудшилось в последние годы жизни. Он сыграл роль уставшего от жизни пьяницы Майкла Кэмпбелла в фильме «Солнце восходит» (1957) по Хемингуэю, а самой значительной из его последних работ стал фильм «Под небесами» (1958). Актер написал сценарий и поставил короткометражный фильм «Кубинские мятежницы» (1959), но картину не пропустили, опасаясь «взрыва бомбы».

С 1952 по 1956 год Флинн почти постоянно жил на собственной яхте «Зака», но в 1959 году, стесненный в средствах, он решил продать ее. Двумя годами раньше Флинн оставил свою третью жену, Патрисию Вимор, и взял под покровительство 15-летнюю, снимающуюся в эпизодах актрису Беверли Адлэнд. Когда супружеская пара из Ванкувера согласилась купить яхту, Флинн и Беверли полетели на север заключать сделку. Но Флинн не спешил: неделю чета путешествовала по ночным клубам

Ванкувера. «Я всегда позволял Эрролу засиживаться заполночь», — острил Флинн.

Когда 14 октября 1959 года гости Флинна, покупатели яхты мистер и миссис Гэлдоф, собирались отвезти актера и его подругу в аэропорт, Флинн почувствовал боль в спине. Супруги Гэлдоф отвезли его и Беверли домой к доктору Гранту А. Голду, который сделал актеру укол обезболивающего. Почувствовав себя лучше, Флинн начал рассказывать о своих голливудских знакомствах, но вскоре захотел лечь. Доктор предложил пол своей спальни как наилучшее место для больного. Беверли накрыла его одеялом и оставила отдыхать: тридцать минут спустя она обнаружила Флинна мертвым, его кожа была серо-голубого цвета. Укол адреналина прямо в сердце и искусственное дыхание через рот не дали результатов. Флинна перевезли в больницу, где констатировали смерть от сердечного приступа. Вскрытие показало инфаркт миокарда, тромбоз, атеросклероз коронарных артерий, ожирение, частичный цирроз печени и дивертикулит толстой кишки. Флинн принял спиртное перед уходом Гэлдофов, и в крови было обнаружено 25 процентов алкоголя, — это вдвое превышает допустимый предел для водителя, но недостаточно, чтобы свалить с ног актера.

Тело актера переправили по железной дороге в Лос-Анджелес и после епископальной службы захоронили на кладбище Форест Лоун в Голливуде.

Фокс Гай (Fawkes Guy)

(1570-1606)

Английские дети празднуют 5 ноября (день Гая Фокса) День неудавшегося порохового заговора и ходят с чучелом Фокса по улицам, выпрашивая «пенни для парня», прежде чем спалить его с наступлением темноты на костре под взрывы фейерверка.

Заговор возглавил Роберт Кейтсби, возмущенный нарушением обещания короля Джеймса I о терпимости по отношению к католикам. Он запланировал убийство короля, его семьи, советников и членов парламента, рассчитывая взорвать Палату лордов в первый день очередной сессии. Фокса, католика из Йоркшира, привлекли к делу за использование взрывчатых веществ. 23 марта 1605 года он перевез полторы тонны пороха в угольный погреб, находившийся под зданием Палаты лордов, и спрятал бочки под углем и вязанками хвороста.

В конце октября кто-то предупредил лорда Моунтигла о готовящемся заговоре, и 4 ноября Фокса схватили в подвале

королевские офицеры. На следующий день его отвезли в Тауэр, где пытали пять дней, прежде чем он назвал имена соучастников. Все были арестованы, или, как Кейтсби, убиты, попав в засаду. После суда и вынесения обвинения специальной комиссией четверых осужденных казнили на кладбище Св. Павла 30 января 1606 года. 31 января Фокса и трех оставшихся заговорщиков повесили рядом с роковым погребом под звон колоколов на глазах многотысячной толпы. Фокса, сильно ослабевшего от пыток, пришлось поднимать вверх по лестнице к петле. Он встал на колени, перекрестился, молча помолился, а потом покаялся в своем преступлении. Фокс умер от перелома шейных позвонков при повешении, а потом, как и все остальные, был обезглавлен, лишен мужского естества, четвертован. Головы всех четверых были насажены на острия ограды Лондонского моста. По сей день перед открытием каждой сессии парламента по традиции производится церемониальный осмотр всех подвалов здания.

Фонда Генри (Fonda Henry)

(1905-1982)

Американский актер был сдержанным и даже замкнутым человеком, особенно для самых близких. Его вторая жена, Френсис Сеймур Брокау Фонда, оказалась в такой изоляции, что сошла с ума и была помещена в санаторий в Бикини, где перерезала себе горло бритвой. (Причина смерти была скрыта от ее малолетних детей, Джейн и Питера Фонда). После этого было еще два столь же несчастливых брака с Сьюзен Бланчед и баронессой Афредой Франчет-ти, пока шестидесятилетний Фонда не обрел семейное счастье с Ширли Мэй Эдамс.

Снявшись более чем в восьмидесяти фильмах, актер все же получал наибольшее удовлетворение от работы на театральной сцене, где он сыграл в пятнадцати постановках. Отыграв свой моноспектакль «Кларенс Дэрроу» на Бродвее в 1974 году, Фонда упал в костюмерной от сердечного приступа. Актеру сделали операцию и имплантировали ему в грудь специальный прибор, задающий сердечный ритм.

Сердце начало сдавать, но Фонда придерживался привычного ритма жизни. За последние два года жизни он появился в трех телепостановках, включая «Фанфары Гидеона» (1980), где очень убедительно сыграл Кларенса Эрла Гидеона, сумевшего отстоять перед Верховным судом США право каждого арестованного на предоставление адвоката.

Джейн Фонда купила права на экранизацию пьесы «На

золотом пруду», где по ее замыслу отец должен был сыграть сварливого старого профессора Таэра, а сама Джейн — его дочь, которая пытается наладить контакт с отцом. Их сценические взаимоотношения отражали реальную жизнь, и присутствующие чувствовали, что отец и дочь играют самих себя, добиваясь удивительного правдоподобия. Фонда говорил, что предыдущие роли имели мало общего с его подлинной натурой. Как правило, бескомпромиссные и добропорядочные персонажи мало походили на него самого — пугливого, стесняющегося своих многократных неудачных браков. Но в своем последнем фильме Фонда сыграл самого себя.

Репетируя сцену, в которой проявляется взаимная неприязнь персонажей, Джейн упрашивала отца смотреть ей в глаза, полагая, что это придаст сцене большую достоверность. Но он сопротивлялся: «Мне нет нужды смотреть на тебя. Я не из таких актеров». Борясь со слезами, она нашла поддержку у Кэтрин Хэпберн, которая играла миссис Таэр. Хепберн успокаивала Джейн и говорила, что ей пришлось не меньше натерпеться от своего любовника Спенсера Трейси.

Фильм «На золотом пруду» стал прекрасным завершением карьеры пожилого актера. По этому поводу Генри Фонда сказал: «Я думаю, это была вершина. И не нужно подниматься выше». Джейн Фонда была счастлива, что смогла помочь ему наконец получить вполне заслуженного «Оскара». Однако ей так и не удалось узнать отца. В последние дни, которые Генри Фонда провел в больнице, Джейн не переставала «смотреть на него и гадать, какой он человек».

Актер с трудом закончил съемки и в ноябре 1981 года был помещен на обследование в медицинский центр «Седар-Синай» в Лос-Анджелесе. Перед смертью лишь Ширли Фонда поддерживала своего мужа. В их белом кирпичном доме в Бель-Эйр она спала рядом с постелью Генри на раскладушке, чтобы оказать ему первую помощь, если начнутся боли в груди. 8 августа 1982 года Генри Фонда снова попал в «Седар-Синай», где и умер утром 12 августа. Ширли, Джейн и Питер находились у постели умирающего. По словам миссис Фонда, конец был тихим и безболезненным: «Ночь Генри провел очень хорошо. Он поговорил с нами и ни разу не терял сознания. Утром он проснулся, сел в постели и через какое-то время перестал дышать». Находясь в госпитале, актер ни разу не попал в отделение интенсивной терапии и для продления его жизни не предпринималось никаких особых мер.

Генри Фонда завещал свои глаза Манхэттенскому глазному донорскому банку. Тело его было сожжено; причем он заранее

распорядился, чтобы траурной церемонии не проводилось. Состояние унаследовала жена, кроме двухсот тысяч долларов, оставленных приемной дочери Эми, удочеренной в браке со Сьюзен Бланчед. Фонда ничего не завещал Джейн и Питеру, поскольку, по его мнению, «они знали, как позаботиться о себе». Символический подарок от отца не принес бы им, как ему казалось, никакого удовлетворения.

См. Аллен Робертс и Макс Гольдштейн (1984).

Фонтейн Марго (Fonteyn Margot)

(1919-1991)

Английская балерина начала свою сольную карьеру в шестнадцать лет и закончила почти в шестьдесят. В возрасте сорока двух лет она с честью выдержала танцевальное состязание с двадцатитрехлетним Рудольфом Нуриевым.

В 1955 году Фонтейн вышла замуж за панамского дипломата Роберто Ариаса, свою первую любовь. К тому времени он уже был разведен. В 1964 году, выступая с Нуриевым на фестивале, она узнает, что ее муж, который сейчас в Панаме, серьезно ранен в своей машине. Виновником нападения оказался обезумевший политический оппонент из партии панаминистов. (Пока Ариас лежал в госпитале, залечивая три пулевые раны в левом боку, был задержан еще один вооруженный злоумышленник, который пытался выстрелить в него). После случившегося главной заботой Фонтейн стал уход за парализованным мужем, и она была вынуждена продолжать выступать, чтобы собрать необходимые средства для лечения.

В 1979 году Марго и Роберто уединились на своем скромном ранчо неподалеку от деревни Хига на побережье Панамы. Прикованный к инвалидному креслу, способный говорить только шепотом и полностью зависимый от жены, Роберто сопровождал Марго в ежегодных поездках в Англию, где она стала президентом Королевской академии танца и ректором Дурхэмского университета.

Роберто Ариас умер в Панаме в ноябре 1989 года. На последовавшие предложения вернуться в Англию Марго отвечала: «Я горжусь, что я англичанка, но здесь похоронен мой муж. Я хочу жить в Панаме и умереть здесь, когда наступит мой час». Говоря так в марте 1990 года, Фонтейн уже знала, что больна раком кости. К тому времени она осталась без пенса, одолеваемая кредиторами. Медицинские счета за лечение в Хьюстоне и Нью-Йорке поглотили все ее сбережения, однако артистка никогда не

жаловалась на свое безденежье. Находясь в столь тяжелом положении, Фонтейн говорила: «Лучше уйти рано, если знаешь, что останешься одна, без денег, забытая семьей и друзьями». Друзья пришли на помощь и организовали бенефис-концерт в «Ковент-Гардене» в мае 1990 года. Удостоенное посещения членами королевского дома представление с участием Нуриева и тенора Пласидо Доминго принесло четверть миллиона фунтов в фонд поддержки Фонтейн. Именно на этом концерте преданные поклонники увидели артистку в последний раз, сильно похудевшую, но по-прежнему с высоко поднятой головой и сияющим взором.

Затем балерина прошла курс лечения в госпитале Наф-филд и покинула родную землю уже навсегда, проведя, как и обещала, остаток нелегких дней в ставшей ей родной стране. Марго Фонтейн умерла в панамском госпитале 21 февраля 1991 года.

Форбс Малкольм (Forbes Malcolm)

(1919-1990)

Американский мультимиллионер, издатель и коллекционер произведений искусства, он был застенчивым книголюбом. Позднее, в собственном финансовом журнале «Форбс», основанном еще его отцом, Малкольм проявил себя как публицист. В 1972 году он занялся воздухоплаванием, побил шесть мировых рекордов. М. Форбс любил приезжать на благотворительные балы на одном из своих шестидесяти восьми мотоциклов и интриговал авторов светской хроники, сопровождая по Нью-Йорку Элизабет Тейлор.

Но за внешним блеском подчас скрывался иной Форбс — завсегдатай баров для гомосексуалистов и любитель приглашать новых сотрудников журнала на частные ужины. В 1989 году двадцатидвухлетний манекенщик угрожал раскрыть их сексуальную связь (после смерти Форбса его привлекли к суду за вымогательство). В декабре 1989 года, когда корректор журнала «Форбс» стал умолять хозяина разрешить свои проблемы, опубликовав личное заявление о своей сексуальной ориентации, явно смущенный Малкольм оборвал беседу. Через несколько месяцев после этого бульварные листки получили возможность напечатать соответствующие материалы, не опасаясь преследований за клевету.

Когда Форбс (вместе с Джеффом Блоком) написал в 1988 году книгу «Они ушли вот так», он вполне мог предполагать, что последующие издания этой книги пополнятся историей его

гибели — в катастрофе на мотоцикле или при к]эушении воздушного шара, как чуть было не случилось в 1975 году. Но смерть Форбса была очень прозаична. 23 февраля 1990 года Форбс организовал в Лондоне благотворительный турнир по бриджу между сборной Америки и членами британского парламента (англичане выиграли). Ночью Форбс вылетел домой на частном самолете и прибыл в свое поместье в горах под Нью-Джерси ранним утром. Форбс попросил управляющего Дениса Стюарта вызвать после обеда врача и отправился спать. Он не встал в условленное время, и обеспокоенный Стюарт позвонил доктору Оскару Круэси в Бедминстер. После смерти Форбса Круэси рассказывал репортерам: «Я примчался из своего офиса к Форбсу. Мистер Форбс, без сомнения, скончался во сне. Смерть его была легкой». Смерть от сердечного приступа была зарегистрирована в половине пятого вечера 24 февраля.

На прощальной церемонии волынщик играл в честь усопшего «Бравых шотландцев». Дочь Форбса и четверо его сыновей присутствовали на поминальной службе в епископальной церкви Св. Бартоломео в Манхэттене. Мимо с ревом проехали «ангелы ада», прощаясь со своим «собратом»; любимый красно-золотой «Харлей-Дэвидсон» стоял у церкви, накрытый американским флагом. Внутри экс-президент Никсон и его дочь сидели в первом ряду рядом с Элизабет Тейлор. Бывшая жена Роберта Ремсон Лейдлоу Форбс сидела на несколько рядов подальше.

По воле покойного его останки захоронили в самом отдаленном из владений Форбса — на крошечном островке Лаутала группы Фиджийского архипелага. Надпись на могильной плите гласит: «Он жил, пока был жив».

См. Кристофер Винанс (1990).

Форстер Эдуард Морган (Forster E. M.)

(1879-1970)

Последний из многочисленных романов английского писателя, «Поездка в Индию», был опубликован в 1964 году, однако его литературная слава продолжала расти. После смерти Форстера увидел свет его роман о гомосексуалистах «Морис», который впоследствии наряду с другими произведениями лег в основу нашумевших фильмов.

Человек, названный «либеральным моралистом» и «самым цивилизованным из романистов», обладал малопримечательной внешностью: скошенный подбородок, неопрятные усы и нерешительные манеры.

Когда в 1945 году умерла его мать, Форстер остался без крыши над головой. Ему помог Кембриджский Королевский колледж — Форстера приняли в почетные члены и предоставили комнаты для проживания. Вышедшие в последние два десятилетия его жизни несколько томов сочинений включали «Два тоста за демократию» (1951) — эссе и разные заметки, и «Гору дьявола» — письма и выдержки из дневников, написанных во время двух его поездок в Индию (1953).

На обеде по случаю девяностолетнего юбилея, организованном друзьями в январе 1969 года, Форстер сидел «молчаливый и поникший» (по свидетельству биографа П. Н. Фэрбанка). В 1962 году он перенес сердечный приступ и позднее еще несколько инсультов, страдал глухотой и нарушениями зрения и речи. Когда Форстер болел, друзья Боб и Мей Букинхем всегда приглашали его в свой загородный дом в Ковентри, в Центральной Англии, который был приобретен при щедрой помощи писателя. Боб однажды признался Мей, что был шокирован заявлением Форстера о любви к нему, потому что не подозревал о сексуальной склонности писателя. Мей вступилась за Форстера как за близкого друга и благодетеля.

В шесть часов вечера 22 мая 1970 года Фэрбанк, который занимал комнаты над Форстером, услышал два громких крика. Он спустился и обнаружил своего друга на полу спальни, пытающегося доползти к дверям. Форстер понял, что с ним случился еще один, на этот раз последний, инсульт, но, лежа на диване, попросил позвать к нему гостей Фэрбанка, пришедших на вечеринку. Одна его нога была парализована, это не давало ему покоя. Пока на помощь не пришли Букинхемы, писателя успокаивали Фэрбанк и его друзья. 2 июня Форстера перевезли в Ковентри, он был очень спокоен, но слабел с каждым часом. «Шестого июня, — пишет Фэрбанк, — он все утро держал Мей Букинхем за руку, не произнося ни слова и только открывая глаза, когда она пыталась высвободить руку, пока не уснул или не потерял сознания. Он умер, так и не придя в себя, на следующее утро».

Форстер просил, чтобы не устраивали никаких религиозных церемоний по случаю его смерти. Во время гражданских похорон Боб Букинхем, вспомнив эпизод из романа своего друга «Конец Говарда» (экранизированного в 1992 году), сыграл отрывок из Пятой симфонии Бетховена.

Фэрбанк писал: «Пришедшие на церемонию испытывали довольно тягостное ощущение, как это всегда бывает, когда не выполняется религиозный ритуал. Только когда мы направились к машинам, мрачная атмосфера немного развеялась. Работники

похоронного бюро столпились у капота переднего «роллс-ройса», тщетно пытаясь завести машину. Начальник похоронной службы, театральным жестом прижимая руки в перчатках ко лбу, заявил, что никогда за двадцать лет такой неприятности не случалось... Услышав эти слова, один из друзей писателя, профессор Спротт, заметил, что здесь присутствует дух Форстера.

Спротт был главным благодетелем Форстера, а после его смерти — Королевского колледжа. Пепел Форстера развеяли над клумбой роз в саду Букинхемов.

Фосси Диан (Fossey Dian)

(1932-1985)

Родившаяся в Сан-Франциско естествоиспытательница в 1967 году поселилась в городке ученых Карисок, чтобы изучать горную гориллу, и стала мировым авторитетом в этой области естествознания. Набеги браконьеров на центр, расположенный в Монт-Високе в центрально-африканском государстве Руанда, представляли серьезную угрозу для страны, и война Фосси против браконьеров привела к конфронтации с властями и местным населением. К 1978 году руандийские власти и Госдепартамент США вынудили Фосси уехать из страны. Ей была предложена профессорская работа в Корнеллском университете, где она написала свою книгу «Гориллы в тумане» (1983).

В 1983 году Фосси вернулась в Карисок, к немалой обеспокоенности местного населения. Директор исследовательского центра Ричард Барнс заметил: «Мы были встревожены ее расистскими выпадами». Фосси кричала на африканских рабочих, которые «боялись ее и держались, как побитые собаки». Ярость ее в немалой степени была вызвана нападениями браконьеров, убивших к тому времени нескольких горилл, в том числе ее любимца Дигита.

В ночь на 27 октября 1985 года Диан Фосси обнаружила на пороге своего дома деревянную фигурку африканской гадюки — символ смерти. Утром 27 декабря ее слуга пришел, чтобы разжечь очаг и сварить кофе. Дверь бунгало с прикрепленным красным Санта Клаусом была распахнута. В гостиной все было перевернуто, в спальне матрас сдернут с кровати, а мебель опрокинута. Тело Диан лежало на полу лицом вверх, рядом валялись автоматический пистолет и обойма с патронами (не соответствующими данному типу пистолета). Череп был разрублен от макушки до рта. Орудием послужил ее собственный нож для рубки тростника. Украдено ничего не было.

Ее похоронили рядом с Дигитом и другими убитыми гориллами во дворе сзади бунгало, после службы, проведенной преподобным Элтоном Уоллесом, миссионером из Гисенью. На надгробной плите высечены ее руандийское имя Нуармачабеле (женщина, которая живет одна в горах) и эпитафия: «Никто больше тебя не любит, горилла. Покойся в мире, дорогая подруга, навечно защищенная в этой святой земле, ибо ты дома, — там, где твое место».

Белый персонал исследовательского центра не сомневался, что убийцей был чернокожий браконьер, жаждавший мести. «С ней должно было это случиться», — сказал один из сотрудников. «Она ненавидела окружающих, и в конце концов ее убили», — добавил другой. Но руандийская полиция была уверена, что сделал это кто-то из белого населения. Все африканские рабочие были арестованы, однако потом всех отпустили, кроме Эмануэля Руэлека-ны, в которого Фосси стреляла за несколько месяцев до своей смерти. В августе 1986 года он и Макгуир, молодой практикант из Оклахомы, которого Фосси называла «милым, но ужасно медлительным», были обвинены в убийстве. Руэлекана через несколько недель повесился. Макгуир вернулся в Соединенные Штаты до начала судебного разбирательства, скорее всего по негласному взаимному соглашению двух правительств. На основании улик, которые, по мнению биографа Фосси Фарли Моута, были подложными, Макгуир был осужден 11 декабря 1986 года руандийским трибуналом. Его приговорили к расстрелу в случае его возвращения в Руанду.

Моут предполагает, что Фосси убил африканец, нанятый некими могущественными людьми, которым Фосси мешала использовать горилл в коммерческих целях. «Я уверен, — пишет биограф, — что продление визы Диан (в начале декабря) на два полных года было ее смертным приговором».

Последнее письмо Диан Фосси, отпечатанное на старой портативной машинке, осталось незаконченным. В нем она благодарила за рождественские подарки, а последняя фраза была такова: «Лагерь забурлит к середине марта, когда я отправлюсь в Америку, а сейчас здесь ужасающе тихо...»

Франк Анна (Frank Anna)

(1929-1945)

Юная жертва нацистского антисемитизма родилась во Франкфурте-на-Майне, но переехала с семьей в Амстердам в 1933 году. После того как ее старшую сестру Марго осудили на

отправку в концлагерь в 1942 году, семья в течение 25 месяцев пряталась в своей тесной квартирке над бывшей конторой отца.

Гестаповцы схватили их 4 августа 1944 года и затем перевезли, как животных, в польский лагерь Аушвиц, в котором находились 4 миллиона евреев и прочих «нежелательных» лиц. Самая младшая в своей группе, Анна, тем не менее, стала лидером и распределяла хлеб между своими подругами по несчастью. Ее мать Эдит умерла в Аушвице в январе 1945 года, когда Марго и Анну уже переправили в открывшийся лагерь Берген-Бельсен под Ганновером, где свирепствовал тиф. Рождество они отпраздновали жалкой похлебкой из лука и вареной капусты. Марго умерла в конце февраля 1945 года. Голодающей, больной тифом Анне об этом рассказали. Она умерла через несколько дней. По свидетельству очевидца, Анна говорила, что ничего не чувствует. Ей было только пятнадцать лет. Тела двух сестер лежат вместе с тысячами других под могильными холмами Берген-Бельсена.

Их отец Отто Франк, находившийся в больнице, когда Красная Армия освободила Аушвиц, дожил до девяноста одного года и умер в августе 1980 года в Базеле. «Дневник Анны Франк», опубликованный в 1947 году на немецком, а в 1952 году на английском языке, оказал большое влияние на мировое общественное сознание.

Франклин Розалин И. (Franklin Rosalind E.)

(1920-1958)

Открытию структуры ДНК, носителя генетической информации всех живых существ, способствовала английская женщина-ученый Розалин Франклин. Она иногда бывала очень резкой и поэтому с трудом находила общий язык с коллегами по Королевскому Лондонскому колледжу. В своей работе «Двойная спираль» (1968) о структуре ДНК Джеймс Д. Уотсон изображает Франклин грубой, даже злой и совершенно некоммуникабельной. Уотсона убедили смягчить портрет в эпилоге книги, однако Энн Сэйр, американская подруга Франклин, в своих воспоминаниях «Розалин Франклин и ДНК» (1975) указывает, что Уотсон и позже вспоминал Розалин, как «невозможную» и «упрямую».

В Королевском колледже над структурой ДНК также самостоятельно работал некий Морис Х. Ф. Уилкинс. Именно он, не переговорив со своей коллегой Франклин, наладил дружеские контакты с учеными Уотсоном и Френсисом Криком из Кембриджского университета, вместе с которыми он был

удостоен Нобелевской премии. Сэйр и многие другие утверждали, что без полученных Франклин сверхчистых дифракционных спектров облученных кристаллов ДНК Уотсон и Крик не смогли бы построить модель молекулы дезоксирибонуклеиновой кислоты, в то время, как Франклин самостоятельно добилась того же результата через несколько недель.

Трудности в общении с другими сотрудниками несомненно объяснялись ее унизительным положением в Королевском колледже. Ей был закрыт доступ в общие помещения, она постоянно служила объектом шуток на сексуальные темы и вообще всячески унижалась как человек второго сорта в чисто мужской профессии. Гораздо лучше относились к Франклин в Париже, где она завела много друзей, работая в правительственной лаборатории над углеродистым соединением с 1947 по 1950 год. В Королевском колледже ученую ждало глубокое разочарование, и она с радостью перевелась в лондонский Биркбек колледж. Там последние несколько лет ученая изучала структуру вирусов и опубликовала не менее семнадцати научных трудов.

Розалин Франклин заболела раком яичников в конце 1956 года, и вскоре опухоль дала обширные метастазы. После операции, проведенной в 1957 году, она переехала для выздоровления в Кембридж. Проигнорировав советы врачей, в свой последний отпуск Франклин отправилась в Швейцарию, где отлично провела время, как она сама считала.

Умерла Франклин в Лондоне, в госпитале Марсден, 16 апреля 1958 года. По свидетельству ее врача, «она не сдавалась до самого конца». Спустя много лет, в письме от 1992 года Энн Сэйр отмечает: «Она очень страдала, и я прекрасно понимаю Розалин — она сама захотела, чтобы ее кремировали и не предавали пепел земле. Похорон не было, только поминальная служба в Лондоне и еще одна в Нью-Йорке, организованная несколькими американскими друзьями Розалин. Хотя семья Розалин строго исполняла религиозные обряды, сама она не верила в Бога, и ее родственники с уважением отнеслись к воле покойной».

Если бы она была в живых, в 1962 году Нобелевский Комитет оказался бы перед непростым выбором. Премии, которые никогда не вручаются посмертно, не могли быть разделены более чем между тремя лауреатами. По всей вероятности, Нобелевская премия 1962 года по медицине и физиологии досталась бы Крику, Уотсону и Розалин Франклин.

X

Хаббард Л. Рон (Hubbard L. Ron)

(1911-1986)

Американский писатель-фантаст занимался своей новой «наукой», дианетикой. Ей была посвящена статья, опубликованная в майском выпуске «Научной фантастики» за 1950 год. Через несколько недель вышла книга, ставшая бестселлером, а затем было опубликовано объявление о курсах стоимостью в пятьсот долларов для желающих научиться излечивать безумие и многие другие болезни человека. Двумя годами позже дианетика стала религиозным культом, получившим название «наукологии», который в 1984 году был охарактеризован британским судом как «аморальный, неприемлемый для общества, продажный, страшный и опасный», а суд Лос-Анджелеса определил его как «организацию, явно параноидальную и шизофреническую, что явилось отражением личности ее основателя, патологического лжеца, выдумавшего свою историю происхождения и достижений... Улики указывают на его эгоизм, скупость, алчность, тягу к власти, мстительность и агрессивность по отношению к людям, которые представлялись ему неблагонадежными или враждебно настроенными». Судья мог бы еще упомянуть, что Хаббард был наглецом, который тиранил своих последователей.

Пока «церковь» писателя загребала миллионы долларов, сам Хаббард многие годы проводил, скрываясь от судебного преследования и периодически выезжая на Средиземное море. Тем временем его сотрудники внедрялись в американские агентства и выкрадывали или уничтожали документы, которые Хаббард считал опасными. (В 1984 году его третья жена Мери Сью получила срок тюремного заключения за участие в этом.) С 1976 по 1979 год Хаббард, скрываясь, жил в местечке Ла-Квинта, шт. Калифорния, а затем еще около года в Хемете, удаленном примерно на шестьдесят миль. В феврале 1980 года Хаббард пропал.

25 января 1986 года в часовню городка Сан-Луис в Калифорнии позвонили с просЬбой забрать тело умершего с ранчо, расположенного в двадцати милях к северу. В свидетельстве о смерти было записано имя Лафайет Рональд Хаббард. Местный следователь сфотографировал тело и снял отпечатки пальцев, которые совпали с отпечатками пальцев

Хаббарда, хранившимися в ФБР. Время смерти было определено как 8.00 24 января, причиной смерти назвали кровоизлияние в мозг, но вскрытия не производилось из-за религиозного запрета. Позже выяснилось, что Хаббард жил на ранчо и вел уединенный образ жизни вместе с молодой четой неких Митчеллов с 1983 года. Пепел Хаббарда развеяли с маленькой лодки над Тихим океаном.

См. Рассел Миллер. «Безбородый пророк».

Хадсон Рок (Hudson Rock)

(1925-1985)

Новость о том, что знаменитый американ-ский киноактер болен СПИДом, в июле 1985 года потрясла мир, так как СПИД тогда считался исключительно болезнью гомосексуалистов. Это подтолкнуло голливудских актеров на оказание помощи в исследованиях СПИДа и проявление заботы и сострадания к его жертвам. В сентябре 1985 года знаменитые кинозвезды по инициативе Элизабет Тейлор организовали акцию в поддержку жертв СПИДа, на которой Берт Ланкастер зачитал заявление Хадсона. К тому времени больной актер весил всего девяносто семь фунтов и находился в коматозном состоянии.

Здоровье Рока Хадсона ухудшилось еще в 1983 году, когда он снимался в Израиле в фильме «Посол» с Робертом Митчамом. 8 июня 1984 года опухоль на шее актера была диагностирована как саркома Капози, которая обычно считается признаком СПИДа, позже другие тесты также подтвердили, что Хадсон действительно страдает синдромом приобретенного иммунодефицита. Но Хадсон никому ничего не рассказывал! И хотя его немногочисленные приятели знали, что он активный гомосексуалист, сам Хадсон никогда этого не подтверждал. Один из тех, кого он держал в неведении о своей болезни, был его последний любовник Марк Кристиан.

Когда Хадсон якобы проводил отпуск в Париже, он в течение восьми недель проходил лечение у доктора Доминика Дормонта. Однако из-за контракта на телевизионный сериал «Династия» лечение пришлось прервать. Он снялся в десяти сериях, девять из которых были показаны. Поцелуй с Линдой Эванс в одном из эпизодов долго обсуждался после того, как стало известно о болезни Хадсона.

Последнее публичное появление актера состоялось 15 июля 1985 года в Кармеле, шт. Калифорния, около дома его старой партнерши Дорис Дей. Хотя он был уже совсем слабым и худым,

как щепка, Хадсон все же хотел сдержать обещание представить ее новое ежегодное шоу «Лучшие друзья Дорис Дей» по телевидению. «Этот человек стоит одной ногой в могиле», — прокомментировали потрясенные журналисты.

Хадсон вернулся в Париж 20 июля, хотя его даже не хотели впускать в самолет. В отеле «Риц» актеру стало совсем плохо, и его отправили на обследование в Американский госпиталь. Новость о том, что Хадсон болен СПИДом, распространил 23 июля обозреватель «Дейли Вериег ти». Через два дня из Парижа было получено подтверждение. Когда больному зачитали сообщение в прессе, он ответил, имея в виду ожидавших около дверей палаты репортеров: «Идите и отдайте это собакам».

30 июля за 300 ООО долларов был зафрахтован большой реактивный самолет, чтобы перевезти Хадсона, его секретаря и группу врачей в Лос-Анджелес. В медицинском центре установили, что смертельно больной актер должен отдыхать и сбалансированно питаться. Немногих посетителей, которым разрешалось приходить, пропускали к нему лишь на короткое время. 24 августа Року Хадсону было позволено вернуться домой, в свою обширную гасиенду на холмах над Беверли-Хиллз. Там за ним ухаживали Том Кларк, который прожил с актером семнадцать лет, и несколько медсестер. Присутствие Марка Кристиана сочли нежелательным — его поселили в отдельный флигель и не пускали в комнату больного.

Предпринимались попытки вернуть Хадсона, оступившегося католика, в лоно той или иной церкви. Медсестра Тони Филлипс, новообращенная христианка, клялась, что 14 сентября убедила его принять Христову веру. Отец Терри Свини, иезуит, был склонен своими друзьями из общества Лойолы в Мэримаунте произвести помазание и дать умирающему причастие. Верующие актер Пат Боон и его жена Ширли рассказывали, что нашли отклик в душе почти не приходившего в сознание Хадсона.

Ранним утром 2 октября сиделка, обрадованная улучшением самочувствия Хадсона, которое, как она посчитала, наступило после нескольких дней молитв над больным, одела едва живого Хадсона и усадила его на стул. Увидевший это Том Кларк пришел в ужас и уложил Хадсона обратно в постель, и он сразу же уснул. Через час, в 8.30, было приготовлено место в госпитале. Заглянув в комнату больного около девяти утра, Том Кларк увидел плачущих сиделок, собравшихся вокруг кровати. Дыхание Рока Хадсона остановилось, он тихо умер во сне. Последние его слова были обращены к Кларку — когда тот поинтересовался, не хочет ли Хадсон чашечку кофе, умирающий ответил: «Мне кажется, что нет». В заключении о смерти непосредственной причиной было

указано «прекращение сердечной и легочной деятельности», а в качестве первопричины были названы «воспаление лимфосистемы и синдром приобретенного иммунодефицита».

Каким-то образом слухи о смерти актера распространились до того, как его тело перевезли (в фургоне без опознавательных знаков) в крематорий Глендейлского парка, и фотокорреспонденты отчаянно пытались сделать последние снимки. Похоронной службы не было. Кларк развеял пепел друга над Тихим океаном 20 октября 1985 года.

См. Джерри Оппенгеймер и Джек Витек (1986).

Харлоу Джин (Harlow Jean)

(1911-1937)

Американская киноактриса по прозвищу Белокурая бомба (название одного из двадцати трех ее фильмов) приехала в Вашингтон в феврале 1937 года, после завершения съемок в картине «Личная собственность», и присутствовала на балу в честь второй инаугурации Франклина Рузвельта. Там актриса простудилась, и во время возвращения по железной дороге в Калифорнию ей потребовался медицинский уход. Находясь на лечении в Палм-Спрингс, Джин занесла инфекцию в десну, и ей пришлось удалить несколько коренных зубов.

Харлоу еще не совсем оправилась, когда в конце апреля начала вместе с Кларком Гейблом, Лайонелом Берримором и Уолтером Пиджином работу над своим последним фильмом «Саратога». 29 мая 1937 года, после недели съемок, актриса упала прямо на площадке, откуда ее доставили в ее дом в Беверли-Хилз. Поначалу расспросы о ее здоровье были с презреньем встречены матерью Джин Харлоу Белло, ревностной приверженкой Общины христианской науки. На вопрос Кларка Гейбла, осматривал ли врач ее дочь, миссис Белло рассмеялась и предложила Гейблу приобщиться к «науке». Когда же актерам удалось войти в дом, они увидели Харлоу стонущей, в полубессознательном состоянии. Пригласили доктора И. Фишбо, специалиста по внутренним болезням. Он определил воспаление желчного пузыря и потребовал немедленной госпитализации и операции, но миссис Белло наотрез отказалась. Она неохотно позволила присутствовать медицинским сестрам, но сама не пожелала покинуть комнату больной и при малейшей возможности вмешивалась в действия медперсонала.

Запах аммония изо рта больной сестры почувствовали на шестой день — это свидетельствовало об уремическом

отравлении. Ландау вспомнил, что несколько лет назад в период двухмесячной совместной жизни Харлоу с ее мужем Полем Берном, тот несколько раз сильно ударял Джин в спину. С тех пор Харлоу время от времени жаловалась на боли в почках.

Поскольку миссис Белло не удавалось уговорить на госпитализацию дочери, были предприняты усилия отыскать отца больной, врача-стоматолога Мон-Клера Карпентара.

К 6 июня, когда двадцатишестилетнюю актрису тайно переправили из дома в лос-анджелесский госпиталь, спасти ее уже было невозможно. За ночь дважды сделали переливание крови, однако к девяти часам утра дыхание Хур-лоу стало прерывистым.

Были приняты меры, чтобы обеспечить бесперебойное снабжение кислородом. Мать пациентки тщетно пыталась растолкать ее; последняя любовь Джин, актер Уильям Пауэлл, пытался говорить с ней, пока не упал от изнеможения. Джин Харлоу умерла, не приходя в сознание, утром 7 июня 1937 года от уремического отравления.

О настоящей причине'ее смерти ходили самые невероятные слухи: неудачный аборт, рак грудной железы вследствие имплантации, неправильная диета. В гробу Джин Харлоу лежала в розовом платье. Это был костюм к фильму «Оклеветанная леди» (1936). В руку умершей вложили белую гардению с анонимной запиской «Спи спокойно, моя самая любимая». После службы в церкви мемориального голливудского парка Форест Лоун тело Джин Харлоу временно поместили в мавзолей рядом с часовней, пока не построили склеп в святилище бенедиктинцев.

Состояние Джин в 28 тысяч долларов получила ее мать. Фильм «Саратога» (1937) был доснят с Мери Динс, лицо которой во многих сценах оставалось закрытым, а голос Харлоу дублировала Паула Винслоу.

См. Ирвинг Шульман (1964).

Хелман Лиллиан (Heilman Lillian)

(1905-1984)

Американский драматург («Детский час», «Лисички») оставила три тома автобиографических заметок, оцененных весьма высоко. Всегда неустрашимый политический активист, она у многих вызывала глубокое доверие и одновременно яростные общественные разногласия. Хелман критиковали за то, что она скрывала свое членство (1936— 1940) в коммунистической партии и за преувеличение — во «Времени негодяев» — своего

влияния на Общеамериканский комитет антифашистов. Вполне очевидно, что глава «Джулия» в ее автобиографическом романе «Пентимен-то» (1973) не совсем автобиографическая, а представляет собой переработанные выдержки из воспоминаний американки Мюриэл Гардинер об австрийском антифашистском подполье. Однако самой большой ошибкой Хелман для многих стала не скрываемая ею грусть по сталинскому режиму, даже после развенчания его Хрущевым в 1956 году.

Из многочисленных любовников Хелман наибольшее влияние на нее оказал Дешил Хеммет (1894—1961), небезызвестный автор «крутых» детективов.

Последнюю зиму Лиллиан провела в Калифорнии, в доме миссис Уильям Вайлер, вдовы кинорежиссера. Уже три года Хелман носила стабилизатор сердечного ритма, почти ослепла от глаукомы и страдала эмфиземой легких из-за привычки выкуривать по три пачки сигарет в день.

Однако она наняла студента, который носил ее по лестнице и возил на машине по магазинам и ресторанам. После возвращения домой, на Манхэттен, весной 1984 года, Хел-ман однажды видели на многолюдной дискотеке, куда ее привезла знакомая актриса. «За Пэт Нил я пойду куда угодно», — сказала она.

Практически до конца жизни Лиллиан вместе со своим ближайшим другом Питером Фейбельманом, который был на тридцать лет моложе ее, работала над книгой кулинарных рецептов. Когда тот узнал, что она умирает в своем доме в местечке Мартас-Виньярд в Массачусетсе, он немедленно приехал туда и был тут же предупрежден, что она ослепла, практически парализована, периодически впадает в приступы ярости. «Как ты?» — приветствовал Фей-бельман свою подругу. «Неважно, Питер, неважно. Сейчас у меня самая плохая подставка для письма за всю мою карьеру».

Литературному критику, посетившему Лиллиан за день до смерти, Хелман призналась: «Большую часть времени я пытаюсь найти способ убить себя». Но потом добавила: «Не следовало так говорить».

30 июня 1984 года Хелман скончалась. Причиной смерти признали сердечный приступ. Похороны состоялись на кладбище в Чилмерке в присутствии известных людей искусства со всей страны. В одном из панегириков Джон Херси сказал о гневе Лиллиан... «Гнев был ее сущностью. Он давал почву для творчества». Наверное, именно гнев руководил ее другом Мартином Горданом, когда на телефонное сообщение Херси о смерти Лиллиан он резко отозвался: «Она не умерла — кто-то спустился оттуда сверху и взял ее с собой».

Состояние в 4 миллиона долларов разделили между двумя фондами «Хелман и Хеммет», а также между многочисленными друзьями.

См. Уильям Райт (1986).

Хенсон Джим (Henson Jim)

(1936-1990)

Американский кукольник, создатель Маппетов, лягушонка Кермита, в жизни очень скромный и деликатный человек умер в пятьдесят три года. Тридцатая годовщина появления Маппетов на экране в 1986 году совпала с выходом фильма «Лабиринт», который заслужил громкую хулу критиков. В том же году Хенсон официально расторг брак с женой, с которой жил порознь уже два года после двадцати семи лет супружества. Провал «Лабиринта» после столь же неудачного фильма «Темный кристалл» (1983), стал, как заметила Джейн Хенсон, «огромной неприятностью... а «Лабиринт» — просто ударом».

Последние несколько недель жизни он постоянно ездил из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк, заезжая в Орландо во Флориде, работал над несколькими фильмами и новым «Маппет-шоу» для телевидения. 4 мая 1990 года Хенсон упал во время ток-шоу, жалуясь на переутомление и боли в горле. Однако он не выбился из делового расписания, вылетев в Нью-Йорк, как и запланировал.

Хенсон и его дочь Черил провели уик-энд 12—13 мая в Северной Каролине, у родственников, переночевав в близлежащем мотеле. В субботу, 12, Хенсон посетил местного врача, жалуясь на простуду. Не обнаружив ничего серьезного, доктор ограничился советом принимать аспирин. В воскресенье он вылетел с Черил обратно в Нью-Йорк. Во время полета и в аэропорту Хенсон стал испытывать сильные боли.

В воскресенье он провел, по его словам, «трудную ночь», пытаясь заснуть в своем номере, выходящем окнами на Центральный парк, и в понедельник отменил намеченную запись программы. Вечером Хенсона навестила Джейн, и они «просто поговорили». По словам Джейн, «не было разобщенности, связанной с распавшимся браком или чего-то в этом роде. Мы просто были вместе».

Через несколько часов стали очевидны признаки серьезной болезни. В два часа утра в четверг, всего за сутки до смерти, Джим кашлял кровью и еле-еле дышал. Но он не захотел лечь в госпиталь, «чтобы не беспокоить кого-либо своей болью». Кроме того, по свидетельству Джейн, в этом проявлялось и его

воспитание «в духе христианства». Хенсон не был набожен, но религия повлияла на его мышление. «Он доверял докторам, но хотел разобраться в болезни сам».

Наконец, в четыре утра, Хенсон сказал: «Мне слишком тяжело дышать. Сердце заходится». И согласился, чтобы Джейн вызвала машину «скорой помощи». Когда его подвезли не к той двери нью-йоркского госпиталя, он предпочел пройти через все здание, чтобы лишний раз не беспокоить водителя. В 4.58 его поместили в палату.

Рентген показал абсцесс обеих легочных долей. В восемь утра Хенсону сделали анестезию и доставили его в отделение интенсивной терапии. Весь день Джейн и пятеро детей дежурили в коридоре, временами приходя проведать больного. Но он слишком поздно попросил о помощи, и надежд на спасение не было. Каких-нибудь восемь часов назад результат мог быть совсем иным. Как объяснил репортерам заведующий отделением интенсивной терапии доктор Дэвид Гелмонт, Хенсон заболел особенно опасной формой пневмонии, вызываемой стрептококками группы А. И хотя пациенту вводили шесть различных антибиотиков, инфекция, попавшая в организм Хенсона, поразила сердце и почки, его кровь потеряла способность сворачиваться. Смерть была вызвана прямым кровоизлиянием в легкие. Иммунологи пояснили, что стрептококковая инфекция группы А, начинаясь, как правило, с болей в горле, стимулирует необычайную активность иммунной системы, переполняющей организм гормонами, называемыми лимфокинами, которые нарушают работу почек и расширяют кровеносные сосуды, что приводит к резкому падению давления.

После двух сердечных приступов Хенсон скончался. Это случилось в среду, 16 мая 1990 года. На поминальной службе, проходившей с соборе Св. Иоанна Богослова в Нью-Йорке, присутствовало пять тысяч почитателей его ремесла. Кукольник, который оставил свое прибыльное дело пятерым детям, пятью годами раньше написал им письмо, которое завещал вскрыть после его смерти: «Я не боюсь того, что называют смертью, и спокойно ожидаю ее. Было бы хорошо, если на моих похоронах прозвучала бы песня или две... и кто-нибудь сказал несколько добрых слов обо мне...»

Хичкок Алфред (Hitchcock Alfred)

(1899-1980)

Родившийся в Англии режиссер фильмов «Тридцать девять

шагов» (1935), «Психоз» (1960) был автором еще более пятидесяти картин английского и американского производства. Хичкок более полувека был верным мужем Альмы Ревиль, маленькой хрупкой женщины, но коллеги отмечали темную сторону его личности, проявлявшуюся в последние годы в навязчивых ухаживаниях за многими молодыми актрисами, как на съемочной площадке, так и вне ее.

Когда 7 марта 1979 года Американская академия киноискусства планировала вручить ему награду за достижения в кино, Хичкок отказался от какого-либо участия в приготовлениях. «Создавалось впечатление, что он присутствует при чтении собственного некролога и не хочет быть при погребении», — заметил один из его коллег. Альма смогла присутствовать, несмотря на частичный паралич. Ответную речь Хичкока записали заранее, так как боялись, что он будет в невменяемом состоянии и не сможет ничего произнести.

Хичкок начал сильно сдавать еще до завершения своего последнего фильма «Семейный заговор» (1976) и хотя не раз обсуждал будущие планы, у него ничего не выходило. Днем режиссер находился в своем офисе, жалуясь на маленький штат, собственные болезни и одиночество; время от времени он приставал с непристойностями к секретарше или впадал в приступы ярости и кричал на нее. В мае 1979 года Хичкок без предупреждения закрыл офис, даже не заплатив компенсацию персоналу. Когда Ингрид Бергман приехала к нему домой в Беверли-Хилз, он схватил ее за руки и, заливаясь слезами, пробормотал: «Ингрид, я скоро умру».

В январе 1980 года А. Хичкок был удостоен королевой Елизаветой II титула «сэр». Британский консул вручил верительные грамоты в торжественной обстановке. В марте Хичкок сумел записать на пленку вступительную речь для вечера памяти Джеймса Стюарта в Американской Академии киноискусств. Смерть режиссера была легкой. Боли артрита к апрелю прекратились, и он мог спокойно спать. Однако почки и печень отказали, и 29 апреля 1980 года он тихо скончался у себя дома.

На похоронной службе в церкви Доброго пастыря в Беверли-Хиллз было не меньше пятисот человек. Присутствовали многие актеры, снимавшиеся в его фильмах. Тело кремировали, а пепел развеяли над Тихим океаном.

См. Дональд Спото (1983).

Холден Уильям (Holden William)

(1918-1981)

Американский киноактер сыграл свою первую главную роль в фильме «Золотой мальчик» (1939), который вызвал ажиотаж у касс кинотеатров. С Глорией Свенсон Холден сыграл в фильме «Бульвар заходящего солнца» (1950) и получил «Оскара» за «Стэлаг 17» (1953). Но актер был мнительным человеком, и сомнение в собственных актерских способностях стало причиной его алкоголизма почти с самого начала карьеры в кино. После развода с Брендой Маршал его имя упоминалось в ряду с именами многих голливудских звезд. Немало времени Холден проводил в Африке, где занимался спасением исчезающих видов животных и потом открыл охотничий заповедник в Кении.

Роли Холдена в фильме «Сеть» (1976) и его последней работе «С. О. Б.» (1981) были оценены критиками, как «символ стойкой благопристойности». Возвращаясь самолетом в Лос-Анджелес в июле 1981 года после рекламной поездки с «С. О. Б.», актер говорил своим коллегам о смерти: «Я сделал все приготовления. За двадцать пять долларов меня приняли в общество Нептуна. После смерти мое тело сожгут и развеют пепел в океане. Не хочу, чтобы мои деньги тратили на громадный монумент на проклятом голливудском кладбище». Расстроенный тем, что работа над картиной «Сезон чемпионов» была отложена до 1982 года, Холден переехал из дома в Палм-Спрингс в тринадцатиэтажный дом в Санта-Монике, шт. Калифорния, совладельцем которого он являлся. С тех пор он редко появлялся на людях, общаясь по телефону — чаще всего будучи нетрезвым — с друзьями и коллегами. Когда режиссер «Сезона чемпионов» Уильям Фридкин позвонил ему 2 ноября, Холден нетвердым голосом проговорил: «Я собираюсь сделать картину, Билли». И добавил: «Увидимся в Африке». Телефонные звонки режиссера на протяжении следующей недели оставались без ответа.

Когда управляющий открыл двери квартиры Холдена 16 ноября 1981 года, он увидел тело актера в луже крови на полу. Положение тела и окружающих предметов указывало на то, что он поскользнулся на коврике и ударился правым виском об угол ночного столика. Холден был мертв уже несколько дней; очевидно, он пытался остановить кровь бумажными салфетками и был слишком пьян, чтобы позвать на помощь. Вероятно, он потерял сознание примерно через пять минут и умер спустя полчаса. Телевизор работал, рядом лежал сценарий, на кухне стояла пустая литровая бутылка водки.

Похорон не было — общество Нептуна выполнило оплаченные двадцатью пятью долларами обязательства.

См. Боб Тома. «Золотой мальчик» (1983).

(1844-1889)

Стихи английского поэта и иезуитского священника были опубликованы через много лет после его смерти, но теперь они вошли в число классических поэтических произведений и признаны намного опередившими свое время. Рожденный в англиканской вере, Хопкинс принял католичество в 1867 году. Через одиннадцать лет, когда поэт принял сан священника, он сжег все написанные к тому времени сочинения. Последние пять лет Хопкинс был профессором классической словесности Дублинского университетского колледжа.

Тщедушный застенчивый человек, обремененный тяжкими обязанностями, — многие из которых он взвалил на себя добровольно, — Хопкинс периодически впадал в меланхолию, которая граничила с сумасшествием. 29 апреля 1889 года он послал свое последнее сочинение, сонет «К. Р. Б.», ближайшему другу, будущему поэту, лауреату различных премий Роберту Бриджесу. Сонет был написан неделей раньше, в один из редких свободных дней, когда Хопкинс бывал в своем доме под Дублином. В приложенном письме говорилось: «Сегодня я болен, но настроение все равно хорошее... Теперь я должен прилечь».

Несколько дней Хопкинс не вставал с постели, но поначалу болезнь его не воспринималась всерьез. Хопкинс писал своему отцу в Англию: «Вчера у меня был доктор. Мою болезнь он посчитал ерундой — такое лечение вряд ли может быть благодарным». Недуг Хопкинса был особенной формой тифа, которым он, несомненно, заразился вследствие плохого санитарного состояния комнат, в которых он проживал в Дублине. (После его смерти в канализации было обнаружено огромное количество крыс и гниющих отбросов.)

Хопкинс умер не сразу — в течение шести недель болезнь постепенно изнуряла его. К 4 или 5 июня развился перитонит, и срочно послали за родителями Хопкинса. Последние обряды были совершены утром 8 июня 1889 года, в тот же день Хопкинс умер. Говорят, что последними его словами были: «Я так счастлив», — которые поэт прошептал несколько раз.

Из-за боязни распространения инфекции тело не перевозили в иезуитскую церковь, во время мессы гроб стоял пустым. Погребение совершили на кладбище Надежды на участке, отведенном для общения с Иисусом. Поскольку отдельные могилы не обозначались, сейчас вряд ли можно определить точное расположение могилы Хопкинса.

Некрологов на его смерть было немного, и ни в одном из них

не упоминалось о поэтическом таланте покойного священника. Говорилось лишь о его преподавательской деятельности и критическом наследии. Р. Бриджес удержался от публикации стихов своего друга, поскольку не мог сопроводить их биографическими сведениями, которые бы свидетельствовали о чудаковатости умершего. Несколько ранее опубликованных в антологиях стихов были, правда, встречены критиками довольно благосклонно. Наконец, почти через тридцать лет после смерти Хопкинса, Бриджес в 1918 году опубликовал его первое собрание стихов. Эзра II Паунд, в частности, назвал их «полезными, но нудными, в свое время незаслуженно обойденными вниманием, а позже необоснованно превознесенными метрическими трудами Дж. Мэнли Хопкинса».

См. Норман Уайт (1992).

Хоффа Джеймс Риддл (Hoffa James Riddle)

(1913-1975)

Любивший поспорить президент Международного Союза транспортных рабочих (1957—1971) был похищен и, по предположению, убит 30 июля 1975 года.

Хоффа был обвинен судом в подделке документов и растрате и начал отбывать наказание в федеральной тюрьме Левисбурга в марте 1967 года. Он оставался на посту президента Союза рабочих вплоть до 1971 года, когда под давлением претендента Франка И. Фицсиммонса администрация Никсона освободила Хоффу с занимаемой должности.

Возмущенный тем, что его отстранили от всех дел компании, Хоффа начал судебный процесс с целью восстановления своего положения. Но по мере того, как Фицсиммонс и его соратники отражали все попытки вернуть свое былое могущество, популярность Хоффы среди членов профсоюза стала постепенно таять. Хоффа обвинил нового президента в том же, в чем был повинен сам: «продажности» и «выдаче огромных ссуд из пенсионного фонда транспортных рабочих гангстерам». Для руководителей профсоюза, а главное для тех, кто стоял за ними, Хоффа стал представлять ощутимую угрозу.

30 июля 1975 года Хоффа выехал иа своего летнего дома на озере, к северу от Детройта, на деловую встречу в ресторан, находящийся в четырнадцати милях от Детройта. Его жене Жозефине показалось, что Хоффа нервничает, когда он выезжал из гаража на своей машине. Он сказал, что должен встретиться с двумя людьми: его приятелем Энтони Джикалоне —

«исполнителем» детройтской мафии, и Энтони Провинзано — главой мафии, который, кроме того, руководил отделением профсоюза транспортных рабочих в Нью-Джерси.

Авторы трех книг, вышедших в 1977—1978 годах, в основном сходятся в описании того, что произошло дальше. Хоффу встретил Чарльз О'Брайен, который с детства жил в его семье. В машине, куда его посадили, вместе с О'Брайеном находились сорокапятилетний Сальваторе Бригуглио и еще один человек — Тони Про. (У самих Тони Про и Тони Джакса были неоспоримые алиби.)

Хоффу, вероятно, оглушили рукояткой револьвера и где-то в окрестностях Детройта удушили, либо застрелили. Убийцы в тот же вечер вернулись в Нью-Джерси на частном самолете, вылетевшем из аэропорта Понтиак. Непосредственным исполнителем, скорее всего, был Бригуглио, которому предъявили обвинение, но он был застрелен в ресторане и не успел предстать перед судом.

По одному из предположений, тело Хоффы было уничтожено на контролируемой мафией центральной санитарной станции в Хемтремке, где имелись машины для переработки мусора, уплотнитель и печь для сжигания.

Ц

Цицерон Марк Туллий (Cicero Marcus Tullius)

(106—43... до н. э.)

Имя Цицерона, римского трибуна, законодателя, философа, писателя и оратора, которого называли «самым красноречивым из сыновей Ро-мула», известно всему миру. Достигнув зенита своей славы, он выступил перед сенатом со своей знаменитой речью, разоблачающей революционные замыслы Люция Сергия Катилины. Предводитель повстанцев бежал, но его соратников казнили. В 58 году Цицерона сослали в Фессалию.

Цицерон вернулся в Рим в октябре 48 года, получив прощение за поддержку Помпея, соперничавшего с Цезарем в борьбе за Римскую империю. После убийства Цезаря Октавианом, когда в конце октября 43 года образовался триумвират Октавиана Августа, Антония и Лепида, имя Цицерона появилось в списках осужденных на смерть.

Зная о вынесенном ему приговоре, Цицерон отказался от решения покончить жизнь самоубийством. Он уехал из Рима вместе с братом Квинтием Туллием Цицероном и поселился в своем доме в Тускулуме, к юго-западу от города. Узнав, что они объявлены преступниками, братья решили бежать. Квинтий вернулся в Рим, чтобы взять немного денег, но рабы предали его, и он был убит. Цицерон добрался до своего дома в Астуре, на Эгейском побережье. Оттуда он попытался бежать в Грецию, но, так и не решившись, вернулся на материк. 7 декабря 43 года убийцы из Рима прибыли в дом Цицерона в Формике, на Кимпанийском побережье. Центурион Херен и военный трибун Попилий нашли свою жертву в саду. Видя, что обречен, Цицерон не опустил глаз даже тогда, когда над ним занесли меч. Отрубленные руки и голову доставили Антонию, который, злорадствуя, принял трофеи и передал их своей жене. Она изуродовала голову Цицерона, после чего ее выставили на трибуне в Риме.

См. У. К. Лэйси (1978).

Ч

Чандлер Раймонд (Chandler Raymond)

(1888-1959)

Уроженец Чикаго, получивший образование в Англии, создатель образа Филиппа Марло, жесткого, но справедливого частного детектива, Чандлер переехал в местечко Ла-Джолла, шт. Калифорния, в 1946 году.

В 1954 году после смерти своей жены Сиззи, которая была старше его на восемнадцать лет, Чандлер впал в отчаяние. «Тридцать лет она была частью моего сердца», — писал он. Первое время после смерти жены у Чандлера часто возникали мысли о самоубийстве, он даже наблюдался у психиатра.

Чандлер отправлялся несколько раз в путешествия по Англии, где его книги пользовались особенной популярностью.

Вернувшись в Ла-Джолла, он закончил свой последний роман «Воспроизведение» и, как истинный джентльмен, пытался помочь своей секретарше в ее безнадежно запутанных делах. Лондонская коллега Чандлера Хельга Грин перелетела океан, чтобы поддержать его, даже согласившись на замужество; однако, получив отказ ее отца в Нью-Йорке, Чандлер вернулся в арендуемый им дом в Ла-Джолле и опять начал пить. Он умер от пневмонии 26 марта 1959 года и был похоронен на кладбище Моунт Хоуп в Сан-Диего.

См. Франк Макшэйн (1976).

Чаплин Чарльз (Chaplin Charles)

(1889-1977)

Английский комедийный актер и продюсер поселился в Швейцарии, на восточном берегу Женевского озера, после того как ему отказало в визе американское правительство периода маккартизма. (Ч. Чаплин постоянно обвинялся в симпатиях к коммунистам, и многие были возмущены тем, что ему отказали в получении американского гражданства.) Знаменитый комик и его жена Она О'Нил растили восьмерых детей в своем поместье. В последние месяцы Чаплин был прикован к инвалидной коляске, почти полностью потеряв зрение, слух и речь. Он тихо скончался в возрасте восьмидесяти восьми лет ранним утром на Рождество 1977 года, и его похоронили в скромной могиле над озером.

В ночь с первого на второе марта 1978 года трехсоткилограммовый гроб был украден. Сначала похитители хотели спрятать его, углубив могилу, но сочли этот способ слишком трудоемким. Гроб нашли закопанным на кукурузном поле 17 мая, потом стало известно, что преступники — Роман Вардас и Ганчо Ганев — сделали семье Чаплина тридцать семь телефонных звонков с требованием выкупа. Вардаса задержали, когда тот звонил из телефонной будки в Лозанне. Он был приговорен к четырем с половиной годам тюрьмы, а Ганев получил полтора года условно. Гроб поместили в специальный бетонный саркофаг на том же кладбище.

Чарльз II (Charles II)

(1630-1685)

Через одиннадцать лет после того, как обезглавили Чарльза 1, его сын Чарльз 11 въехал в Лондон в канун своего тридцатилетия и при всеобщем ликовании был провозглашен королем Великобритании и Ирландии. Люди, пострадавшие от гражданской войны и правления Оливера Кромвеля, были подготовлены к периоду правления Чарльза II, который впоследствии назвали «золотыми днями доброго короля Чарльза».

У него несколько раз случались приступы судорог в 1678 году, но общее состояние здоровья короля оставалось хорошим, пока в начале 1685 года подагра не заставила его отказаться от ежедневных прогулок в парке. Последний воскресный вечер Чарльза, как отмечал мемуарист Джон Эвелин, был полон «непередаваемой роскоши и светского блеска, игр и всяческого беспутства». Король играл со своими любовницами — герцогиней Портсмутской Луизой де Керуаль, леди Кастлмайн и герцогиней Мазарини. Мальчик-француз пел любовные песни на галерее, и множество людей играли в карты, с общей ставкой не менее двух тысяч фунтов золотом.

Тем вечером, 1 февраля 1685 года, Чарльз был неутомим. А на следующее утро речь короля была глуха и невнятна, и он казался рассеянным. Он попытался обратиться к приближенным в своей обычной живой манере, но внезапно с громким криком упал на руки одного из камергеров. К счастью, среди присутствующих был доктор Эдмунд Кинг — он вскрыл вену на правой руке Чарльза перочинным ножом, после этого находившегося без сознания короля перенесли в постель и вызвали других врачей.

Чарльзу прописали абсолютный покой и тишину, пока он не

придет в сознание. Короля приезжали осматривать многие врачи, и на консилиуме было решено применять поочередно банки, вытяжной пластырь, сделать кровопускание, давать слабительное и рвотное. Чарльзу дали понюхать нашатырь, чтобы стимулировать работу мозга и вызвать чихание. На следующий день состояние короля еще более ухудшилось, но обильное кровопускание и повторный прием слабительного были произведены. На четвертый день болезни решили давать менее сильное слабительное. Ночью врачи заметили, что король мучается от боли.

Весь следующий день ему давали хинную корку в сахарном сиропе. К вечеру пятого дня своей болезни король был совершенно измучен. Медицинские записи свидетельствуют, что Чарльза лечили четырнадцать докторов, применявших множество всевозможных лекарств и методов лечения. К чести Чарльза, он переносил все с юмором и даже извинялся, что так долго умирает.

Священники англиканской церкви убеждали короля подумать о своей бессмертной душе и принять последнее причастие, но он отказался. Когда же герцог Джеймс Йорк получил от Луизы де Керуаль записку о том, что король тайно принял римскую католическую веру, он шепотом сказал умирающему, что сам найдет ему священника. «Бога ради, сделай это немедленно», — пробормотал Чарльз. В комнате не было посторонних, кроме двух самых преданных слуг, когда привели отца Джона Хэдлстона, который спас жизнь королю в Уорчестере в 1651 году. «Спасший мое тело, ты теперь пришел спасти мою душу», — сказал Чарльз. Король покаялся и получил отпущение грехов. Королева Кэтрин Браганская прислала просьбу о прощении за все зло, когда-либо причиненное ею королю. «Увы, бедная женщина, — отвечал Чарльз, — она просит моего прощения?! Я всем сердцем умоляю ее о прощении, передайте ей этот ответ».

Незаконнорожденные сыновья короля (других у него не было) пришли преклонить свои колени для последнего благословения. Он попросил герцога Йорка позаботиться о Луизе и их детях.

В шесть часов утра 6 февраля 1685 года Чарльз II велел раздвинуть шторы, чтобы увидеть последний в своей жизни рассвет. Через несколько часов король впал в кому, дыхание его стало громким, прерывистым, и в полдень Чарльз умер.

Из-за распространившихся слухов о том, что король был отравлен, пришлось произвести вскрытие. Сохранившееся заключение подтвердило, что король умер своей смертью. Современные специалисты предполагают, что причиной конвульсий и последовавшей болезни явился хронический

нефрит (болезнь Брайта), перешедший в уремическую кому.

Тело Чарльза в течение нескольких дней было выставлено для прощания в Уайтхолле, над ним возвышалось восковое изображение в малиновой мантии. В глухую полночь 14 февраля тело в свинцовом гробу перенесли в Вестминстерское аббатство и захоронили в гробнице часовни Генриха VII. В 1867 году при установке отопительной системы обнаружилось, что гроб развалился и видны останки короля.

Черчилль, лорд Рэндольф (Churchill Lord Randolph)

(1849-1895)

Как и позднее его сын Уинстон, лорд Рэндольф был прекрасным парламентским оратором, способным увлечь аудиторию. Именно этим он пользовался, настраивая своих соратников-консерваторов против либералов администрации Гладстона и проводя идеи демократов тори против своего личного недруга маркиза Солсбери.

Являясь членом Палаты общин в течение двадцати лет, Черчилль активно работал лишь две трети этого срока из-за своей болезни. По всей видимости, он заразился сифилисом задолго до начала своей головокружительной карьеры и женитьбы в двадцать четыре года на девятнадцати-летней нью-йоркской красотке Дженни Джером. (Однажды он сказал одной своей родственнице, что предпочитает вовсе не великосветских леди, а грубых женщин, из тех, что танцуют, поют и пьют одновременно, — и чем грубее, тем лучше.)

Сифилис многообразен в своих проявлениях и убивает медленно, при этом разрушая тело и мозг. Черчилль был властным, импульсивным и весьма энергичным человеком. Но после болезни и депрессии он долго не появлялся на общественной арене. К 1886 году Черчилль наполовину оглох. Он лечился препаратами ртути — единственным в то время средством от сифилиса, но ртуть сама по себе является ядом и вызывает слабость и дрожь. Помимо прочего, Черчилль принимал лекарство от сердечной недостаточности. Так или иначе, хотя симптомы стали уже очевидны, и даже на газетных фотоснимках были отчетливо видны полуопущенные веки, свидетельствующие о частичном параличе мускулов, леди Рэндольф старательно скрывала состояние мужа. «Будет очень тяжело, если все всплывет, — писала она своей сестре сразу же после смерти мужа. — Это нанесет непоправимый ущерб его памяти и политической репутации и станет ужасным испытанием для всех нас».

За девять лет до смерти, в возрасте тридцати семи лет, лорд Рэндольф выглядел как «человек, который перенес удар». Р. Ф. Фостер в своей биографической работе 1981 года отметил: «...к 1892 году его запинающаяся речь, головокружения и дрожь конечностей проявились вполне явственно. Позднее, при полном параличе, у него начались эйфорические галлюцинации, не раз вызывавшие замешательство и ужас у окружающих в последние два года». В своей биографии 1905 года сын лорда Рэндольфа Уинстон описывал предсмертные дни отца иначе: «Тогда природа милосердно прибегла к собственной анестезии, и остаток пути был для него менее мучителен, чем для тех, кому пришлось быть рядом. На самом деле он был даже счастлив последние несколько месяцев». Согласно медицинскому исследованию Р. Гринблэта (1984), в это время Черчилль «ходил с трудом, выворачивал ноги и громко топал. Конечности и суставы опухли, тело покрылось гноящимися язвами, вскоре он стал страдать энурезом. Последние выступления Черчилля в Палате общин были ужасны.

В июне 1894 года политик отправился в кругосветное путешествие, которое пришлось прервать в Бирме, когда силы его совсем истощились. В декабре, когда Черчилль был уже в коматозном состоянии, его привезли в Лондон.

Лорд Черчилль умер в доме своей матери 24 января 1895 года. Толпы людей прошли в похоронной процессии по улицам Лондона. Его похоронили в Блейдоне, в миле от родительского дома в Бленхейм-Касл. Через семьдесят лет там же был погребен его сын, Уинстон Черчилль, похороны которого были еще более пышными и многолюдными.

Чивер Джон (Cheever John)

(1912-1982)

Американский новеллист и романист был нежеланным ребенком разведенных родителей. Первый его роман — «Хроника Уопшота» (1957) имел огромный успех, но потом слава долго не возвращалась.

Сердечные приступы у Чивера начались в 1973 году, а в 1980, во время работы в писательской организации «Ядцо», вице-президентом которой он являлся, Чивер перенес первый апоплексический удар. В последние месяцы жизни писатель был подвержен состояниям «отрешения от реальности», когда рассудок уходил от настоящего в некое вневременное измерение.

Дочь Чивера Сьюзан в своей правдивой биографической книге «Дом перед темнотой» (1984) описывает алкоголизм отца и

его бесчисленные увлечения, подрывавшие и едва не разбившие брак родителей. Злоупотребление алкоголем и лекарствами довели Чивера к весне 1975 года до низшей ступени падения. Курс писательского искусства, который он читал в Бостонском университете, отменили, а самого Чивера госпитализировали в нью-йоркскую наркологическую клинику. Но с ним произошел драматический переворот — Чивер бросил пить, отказался от транквилизаторов, а в 1978 году бросил курить.

«Ко мне словно вернулся мой прежний отец, — вспоминает Сьюзан. — Он превратился из алкоголика, принимающего наркотики и выкуривающего в день по две пачки «Мальборо», в человека столь трезвого образа жизни, что его главным наркотиком сделался сахар на десерт и кофеин в крепком чае со льдом, который он пил вместо виски».

Но Чивер остро нуждался в ласке, и это в конце концов выразилось в склонности к гомосексуализму, которая долгое время подавлялась его пуританским английским воспитанием. Его любовник, которого звали Рип, часто подолгу жил вместе с Чиверами в их доме в Оссининге.

Наиболее удачный свой роман «Сокольничий» (1977) писатель начал писать в заключении. Через год после выхода из клиники роман был закончен, Чивер к этому времени стал регулярно посещать собрания местного отделения анонимных алкоголиков. За сборник рассказов «Истории Джона Чивера» писателя удостоили Пулитцеровской премии 1979 года.

Через два года, в 1981 году, у Чивера обнаружили рак почек, уже распространившийся на легкие. Он умер в своем доме 18 июня 1982 года. Поздним вечером пастор церкви Святой Троицы совершил последние обряды в темной, жарко натопленной комнате у изголовья умирающего.

«Под покрывалами ноги и руки отца все время вздрагивали, — писала потом Сьюзан. — Дышать ему было все труднее... я услышала негромкий кашель... и мой отец умер».

После службы в Норуэлле, шт. Массачусетс, Джона Чивера похоронили рядом с родителями и братом на деревенском кладбище, под большим кленом на склоне холма, всего в нескольких милях от места его рождения в Куинси.

Э

Эббот Уильям (Бад) (Abbot William)

(1895-1974)

Нескладный высокий артист из дуэта «Эббот-Костелло», Эббот страдал частыми припадками эпилепсии. В начале карьеры группы, когда подобное случалось на сцене, Jly Костелло приводил Эббота в чувство сильным ударом в солнечное сплетение. По настоянию Костелло дуэт распался в 1956 году.

Злостный налогонеплателыцик, Эббот за последние десять лет перенес несколько инсультов и переломов ноги. Артист тихо скончался в своем скромном доме в Вудлэнд Хиллз, шт. Калифорния, 24 апреля 1974 года. Пепел его развеяли над океаном.

Эдди Мери Бейкер (Eddy Magy Baker)

(1821-1910)

Основательница Общины христианской науки в январе 1908 года переехала в особняк под Бостоном, ставший ее последним пристанищем. Она решила поселиться там после того как родной Нью-Хэмпшир стал опасным для ее жизни из-за «пагубного животного магнетизма». Эдди была убеждена, что в 1882 году это свело в могилу ее третьего мужа, Эйса Гилберта Эдди. Мучившаяся тем, что не сумела спасти его, хотя к тому времени она была уже знаменитой целительницей, Эдди сначала была убеждена, что его отравили мышьяком, однако никаких остатков мышьяка при вскрытии не было обнаружено.

При жизни миссис Эдди о ней вышло немало льстивых статей и книг, но достаточно было и критических, среди которых книга Марка Твена, вышедшая в 1907 году, и увидевшая свет в том же году серия документально аргументированных статей «Макклюр». Психоаналитик Джулиус Зильбергер в биографии 1980 года отметил: «Сочинители серии «Макклюр» сходились в одном — они считали миссис Эдди великой мастерицей притворства и надувательства». Но ее поразительная стойкость, изобретательность и целеустремленность стали образцом для других женщин, которые в то время практически были лишены свободы выбора. Зильбергер заключает: «Многие религиозные общества были основаны людьми не от мира сего... которые

оставляли другим задачи организации, написания книг, установления ритуалов и принципов веры, усмирения недовольных и сохранения памяти основателя. Мери Бейкер Эдди обслуживала себя сама и продолжала интенсивно работать даже в восемьдесят девять лет.

Миссис Эдди распорядилась основать в своем особняке религиозную организацию. Когда в 1909 году возникла угроза ее авторитету в лице миссис Августы И. Сетсон, основательницы нью-йоркской церкви Христа, на Мери Эдди наложили епитимью за «отлучение» своих врагов с целью навредить им, и она была изгнана из собственной церкви.

В последний год жизни большую поддержку миссис Эдди оказал некий Кельвин Фрай, который был моложе ее на двадцать четыре года и исполнял все ее желания. Он терпеливо сносил частые вспышки раздражения и утешал Эдди в те часы, когда кошмары и «зловещие месмеричес-кие влияния» угрожали ей удушьем. Когда силы Мери начали убывать, она попросила Фрая записать, если она умрет от естественных причин, что это было «ментальное убийство» зловещим животным магнетизмом.

Мери Эдди умерла от пневмонии в собственном доме 3 декабря 1910 года. На следующий день, в воскресенье, первый причетник Общины христианской науки объявил во время службы, что она просто удалилась из земного видения. Похороны прошли скромно, а погребение тела на кладбище Монт Обурн было отложено до завершения строительства гробницы. Было напечатано множество некрологов в разных газетах и сообщения о похоронах Эдди, но нигде не указывалась причина ее смерти. Поскольку в состав совета опекунов издательства Христианской науки и совета директоров церкви входили разные люди, между ними начались затяжные судебные разбирательства.

Фрай, опасаясь за свое положение, напомнил властям, что знает многие факты личной жизни Мери Эдди, которые лучше не раскрывать. Он был оставлен в доме Эдди и получил щедрую пенсию. Несколько лет спустя на смертном одре он отрекся от церкви.

Эджи Джеймс (Agee James)

(1909-1955)

Известный американский писатель, посмертно удостоенный Пулитцеровской премии за роман «Смерть в семье» (1957), Эджи использовал в своем произведении много автобиографического, например, описание гибели отца в автомобильной катастрофе в

1916 годуй свои взаимоотношения с отчимом, священником епископальной церкви Джеймсом Горальдом Флаи. После гибели отца, его, восьмилетнего ребенка, отдали в школу-интернат в Теннесси, и матери мальчика запретили встречаться с ним чаще одного раза в неделю. Интерес к описанию смертей (как заметил один критик, тема смерти присутствует в большинстве произведений писателя), без сомнения, явился причиной беспорядочной, саморазрушающей жизни Эджи с тремя женитьбами, беспорядочными половыми связями и чрезмерным увлечением табаком и алкоголем.

Первый сердечный приступ у Эджи случился в 1951 году. Писатель жил тогда в Калифорнии и работал над сценарием фильма «Африканская королева», впоследствии принесшим ему «Оскара». После приступа Эджи вместе с женой Мией возвратился в Нью-Йорк. Больное сердце вынуждало его искать квартиру на первом этаже Кинч-стрит, 17, в Грин Виледж. В январе 1955 года Эджи написал отцу Флаи об участившейся аритмии, приступы которой случались до восьми раз в день. К этому времени писатель с отвращением воспринимал то, во что превратилась его жизнь, и осознавал, что сделался безнадежным алкоголиком. Нуждаясь в средствах, чтобы закончить «Смерть в семье», Эджи написал сценарий о колониальном Вильямсбурге и искал себе работу. Однако до последнего момента, как рассказывала Мия биографу Эджи Марку А. Доти, он «не был склонен к умеренности».

Утром 16 мая 1955 года Эджи поехал на такси к своему доктору Артуру Сатерленду. По дороге он почувствовал сильнейшую боль в груди. Когда писатель потерял сознание, шофер, который после этого так и не был найден, привез Эджи в госпиталь Рузвельта, где была засвидетельствована его смерть. Прилетевший из Канзаса отец Флаи отслужил панихиду по своему пасынку в часовне святого Луки в Нью-Йорке. Затем гроб отвезли в Хилсдейл, шт. Нью-Йорк. Там, недалеко от семейной фермы, Эджи похоронили в простой могиле. Писатель не оставил ни завещания, ни страхового полиса. На его банковском счету осталось всего 450 долларов. -

См. Лоуренс Бергрин (1984).

Эдуард VII (Edward VII)

(1841-1910)

Старший сын королевы Виктории стал преемником матери, когда ему исполнилось уже пятьдесят девять. Эдуард был

благовоспитанным светским человеком и тонким дипломатом в государственных делах.

В конце апреля 1910 года он выехал из Лондона в королевскую резиденцию в Сендрингеме, находящуюся в графстве Норфолк. Хотя было холодно и сыро, Эдуард посетил деревенскую часовню и осмотрел свою домашнюю ферму. 2 мая он вернулся в Букингемский дворец простывшим. Ночь Эдуард провел борясь с приступами кашля. Однако даже доктора не могли удержать его в постели. Отдыхавшая в Греции королева Александра возвратилась 5 мая и нашла мужа разбитым, измученным, корчившимся в муках на стуле, едва способным говорить.

Утром следующего дня состояние короля резко ухудшилось — случилось несколько сердечных приступов, и он едва дышал. Однако Эдуард по-прежнему отказывался лечь. Ему дали морфин, и он, прошептав: «Я не сдамся. Я буду работать до конца», — потерял сознание. Жестом, полным сострадания, королева предложила Элису Кеппе-лу, придворному короля с 1898 года, проститься с умирающим. Только за несколько минут до смерти Эдуарда перенесли в постель. Архиепископ Кентерберийский прочитал молитвы, и 6 мая 1916 года король скончался.

В течение недели тело не трогали, чтобы приезжающие друзья могли проститься. Один из них писал: «Никакого выражения боли или страха смерти на лице. Даже легкий румянец на щеках и улыбка, которая бывает у мирно спящих людей».

Полмиллиона подданных прошли мимо катафалка короля, когда тело было выставлено в Вестминстерском аббатстве. На прощальном параде 20 мая терьер Эдуарда, по кличке Цезарь, шел сзади катафалка с останками хозяина. В Виндзоре сотня королевских солдат подняла гроб на холм к часовне Св. Георга. В конце церемонии захоронения гроб опустили в склеп под алтарем.

Эйхман Адольф (Eichmann Adolf)

(1906-1962)

Был нацистским военным преступником. Он переехал в Аргентину в 1949 году и жил в Буэнос-Айресе под именем Рикардо Клемент. 11 мая 1960 года Эйхман возвращался с завода «Мерседес-Бенц», на котором он работал, и был схвачен около своего дома в Сан-Фернандо агентами израильских спецслужб, затем переправлен через Западную Африку в Израиль под видом

инвалида.

В 1961 году, пока шел четырехмесячный процесс, Эйх-ман находился в иерусалимской тюрьме, в камере с пуленепробиваемым стеклом. Собранные в ходе расследования улики неоспоримо свидетельствовали, что он фанатично уничтожал евреев, будь то женщина, мужчина или ребенок. Эйхмана признали виновным в преступлениях против еврейского народа и против человечества и приговорили к смерти 13 декабря 1961 года. Не приняв заявление осужденного о том, что он лишь выполнял приказы, апелляционный суд 29 мая 1962 года заключил: «Эйхман действовал, а руководство одобряло». Вечером 31 мая президент Израиля Ицхак Бен Зви отклонил просьбу о помиловании.

Для приведения в исполнение первого в Израиле смертного приговора была подготовлена комната на третьем этаже тюрьмы «Рамла». Казнь состоялась поздним вечером 31 мая 1962 года. Отказавшись от капюшона, Эйхман сказал присутствующим, что вскоре встретится с ними вновь и умирает с верой в Бога. Эйхман прокричал: «Да здравствует Германия... Аргентина... Австрия... Передайте привет жене, семье и друзьям. Я был вынужден повиноваться закону войны и моему флагу». На шею Эйхмана надели петлю;· трое людей, скрытых за занавесками, нажали на рычаги, которые открывали крышку люка... Через несколько минут наступила смерть. А через три часа тело сожгли и пепел развеяли над гаванью Хайфы.

См. Мош Пэлман (1963).

Элгар (Эльгар) сэр Эдуард (Elgar Sir Edward)

(1857-1934)

Композитор, скрипач, дирижер, органист, который был признан вторым (после Генри Пёрселла (1659—1695) корифеем английской музыки, создал все свои наиболее значительные творения, начиная с вариаций «Загадка» (1899) и заканчивая Концертом для виолончели (1919), за двадцать последних лет жизни из своих семидесяти семи.

Элгар был застенчивым человеком, а его жена была претенциозной , и он стеснялся перед ней своего низкого происхождения. Элгар не получил специального музыкального образования и сомневался в своем композиторском таланте, хотя в последние годы он иногда с удовольствием слушал свои творения, как если бы они были написаны другим композитором. (Однажды, слушая свой симфонический этюд «Фальстаф»,

композитор заметил: «Мне кажется, это неплохой фрагмент».) Супруги часто разлучались (композитор ненавидел городскую жизнь), но ее смерть в 1920 году стала поворотным пунктом в творчестве Элгара. Хотя сегодня музыка композитора получила мировое признание, при жизни все было иначе — в «Музыкальной энциклопедии» 1930 года Элгару уделено лишь 16 строк, тогда как забытые ныне Губерт Перри и Чарльз Вилльярс Стэнфорд удостоились соответственно 66 и 41 строки.

В 1932 году семидесятипятилетний Элгар встретился с шестнадцатилетним Иегуди Менухином, чтобы обсудить предстоящую запись Концерта для скрипки (1910). Композитор был потрясен творческой зрелостью юного американского скрипача. «Ваша дружба возродила во мне интерес к жизни», — сказал позднее Элгар.

В августе 1932 года исполнительный директор компании грамзаписи Уолтер Лег сообщил композитору, что распространяются слухи о том, что он будто бы пишет третью симфонию. У Элгара были написаны только две симфонии, но он ответил двусмысленно, и фальшивые известия быстро распространялись. Телекомпания BBC предложила тысячу фунтов и еще тысячу четырьмя выплатами в течение года. Вместо того чтобы отказаться, признав, что им закончены лишь две симфонии, Элгар согласился на предложенные условия и обещал вскоре начать записывать партитуру третьей симфонии. Первая трансляция была запланирована на сентябрь, но затем перенесена на май 1934 года.

По свидетельству друзей, навещавших Элгара у него дома, в Ворчестере, было очевидно, что в 1933 году симфония была лишь в виде коротких отрывков, которые композитор переписал из старых черновиков. В октябре, прежде чем лечь на операцию в частную лечебницу в Ворчестере, Элгар отправил письмо председателю BBC сэру Джону Рейту с извинениями за задержку и предложением вернуть выплаченные деньги, если работа не продвинется. К тому времени Элгар уже получил 2000 фунтов. После его смерти администрация BBC, зная, что он почти ничего не оставил своей дочери, не потребовала вернуть деньги.

Долгие годы Элгар страдал от люмбаго. В 1933 году был поставлен диагноз «ишиас», а после консультации лечащего врача с известным специалистом лордом Хорде-ром поставили окончательный диагноз «злокачественная опухоль седалищного нерва». Была необходима операция, но Элгар все более слабел. Однажды, прежде чем его состояние ухудшилось, он стал умолять своего близкого друга У. Х. Рида не позволять «кому-либо доделывать симфонию на скорую руку...», потому что никто не

сможет разобраться в написанном... «Лучше ее сжечь». Это было сказано в присутствии единственной дочери умирающего, Карие Блейк. Дочь и друг композитора были ошеломлены его требованием, но обещали не уничтожить черновики симфонии, дав слово следить за тем, чтобы никто не брался ее завершать.

Неожиданно состояние Элгара улучшилось, и Новый год он встретил дома, а 22 января 1934 года даже попросил установить телефонную связь с лондонской студией грамзаписи, где исполнялись отрывки из его кантаты «Карак-такус» (1898).

В жизни и работах Элгара хватало загадок: две загадки содержались в его «Вариациях»', необычным было посвящение к Концерту для скрипки, написанное на испанском языке: «Здесь заключена душа...». Непонятным остается его согласие на предложение BBC. Еще одну загадку композитора после его смерти пытался разгадать музыковед Эрнст Ньюман, посетивший композитора в начале февраля 1934 года. Много лет спустя Ньюман рассказал, что Элгар сделал «печальное признание», состоящее всего из пяти слов, но «представление, которое оно давало о нем, таково, что я предпочту сохранить его в секрете. Его слова слишком трагичны для ушей толпы». Неизвестно, какие это были слова, может быть, это был бред Элгара.

В последние дни наибольшее удовольствие Элгару доставлял фонограф. В конце двадцатых годов электрическая запись пришла на смену старому акустическому методу, при этом качество воспроизведения звуков значительно возросло. 28 января 1934 года Элгар, не вставая с постели, записал музыку своей пьесы «Мина», которую он посвятил любимой собаке. Один из приятелей композитора отправился в Лондон, и через две недели Элгар мог не только проигрывать пластинку в своей спальне, но и вставал, чтобы делать критический разбор исполнения.

Элгар умер утром 23 февраля 1934 года. Предполагалось, что похоронные церемонии пройдут в Вестминстерском аббатстве, но сложилось иначе. Умерший никогда не афишировал своей веры и, по утверждению миссис Блейк, «всегда подчеркивал свое желание не проводить похоронной службы». Не посоветовавшись с семьей, мэр Ворчестера устроил поминальную службу в местном соборе. Реквием по умершему исполнили 26 февраля в церкви Св. Георга в Ворчестере, где когда-то на органе играли Элгар и его отец. Затем композитор был погребен рядом с леди Элис Элгар на кладбище католической церкви, в пятнадцати милях южнее Ворчестера.

В течение многих лет наброски третьей симфонии Элгара пытались аранжировать для фортепиано, но все усилия пропали даром, отчасти потому, что сочли неэтичным нарушать волю

композитора, отчасти вследствие чрезмерной фрагментарности произведения. В 1980 году бывший глава отдела музыкального искусства BBC Хамфри Бартон заявил: «Что бы Элгар ни говорил BBC, его третья симфония была не завершена».

См. Майкл Де-Ла-Ной (1983).

Элиот Джордж (Eliot George)

(1819-1880)

Мэри Энн Эванс была англичанкой, которая твердо знала, что ей нужно. Она была воспитана на Евангелии, но сменила его на вольный образ мыслей и отправилась в Лондон попытать счастья.

Проработав восемь лет редактором в «Манчестер ревю», Мэри Энн опубликовала роман «Адам Бид» (1859) под мужским псевдонимом Джордж Элиот. В этом и последующих произведениях «Мельница на Флоссе» (1860) и «Сайлес Марнер» (1861) она рисует сельскую жизнь родного Уорвик-шира, разоблачая ее лицемерную мораль.

Пренебрегая условностями, писательница жила с философом и критиком Джорджем Генри Льюисом (1817— 1878) с 1854 года до его смерти. (Простив жене рождение двух внебрачных детей, Льюис не мог, согласно законам того времени, получить развод до рождения третьего ребенка от того же отца.)

Смерть Льюиса в ноябре 1878 года потрясла Элиот. Она целый год носила траур, а затем решила выйти замуж за Джона Кросса, преданного друга Льюиса, который был на двадцать лет моложе ее. Мэри Энн выполнила то, что задумала, и, несмотря на безразличие Кросса к любовным утехам, их брак был освящен 6 мая 1880 года в церкви Св. Георгия в Лондоне.

Медовый месяц в Европе прошел ужасно. Брак с изнуренной работой седовласой женщиной, годившейся ему в матери, приводил Кросса в отчаяние. Обеспокоенная признаками умственного расстройства мужа, Мэри Эванс по прибытии в Венецию обратилась к врачу, рассказав о случаях сумасшествия в семье Кроссов и своих опасениях.

Во время беседы Джон Кросс спрыгнул с балкона отеля в канал. Он отвергал помощь спасателей, но его вытащили. (Причина этой попытки самоубийства не была выяснена до тех пор, пока в 1950 году не вышло семитомное собрание писем Джорджа Элиота под редакцией Гордона С. Хейта.)

Мэри Энн Эванс терпела тяготы несчастного брака почти восемь месяцев. Кроссы прожили какое-то время в загородном доме в Уитли, около Хейслмира, графство Суррей, а затем

переехали в лондонский район Челси. В октябре миссис Кросс стали беспокоить камни в почках, и она слегла. Через два месяца, 18 декабря, супруги отправились на субботний концерт.

Мэри Энн простудилась, и ей был поставлен диагноз - ларингит. Сначала полагали, что она поправится, но через несколько дней случился рецидив. Доктор прописал питье и яйцо, взбитое с коньяком. Пациентка жаловалась на боль в. правой почке. Ранним утром 22 октября доктор Эндрю Кларк нашел больную лежащей на спине с закрытыми глазами, пульс был редким, а дыхание — слабым. В истории болезни он записал: «Под стетоскопом прослушиваются громкие хрипы».

За несколько часов до смерти, 22 декабря 1880 года, Мэри прошептала Джону Кроссу: «Скажи им, что у меня очень болит слева». Медицинское заключение гласило: «Простуда спустилась к околосердечной сумке и вызвала остановку сердца». Итак, Джордж Элиот умерла от перикардита, т. е. воспаления околосердечной сумки.

Похороны состоялись после Рождества. Друзья настаивали на погребении в утолке поэтов Вестминстерского аббатства, но его настоятель отклонил их просьбы. Влиятельный Т. Г. Хаксли, к мнению которого прислушивались, писал: «Джордж Элиот не только великий писатель, она женщина, жизнь и воззрения которой находились в полном противоречии с христианским обрядом брака и догмами христианского учения...»

Джордж Элиот похоронили на неосвященном участке Хайгетского кладбища в северном районе Лондона после простой службы в часовне. После тщательного отбора и редактирования написанного женой Кросс смог в 1885 году опубликовать «отчет» о ее жизни, из которого были исключены все малопривлекательные и спорные моменты. Кросс умер в 1924 году.

См. Ина Тейлор (1989).

Элиот Томас Стернз (Eliot Thomas Stearns)

(1888-1965)

Признанный многими величайшим поэтом своего поколения, Т. С. Элиот также был влиятельным критиком и редактором. Он родился в Сент-Луисе, шт. Миссури, но в 1914 году переехал в Лондон и в 1928 году, через год после принятия баптистской веры, стал гражданином Великобритании.

Женитьба Элиота в 1915 году на Вивиан Хай-Вуд стала трагедией для обоих. Друзья, которые знали о развитии семейных

отношений в течение восемнадцати лет их совместной жизни, видели отчаяние Вивиан, вызванное тем, что муж не интересовался ею и не скрывал раздражения по поводу состояния ее здоровья. Вивиан болела физически и духовно, а Элиот не мог ничем ей помочь. Том Элиот был католиком и придерживался строгих принципов, обладал «неуемным сарказмом» (по выражению его друга) и острым умом. Когда Вивиан умерла в лондонском приюте для душевнобольных в январе 1947 года, через четырнадцать лет после развода, Элиот был безутешен.

Вторая жена Элиота Валери Флетчер увлекалась его поэзией, еще будучи четырнадцатилетней йоркширской школьницей. Она стала его секретарем в офисе лондонской организации издателей «Фабер и Фабер», не предполагая, что ее отношения с мужем на работе будут очень официальными и ей придется называть его «мистер Элиот». Когда они поженились в англиканской церкви Кенсингтона в январе 1957 года, ей было тридцать лет, а ему шестьдесят девять. У Элиота был хронический бронхит и эмфизема легких, обострившаяся вследствие курения. Кроме того, у него была врожденная грыжа. Женившись, поэт забыл о своей болезни.

Элиоты часто уезжали из Лондона зимой в Северную Африку, на Ямайку или Бермуды; а периодические поездки Тома с лекциями в Америку давали им дополнительный доход. Во время последнего пребывания в Америке в ноябре 1963 года, когда Элиот побывал в родном Сент-Луисе и отобедал с композитором Стравинским в Нью-Йорке, он уже был сгорбленным, а его лицо стало серым и морщинистым. В октябре 1964 года у поэта случился удар, парализовавший левую половину тела, и Элиот поступил в госпиталь в коматозном состоянии. Позже, однако, ему было позволено вернуться домой. «Ура!» — несколько раз воскликнул Элиот, когда его перенесли через порог. Слишком слабый, чтобы принимать твердую пищу, подолгу вынужденный носить кислородную маску, Элиот просиживал ежедневно по два часа в кресле на колесиках у камина, Валери читала вслух или играла на фортепьяно. К рождеству его состояние улучшилось, но через какое-то время сердце стало сдавать. Элиот впал в кому, очнулся лишь однажды, чтобы произнести имя жены. 4 января 1965 года Томас Элиот скончался.

Биограф поэта Питер Экройд написал о нем: «Он был странным, скрытным, часто смущавшимся человеком, который вырос в личность, имевшую огромное влияние».

Ю

Юнг Карл Густав (Jung Karl Gustav)

(1875-1961)

Швейцарский психолог, основатель «аналитической психологии», делящей людей на экстравертов и интровертов, разошелся с Зигмундом Фрейдом в 1912 году из-за разногласий о роли либидо как основы неврозов.

По свидетельству друга Юнга, писателя Лоуренса ван дер Поста, последние годы знаменитого психолога прошли в религиозном поиске, хотя многие оценивают это как научную работу. Сны и видения имели для него огромное значение. Когда ему было семьдесят, он писал приятелю: «Смерть — тягчайшая вещь... до тех пор, пока мы вне ее. Но как только попадаешь внутрь, чувствуешь такую завершенность и умиротворенность, что не хочешь возвращаться». Эти слова были написаны через год после того, как в феврале 1944 года Юнг сломал ногу во время экскурсии. Находясь в больнице, психолог перенес сердечный приступ, после которого несколько недель находился между жизнью и смертью. Именно тогда он видел себя в космосе и земля представлялась ему лишь маленьким шариком где-то внизу.

В ноябре 1955 года, после пятидесяти двух лет совместной жизни, умерла жена Юнга, Эмма, и эта утрата совершенно опустошила его. Последние шесть лет за Юнгом преданно ухаживала некая Рут Бейли. До самого последнего дня он был перегружен работой. Автобиография, которую записывал Юнг с помощью секретаря, отнимала очень много времени, а корреспонденция выросла настолько, что иногда ему приходилось прятать связки приходящих писем за книжные полки.

10 мая 1961 года приехавший из Чили Мигуэль Серрано застал Юнга лежащим в постели. Юнг читал книгу, написанную китайским буддистом, и поведал своему гостю, что «чувствует, как будто они говорят об одном и том же, но оперируют разными понятиями». После поездки на природу 17 мая произошла закупорка сосудов мозга, и с того времени читать Юнгу должна была миссис Бейли. Случившийся 30 мая удар парализовал Юнга. Рут Бейли рассказывала, что за два дня до смерти он видел удивительный сон. «Теперь я знаю почти всю правду, кроме одной маленькой детали, — сказал он Рут Бейли. — Когда я узнаю и ее, то буду уже мертвым».

Юнг умер около четырех часов дня на следующий день в

своем доме в деревне Кюшнахт на западном берегу Цюрихского озера. В тот день ван дер Пост плыл в Европу из Западной Африки и после рассказывал, что в момент смерти друга ему было видение. Несколько дней до этого он страдал бессонницей, но тогда, засыпая, он вдруг очутился в долине «среди отвесных, покрытых снегом вершин... неожиданно в дальнем конце долины... появился Юнг. Он простоял там недолго, такой, каким я видел его несколькими неделями раньше около калитки собственного сада, потом помахал мне рукой и произнес: «Увидимся». После этого ван дер Пост погрузился в спокойный восемнадцатичасовой сон. О смерти Юнга он узнал лишь на следующий день из сводки телеграфных новостей.

После службы в деревенской церкви Карла Густава Юнга похоронили на кюшнахтском кладбище. На прямоугольном надгробии выбиты имена его родителей, сестры Гертруды, жены Эммы и самого Юнга.

См. Герхард Вер (1987).

notes

Примечания

1

Жена Гесса. — Прим. авт.

2

Возможно два написания имени: Jonson и Johnson. Сам поэт писал свое имя Jonson, а на памятной доске было высечено «Johnson». —Прим. пер.